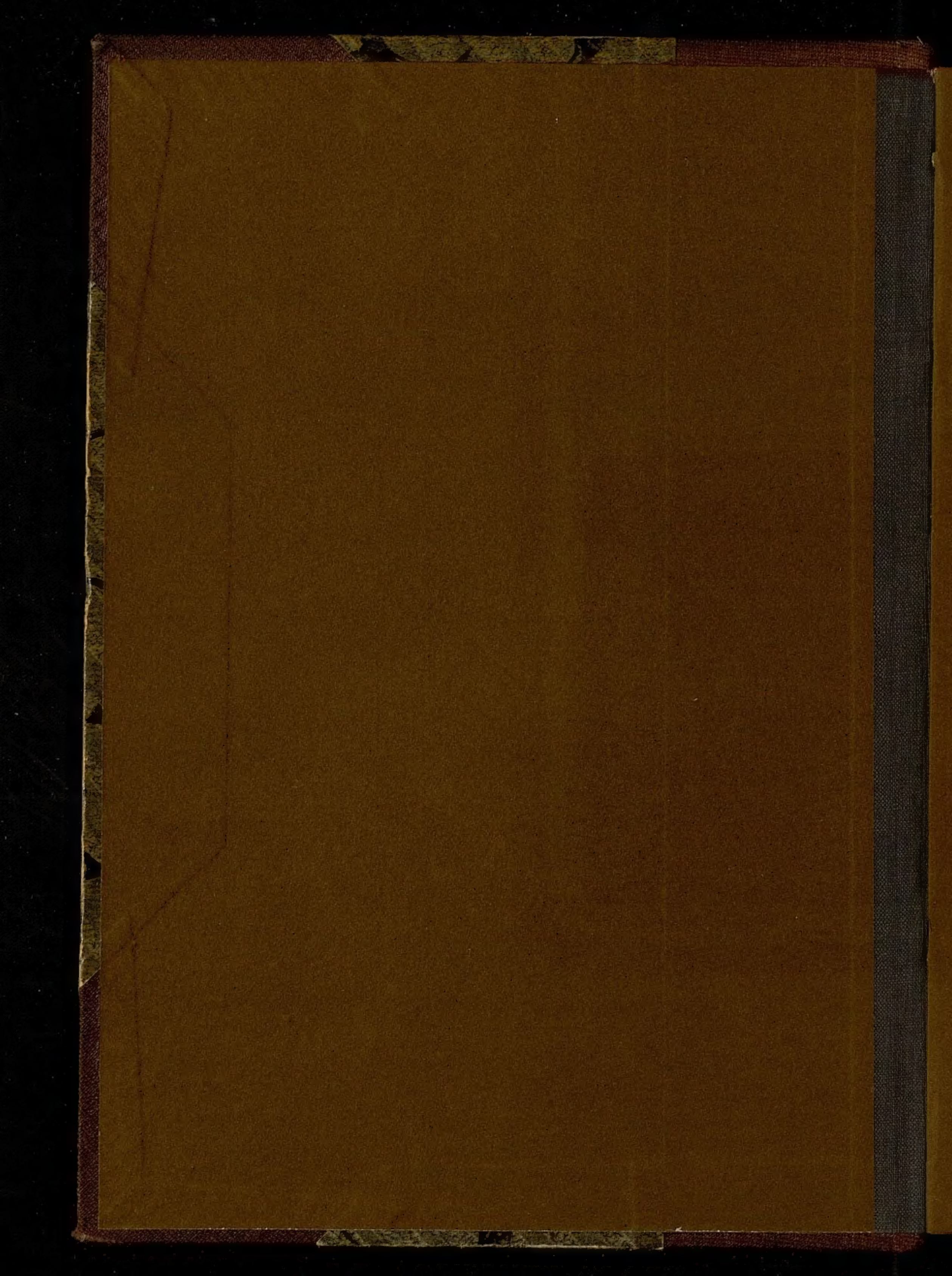
Стучка

15 лет борьбы за revол. марксист. теорию права

П. СТУЧКА

13 ЛЕТ БОРЬБЫ ЗА РЕВОЛЮЦИОННО-МАРКСИСТСКУЮ ТЕОРИЮ ПРАВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1931

П. СТУЧКА

13 ЛЕТ БОРЬБЫ ЗА РЕВОЛЮЦИОННО-МАРКСИСТСКУЮ ТЕОРИЮ ПРАВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
1917 — 1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1931

Главлит № 72349 Тираж 8070—14½ л. Заказ 3080.

Государств. типография имени Евгении Соколовой, Ленинград, просп. Красных Командиров, 29.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Товарищи предлагали мне неоднократно разрешить издание сборника моих статей по правовым вопросам за время с Октябрьской революции. Я долго колебался. Для того, чтобы они принесли действительную пользу, их надо было бы снабдить комментариями по объему не меньше самого сборника статей, вернее — написать целую историю революции права, а это мне, при нынешней перегрузке работой, не по силам. Но вместе с тем для того, чтобы товарищи, особенно молодежь, на которую я всегда ориентировался в своей работе, могли составить себе действительно революционно-диалектический взгляд на эту историю, необходимо дать фактический материал, а наша теоретическая литература по правовым вопросам настолько бедна, что целые годы работы представлены отдельными статейками. Я неоднократно констатировал, что жизнь и практика в правовых вопросах шли впереди теории.

Одновременно такой сборник представляет вид самой суровой самокритики[1]. Тот теоретический багаж, которым мы обладали в начале и за весь первый период эпохи, ныне кажется настолько бедным и отсталым, что он у самих авторов вызывает ныне улыбку жалости. Как например, можно указать хотя бы на следующее. Когда-то, в 1918 г. идеи Реннера казались глубоко марксистскими, могущими служить базою для коммунистического мировоззрения. А идеи Дюги, Гедемана и т. д. в изложении Гойхбарга считались руководящими. Ныне мы вскрыли их контрреволюционный, по крайней мере, антиреволюционный характер. Мне самому пришлось с 1917 г. на этом фронте, за исключением перерыва в два года, играть исключительную роль, и мои редкие статьи были в течение многих лет революции единственным материалом по революционной теории права. Поэтому по этим статьям можно проследить историю развития наших взглядов на право. Я решительно восстал против предложения исправления отдельных мест и слов, за исключением явных описек и опечаток, не потому, что я не признаю наличия в этих статьях ряда ошибочных утверждений с точки зрения нынешних установок, но потому, что подобные исправления были бы ненужной фальсификацией истории и лишили бы читателя возможности по этим слабым местам проследить наш рост и развитие. Это лишило бы возможности правильно оценить диалектику нашего развития именно по этапам и уяснить, что утверждения, высказанные в обстановке одного периода, не могут быть механически целиком перенесены на условия и обстановку нового уже этапа. Иной взгляд на наше развитие с отвлечением от исторических этапов, определявших это развитие, был бы буржуазно-юридическим, формально-логическим, а не революционно-диалектическим.

Мы отмечаем три этапа развития государственно-правовых вопросов: во-первых, работа Ленина «Государство и Революция» — Октябрьская революция; во-вторых, декрет о суде, и лишь начиная с моей «Революционной роли права и т. д.» и работы т. Пашуканиса «Общая теория права и мар-

---

[1]) На наших ошибках мы должны учиться, учил нас Ленин. Только такой вид самокритики имеет серьезный смысл. П. Ст.

ксизм» идет революция в теории права. Я эти три этапа неоднократно характеризовал словами:

«Социал-демократы, давно уже сознавая классовый характер буржуазного государства, буржуазному классовому государству противопоставляли бесклассовую социальную демократию. Они десятками лет разоблачали классовую юстицию буржуазии, не говоря уже о феодальной, но они и поныне противопоставляют ей «демократический» или, как последняя программа германских с.-д. ее называет, социалистический, «независимый, сверхклассовый» суд. Классовый характер «диктатуры пролетариата» вскрыли почти одновременно тов. Ленин — в теории («Государство и Революция») и Октябрьская революция 1917 г. — на деле. Дальнейший ход этой революции выдвинул и лозунг классового пролетарского суда переходного периода. О классовом праве впервые робко заявили отдельные коммунисты в 1918 г., дав теоретическое определение ему в Наркомюсте впервые в 1919 г. (см. «Собр. Узак.» 1919 г. № 66, ст. 590) в известных «Руководящих началах» по уголовному праву. Еще поныне оспаривает этот классовый характер права кое-кто даже из коммунистов, но зато уже признают его и отдельные буржуазные профессора. Но классовый характер права должны признать все коммунисты и всякая пролетарская революция.

В сборнике статей я наметил новое разделение на этапы. Во-первых, я включил единственную революционную статью по правовым вопросам за весь период буржуазной революции 1917 г., представляющую собою почти только перепечатку слов К. Маркса пред Кельнским судом присяжных (из плохого перевода цензурного экземпляра дореволюционных времен). Слова эти повторяются неоднократно. Дальше идет разрушительная работа — упразднение буржуазного суда — по декрету о суде с довольно бледными, по нынешним понятиям, статьями в «Правде». Третий этап открывается моей работой о роли права. Я даю из нее перепечатку двух глав, ибо книга без переработки устарела и перепечатываться не будет. Наступает нэп с Гражданским и Уголовным кодексами; XIV съезд и социалистическое строительство на базе нэп'а. Затем уже — книга т. Пашуканиса и журнал «Революция права». И, наконец, «год перелома» и проведение в жизнь завоеваний революции права.

Многие статьи приходится оставить ненапечатанными во избежание чрезмерного повторения. Кое-где повторения пропускаются, и статьи печатаются в «куцом» виде. Все это — недостатки, но они неизбежны. Я смотрю на сборник весьма скромно; его издание можно назвать в известной мере неизбежным. Только борьба против такой крепости, как «юридическое или буржуазное мировоззрение», объясняет столь медленные успехи. Зато это — последняя крепость, ее последние окопы, возведенные нами же. Своды кодексов и законов. Последний лозунг этой борьбы: революционный закон — революционная законность на службу дальнейшего социалистического наступления и строительства.

Июль 1930 г.

П. Стучка.

I. ДО ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА.

НА ПОЧВЕ ЗАКОНА ИЛИ НА ПОЧВЕ РЕВОЛЮЦИИ?

Министр юстиции Керенский при вступлении в должность, по газетным сведениям, в первую очередь напомнил чинам своего ведомства, что он требует от них соблюдения строгой законности. Одним из первых декретов Временного правительства был декрет, изменяющий известную статью 29-ю «Устава о наказаниях», усиливающий наказание с 25 р. до 6 мес. тюрьмы за неисполнение законных распоряжений, требований и постановлений правительственных властей, а равно земских и общественных учреждений (неизвестно, старых ли — «законных» или новых «самочинных»). В манифесте обновленного Временного правительства мы находим обещание энергичных мер против «неправомерных» действий. Когда произносится очередное слово о «самоуправных действиях нашей революции, то наши революционные юристы, безразлично, в штатском ли они или в солдатских шинелях, не могут отрешиться от привычного им понятия «самовольных, самочинных действий в целях осуществления мнимого права». А если кто решится высказать сомнения по поводу самого понятия «законности» в революционную эпоху или указать на то, что суть революции именно и заключается в «захватном праве», то он может быть уверен, что попадет в разряд «анархистов».

При этом забывают, что с таким же правом в анархисты придется зачислить и Карла Маркса за его защитительную речь пред судом присяжных 9 февраля 1849 г. в Кельне. И не поможет ему и то обстоятельство, что присяжные — обыкновенные обыватели, а не «товарищи-марксисты» — не только его оправдали, но еще и поблагодарили его за поучительную его речь.

А развил он в своей речи именно ту мысль, что он той «почве законности», на которую опираются обвинения, противопоставляет свою «почву революции». «Что же вы понимаете, говоря о соблюдении почвы законности? Соблюдение законов [1]), относящихся к пережитой уже общественной эпохе, созданных представителями отживших или отживающих свой век общественных интересов и более не соответствующих всеобщим потребностям. Но общество не покоится на законе, это только юридическая фикция. Напротив, закон должен опираться на общество, должен быть выражением общих интересов и потребностей, вытекающих из данного способа производства, — против произвола отдельных лиц. Как только закон более не соответствует общественным отношениям данной эпохи, он превращается в простой клочок бумаги. Вы не можете старые законы положить в основание нового общественного развития, также как и эти старые законы не создали прежних условий законности. Старые законы возникли из прежних отношений и вместе с ним они должны и погибнуть».

[1]) Цитата была взята тогда из дореволюционного цензурного издания. Перевод чрезвычайно неудовлетворителен. Новый перевод — см. сборник Разумовского, изд. Комм. Ак., стр. 155.

«Соблюдение почвы законности стремится превратить в господствующие такие сепаратные интересы, которые более не господствуют; оно хочет навязать обществу законы, уже осужденные к гибели как вследствие условий жизни данного общества, так и способа его существования, сообщения и материального производства. Оно ежеминутно вступает в противоречие с существующими потребностями, оно задерживает развитие способов сообщения и промышленности, оно подготовляет общественные кризисы, выражающиеся именно в политических революциях. Вот в чем настоящее значение привязанности к почве законности и отстаивания этой почвы законности».

Более, чем 60-летняя давность не лишила этих слов их жизненного интереса и для нас, ибо нигде, кажется, революционные деятели не путались так отчаянно в понятиях законности, как именно у нас. Начать хотя бы с тех розысков в старых и новых уложениях статей, подходящих для осуждения низложенного царя и арестованных его приспешников. И только ныне как будто склоняются к мысли об издании против них особого декрета с обратною силою. А между тем в той же речи 1849 г. К. Маркс коснулся и этого вопроса. «Совершивший удачно революцию может повесить своих противников, а не судить их. Возможно устранить их как побежденных врагов, но нельзя их судить, как преступников. После совершившейся революции или контрреволюции нельзя применять упраздненные законы против сторонников этих законов. Это было бы малодушным лицемерием». А сколько времени тратилось и еще тратится у нас именно на отыскание статей и преступлений хотя бы для жалких арестованных сыщиков и провокаторов. Дошли даже до мысли применения к ним ст. 102 Угол. Ул. и пр. и пр., кстати все еще не отмененной.

Лишь через неделю после своего рождения Временное правительство открыло (в акте о Финляндии), что оно революционным путем обладает всею полнотою власти, а до тех пор оно свои права выводило или из назначения кн. Львова председателем Совета министров, отстраненного Николаем II еще до его отречения, или из авторитета Комитета 4 Государственной думы, этого незаконнейшего из всех незаконных учреждений. Ибо всем памятно незаконное происхождение закона 3 июня 1907 г., даже с точки зрения самого непридирчивого законника. А между тем этот пережиток старого режима не только не расходится, а продолжает существовать на счет Государственного казначейства, спокойно, хотя и «незаконно» выплачивающего диэты членам бывшей 4 Думы.

Поэтому еще и еще раз мы повторяем слова К. Маркса: «Мы должны стоять не на почве законности, а стать на почву революции».

(Это — единственная статья по вопросам права, написанная в революционном духе и напечатанная до Октябрьской революции: см. «Правда» от 24 мая 1917 г.).

II. БОРЬБА ЗА РАЗРУШЕНИЕ БУРЖУАЗНОГО ПРАВА И СУДА

1. СТАРЫЙ И НОВЫЙ СУД.

I.

Наша контр-революционная печать все еще не может успокоиться по поводу декрета Совета народных комиссаров о суде. За отсутствием серьезных доводов против декрета прибегают к обычным сплетням и клевете или просто издеваются над фамилиею автора декрета, как будто бы подобные приемы полемики против автора могли опорочить самое содержание декрета. По существу же проявляют полное незнакомство с делом и часто пускаются в догадки и предположения о содержании нового закона вместо того, чтобы просто прочесть коротенький декрет из 8 пунктов.

Больше всего озлобления вызывает упразднение декретом почтенного института Правительственного сената. Много потратила в свое время буржуазная печать чернил и бумаги для уничтожающей критики этого же Сената и как органа суда, и как органа надзора, как против отдельных его департаментов, так и против всего учреждения в целом. Но буржуазная критика не коснулась классового характера этого института. Для пролетарской же и крестьянской революции эта сторона вопроса играла первую роль.

В самом деле, суд, вслед за постоянным войском и бюрократическою полициею, являлся наиболее надежною защитою буржуазно-помещичьего строя. Под видом мнимой защиты правды и справедливости якобы независимая судебная власть буржуазного государства являлась самою надежною охраною капиталистического строя и интересов имущих классов. Не только потому, что эти судьи являлись прямыми агентами государства и государственной власти, как орудия порабощения угнетенных классов, но и потому, что они по своему классовому положению принадлежали к классу угнетателей. Они как правду и справедливость, так и свободу и равенство понимают так, как это подсказывают интересы их класса. Так, например, тот же «стоящий вне политики» Сенат, который после буржуазной революции 27-го февраля с. г. тотчас же санкционировал новую революционную власть, как вполне законную, после Пролетарско-крестьянской революции 25-го октября открыто объявил эту революцию гнусным преступлением. На другой день после первой революции наши суды уже произносили решения не именем свергнутого царского, а нового: «По указу Временного правительства», а после второй революции — они в течение целого месяца продолжали творить суд именем того же низложенного Временного правительства. И даже самая совершенная форма нашего дореволюционного суда — суд присяжных заседателей — в составе Невского проспекта безусловно оправдал бы Корнилова, а засудил бы большевиков. Известны же нам решения буржуазных присяжных заседателей в Англии (против Маклина и других) и в других западно-европейских странах. Неизбежно это вытекает из самого классового состава суда и присяжных заседателей старого строя.

Пролетарская революция, захватив в свои руки постоянное войско и разрушив его основания, поставила на место буржуазной полиции — милиции свою крупную гвардию или демократическую милицию. Могла ли она

остановиться перед твердынею судебной власти, которая демонстративно продолжала держать в своих лапах революционеров 3—5 июля или просто игнорировала события 25 октября? Но вековая буржуазная идеология упорно властвовала над умами даже наших революционеров. Понятия буржуазной правды и справедливости переживают свои реальные основы и вносят не мало путаницы в речи и даже действия верных в остальном революционеров. Вот почему в первый момент предложение ломки всего старого здания классового суда вызвало сомнения даже в головах некоторых весьма лево настроенных товарищей и, как ни странно, — главным образом, в рядах теоретиков. В самом деле, с трудом верится, что первоначально проект декрета о суде вызвал больше сомнений и объединил против себя больше голосов, чем такой, крайне решительный шаг, как ломка всего банковского дела. Недаром говорилось в течение столетий о «храме правосудия».

Для меня с первого дня революции не было сомнений в том, что только на развалинах этого храма буржуазной справедливости нам удастся возвести здание социалистической справедливости, более скромное по своему внешнему виду, но бесконечно более прочное по своему содержанию. Возражения о том, что прежде всего необходимо создать новый кодекс, новую книгу справедливости для нового суда, основываются на чисто-механическом взгляде на характер правовых взаимоотношений людей. А надежды на постепенное превращение старого классового суда в суд истинно демократический основаны на типичных иллюзиях реформизма. Ибо революционное право не есть простая реформа прежнего порядка, а царско-буржуазный классовый суд не может простою переменою личного состава превратиться в истинно-народный, справедливый суд.

Мои оппоненты, прежде всего, согласились со мною в том, что надо сломать верх здания — Сенат, но возражали против уничтожения низов. Как будто бы сломка крыши не сделала бы негодным для пользования все здание. В государстве, в котором высший надзор за всем судебным аппаратом сосредоточен в одном центре, упразднение этого центра, естественно, останавливает все производство. Оставляя же без изменения верхи, мы уничтожаем всякую плодотворную деятельность низов, хотя бы идеально перестроенных. Главное же опасение, что остановка на известный промежуток времени судебного аппарата вызовет полное расстройство экономической жизни, доказывает только незнакомство с волокитою нашего прежнего судебного порядка, в котором остановка на месяц и на два является совершенно незаметным антрактом, который обезврежен приостановлением течения всех сроков, считая с 25-го октября с. г.

Мы отнюдь не упускаем из виду того общеизвестного возражения, что образованных юристов у нас немного, почему нам придется считаться с вопросом о забастовке наших юристов-специалистов. Но мы на это отвечаем, что только решительная ломка всего старого здания может произвести перелом в умах такого консервативного «сословия», как юристы, и заставить их подумать о том, что и они должны существовать для народа, а не народ для них.

Я лично вовсе не ставил вопроса о негодности всего личного состава судебного ведомства. Я охотно признаю присутствие и в Сенате и в прочих инстанциях способных и искренне преданных своему делу специалистов, но, во-первых, они потонут в массе ставленников Щегловитовых, а во-вторых, в организации классового суда, по своим взглядам, неминуемо всегда будут на стороне имущих классов. Только перелом в их взглядах, как и во взглядах прочей интеллигенции, может превратить их в верных творцов нового порядка, а не только принужденных слуг нового режима [1]). Достигнута ли эта наша цель? Еще нет, но — рано еще судить

---

[1]) Дальнейший ход событий показал, что превращение старого буржуазного юриста в советского — вещь невозможная.

о результатах, когда самая ломка не доведена до конца и многие еще не верят в гибель таких «славных» вековых учреждений, как наш Правительствующий сенат. Многим все еще кажется, что деятельность Сената и всего прочего судебного аппарата только приостановлена. А Сенат сам верно отметил, что «Сенат приостановить нельзя, его можно только упразднить». В свое окончательное упразднение он, повидимому, еще не верит, ибо в газетах появились даже слухи о финансировании Сената каким-то американским банком и, может быть, мы еще услышим о подпольной деятельности нашего упраздненного верховного судилища.

Часть наших критиков нам прощает упразднение бюрократического Сената, но не хочет простить закрытие выборного мирового суда. Но я спросил бы, много ли перемен внесла в личный состав нашего мирового суда, например, в Петрограде, новая городская дума. Не остались ли, напротив, на местах все старые судьи стародумского происхождения? Ведь, характерно то, что по Петрограду ни один из прежних «выборных» судей не считал своим долгом после 25 октября стать на сторону Рабочей и Крестьянской революции!

Остается еще упрек за уничтожение свободной профессии адвокатуры. Я, опять таки, никогда не говорил о «прогнившей адвокатуре» вообще и никогда не скажу, чтобы наша адвокатура стояла на более низком уровне, чем в других странах. Я не буду останавливаться здесь и на естественном консерватизме профессиональных юристов вообще и адвокатов в особенности. Но разве было бы терпимо в будущем строе то взаимное отношение между адвокатурою и магистратурою (судейским составом), какое существовало в прежнее время? В то время, когда происходит демократизация всего строя, ведущая к уравнению крупных и мелких доходов, уже по этой одной причине нельзя было оставить нетронутым это привилегированное сословие. Но своим дальнейшим поведением и адвокатура объявила себя, почти без исключения, классовым врагом Рабочего и Крестьянского Правительства.

Таков был старый строй, который мы отчасти уже сломали, отчасти только что ломаем. Но мы не только ломаем, мы тут же и строим, и хотя мы и строим по принципам, бесспорным в программах всех социалистов, именно со стороны наших социалистов раздаются за это наиболее незаслуженные упреки.

II.

Когда мы внесли декрет о суде, то в первую очередь нам был поставлен вопрос: а по каким законам будут судить революционные суды? Нас убеждали в том, что, прежде всего, необходимо создать новое революционное материальное право как гражданское, так и уголовное, которым мог бы руководствоваться новый суд. А до тех пор? Судить в старом суде и по старым законам?

Я уже отметил, что подобные рассуждения отличаются чисто механическим взглядом на право, как на произвольно издаваемый закон, а не как на надстройку, естественно вырастающую из существующих и изменяющихся экономических и социальных отношений. Если уже в нормальное время этот писаный закон далеко не охватывает всех существующих правовых отношений и весьма часто лишь очень неверно отражает действительное право, т.-е. право, «сознаваемое» и на деле осуществляемое живыми людьми, то смешно было бы мечтать о непоколебимости писанного закона в момент великого переворота. Говорить о неотмененном писаном гражданском, т. е. в сущности — буржуазном праве в переходный момент к социалистическому строю! Или об обще-обязательном уголовном праве, т. е. праве, охраняющем, прежде всего, правоотношения существующего строя, в момент отхода в вечность всего этого строя!

Но в какой ужас приходили не только наши мнимые социалисты, но даже кое-кто из наших друзей, прочтя п. 5 декрета о суде, о том, что суд

должен руководствоваться писаными законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционному правосознанию или революционной совести народного, т. е. выборного суда! Были и такие возражения, что вообще пользоваться писаными законами свергнутого режима — нереволюционно, и в этом возражении много правды. Только, к сожалению, самый народ в своем правосознании даже слишком придерживается писаного закона, «переходящего — по словам Гете — подобно вечной болезни к потомству». Но, главным образом, обрушились на нас с другой стороны, обвиняя нас прямо в анархизме и многих других грехах. Теперь уже свыклись с нашею формулою и даже в рядах первоначальных противников ее слышно признание, что «не по писаным законам и не по утвержденным законам революция карает и милует ненавистников своих».

С первых дней революции 1917 г., еще в марте и позже, мне неоднократно приходилось возражать против сознательного или невольного лицемерия тех революционеров, которые привыкли говорить о строгой законности в самый разгар революции. Я помню тех кадетских или еще более правых писателей, которые самочинные революционные акты отождествляют с преступлением; они вполне откровенны и признают свергнутое ныне Временное правительство лишь постольку, поскольку оно получило санкцию от высочайшей власти, т. е. от Николая и Михаила. Я подобную ссылку вижу в лежащем предо мною высокоторжественном указе упраздненного ныне «Правительствующего сената». Но я полагаю, что даже самый умеренный социалист признает явную контрреволюционность подобного взгляда.

Когда я в свое время привел слова К. Маркса из знаменитой его речи пред присяжными заседателями в Кельне в 1849 г., сперва без указания автора, то мои оппоненты прямо заявили, что это, повидимому, изречение анархиста. Оказалось, что Маркс в 1849 г. убедил буржуазных присяжных заседателей, которые его не только оправдали, но еще и поблагодарили за поучительную речь. Но он не имел успеха пред своими «учениками» в России в 1917 г. Я позволю себе повторить отрывок из этой цитаты: «Вот этот кодекс Наполеона (французское гражданское право, которое действовало в 1848 г. и в Кельне), который я держу в своих руках, не создал современного буржуазного строя. Буржуазный строй, возникший в восемнадцатом столетии и развивавшийся все дальше и дальше в девятнадцатом, нашел в нем только свое юридическое выражение. *И он представляет собой не более, чем простую кипу бумаги, раз он перестает удовлетворять общественным условиям*». (Дальше идет цитата, приведенная в первой статье сборника).

Наш декрет о суде сделал все возможные с нашей точки зрения уступки; он не отрицает целиком писаного закона, но отводит ему подобающее в переходную эпоху место. Он признает писаный закон свергнутых правительств лишь *постольку, поскольку* таковой не отменен революционными декретами или революционным правосознанием народа. Действительно, формулировка эта страдает некоторою шаткостью, но она откровенна и нелицемерна. Она призывает самый народ до окончательного установления нового порядка в каждом случае решать вопросы о том, что остается еще в силе из прежних 16 томов Свода законов и что из них уже окончательно отменено Революциею.

Школа кадетского лидера Петражицкого могла бы обрадоваться тому, что мы встали на ее точку зрения об интуитивном праве, но мы глубоко расходимся с нею в обосновании этой точки зрения. И чтобы дать определенное объективное содержание нашим словам о революционном самосознании и о революционной совести, мы, как более точное определение того, что из старых законов «отменено Революциею», ввели в декрет слова: прежде всего «все, что противоречит программе-минимум с.-д. и

с.-р. партий», т. е. партий, победивших в данной Революции. Эта мысль не моя, но я считаю ее настолько удачною, что берусь ее защищать от всяких критиков[1]). А самое, казалось, авторитетное из всех возражений было то, что между программами обеих партий существуют разногласия, например, — в вопросе о национализации или социализации земли. Это разногласие[2]) однако, играло существенную роль лишь при продолжении капиталистического строя и теряет свою острую форму при переходе к социализму. И за этим разногласием получится достаточно согласных пунктов, дающих кодификации (сводке) революционного права достаточно указаний для уничтожения целых томов прежних законов и для замены их новым писаным или лишь внутренне осознанным правом. Возьмите, например, уничтожение сословий, выборность судей, отделение церкви от государства, полную свободу совести, восьмичасовой рабочий день, конфискацию помещичьего землевладения и т. д. Имеют ли эти требования программы-минимум определенное правовое значение или нет? Едва ли найдется человек, который решится ответить, что нет. Но сделать определенные выводы из факта победы этих лозунгов решила лишь Революция 25 октября.

Задаваясь вопросом о том праве, которое будет осуществляться в нашем новом суде, мы должны были остановиться еще и на вопросе о так называемых политических преступлениях. Мы, марксисты, категорически отвергаем самое понятие политического преступления, но мы отнюдь не отвергаем борьбу против контрреволюции. Поэтому мы, создавая особый революционный трибунал, определенно заявляем, что это не есть суд над политическими преступниками, но он является особою организацией «борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них Революции и ее завоеваний». Те особые приемы, которыми пользуется наша объединенная контрреволюция (от Пуришкевича, Корнилова и Милюкова до Авксентьева и К°), требуя публичного расследования их с участием общественного элемента, ибо гласный разбор этих дел срывает маски с их героев. И сколько ни собиралось блестящих ораторов, чтобы пред этим непризнанным рабочим и крестьянским революционным учреждением срывать аплодисменты праздношатающихся контрреволюционных клакеров из публики, контрреволюционеры своею злою ненавистью к этому трибуналу лучше всего доказывают его революционную целесообразность.

А тем бывшим своим коллегам, которые найдут блестящую свою характеристику в щедринских Балалайкиных, я бы советовал лучше собирать дешевые лавры на этих «защитах» во «дворце Николая Николаевича», чем на обвинениях в подпольных своих «сословных собраниях» против меня и других отсутствующих товарищей, ибо исключить меня за «политические преступления» из сословия бесполезно по двум причинам. Во-первых, с того момента, как я стал Народным комиссаром юстиции, я, по несовместимости, без особого заявления ушел от присяжной адвокатуры, а, во-вторых, исключить меня из отмененного и несуществующего более «сословия», похоже на «взятие за шиворот, которого не оказалось». И если всех этих доводов для них недостаточно, то остается еще одно старое правило: победителей не судят.

---

[1]) Эта формула, как я уже несколько раз писал, принадлежит т. Ленину. Надо помнить, что в это время в Правительстве участвовали и левые эсеры. П. Ст.

[2]) «Поскольку мы остаемся в рамках товарного производства и капитализма, постольку отмена собственности на землю есть национализация земли. Слово «социализация» выражает лишь тенденцию, пожелание, подготовку перехода к социализму». (Ленин, окт. 1918 г., т. XV, стр. 519). П. Ст.

III.

Чем мы предполагаем заменить упраздненный классовый суд? Ответ может быть только один: **выборным народным судом.** И если бы революционный пролетарий и крестьянин имели в своих рядах достаточно специалистов юристов, то вопрос разрешился бы чрезвычайно просто. Но на этом недостатке специалистов обуржуазившаяся интеллигенция и решила дать сражение пролетариату. В одной отрасли за другой эта интеллигенция стала объявлять забастовку, но забастовку не на свои собственные средства, не на свои стачечные фонды, но на фонды буржуазных империалистов, как всегда щедрою рукою поддерживающих все, что умаляло бы силы пролетариата и Пролетарской Революции.

В эту борьбу, которую сознательно вел только кадр специалистов, увлекли и полуинтеллигентную, полупролетарскую массу канцелярских работников — этих париев судебного мира, которые, существуя на нищенские оклады и случайные посторонние подачки, все-таки настолько прониклись атмосферою бюрократического «быта», что на пролетариев смотрели отчасти с завистью, отчасти с ненавистью. Они считали себя умственно выше народных масс, но в действительности мыслили в своем царстве 20-го числа более ограниченно, чем презираемая ими «фабричная чернь». Разница между кругозором «Правды» и кругозором «Новой Руси» или «Живого Слова»!

Я нахожу, что, не взирая на все затруднения, возникающие от подобной забастовки, результаты ее будут весьма благоприятны, ибо разрушат ту плотную стену отчужденности между чиновничьим, например, судебным миром, и так называемой деловой жизнью. Судебное ведомство сразу освободится от массы насажденных сюда разными Муравьевыми и Щегловитовыми неспособных карьеристов наверху, а в низах произойдет то естественное обновление, которое необходимо для будущей великой демократии.

Но перед нами стоит задача немедленно заменить упраздненный суд новым народным судом и исполнение этой задачи уже началось. Местный народный суд, как инстанция низшая и ближайшая к нуждам населения, уже местами выбран и приступил к делу. Он в центрах лишен элемента специалистов, юристы не пожелали выставить своих кандидатур и выборными оказались почти исключительно рабочие и солдаты. Справятся ли они со своею задачею? Повидимому, да. И напрасно издеваются буржуазные ротозеи над отсутствием у этих народных судей специальных познаний. Вникните только на минуту в суть дела! Народному суду приходится обсуждать обыкновенные, обыденные взаимоотношения между людьми. Разве их понимание так трудно и недоступно обыкновенному уму мало-мальски сознательного человека? Плохи, в высшей степени негодны те законы, те правовые нормы, понимание которых доступно только юристу-специалисту. Такое право, как ненародное, явно «противоречит революционному правосознанию народа» и должно быть отвергнуто. А если попадутся к разбору дела специально-буржуазного мира, менее доступного народному суду, то — выход простой: привлечение специалистов, сведущих лиц. Прежде буржуазный судья привлекал сведущих лиц особенно часто по вопросам трудовой, профессиональной жизни, теперь — наоборот. Задача народного суда, таким образом, не является неодолимою и невыгодно для Революции разве только то, что такую массу лучших сил приходится тратить на новую, на первый взгляд менее важную, отрасль общественного труда.

Но пролетариат и трудовое крестьянство после победоносной Революции 25-го октября не могут остановиться перед этой задачею. И новая работа может оказаться такою творческою силою, которую не в состоянии

заменить какие бы то ни было законодательные учреждения. А как бы ни решался вопрос о суде в будущем, те очередные заседатели, как все меняющаяся свежая народная струя, в нем останутся и тогда, когда постоянных судей, может быть, частью заменят примкнувшие к революции профессионалы-специалисты. Мы только подчеркиваем, что в отличие от известных за границею и заимствованных Керенским постоянных заседателей (шеффенов), мы требуем постоянной смены этих заседателей, чтобы суд был действительно народным, т. е. всегда имел теснейшую связь с народною жизнью.

Мы даем в своих указаниях возможно меньше формальных стеснений, чтобы дать простор народному творчеству. Мы сами сознаем, что было бы даже полезно увеличить состав народного суда, но только соображения экономии нам предуказали наименьшее количество судей — обязательную тройку. Но не противоречит ли этому оставление нами в силе способа кассационного обжалования? Как известно, принцип кассации означает отмену данного решения по формальным соображениям и передачу дела на новое рассмотрение другому суду или другому составу суда. Мы ограничиваем этот принцип тем, что предусматриваем отмену решения в том лишь случае, если высшая инстанция признает, что нарушения формы были существенны, но зато прибавляем право отмены, если высшая инстанция признает решение явно несправедливым. Нового решения по существу высший суд не постановляет никогда, но по уголовным делам ему предоставляется смягчение наказания или полное помилование. Второю инстанцией для местного народного суда предусмотрен съезд постоянных судей, «совет народных судей», который разделяется на заседания в составе не менее 3 членов.

Таков местный народный суд по нашему декрету, который ограничивает пока его функции делами ценою до 3.000 рублей и наказанием не свыше 2-х лет лишения свободы. Я говорю «пока», ибо не исключена возможность расширения подсудности народного суда в будущем. Но пока мы готовим проект суда для более сложных дел в виде выборного окружного суда для гражданских дел свыше 3.000 рублей и суд народных заседателей (прежних присяжных заседателей, но только из народа), для важнейших уголовных дел. Остатки буржуазного строя обязывают нас еще создать такой высший суд по возможности из специалистов, хотя мы и убеждены, что это будет только временное явление, ибо крупные гражданские споры все более будут уходить в область преданий и новый выборный окружный суд со временем сольется с местным народным судом, с усилением лишь участвующего народного элемента по важнейшим делам до 6 или даже до 12 очередных заседателей.

Для обжалования решения окружного суда мы создаем особую кассационную инстанцию, выбранную из числа выборных же членов суда, но не в государственном, а только в областном масштабе. Это для нас — вопрос отчасти принципа, отчасти же простой целесообразности. В принципе мы находим лишним существование такого центрального учреждения надзора и такого единого толкователя законов и во всяком случае всеми силами будем бороться против учреждения сената, типа американского, уполномоченного судить даже о конституционности законодательных актов. Практически наш областной суд будет ближе и доступнее как по расстоянию, так и по языку для областей прочих национальностей.

Самые выборы мы временно предоставляем советам и здесь мы опять-таки встречаем принципиальные возражения, но на время революции мы от советских выборов отказаться не можем и все соображения о мнимом нарушении принципа независимости суда мы отвергаем, как неосновательные. Принцип разделения власти для нас, как и в действительной жизни, имеет только значение технического разделения труда. Власть, в данном случае, советская, естественно должна быть единою властью, вклю-

чая в себя и законодательную, и исполнительную и, наконец, судебную. Мы стоим за полное народовластие, но в нашей Республике это народовластие осуществляется только в советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Мы упразднили и старую следственную власть — эту послушную прислугу монопольного казенного обвинителя, старого знакомого прокурора Куролесича. Но самое предварительное следствие мы оставили. Мы только приблизили его к народу и поручили тому же местному народному суду. Мне кажется, что следствие перед народным судьею, знающим местную жизнь, будет более жизненно, чем следствие молодых карьеристов, этих вечно меняющихся «и. д. судебных следователей». А по делам более сложным народный суд властен обратиться к содействию специалистов.

Отвергаем мы и прежнюю монополию государства на роль обвинителя и предоставляем эту роль любому гражданину, который волен преследовать на суде всякое, как частное, так и должностное лицо, в чем-либо провинившееся. Прежнее государство, как орудие угнетения, было заинтересовано исключительно в обвинении. Новому строю чужда подобная тенденция; его более интересует защита, чем обвинение. И если и новое государство обратится к содействию обвинителя, то оно будет искать его в тех же рядах, как и защитника.

Институтом переходного времени является революционный трибунал. Его деятельность зависит от темпа общественного движения. Его роль — первоначально более обличительная, может превратиться в весьма суровокарательную. Контрреволюция сама своими действиями определит степень суровости его репрессий. Трибунал, по смыслу декрета, является учреждением «борьбы против контрреволюционных сил». A la guerre comme à la guerre.

(«Петроградская Правда» 3, 4 и 5 января 1918 г.).

---

2. ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СУД.

«Если хотите иметь хорошие законы, — жгите свои старые и творите новые».

Вольтер.

В буржуазных революциях суд никакой роли не играл. На место прежних судей революция выдвигала новых, но это была только смена лиц: место помещика-феодала занял представитель буржуазии, один угнетатель заменил другого. Изменились некоторые «непоколебимые» формы судопроизводства, но существо суда, как орудия в руках класса меньшинства угнетателей для подавления класса угнетенных, осталось. Взяточник «куроцап» Екатерининского закона был заменен сравнительно честным мировым или членом общего суда по уставам 1864 года, но класс помещиков, как в одном, так и в другом, всегда находил верного защитника своих интересов против «мужика». Через 3—4 дня после буржуазной революции 27-го февраля у нас старый суд, верноподданный, как всегда, с самим сенатом во главе, уже выносит решения от имени Временного правительства. И когда совершилась Пролетарская Революция 25 октября, которая камня на камне не оставила из всего прежнего буржуазного суда, то писатели из профессорской «Свободы России» («Русск. ведомости») в недоумении не нашли иной оценки события, как только слова: «Поместный дворянин заменен пролетарием, только и всего». Они только сами не сознавали, какую в действительности глубокую мысль высказывают подобными словами.

Великая французская революция, как известно, при всей своей решительности, не послушалась полностью слов Вольтера. Она жгла замки фео-

далов и крепостные акты на эти замки, она упраздняла привилегии и их держателей, но старые законы оказались не сожженными и применялись попрежнему. Памятник французской революции «Code civil» Наполеона был написан лишь 10 лет после революции (1804 г.), а устав уголовного судопроизводства и уголовное уложение — ещё позже (1808 и 1810 г.г.). Еще менее заметно по судебному ведомству прошла английская революция: там поныне суд судит в формах дореволюционных, ссылаясь на прецеденты, как по-, так и дореволюционные.

Но если суд по существу в буржуазных революциях изменился лишь немного, лишь персонально, он, в свою очередь, решительно никакой роли не играл в самой революции. Те революционные трибуналы, которые действовали в Великую французскую революцию, в сущности не были судами: их задача была удалить «дурных» граждан и ответ мог быть только: смерть или оправдание. В революционном творчестве суды буржуазной революции участия не принимали.

Иное дело — революция пролетарская. Недолго просуществовала Парижская Коммуна, но она успела «разбить и сломать всю буржуазную государственную машину. Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость; они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми». Но, фактически, Коммуна на этом и остановилась. Она не успела создать пролетарского суда и творческая сила суда в Коммуне равна нулю.

Революция 25 октября продолжала опыт Парижской Коммуны во всероссийском масштабе. Постоянное войско и полиция были уже сломлены до 25 октября. Революция 25 октября своим декретом от 28 октября о переходе всей власти повсеместно к советам принципиально разбила весь аппарат старого чиновничества. Но — только принципиально, а не фактически. Потребовались забастовка и саботаж буржуазного чиновничества, чтобы его разбить и фактически. А суд? Несмотря на то, что старый суд продолжал произносить приговоры от имени Временного правительства всюду, где Пролетарская Революция уже победила, потребовалось много усилий, чтобы убедить товарищей в необходимости упразднить старый суд. Я сказал бы, что в действиях, например, против саботажа чинов продовольственной управы наши революционеры были более решительны, чем против суда. Как раз потому, что суд казался чем-то посторонним, Революция в течение целого месяца допускала, чтобы по сотням камер, в собственном стане провозглашалась открытая, легальная агитация за Временное правительство, против сторонников которого тут же велась вооруженная борьба.

Чрезвычайно интересны материалы, опубликованные нашим Комиссариатом юстиции и показывающие воочию, как повсеместно нарождались снизу новые способы судоговорения. Всякая пролетарская революция начинает с того, что она на деле разбивает теорию Монтескье о разделении властей. Взгляните на Совет рабочих депутатов в Петрограде или на Федеративный комитет в Риге в 1905 году: туда направлялись все не только за законами и правительственными распоряжениями, но и по судебным делам, не исключая гражданских споров. Следственные комиссии при военно-революционных комитетах в 1917 г. были теми же органами всей власти, куда обращались даже по бракоразводным делам. Ясно, что массы с первого же дня революции относились с полным недоверием к старому суду. И еще более наглядно это проявляется на тех попытках создавать свои революционные суды, какие образовались еще в начале ноября 1917 г., как на Выборгской стороне в Петрограде, так и в «Красном» Кронштадте и во многих других местах.

Первоначальный проект декрета № 1 о суде вызвал много возражений даже среди ближайших наших единомышленников. Я помню возражения в первый день оглашения проекта декрета со стороны тов. Луначарского,

который через несколько дней уже превратился в восторженного сторонника нового суда, о чем убедительно говорит его прекрасная передовица в «Правде». Но не все сдались так легко. Многих пугала мысль о том, как быть хотя бы один день без суда. Им далеко было до той решимости, какую предлагает Вольтер: сначала сжечь старые законы, а потом писать новые. Одни из них полагали, что следует сохранить старые законы до написания новых, а новых судей следует выбирать лишь тогда, когда уже будут новые законы. Другие спорили между собою, с чего начать упразднение: с Сената или с низшего суда. Наконец-то, дней через 10, убеждение, что необходимо согласиться с первоначальным проектом декрета и упразднить все без изъятия старые суды, взяло верх. Суды были закрыты и газеты сообщили, что по распоряжению следственной комиссии при Революционном комитете 4-го декабря 1917 г. закрыт и «Правительствующий сенат», который еще накануне хотел выпустить в печати свой указ-прокламацию против большевиков и не выпустил его только потому, что рабочие сенатской типографии, а засим и машинистки Сената отказались от его воспроизведения. Правительствующего сената не стало! И невольно мне вспоминается рассказ Щедрина о своих мыслях после увольнения Помпадура: «Вышел я на улицу и просто даже удивился. Представьте себе, что все стояло на своем месте, как будто ничего и не случилось».

Старые законы были «сожжены». И напрасно из уцелевших в этом пожарище обожженных листочков некоторые из наших революционеров стали кроить «уложения русской революции»[1]), вместо того, чтобы творить действительно новые революционные законы. Пролетарская революция обязывает к творчеству. И в том именно заключается своеобразная роль суда в Пролетарской революции, что он становится творческою силою в создании нового правопорядка. Для каждого из нас понятно, что мы не могли просто предложить суду нового строя судить по старым законам. Были даже возражения против применения писаного закона вообще. И это было на первый взгляд вполне последовательно, раз мы сожгли старые законы. Но, к сожалению, недостаточно сжечь эти вековые кодексы, чтобы их искоренить из памяти и обращения людей. Говоря словами Реннера, «человеческий ум это — надежный склад, в котором каменные скрижали Моисея с его заветами являются столь же действительными фактами, как и всякое новейшее правительственное распоряжение о хлебных карточках, в нем древне-историческое переплетается с современным в единую и равносильную действительность». Просматривая собрание узаконений Рабоче-крестьянского правительства, вы находите там сплошь и рядом ссылки на законы как мирного, так и военного времени, тогда как эти законы сейчас представляют, или, вернее, должны представлять пустое место. Поэтому слова нашего декрета о суде № 1, что новые суды «руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революциею и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию», имели вполне реально-ограничительный смысл.

С другой стороны, нас упрекали в анархических тенденциях именно за отвержение законов прежних правительств. Упрекали нас как раз наши марксисты с правой стороны. Я ответил этим нашим оппонентам следующею цитатою (идет цитата о законности — см. первую статью сборника).

И что же? Нашлись марксисты, которые и эту цитату объявили анархистскою, и мне пришлось открыть им секрет, что эта цитата взята дословно из известной речи К. Маркса пред кельнскими присяжными заседателями. Нет, мы не анархисты, а напротив, придаем большое, может быть, подчас даже чрезмерное, значение законам, но только законам нового

---

[1]) Имеется в виду проект левых эсеров, которые, как члены правительства, имели в своих руках НКЮ (весной 1918 г.).

строя. И эти законы настолько же соответствуют старым законам, насколько новый строй может быть согласован с отвергнутым или отмирающим строем.

В каждом томе Свода законов мы находим правила двоякого рода: правила, определяющие одну техническую сторону данной отрасли, а рядом правила, определяющие самую суть, самое направление деятельности. Особенно ярко это видно в томах Свода, которые занимаются чисто-техническими вопросами, как, например, почта и телеграф, пути сообщения и т. д. Никакой закон не изменит предельной быстроты движения поездов и т. д. Но рядом помещены статьи, определяющие железнодорожную политику того или иного строя, который необходимо изменить немедленно же, тогда как просто техническое руководство останется почти без изменения и только упразднится или сократится, освобождаясь от лишнего балласта остатков бюрократической эпохи. То же самое мы можем сказать по поводу суда. Законы о составе суда и томы так называемого материального права, которые применяет суд, беспощадно сожжены, но технические производственные правила (и буржуазный юрист их называет законами судопроизводства) в общих чертах могут оставаться в силе, потеряв только прежнюю свою безусловную обязательность. Я уже высказывался, что, по моему мнению, ныне для нас нет ни одной формальности, которая была бы абсолютно обязательной по иным, как только по чисто-техническим соображениям. И вообще будущий устав судопроизводства будет просто инструкцией, руководством, пособием для решения судебных дел и только.

Иное дело — состав суда и материальное право. Состав суда должен быть народным, т. е. близким к народу и вышедшим из недр народных. Мы откровенно заявляем, что до тех пор, пока будет существовать деление человечества на классы, т. е. до окончательной победы Пролетарской революции, и наш суд будет классовым судом, но только судом класса трудящихся, т. е. громадного большинства населения. Он также будет средством принуждения, но только принуждения меньшинства подчиняться классовой справедливости громадного большинства. Конструкция состава суда при таких условиях оказалась самою трудною задачею для нас. Особенно неюристов среди нас пугала мысль, что не будет достаточно юристов, хотя бы немного симпатизирующих идее коммунизма. Последняя мысль совершенно правильна и оправдалась на деле более, чем ожидали даже мы — авторы декрета № 1 о суде. Но нас, ком-юристов — и эта мысль не могла отпугнуть от немедленной сломки старого аппарата. На наших глазах происходит упрощение гражданского, т. е. буржуазного права, и для нас было ясно, что обыкновенные гражданские отношения должны быть одинаково понятны всякому толковому гражданину не-юристу, как и юристу. Ибо мы считаем бессмыслицею требовать от граждан обязательного подчинения законам, которые им непонятны, и величайшим лицемерием — говорить о справедливости в государстве, где знание всех законов обязательно (ибо их незнанием отговариваться не разрешается), а в то же время эти законы настолько сложны, что их понимать и верно толковать могут только специалисты-юристы.

Но если это относится к писаному праву, то оно сугубое значение имеет для права только что нарождающегося. Что же нам в этом отношении может дать юрист? Если он убежденный, сознательный коммунист, то он пред остальными коммунистами имеет преимущество технических знаний и навыков. Его голова, правда, набита балластом старого права, но мы знаем, что и в головах прочих граждан, говоря словами Гете:

«Es erben sich Gesetz und Recht
Wie eine ew'ge Krankheit fort».

(Закон и право переходят по наследству, как вечная болезнь).

Для правотворчества нового строя необходимы сознательное отношение к взаимоотношениям людей и способность верно понять и схватить каждый отдельный случай спора, вытекающего из этих отношений. Казалось бы, что для этой цели достаточно здравого ума более или менее сознательного пролетария. Исходя из этих предпосылок, мы и остановились на форме местного народного суда с постоянным председателем и двумя или более заседателями, меняющимися по сессиям или по неделям.

Мы, правда, первоначально находили, что при полном отсутствии какого бы то ни было писаного технического руководства было бы желательно, чтобы председателем был опытный человек, — специалист, хотя бы даже из старых судей, но рядом с ним мы непременно ставили переменный состав пролетариев-заседателей. Старые юристы в центрах на наш призыв не явились, а такой призыв имелся в ст. 2 декрета, гласящей, что «прежние мировые судьи не лишаются права, при изъявлении ими на то согласия, быть избранными в местные (народные) судьи». И ныне я сознаюсь, что это, может быть, как раз спасло новый институт народного суда. Мы исходили из того, что двое переменных заседателей будут в состоянии своими равноправными голосами всегда проводить свое революционное правосознание. Ныне, имея за собою опыт провинции, мы должны сказать, что там, где прошло много старых практиков-юристов, правотворческая роль народного суда стоит ниже, чем там, где их нет, ибо для того, чтобы бороться против опытного деятеля старого строя, необходимо очень твердое поведение его заседателей, и одному интеллигенту не трудно переубедить двух малосознательных рабочих или крестьян. Формальная сторона решения и всего производства там, по крайней мере с внешней стороны, лучше, но решения их пестрят ссылками на разные статьи того или иного устава судопроизводства, заведомо «сожженных» в великом пожарище 25-го Октября 1917 года.

Мы подошли вплотную к интересующему нас вопросу об особой роли суда в пролетарской революции. Старые материальные законы о взаимоотношениях граждан сожжены, а споры между людьми, вытекающие из этих взаимоотношений, продолжаются. Допустим, что мы будем работать быстрее, чем Великая французская революция, гражданский кодекс которой вышел лишь 10 лет после революции и уже после победы контрреволюции, но все-таки пройдут еще месяцы, пока не будут написаны новые законы. Вдобавок, самые взаимоотношения сторон в переходное время не отличаются постоянством и говорить о праве переходного момента можно только со значительными оговорками.

Мы, конечно, далеки от мысли Бентама, предлагавшего в начале XIX века всем народам написать кодексы, которые «не оставили бы и клочка неписаного права». Но мы и не согласны с теми английскими юристами, которые вообще против всякой кодификации существующего права, ибо английский судья — это не творец права, а скорее ловкий жонглер с прецедентами живых и давно умерших судей разных веков, никому неизвестными, кроме лиц, особо посвященных. Конечно, жонглер по направлению верный своему классу. Мы находим, что взаимоотношения с падением старого строя настолько упрощаются, что объемы будущих «Сводов законов будут вполне доступны и обыкновенному гражданину, кроме лишь технических уставов, необходимых для разных специальных областей.

Но, нам кажется, что именно решения народных судей, по возможности свободных и независимых от писаного старого права, дадут нам наиболее ценный материал для будущего кодекса. Я с удовольствием читаю эти не особенно блестящие с внешней стороны томы производства народных судов. Я там встречаю дикие, несуразные решения, но гораздо больше я там нахожу живого дела, не в смысле старого увлечения обычаем, как заплеснелою народною мудростью, но в смысле верного понимания наро-

ждающегося нового общественного строя во всех его деталях. Невольно напрашивается параллель с первыми сборниками декретов нашего Рабоче-крестьянского правительства, богатыми не только описками и опечатками, но и противоречиями и прочими недостатками чрезмерной спешки. Но я все-таки скажу, что это собрание декретов за полгода со всеми его недостатками стоит вековой работы всего российского законодательства.

Правотворческая роль суда с полною яркостью может проявиться лишь в пролетарской революции. Но, надо сознаться, что и юридическая теория идет в этом же направлении. Если наш народный суд стихийно выдвигает требование, чтобы ему самому предоставили свободу назначения меры наказания для каждого данного преступления или проступка, определяя в законе лишь общие роды преступлений и наказаний, то мы точно такое же требование встречаем и в теории уголовного права, проповедующей «свободу суда от закона в вопросе о мере и даже о роде наказания». То же самое течение известно и в социологической школе гражданского права, для которой действующее право сводится к «системе реально-действующих правил общественной жизни, независимо от того, насколько оно выражено в законе», ибо рядом с законом в любом буржуазном обществе существуют карательные, тарифные и прочие соглашения групп заинтересованных лиц, представляющие, по крайней мере, столь же действующее право, как и любой закон.

Мы находим и в истории буржуазного общества правотворческую роль суда. Проходили столетия, в которые государственная власть свою правотворческую роль исполняла исключительно через суд. Не только римский претор создавал прабо, но вообще по временам судья был и первым законодателем. Да, на заре буржуазного общества судья творил новое буржуазное право, путем рецепции, путем позаимствования, воспроизведения уже существовавшего (например, римского) права, тогда как народному суду нового, коммунистического строя заимствовать неоткуда. Всякое позаимствование у него сводится к возврату к старому, к сознательной или бессознательной контрреволюции, и если меня спросили бы, какую эмблему я предлагаю для увековечения здания народного суда, то, конечно, — не «столб над ним корона», а также не богиню с мечом и с завязанными глазами, эту бестию буржуазной юстиции с гуманными фразами на губах, но рабочего-мыслителя Родэна.

Именно фигура «Мыслителя» Родэна — это выражение мучительно-напряженной мысли — верно изображает всю неимоверную трудность задачи нового народного суда. В области права и закона ко всему нашему поколению относятся слова Гете о несчастных внуках, страдающих от унаследования вечной болезни закона и права:

Vernunft wird Unsinn, Wohltat Plage,
Weh' dir, dass du ein Enkel bist».

[Со временем разумное превращается в бессмыслие, благодеяние — в мучение; о, горе тебе, что ты являешься внуком (и наследником этой болезни)].

Но это еще в большей степени относится к пролетариату, который только что просыпается, только что приходит в сознание, а пока «вращается в традиционной идеологии и умственно питается объедками буржуазии». Для того, чтобы без предвзятых взглядов судить о взаимоотношениях граждан грядущего строя, он должен проделать двойную работу: не только приобрести известные общеобразовательные познания, но и очистить свою голову от буржуазного образа мышления. Для этого необходима известная школа. И не только для пролетария, но и для того его попутчика из буржуазной интеллигенции, который согласен быть с ним, но ум которого еще более в плену идеологии прошлого. Я далек от того, чтобы упрекать в этом кого-либо из буржуазной интеллигенции. Они в этом столь же

мало повинны, как и в цвете своих волос или форме своего носа, ибо не они виноваты в своем буржуазном, классовом прошлом.

Этот довод я положил в основание своей защиты Социалистической академии общественных наук, несмотря на пункты в ее уставе, с которыми я несогласен. Эта академия должна стать центром насаждения коммунистического мировоззрения и искоренения буржуазного образа мышления. И насколько она имеет отношение к народному суду, она будет только дальнейшим развитием мысли, внесенной нами по предложению т. Ленина в примечание к ст. 5 нашего декрета № 1 о суде, по которой народный суд свое революционное правосознание должен сообразовать с тем положением, что «отмененными признаются все законы, противоречащие программам-минимум Р. с.-д. р. партии и партии с.-р.». Над этим примечанием наши бездельники много издевались, но казалось бы, что мне ныне, через 6 месяцев после появления декрета, уже не представляется необходимости говорить в защиту этого примечания, идею которого я твердо усвоил с первого момента ее предложения. Для новой академии, как идейной руководительницы, между прочим, и нашего народного суда в его правотворческой революционной роли, приведенное выше примечание к ст. 5 декрета о суде получает более широкое значение. Основным уставом новой академии является не одна программа-минимум, но вся программа Коммунистической партии в ее целом.

Я, конечно, не могу надеяться, чтобы, хотя бы более или менее значительная часть народных судей первого периода могла прослушать курс этой академии. Но положительная задача новой академии — вне всякого спора. И я еще более надеюсь на общую разрушительную работу, которую она проделает в головах широких масс, разъясняя рабочим массам их действительные классовые интересы и демонстрируя пред их глазами живыми примерами из жизни и науки противоречие этих интересов всей буржуазной идеологии.

Ведь главный состав народного суда — его беспрерывно меняющиеся заседатели — являются только частицею этих широких масс. Такое тесное сотрудничество всех революционных сил в правосозидательной работе возможно только в народном суде и в пролетарской революции.

(«Пролетарская революция и право» № 1. Двухнедельн. журнал. Изд. Народного комиссариата юстиции г. Москва, 1918 г.).

---

3. КОНСТИТУЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

> «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного преобразования одного в другое. Ему соответствует и политический переходный период, в котором государство не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата».
>
> (К. Маркс — «Критика Готской программы»).

В самый острый период гражданской войны нам пришлось приступить к облечению в письменную форму существующей у нас реально конституции. И вполне естественно возник вопрос о том, возможна ли вообще писаная конституция переходного времени. Отчасти уже потому, что переходная эпоха, в которую «только движение постоянно», не укладывается

в твердые рамки писаного основного закона. Отчасти же потому, что в эту переходную эпоху «государство не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата», а диктатура как-то плохо вяжется со словами «писаный закон».

Взял верх тот взгляд, что необходимо изложить в статьях основного закона то, что достигнуто в жизни, только не в статьях окаменелых, по типу буржуазных конституций, и не боясь изменений в них, как только они будут вызваны ходом Пролетарской революции. Так получилась наша конституция переходной эпохи, как я назвал бы ее — конституция гражданской войны, которая в ст. 9 ставит основною своею задачею «установление диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной всероссийской Советской власти, в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления ни классы, ни государственной власти». Но рядом с этою статьею мы читаем ст. 49, в которой отвергнуты все ограничения или стеснения по отношению к изменению этой конституции, и изменение и дополнение ее предоставлено, наравне с Всероссийским съездом, и Всероссийскому исполнительному комитету

Я не буду останавливаться на конституции, поскольку она излагает организацию власти пролетариата и трудящегося крестьянства, не применяющего наемного труда. Я отмечу только то обстоятельство, что наша конституция впервые вводит более правильный и точный, с марксистской точки зрения, термин — «все рабочее население, объединенное в городских и сельских советах» (ст. 10). В остальном конституция излагает фактически создавшуюся советскую организацию. Но кроме организации советской власти, конституция дает и «декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа» (ст. 1—7) и «хартию вольностей» трудящихся Рабоче-крестьянской Республики. В конституции гражданской войны или диктатуры пролетариата эта последняя часть наиболее интересна.

Всякая буржуазная конституция эти вольности излагает в многовещательных фразах о «свободе, равенстве и братстве» для всех без различия классов, оставляя только область — экономического рабства, классового неравенства и классовой розни» свободно от всякого вмешательства. Но и политические «вольности все урегулированы специальными органическими законами так, чтобы буржуазия в своем пользовании ими не приходила в столкновение с равными правами прочих классов». Говоря словами Маркса («18-е Брюмера»), «каждый параграф конституции заключает в себе собственную антитезу, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: с одной стороны, мы видим общую фразу о свободе, а с другой стороны — оговорку, упраздняющую свободу».

В противоположность буржуазному лицемерию, конституция Советской Республики говорит лишь о вольностях рабочего класса (трудящегося населения в городе и деревне), но она дает обеспечение этих свобод на деле, а не только на словах. Ибо она не только обещает обеспечение этих свобод, но одновременно и дает способ действительного обеспечения их.

В изложении гражданских свобод все буржуазные конституции после 1793 г. грешат основным грехом — лицемерием. Свобода печати превращается на деле в свободу распространения капиталистической и империалистической лжи, свобода собраний остается свободою собраний буржуазии для обсуждения лучших способов порабощения рабочего класса, а свобода союзов превращается в способ приручения рабочих верхов к «Burgfrieden». «Union sacrée», священному сотрудничеству классов.

Не будем говорить о буржуазной цензуре — она не хуже и не лучше любой другой цензуры. Но вы знаете, какие трудности представляются рабочей партии в ее конкуренции с буржуазною, особенно, так называемою, дешевою желтою прессою. Французская партия долгие годы не имела своей партийной ежедневной газеты, пока не пришла на помощь Жоресу

немецкая партия. Ибо издание ежедневной газеты во Франции является миллионным предприятием, не говоря уже о том, что буржуазным издателям на помощь идут капиталисты всех стран с обильными объявлениями. И на часть этих прибылей от объявлений интеллигентные прихвостни буржуазии вливают потоки яда буржуазной мысли в головы легковерных масс. Во время войны все типографии и вся бумага находятся в руках капиталистической прессы, а рабочая печать получает только отбросы.

Конституция Рабоче-крестьянской Республики, конечно, с такой «свободою печати» мириться не могла. Она, наоборот, обеспечивает свободу лишь трудящимся, но она обеспечивает ее не только на словах, но и на деле: уничтожая зависимость печати от капитала и предоставляя в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати, она одновременно обеспечивает и их свободное распространение по всей стране (ст. 14).

По той же системе построено и обеспечение для трудящихся свободы собраний (предоставлением помещений), союзов (устранением препятствий и т. д.). Отсутствует только статья об обеспечении действительной свободы от эксплоатации трудящихся — путем социализации земли и национализации промышленности, которое изложено в декларации, но для стройности могло бы войти в качестве особой статьи «хартии действительных вольностей» трудящихся. Зато небывалая в мире вольность обещана рабочим и беднейшим крестьянам в виде полного, всестороннего и бесплатного образования. И что это обещание не остается только на страницах конституции видно из нового декрета Рабоче-крестьянского Правительства о доступе в университеты. Может быть, несколько медленно работает наш Народный комиссариат просвещения (не по своей вине, но отчасти вследствие саботажа части учительства), но его работа открывает широкие перспективы и доказывает воочию, что ст. 17 конституции не есть пустой звук.

С недоумением мы прочли первоначальный текст ст. 13 (в проекте 1, ст. 5 общего положения), да и в окончательной форме она вызывает серьезную критику, несмотря на то, что исключены слова: «религия объявляется делом совести каждого отдельного гражданина» и к свободе религиозной пропаганды прибавлена «свобода антирелигиозной пропаганды».

Всем памятны слова разных с.-д. программ о свободе совести и о признании религии частным делом каждого. Отнесение того или иного вопроса к частным делам каждого вскоре сделалось настоящею заразою для всякого оппортунизма. Забыли, что Маркс еще в первых своих сочинениях указывал на чисто буржуазный характер подобной политической свободы. Маркс сводит такую свободу к разделению каждого индивида на «гражданина государства» (Staatsbürger) и человека, объявляя все то, что относится к экономически-общественным отношениям гражданина, его частным делом.

«Государство может освободиться от религии (церкви), даже если преобладающее число граждан осталось религиозным, и это большинство граждан не перестает быть религиозным оттого, что оно только частным образом (privattim) осталось религиозным. А политическая эмансипация от религии разделяет все недостатки и все преимущества всякой политической эмансипации вообще. Государство, как государство, например, аннулирует частную собственность, человек в политическом отношении объявляет частную собственность отмененною тем, что он отменяет цензовое активное и пассивное избирательное право... Ибо, в самом деле, не отменена ли в идее частная собственность, если неимущий сделался законодателем для имущего. Но с политическою аннуляциею частной собственности частная собственность на деле не только не отменена, но, наоборот, возведена в роль ее предпосылки. Государство объявляет своего рода от-

мену различия людей по рождению, сословию, образованию, занятиям, объявляя всех членов данной нации равноправными участниками государственности суверенности... и тем не менее государство оставляет в действительности и частную собственность, и образование, и занятия... Политическая эмансипация (другими словами, буржуазная революция) растворяет буржуазную жизнь на ее составные части, но не революционирует и не подвергает критике самые эти составные части» (К. Маркс, «Еврейский вопрос» — 1843 г.).

Я уже указал, что слова о религии, как частном деле каждого, вычеркнуты, но осталась в конституции свобода совести в связи с свободою религиозной пропаганды. Зрелый Маркс (в «Критике Готской программы») по поводу свободы совести прямо пишет: «Рабочая партия должна выразить свое убеждение, что буржуазная свобода совести есть не более, как терпимость ко всем родам религиозной свободы рабочая же партия стремится освободить совесть от всякой религиозной отрыжки».

В самом деле, советским юристам придется призадуматься, как соединить некоторые статьи декрета об отделении церкви от государства с этою полною свободою религиозной пропаганды. Мне мерещится, что действительная свобода совести, как ее выше понимает Маркс, обеспечивается одною свободою антирелигиозной пропаганды, да и только.

118 и 120 статьи конституции 1793 г. во Франции гордо объявили, что «французский народ — друг и естественный союзник свободных народов; он дает убежище иностранцам, изгнанным из своего отечества ради дела свободы. Он отказывает в этом тиранам». Ст. 20 и 21 нашей конституции не только идут дальше, но и повторяют лишь то, что уже введено на деле. Ст. 21 повторяет декрет об убежище (Собр. Узак. Раб. и Крест. Прав. 1918 г., № 41, ст. 519), а ст. 20, предоставляющая «все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к непользующемуся чужим трудом крестьянству», есть только повторение того, что обеспечила РСФС Республика Финляндской Социалистической Республике в договоре, увы, не осуществленном вследствие гибели Финляндской Соц. Республики. Последний же абзац статьи 20 о предоставлении прав гражданства также повторяет только слова декрета уже существующего. (Собр. Уз. и Расп. Раб. и Крест. Прав .1918 г. № 31, ст. 405).

Таких широких прав иностранцам ни одна буржуазная конституция не обещает и обещать не может. Это может сделать только классовое государство пролетарской диктатуры или уже социалистическое общество после окончательного падения классов. С проведением в жизнь ст. 18 о трудовой повинности и ст. 9 об уничтожении эксплоатации человека человеком и водворении социализма, в котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти, вся структура советской власти изменится [1]). Тогда наступит та эра демократии, когда советское избирательное право будет совпадать со всеобщим избирательным правом. Ход нашей гражданской войны убедительно показывает, что демократия невозможна без социализма. Эту мысль я подробно развил в статье «Социализм или демократия» (в вышедшей в сентябре 1917 г. книжке латышского сборника «Соц.-демократ», на русском языке она осталась в портфеле редакции «Просвещения»). Я там предложил социалистам, отказывающимся от пролетарской революции, прекратить и свои лживые разговоры о демократии...

---

[1]) Эти мысли надо понимать диалектически (напр., см. Ленина т. XIV, 2, стр. 373, 379 и т. д.). Это уже — демократия высшего типа. П. Ст.

Рядом с кратким наброском организации Парижской Коммуны 1871 г. которую она не успела дальше разработать, и с французской конституцией 1793 г. (конвента), не приведенной в исполнение, Конституция РСФСР Республики 1918 года, эта «конституция гражданской войны» займет на страницах истории видное место. Есть много общего между конституциями 1918 и 1793 г. — этою наиболее демократическою из французских буржуазных конституций[1]). И невольно помнятся слова Эро де Сешель, сказанные им 10 августа 1793 г. по поводу этой последней: «Год тому назад наша территория была занята чужеземцами; мы объявили республику и оказались победителями. Теперь, когда мы устанавливаем конституцию во Франции, Европа нападает на нас со всех сторон. Поклянемся защищать конституцию до самой смерти».

(Двухнедельный журнал «Пролетарская революция и право», № 3—4, 1—15 сентября 1918 г.).

---

4. ПРОЛЕТАРСКОЕ ПРАВО[2]).

«Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем».

I.

Понимая право в буржуазном смысле, мы о пролетарском праве и говорить не можем, ибо цель самой социалистической революции заключается в упразднении права, в замене его новым социалистическим порядком. Для буржуазного правоведа слово «право» неразрывно связано с понятием государства, как органа охраны, орудия принуждения в руках господствующего класса. С падением или, правильнее, отмиранием государства естественно падает, отмирает и право в буржуазном смысле. О пролетарском же праве мы можем говорить лишь как о праве переходного времени, периода диктатуры пролетариата или уже о праве социалистического общества в совершенно новом смысле этого слова, ибо с устранением государства, как органа угнетения в руках того или иного класса, взаимоотношения людей, социальный порядок будут регулироваться не принуждением, а сознательной доброй волей трудящихся, т. е. всего нового общества.

Задачи буржуазных революций в этом отношении были значительно легче, чем задачи революции социалистической. Известны революционные слова Вольтера: «Если вы хотите иметь хорошие законы, жгите свои старые и творите новые». Но мы знаем, как мало исполнялись эти слова буржуазными переворотами, хотя бы даже самым решительным из них —

---

[1]) Имеется в виду внешнее сходство революционной ситуации, которое надо понимать революционно-диалектически: конституция диктатуры мелкой буржуазии 1793 г. создавалась в условиях окружения врагами и ожесточенной борьбы с контрреволюцией, в известной мере аналогичных тем условиям, при которых у нас создавалась конституция диктатуры пролетариата. П. Ст.

[2]) Некоторые места этой статьи, повторяющие мысли, изложенные уже в других статьях, в виде исключения здесь не сокращаются, т. к. это нарушило бы цельность данной статьи. Статья эта обратила на себя внимание Владимира Ильича, очевидно, из-за постановки некоторых вопросов. Его оценка гласила: «Статья Вам хорошо удалась». П. Ст.

Великой французской революцией. Она беспощадно жгла замки феодалов и крепостные акты на эти замки, она упраздняла привилегии и их держателей, она сменила весь феодальный строй буржуазным. Но самое угнетение человека человеком осталось, и даже старые законы оказались несожженными и продолжали применяться. Правовой памятник французской революции — «Code Civil» Наполеона — был написан лишь через 10 лет после революции (в 1804 г.), когда победила контр-революция, не говоря уже о чисто контр-революционных кодексах, как об уставе судопроизводства и уголовном уложении (в 1808 и 1810 г.г.).

Маркс в одном из своих первых сочинений (1843 г.) ярко рисует основную разницу между революциями буржуазными и социалистическими: «Буржуазная революция растворяет старые феодальные формы организации путем политического освобождения самостоятельной личности, но не придавая новой формы экономической связанности и подчиненности этой личности... Она разделяет личность на гражданина и человека, при чем все экономические общественные отношения граждан относятся к сфере их личных дел, стоящих в ней интересов государства». «Человек как будто ведет двойную жизнь, небесную и земную, жизнь в политическом общежитии, где он чувствует себя *гражданином*, и жизнь в буржуазном обществе, где он действует как *частное лицо*, и либо смотрит на других людей, как на средства, либо сам унижается до роли средства или игрушки в чужих руках». *Частные* интересы безразличны, ибо сыт ли человек в буржуазном государстве или нет, должен ли он до глубокой старости изнемогать в непосильном труде за жалкое существование, остается ли у него время для удовлетворения своих духовных потребностей, это — частное дело, эгоистический интерес каждой отдельной личности, до которых нет дела государству. «Государство может превратиться в свободное государство (Freistaat означает и республику), не превращая человека в человека свободного».

Для буржуазной революции достаточно было, смотря по ее решительности, поставить у власти вместо одного класса или совместно с ним другой, изменить форму организации государственной власти. А способ угнетения свободно менялся и без существования перемены в тексте закона. Как раз постоянство закона кажется самым существенным устоем человеческого общества, поскольку оно основано на принципе эксплоатации человека человеком. Так, законы рабовладельческого Рима переживают не только феодальный строй, но и все фазисы развития капитализма, вплоть до империализма.

«Es erben sich, Gesetz und Recht
Wie eine ewige Krankheit fort».

(«Закон и право переходят по наследству, как вечная болезнь» — Гете).

Буржуазная революция не только не всегда слушалась слов Вольтера и не так уж решительно жгла старые законы, но и в тех случаях, когда старые законы были сожжены, этого оказалось недостаточно, чтобы их искоренить из памяти и обращения людей «Человеческий ум — это надежный склад, в котором каменные скрижали Моисея с его заветами являются столь же действительными фактами, как и всякое новейшее правительственное распоряжение о хлебных карточках, в нем древне-историческое переплетается с современным в единую и равносильную действительность» (Реннер). Отсюда и берут начало все теории о *божественном* происхождении таких институтов, как священная собственность, о «прирожденном» характере сословных привилегий или об «естественном праве» хозяина на услуги рабочего и т. д.

Как социализм в теории является беспощадной критикой всего существующего, так и пролетарская революция является прежде всего беспощадным разрушителем всего существующего государственного и обще-

ственного строя. Она сразу нарушает две статьи царского уголовного уложения, статьи 100 и 126, и освобождает прокуроров контрреволюции от лишних рассуждений: подвести ли данную революцию под ст. 100 (карающую за буржуазную или политическую революцию, за «ниспровержение государственной власти») или ст. 126 (имеющую в виду социалистический переворот, «ниспровержение общественного строя»).

И как во всем, так и в области права, пролетарская революция впервые сознательно и бесповоротно проводит требования истинного демократизма. Она проводит в жизнь слова Вольтера и торжественно бросает на костер все 16 томов «Сводов законов Российской империи» вместе с самой империей и ее империализмом. И напрасно из уцелевших в этом пожарище и обожженных листочков некоторые из наших революционеров стали кроить «уложение русской революции» вместо того, чтобы закрепить в статьи действительные завоевания пролетарской революции или отметить вехи для правильного ее течения, — другими словами, чтобы творить новые, действительно революционные законы.

Пролетарская революция обязывает к творчеству. Она должна быть смела не только в разрушительной работе, но и в правосозидательной роли. И совершенно неуместны, казалось бы, в декретах Рабоче-крестьянского Правительства ссылки на прежние законы мирного или военного времени, тогда как эти законы прежних правительств должны представлять пустое место.

Но социалистический переворот не есть простой прыжок в неизвестное. Это — длительный, более или менее продолжительный процесс гражданской войны, в результате которой буржуазный общественный строй с его делением на классы угнетателей и угнетенных превращается в социалистический. И этот переходный период требует особого права переходного времени, отчасти потому, что самый строй меняется не в один миг, отчасти же потому что старый строй продолжает жить в головах людей как традиция прошлого. Это чувствуется и в рядах всех слоев пролетариата, которые только что пробуждаются и пока «вращаются в традиционной идеологии и умственно питаются объедками буржуазии».

Рабоче-крестьянская Революция нашла формулу, верно решающую задачу. В декрете о суде (№ 1) мы читали, что новые суды «руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены Революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию».

Это, с одной стороны, было ответом на все попытки сохранения старых законов, хотя и сожженных, но все-таки живущих в головах людей: «лишь постольку, поскольку», а с другой — это был ответ тем, кто нас упрекал в анархических тенденциях, именно за отвержение законов прежних правительств, а упрекали нас как раз наши марксисты (с правой стороны). Я ответил этим нашим оппонентам следующей цитатой: «Господа, что вы понимаете под отстаиванием законности? Отстаивание права, относящегося к прошлой общественной эпохе, права, выработанного представителями исчезнувших или исчезающих общественных интересов, стоящих в резком противоречии с потребностями общества? Строй не основывается на законах. Это — лишь юридический предрассудок. Закон, напротив, должен исходить из данного общественного строя... законы неизбежно меняются вместе с меняющимися условиями жизни. Отстаивание старых законов против новых нужд и требований общественного развития является в сущности ни чем иным, как лицемерной защитой отживших сепаратных интересов против современных интересов всего общества. Подобными защитниками законности объявляются господствующими сепаратные интересы, которые в действительности более не являются господствующими. Защита эта навязывает обществу законы, поотиворечащие условиям жизни,

средствам сообщения и даже самому способу производства... Такие фразы о законности исходят либо из сознательного обмана, либо из бессознательного самообмана».

И что же? Нашлись марксисты, которые и эту цитату объявили анархистской, и мне пришлось открыть им секрет, что эта цитата взята дословно из известной речи К. Маркса перед кельнскими присяжными заседателями. Нет, мы не анархисты, а напротив, придаем большое, может быть подчас чрезмерное значение законам, но только законам нового строя. И эти законы настолько же соответствуют старым законам, насколько новый строй может быть согласован с отвергнутым или отмирающим строем.

II.

«Вся власть отныне принадлежит советам. Комиссары бывшего Временного правительства отстраняются. Председатели советов сносятся непосредственно с Революционным Правительством». Таков был декрет (№ 5) II Всероссийского Съезда, положивший основу пролетарскому праву в полном его объеме. Нам нечего останавливаться на том, как в течение 8 месяцев буржуазного, как чистого, так и коалиционного революционного Правительства советы неоднократно доходили до момента, остро ставившего вопрос о взятии в свои руки всей власти. Но, естественно, что действительно взять всю власть в свои руки могли только советы, стоящие на точке зрения диктатуры пролетариата и социалистической революции, ибо ни у кого не было сомнений, что ни буржуазия, ни ее союзники по контр-революции помещики, с князем Львовым во главе, добровольно, без боя, власти из рук не упустят: «Это будет последний и решительный бой».

Если вспомнить дни первой февральской революции, то мы замечаем известное сходство: тогда власть на местах перешла к комиссарам, каковыми Временное правительство механически назначило одним росчерком пера председателей земских управ и городских голов. Местная власть, таким образом, очутилась в руках организованных в земско-городской союз буржуазии и аграриев с кн. Львовым, как председателем «Земгора», во главе. Лишь постепенно часть комиссаров на местах под давлением революционного народа заменялась чисто-буржуазным или даже революционным элементом, а в июле был вынужден уйти и кн. Львов. Замена Временного правительства Рабоче-крестьянским Правительством, а на местах — власти буржуазных комиссаров пролетарско-крестьянскими советами устранила от власти класс буржуазии и поставила на ее место класс пролетариата и беднейшего крестьянства. И это все! Ценз имущества заменен цензом труда. Капитал у власти заменен трудом: «Кто был ничем, тот станет всем».

Долгое время все пролетарское государственное право исчерпывалось декретом (№ 5) из двух строчек. Лишь в январе появилось новое название Советской России: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика». Тогда же декларация Съезда установила известные основные принципы Советской власти. И лишь на V Всероссийском Съезде 10 июля 1918 г. утверждена Конституция РСФС Республики. Но Конституция эта повторяет и закрепляет лишь то, что уже существует, и что является простым выводом из декрета № 5 о переходе всей власти к советам. Это только письменное изложение пролетарского творчества.

Но переход всей власти к Советам одновременно разрушил не только государственный строй, но и строй общественный. Рабоче-крестьянская Советская Республика, как всякое государство, также является государством классовым, но его задача — не угнетение неимущих в интересах кучки богачей, а наоборот, — диктатура неимущих, т.-е. громадного боль-

шинства, для «подавления ничтожного по числу меньшинства, т.-е. буржуазии с целью уничтожения эксплоатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти». В Советской республике происходит объединение в единое целое трудящегося гражданина с трудящимся человеком.

Всякая пролетарская революция начинает с того, что она на деле разбивает теорию Монтескье о разделении властей. Взгляните на Совет Рабочих Депутатов в Петрограде или на Федеративный комитет в Риге в 1905 году: туда направлялись все не только за политической защитой и советами, за законами и правительственными распоряжениями, но даже и по судебным делам, не исключая гражданских споров. Следственные комиссии при Военно-революционных комитетах в 1917 г. были теми же органами власти, куда обращались даже по бракоразводным делам. А Советская власть с 25 октября 1917 г. в РСФСР является одновременно властью законодательной и исполнительной, а равно и судебной. Она не отрицает технического деления труда, но она отказывается от лицемерных теорий независимости одной власти от другой. Диктатура пролетариата и крестьянской бедноты является единой мощной Советской властью.

Мы знаем, как Парижская Коммуна «разбила и сломала всю буржуазную машину; даже судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость: они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми».

Революция 25 октября продолжала опыт Парижской Коммуны во всероссийском масштабе. Постоянное войско и полиция, как мы знаем, были уже сломлены до 25 октября. Революция 25 октября своим декретом от 28 октября о переходе всей власти повсеместно к Советам, принципиально разбила весь аппарат старого чиновничества. Но только принципиально, а не фактически. Потребовались забастовка и саботаж буржуазного чиновничества, чтобы его разбить и фактически. А суд, несмотря на то, что старый суд продолжал произносить приговоры от имени Временного Правительства, всюду, где пролетарская революция уже победила, потребовалось много усилий, чтобы убедить товарищей в необходимости упразднить старый суд. Я сказал бы, что в действиях, например, против саботажа чинов продовольственной управы наши революционеры были более решительны, чем против суда, как раз потому, что суд казался чем-то посторонним, революция в течение целого месяца допускала, чтобы по сотням камер в собственном стане проводилась открытая легальная агитация за Временное правительство, против сторонников которого тут же велась вооруженная борьба.

Массы еще до октября относились с полным недоверием к старому суду. Это недоверие наглядно проявлялось в их попытках создавать свои революционные суды, например, на Выборгской стороне в Петрограде, в Красном Кронштадте и т. д. Но в то время, как народные массы фактически упраздняли старые суды, среди товарищей во главе Рабоче-крестьянского Правительства не сразу победила такая, хотя и смелая, но естественная мысль. Лишь 24 ноября 1917 года появился декрет о суде (№ 1), упраздняющий все без изъятия старые суды. И только 4 декабря 1917 г. был фактически закрыт Правительствующий сенат, после того как он еще накануне собирался выпустить в печати свой указ — прокламацию против большевиков, и не выпустил его только потому, что рабочие Сенатской типографии, а затем машинисты Сената отказались от его воспроизведения.

Декрет хотя и вводит особую судебную власть, но это только техническое разделение труда, ибо он эту власть передает не особой касте судебных деятелей, но народному суду из рабочих же. И если мы еще в декрете допустили изъятие для председателей народного суда, призывая

на эти места старых судей (ст. 2 декрета гласит: «Прежние мировые судьи не лишаются права, при изъявлении ими на то согласия, быть избранными в местные (народные) судьи»), то саботаж и забастовка старых судей спасли нас от их участия в творчестве народного пролетарского суда. Ибо по опыту провинции, где старые судьи не везде бастовали, мы должны сказать, что правотворческая роль народного суда здесь стоит значительно ниже, чем там, где они отсутствуют. Формальная сторона решений у них, может быть, в общем и лучше, чем в чисто-рабочем или рабоче-крестьянском суде, но решения их пестрят ссылками на разные статьи того или иного тома Свода законов, заведомо сожженных в великом пожарище 25 октября 1917 г., а оригинальная мысль отсутствует.

Так пролетарская революция приобрела новую силу, участвующую в ее созидательной работе, — народный суд. Бывали моменты в истории, когда и буржуазные юристы путем судебных решений творили право. Но они это творчество понимали или понимают, как применение старых прецедентов (помните щедринский «Кашинский суд, в котором установился прецедент») или как рецепцию, т. е. позаимствование уже существовавшего (например, римского) права и т. д. Но народному суду Рабоче-крестьянского государства позаимствовать неоткуда. Напротив, всякое позаимствование ведет к сознательной или бессознательной контр-революции. Народный суд оправдал наши надежды и мы оказались правыми, утверждая, что пролетарское право приводит к упрощению взаимоотношений людей, ибо мы всегда считали бессмыслицей требовать от граждан обязательного подчинения законам, которые им непонятны, и величайшим лицемерием говорить о справедливости в государстве, где знание всех законов обязательно (ибо их незнанием отговариваться не разрешается), а в то же время эти законы настолько сложны, что их понимать и верно толковать могут только специалисты-юристы.

Я не отрицаю, что помощь теории и народному суду необходима, но теории не буржуазной, а социалистической. И поэтому, я для пролетарского правотворчества ожидаю больших успехов от новой «Социалистической академии общественных наук», народных университетов и т. д. Им предстоит громадная работа — освободить головы пролетариата от буржуазного образа мышления, не говоря уже о снабжении их общеобразовательными познаниями. Тогда в советах и советских учреждениях пролетарская правосознательная работа освободится от последних остатков буржуазной опеки.

III.

Пролетарской революции на первых порах представилась чрезвычайно трудная задача. Старых законов она признавать не могла, но создать новые кодексы не так уж легко. Допустим, что мы будем работать быстрее, чем французская революция, гражданский кодекс, который вышел в свет лишь через 10 лет после революции, — все-таки пройдут месяцы, пока не будут написаны новые законы. Вдобавок взаимоотношения людей в переходное время не отличаются постоянством и говорить о закреплении на письме праве переходного момента можно только со значительными оговорками.

Я уже сказал, что декрет о суде ввел известную формулу для признания старых законов «лишь постольку, поскольку они не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному самосознанию». Но примечание к ст. 5 сверх того поясняет, что объективно должны считаться отмененными все законы, противоречащие декретам ЦИК и Рабоче-крестьянского Правительства, а также программам-минимум Р. С.-Д. Р. П. и партии С.-Р. Мне ныне не приходится вдаваться в полемику по поводу последней фразы, ибо мы уже на фактах можем проверить ее целесообразность и глубокий ее смысл.

В обеих программах-минимум партий, победивших в революции, содержится требование отмены сословных различий, а равно отмены частной помещичьей собственности на землю. Восемь месяцев революции прошло, а требования эти, сами по себе буржуазно-демократические, не были даже поставлены. Напротив, до июля во главе Временного правительства стоял князь Львов, а крестьянские восстания против помещиков подавлялись помещиками-комиссарами военной силой. И вот Революция 25 октября декретом № 3 объявляет помещичью собственность на землю отмененной без выкупа, а декретом № 31 (12 ноября 1917 г.) уничтожает сословия и гражданские чины. Это — не просто словесная декларация, это — раскрепощение русской деревни на деле. И, конечно, основное значение имеет первый, т. е. декрет о земле, ибо до сих пор еще не издан декрет, карающий за пользование отмененными титулами, и даже неизвестно, будет ли вообще таковой издан, а ни у кого уже нет сомнения, что дворянское сословие и Советская власть — понятия несоединимые. Дворянство в России исчезло и может вернуться только путем контр-революции и то лишь на короткое время. Во всех социалистических программах мы читаем требование об отделении церкви от государства и школы от церкви. И опять та же картина: за 8 месяцев первой революции все молчат об этом требовании. Мало того: когда 23 января 1918 года (декрет № 263) был опубликован декрет от отделении церкви от государства и школы от церкви, наши то же социалисты пугали нас, что этот декрет уж во всяком случае приведет к гибели Советской власти. А «учредиловцы» в своем районе его прямо отменяют. Но в действительности Советская власть легко выдерживает борьбу с церковью. Крестные ходы уже перестали быть грозными демонстрациями, а из деревни учащаются известия о том, как крестьяне сами изгоняют своих попов. И это несмотря на то, что как раз по этому вопросу советская агитация шла очень вяло до самого последнего времени. Конечно, в будущем главная роль в этом отношении будет принадлежать советской школе.

Это все из области политической, касающейся человека-гражданина. Но обратимся к человеку, как частному лицу. Впервые здесь право приступает к раскрепощению человека на деле, а не только на словах. Когда в свое время освобождали крестьян, освободили их лично, но помещики «токмо оставили» за собой право на землю. Мы видели уже, что эту несправедливость Октябрьская Революция исправила в первую очередь. Но она идет дальше и вносит раскрепощение иного рода: 8-часовой рабочий день, а вслед за тем — национализацию одного производства за другим. От свободы договора революция перешагнула к трудовой повинности, а рядом с этим заработная плата переходит в социальное обеспечение по принципу прожиточного минимума. Мы хорошо знаем, что это еще не достигнуто и что при наших дореволюционных условиях чрезмерной разницы между высшим и низшим заработков это — чрезвычайно трудно и, может быть, обязательно должно привести к временному всеобщему недоеданию. Мы допускаем даже мысль, что временно, но одинаково для всех придется повысить рабочий день, если производительность не поднимется или даже понизится.

Но, рассматривая эти вопросы с точки зрения буржуазного права, мы теряем всякую почву. Где же тут свобода договора? А при обязательной работе обязанность работать одновременно смешивается с правом на работу. А «право на лень» (остроумно выставленное Лафаргом) в противоположность праву на труд превратится в обязательный отдых в интересах народного здравия. Где найти точку опоры буржуазному правоведу, если право превращается в обязанность, а обязанность перескакивает право.

Пролетарское право развенчало договорное начало и будущие поколения не без иронической улыбки будут читать в некоем проекте «Уголовного уложения 1918 г.»[1]) попытку даже отношения красноармейца к Р. С. Ф. С. Республике поставить на чисто-договорную почву, привлекая к уголовной ответственности забывшего свою пролетарскую честь красноармейца как за досрочное нарушение договора.

Не новое ли преступление коммунистов-большевиков отмена свободы договора? Прочтите у Маркса любую страницу о свободе договора рабочего. «Машина революционизирует в самом основании договор рабочего и капиталиста... Прежде рабочий продавал только свою собственную рабочую силу, которой он свободно распоряжался, как вольный человек. Ныне он продает жену и детей. Он становится «торговцем живым товаром» («Капитал», 36, 1). Вы понимаете, что эти слова Маркса — злая ирония.

А свобода договора действительно пошатнулась, если при любом взыскании или добровольном получении денег может быть возбужден вопрос о нужде и собственных средствах, или трудоспособности и происхождении отыскиваемого требования. А все эти вопросы по пролетарскому праву свободно может возбуждать не только суд, но и комиссар банка или комиссар труда и т. п. Вексель Шейлока тут более немыслим.

Не лучше, чем со священной частной собственностью, декреты пролетарской революции обращаются с такими же священными институтами, как семья и наследование. Наследование просто-напросто отменено, оставляя вне запрета только мелкие имущества (не свыше 10.000 рублей) и предоставляя до введения общего социального обеспечения супругу или самым ближайшим родственникам в случаях их неспособности к труду и неимения собственных средств из оставшегося имущества недостающие до прожиточного минимума средства к существованию. Таким образом, разрушена материальная основа буржуазной семьи, и она погибла бы и без декретов о разводе и гражданском браке.

Но священная семья была разрушена и до этого. Не было закона, о введении которого поступало бы столько ходатайств, как именно закона о разводе. Я в качестве Народного комиссара юстиции получал ежедневно полдюжины заявлений, писем, даже телеграмм с просьбами об ускорении нового декрета. Наш декрет о разводе хотя бы по одностороннему заявлению одного супруга окончательно вычеркнул всякий вопрос о принуждении по отношению к браку и оставил единственным мотивом для его существования обоюдную любовь. А отменяя понятия «незаконного сожительства» и «внебрачного ребенка» и разделяя браки только формально на зарегистрированные гражданской властью и на неправильно или совсем незарегистрированные, пролетарская революция раз-навсегда покончила с позорной страницей буржуазного лицемерия, не за страх, а за совесть защищавшего два одинаково священных в буржуазном обществе института — законный брак и узаконенную проституцию, и горячо боровшегося против всякого незаконного, т. е. незарегистрированного ни в церкви, ни в полиции, сожительства.

Мы видим, как революция пролетариата прямо или косвенно низвергает один за другим устои буржуазного общества. Мы перечислили в этом отделе всего 8 коротеньких декретов. А в результате камня на камне не осталось и всего буржуазного права.

---

[1]) Это курьезный проект члена лево-эсеровской коллегии НКЮ Шрейдера, однако, уже напечатанный для внесения в сессию ВЦИК. Лишь уход левых эсеров из Правительства механически устранил проект. Мы его сожгли.

IV.

Передо мной сейчас 71 томик Собрания узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства, содержащий 778 декретов. Эта толстая книга нам кажется тонкой книжкой сравнительно с 16-ю томами старого Свода законов или ежегодным собранием узаконений старого правительства. Но если мы отбросим те распоряжения, которые относятся к частным случаям (конфискации, национализации и вопросам организационным), то останется только тоненькая книжка, содержащая основные положения нового пролетарского права.

Настал момент приступить к кодификации, к сводке всего пролетарского права переходного времени в систематический сборник. Это будет кодекс, который должен быть доступным для самых широких масс. Но удастся ли нам составить таковой кодекс в ближайшие месяцы? А если удастся, то надолго ли он вообще сохранит свою силу? Ибо, только просматривая книгу декретов, мы убеждаемся, как непостоянны и изменчивы создаваемые революцией институты и законоположения.

Нас упрекают в том, что мы отбросили Учредительное собрание, нами самими же желанное и созванное. Мало того: мы уже сами отбросили или в самых основаниях изменили даже учреждения, нами же впервые созданные. Пролетарская революция не претендует на вечные и неизменные завоевания. Пролетарская революция, это — процесс развития путем гражданской войны. Поменьше отсталости, побольше подвижности — таковы ее лозунги. Ибо в день окончательной победы этой революции закончится и процесс отмирания Рабоче-крестьянского государства и отмирания самого пролетарского права, понимая право в старом смысле.

Первое место в книге 1 нашего кодекса пролетарского права, конечно, займет наша С о в е т с к а я К о н с т и т у ц и я. Эти 90 статей основных законов Р. С. Ф. С. Республики заменяют вкратце несколько томов прежнего Свода. Правда, Конституция предусматривает несколько инструкций в развитие ее основных положений, но это относится уже к специальным вопросам, например, к технической стороне советских выборов, и весьма вероятно, что они будут напечатаны в особой книге вместе с остальными инструкциями, наказами, руководствами и т. п., которые в старом Своде были разбросаны по всем томам.

За Конституцией должны итти права и обязанности г р а ж д а н как российских, так и ч у ж е с т р а н ц е в. Да у нас и не будет такого деления на туземцев и чужестранцев, а согласно ст. 20 Конституции только на т р у д я щ и х с я и н е т р у д я щ и х с я. Ясно, что и это деление — только временное, до отмены деления на классы вообще, когда все станут трудящимися. Тут же будут коротенькие временные статьи о переходе из одного гражданства в другое, может быть еще и из одного класса в другой. И это все.

Самым важным отделом книги 1-й будет отдел с о ц и а л ь н о г о п р а в а. Заметьте, что это — та же книга, которая раньше помещалась в X томе и называлась частным или гражданским, т. е. буржуазным правом. Но вы с трудом узнаете эту старую знакомую: не осталось в ней почти ничего буржуазного и весьма частного («приватного»). Вы открываете первые страницы: о семейном праве, о священной семье буржуазии и не находите ничего священного.

Это единственное место, где свободное соглашение восторжествовало, вытеснив оттуда всякие посторонние примеси (в виде церковного или гражданского таинства принуждения).

Впредь до введения полного социального обеспечения в пролетарском семейном праве сохранились еще остатки прежнего в виде алиментов (при

условии неимения своих средств и отсутствия трудоспособности). Социальное обеспечение устранит и этот остаток старого мира.

За семейным правом пойдут «имущественные права», вернее,— отмена и ограничение этих прав; тут отмена частной собственности на землю и социализация земли, национализация производств и городских домов и порядок управления национализированными имуществами, наконец, допустимость применения пережитков частной собственности переходного времени.

Дальше пойдет кодификация всех правил о труде, как о труде производительном, так и о труде советской или частной службы. Это та часть социального права, которая в той или иной форме перейдет в новое общество. Но мы уже видели, что там труд из обязанности и повининности превратится в право или, как сказал Маркс, «труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой необходимостью жизни».

За этим отделом пойдут еще кое-какие остатки договорного права, скорее ограничения свободы договора. Но прибавится новый отдел — международное право. По отношению к прочим странам наша Республика сохранит и торговые и договорные отношения до введения повсеместно социализма. И чтобы раз навсегда порвать с длиннейшими разного рода договорами, с разными государствами, мы попытаемся формулировать те положения, которые мы бесспорно признаем за всеми странами.

Не знаю, поместится ли все это в одной книге, но это будет основное право, обязательное для всех. И оно не будет представлять прежней закаменелой обязательности, ибо даже изменение Конституции предоставлено Центральному исполнительному комитету. Но все-таки по отношению к этой первой книге мы применяем суровый принцип непреклонности.

Иное дело дальнейшие указания: это — технические инструкции, руководства, в которых обязательны лишь самые общие места. Будут ли это правила о судопроизводстве, о почтово-телеграфной или железнодорожной службе или наконец о советском земледелии, огородничестве или пчеловодстве, — обязательность всюду будет одинаково условна. То же будет с примерной инструкцией об уголовных преступлениях и наказаниях, об отбывании наказаний или о народном образовании и вообще просвещении. Это будут книги довольно объемистые, но предназначенные только для того или иного разряда лиц, для того или иного особого случая и т. д. Не знаю, насколько удастся строго провести в жизнь это деление, но в принципе оно у нас принято. Мы уже имеем целый ряд таких инструкций вместо прежних законов: инструкции для народных судей, для карательных отделов, об отделении церкви от государства и т. д.

Но при существовании подобного кодекса, к составлению которого ныне необходимо приступить в спешном порядке, останется еще одна задача: сделать этот кодекс доступным для всех. Конечно, наш кодекс будет значительно меньше старых, которых не знал и не прочел сначала до конца ни один юрист. Конечно, та или иная часть его будет преподаваться в обязательной общей или специальной школе. Но все-таки останется задача популяризации этого нового, хотя и переходного права.

Я остановился на форме катехизиса и пытался составить «Народный суд» в вопросах и ответах. К сожалению, книжка эта, столь необходимая, сдана в типографию почти 6 месяцев назад и вследствие нашей типографской разрухи все еще не появилась. Я сдал в печать в такой же форме и нашу «Советскую Конституцию», зная то предубеждение, какое у всякого читателя имеется против постатейного изложения того или иного закона. Эти руководства составлены в качестве частных изданий без обязательной силы. Но весьма возможно, что эта форма, как более популярная, найдет применение и для официальных изданий. Нечто вроде этого мы встречаем в английской, особенно американской кодификации. У нас тогда будут рядом два кодекса: постатейный и популярный. Может быть

этот последний и будет формой пролетарского права будущего, когда оно потеряет всякую тень буржуазного строя, ибо для всякого из нас очевидно, что пролетарское право есть прежде всего упрощение, популяризация нашего нового общественного строя.

Нас упрекают, с одной стороны, в том, что мы издаем слишком много декретов, а с другой — что у нас не хватает целого ряда самых необходимых законов. Оба упрека одновременно и основательны, и неосновательны. У нас безусловно не хватает самых необходимых декретов, например, хотя бы инструкции об уголовных преступлениях и наказаниях. Но при недостатке стоящих на нашей платформе юристов это более чем естественно. С другой стороны, скороспелые декреты в такой области особенно опасны. Мы с полным основанием упрекаем Временное правительство Львова и Керенского, что оно в течение 8 месяцев не издало ни одного руководящего закона, но все время плелось за ходом революции. Но оно было явно контр-революционно и нарочно поступало так, рассчитывая на близкое наступление реакции. Нам этого упрека никто не сделает.

Но зато декреты о земле, о 8-часовом рабочем дне, о семье и наследстве, об отделении церкви и т. д. как будто не все были своевременны, ибо не все еще проведены в жизнь. Но и это мнение неправильно. Мы правильно поступили, поставив эти вехи, и одно то обстоятельство, что из этих основных декретов ни одного отменять не приходилось и что ныне они один за другим проводятся в жизнь, указывает на их целесообразность. Даже такой умный буржуазный юрист, как Менгер, пишет, что «глаз настоящего законодателя обращен не на прошлое, но непреклонно на будущее». В революционное время в этом и заключается разница сознательного организованного руководства революцией от стихийного, если хотите, анархического переворота. При всем недостатке сил, при всех несовершенствах нашего аппарата любая страница нашего сборника декретов, и в не меньшей мере нашего кодекса пролетарского права, показывает, что это есть надстройка серьезного материального переворота, а не временной случайной вспышки. То тесное взаимодействие между пролетариатом и творимым им же правом, которое наиболее наглядно проявляется в практике народного суда, красною нитью проходит через всю пролетарскую революцию. Она не боится ошибок или временных неудач, ибо в то время, как буржуазия при всякой неудаче теряет одну лишнюю надежду, пролетариат, как класс восходящий, при каждой ошибке становится одним опытом богаче».

(*«Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». Сборник статей. Москва, 1919 г.*).

---

5. ПЯТЬ ЛЕТ РЕВОЛЮЦИИ ПРАВА.

Революция не имеет ничего общего с правом: с точки зрения права всякая революция подлежит безусловному осуждению. Так рассуждают буржуазные юристы. Беспрерывность права для них считается непоколебимым принципом Российское революционное временное правительство 1917 г. действовало по указу свергнутого Николая, Германское временное правительство 1918 года — именем лишившегося трона Вильгельма или, вернее, по передоверию его канцлера Макса Баденского.

Октябрьская революция, как революция пролетарских масс, не могла остановиться на такой формальной точке зрения: она привела к революции и в праве. Правда, и она сначала в этой области была революционнее на деле, чем на словах. Революционные суды образовались раньше, чем издавались общие о суде законы, старые законы были признаны упразднен-

ными раньше, чем о том повествовали декреты. Старые суды уже потеряли всякий авторитет в глазах широких масс, когда партийные товарищи, революционеры не за страх, а за совесть, еще в колебаниях остановились перед подписанием декрета об их упразднении. Так еще в величайшей в мире революции мы на деле убедились, что сильнейшею крепостью, последним убежищем всякой идеологии, всяких идеалистических пережитков является право.

О праве, о правосудии, вообще, как-будто забыли. В числе народных комиссаров в постановлении II Всероссийского съезда советов «об образовании Рабоче-крестьянского Правительства» Народным комиссаром был назван тов. Оппоков (Ломов), но всем было известно, что он из Москвы едва ли уедет и едва ли уйдет из политики и станет заведывать правосудием Советской России. В эту возможность верили, по крайней мере, так же мало, как в то, чтобы И. И. Скворцов действительно переехал из Москвы в Народный комиссариат финансов. Но Народный комиссариат юстиции был обещан левым эсерам на случай их вступления в Правительство, и общее мнение было таково, что с этим комиссариатом, вообще, нечего спешить.

Конечно, большевики не отрицали значения законов. Они, может быть, даже слишком верили в них. Но до революции они, как и все социал-демократы-марксисты, слишком мало думали о вопросах права и само законодательство в первое время происходило не особенно регулярно. Рядом с постановлениями и декретами II съезда (о власти советов, о мире, о земле) декреты подписывали именем правительства Российской Республики «Председатель Совета народных комиссаров». Но в то же время в «Газете Временного Рабоче-крестьянского Правительства» печатались «постановления Рабоче-крестьянского Правительства о 8-часовом рабочем дне», за подписью «именем Росс. Республики за Комиссара труда Ю. Ларин», или «о жилищном моратории», за подписью «Народного комиссара земледелия В. Милютина» и т. д. «Инициатива законодательства» не была ограничена — и так в один прекрасный день я вместе с тов. Козловским, тогда еще не входя в Наркомюст, сели, написали и представили в Совнарком на поллисте почтовой бумаги проект декрета «об уничтожении сословий и гражданских чинов», а через несколько дней 10 (23) ноября декрет уже прошел в Совнаркоме и ВЦИК и был опубликован.

Но в то же время все суды, с «правительствующим сенатом» во главе, нашу революцию просто игнорировал. Если в феврале, на второй день нашей революцию, суды уже писали свои решения «по указу временного правительства», то после Октябрьской революции они Рабоче-крестьянское Правительство и временно[1]) признавать не желали.

В сотнях камер мировых судей и разных других судов провозглашали решения по указу свергнутого временного правительства и на основании законов свергнутых правительств. Это было нетерпимо и я набросал опять вместе с тов. Козловским проект первого «декрета о суде».

В это время я получил назначение вр. комиссаром юстиции. Как во всех ведомствах, так и в министерстве юстиции служащими была объявлена забастовка. Для меня это было весьма кстати, ибо я ни минуты не сомневался, что в министерстве юстиции весь высший состав персонала придется просто разогнать. Из партийных источников я узнал, что из состава канцелярских служащих всего трое согласны продолжать работу (из них один значащийся большевиком). На другой день после моего назна-

[1]) Второпях Рабоче-крестьянское Правительство обозвало себя временным, хотя оно и не думало добровольно сдать свою власть и вполне верило в свою прочность. Мы в Наркомюсте поэтому в заглавии «Собр. уз. и расп. Раб.-кр. Пр.» внесли маленькую поправку в революцию — просто выпустили словечко «временное».

чения я без лишних церемоний отправился пешком в здание министерства на Екатерининской улице.

Может быть, швейцарам и курьерам немного странно показалось, что представитель новой «грозной» власти приходит пешком один, без провожатых и за руку здоровается с ними. Но я должен сознаться, что и я был несколько поражен тою приветливою их встречей не только в министерстве, но потом и в сенате, и других местах. Это был единственный элемент, близкий к пролетарскому, во всем старом суде и, повидимому, их классовый инстинкт им подсказывал, что эта власть есть именно их классовая власть. Надо отдать справедливость: они в смысле охраны имущества и зданий оказали громадную услугу Республике. И, конечно, не по своей вине Республика вынуждена была им отплатить недостаточно щедро и даже наоборот: сократить их количество, перемещать их и, вообще, поставить в условия весьма неблагоприятные. Но я здесь подчеркиваю еще раз, что это не вина новой власти.

Из прочих служащих я в канцелярии никого не нашел, но в то же время мне сообщили, что все служащие весьма аккуратно являются в столовую к обеду и на митинг. Для осторожности они оставили на службе двух своих представителей, старых служащих-дипломатов, из которых я одного там же, в коридоре, и встретил. Он мне объяснил, что он согласен продолжать работу и, таким образом, лишил меня повода к его увольнению, что я сделал бы безусловно в тот же день, случайно зная его отношение к новой власти и не только к новой власти. Я объявил ему, что я за уклонение от занятий увольняю весь высший состав служащих министерства, приглашаю весь остальной персонал на следующий день явиться на службу с предупреждением о их увольнении в противном случае и одновременно отдаю распоряжение о закрытии столовой и, вообще, здания для всех, не являющихся на работу. Низшие слушащие меня просили прислать некоторую вооруженную охрану, но хотя я и действительно принял в этом отношении известные меры, такая охрана, по крайней мере, в тот день не прибыла, да и вообще, оказалась ненужною. Так мы без кровопролития завоевали центр всего аппарата правосудия, историческое здание министерства юстиции. Я сказал бы, к счастью, без его чиновников, ибо за исключение 3—4 человек, действительно, никто на службу не явился, пока не была сломлена главная цитадель, правительствующий сенат.

Я уже сказал, что первый проект декрета о суде был составлен нами еще до моего назначения Народным комиссаром. Его проведение совершенно неожиданно встретило сопротивление в собственных рядах. Я не говорю о левых эсерах, уже представленных в ВЦИК. Нет, — и в Совнаркоме, где сидели одни коммунисты. Не знаю, большинство ли сначала было настроено против этой мысли или лишь меньшинство, ибо на голосование проект не ставился, но Владимир Ильич, которому весьма понравилась смелая мысль, не хотел ее проводить так «наскоком» при «оппозиции» в собственных рядах. Он правильно рассуждал, что ход революции сделает свое дело и в этом вопросе.

Каковы же были возражения? Первоначальный проект декрета о суде был найден в бумагах Наркомюста и в 1918 году напечатан в выпуске 2-м «Материалов Народного комиссариата юстиции». Он состоял из 9 статей и введение его гласило: «Великая рабочая и крестьянская революция рушит основы старого буржуазного порядка, покоящегося на эксплоатации труда капиталом, и вызывает необходимость коренной ломки старых юридических учреждений и институтов, старых сводов законов, приспособленных к отжившим общественным отношениям и создания новых подлинно демократических учреждений и законов». Всякий читавший К. Маркса («Речь пред присяжными заседателями в Кельне») заметит, что выражения разрушительной части этого первого акта революции права взяты оттуда. Еще в доактябрьскую эпоху нашей революции в пе-

тербургском исполкоме была нами выдвинута эта мысль, но, когда я как-то цитировал слова Маркса из этой его речи, наши социал-демократы-меньшевики нашли, что это, повидимому, слова какого-нибудь анархиста. Когда этот взгляд на право тов. Козловским проводился на суде в процессе Кшесинской о выселении из ее «дворца» ЦК и ПК партии большевиков, то он был высмеян не только меньшевиками, но, конечно, и кадетами. Теперь та же мысль встретила известное сопротивление в рядах самих большевиков. Особенно мысль декрета: «упразднить общие судебные установления, как-то: окружные суды, судебные палаты, правительствующий сенат со всеми его департаментами, военные суды всех наименований, а также коммерческие суды и институт мировых судей, избираемый путем непрямых выборов».

Если мы в первых словах говорили еще о «подлинно демократических учреждениях», то здесь мы повторяем ту же мысль о «непрямых выборах».

Но зато ст. 6 у нас уже гласила: «Для решения судебных дел как гражданских, так и уголовных, учреждаются местные рабочие и крестьянские революционные суды, образуемые местными районными и волостными, а где таковых нет, — уездными и губернскими советами, в составе председателя и не менее двух членов, руководящихся в своих решениях и приговорах не писаными законами свергнутых правительств, а декретами Совнаркома, революционной совестью и революционным правосознанием». Значит, мы в первом же проекте без оглядки провозглашаем классовый принцип юстиции.

Наших товарищей прежде всего, пугала мысль, как суду обойтись без законов. Напишем, мол, раньше новые законы, а затем уже распустим и старые суды и назначим новые. А до тех пор, спрашивали мы, мировые судьи, судебные палаты и сенат будут продолжать свое контр-революционное дело? Сведения об этой контр-революционной их деятельности получались ежедневно; особенно воинственно был настроен сенат. В то же время мы доказывали товарищам, как медленно во время революций создавались новые кодексы: «Гражданский кодекс Наполеона» вышел лишь в 1804 году. Некоторые товарищи начали склоняться в сторону декрета, но только — не все суды сразу упразднить. Одни предлагали начать снизу, другие сверху, т.-е. с сената, и продолжать дело упразднения постепенно Мысль—явно несостоятельная и лишенная разумного основания.

Опасным противником декрета был тов. Луначарский. Но случилось чудо. На заседании Совнаркома в виду его возражений вопрос был отложен до следующего заседания. Тов Луначарский взял с собою законопроект и за ночь из Савла превратился в Павла [1]). В следующем заседании тов. Луначарский произнес блестящую защитительную речь в пользу проекта и проект сделался декретом. На утверждение ВЦИК'а он внесен не был, ибо опасались новой затяжки дела со стороны наших союзников—левых эсеров. 24 ноября декрет о суде был опубликован и вступил в силу.

Если сопоставить проект и окончательный декрет, то мы видим, что декрет в одном вопросе остановился на полпути. Он отменил все суды, но только дела мировой подсудности были переданы местному (ныне народному) суду, дела прочих судов были приостановлены впредь до особого декрета. Местный суд впредь «до назначения прямых демократических выборов избирается... советами». Значит, только так называемые «мелкие дела» мировой юстиции решились передать рабочему суду. Что же касается демократических выборов, то, во-первых, еще не были изжиты иллюзии учредительного собрания, а, во-вторых, пришлось несколько считаться с мнением еще не побитых левых эсеров.

---

[1]) См. его статью «Рев. и/Суд» в «Правде» от 1 дек. 1917 г.

Жизнь была решительнее нас. Еще задолго до октября в Кронштадте, в Выборгском районе и в других местах народ просто бойкотировал старый суд и образовал свой революционный суд. Даже Керенский сделал уступку «общественному мнению» и посадил рядом с мировым судьею двух заседателей — рабочего и солдата. Революционный суд судил не по закону, а по своему убеждению. Интеллигенту это показалось несообразностью, он больше находился в путах правового мистицизма. Он не мог сразу преодолеть старой идеологии права, как творчества векового ума человечества. И когда тов. Луначарский произнес свою горячую речь в пользу революционного декрета и Совнарком ему предложил изложить свои мысли в особой статье в «Правде», то мы убедились, что нам в нашей революции помогла теория контр-революционного кадетского профессора Петражицкого, а не теории Маркса. Все это, конечно, не упрек товарищам. Нет, мне только важно отметить, как мы все без исключения медленно переходим к революционным взглядам в области права.

Статью проекта о законах также пришлось несколько смягчить. «Местные суды... руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Смысл статьи не изменил взгляда проекта на отмену старых законов, но он смягчил его букву, а для большей конкретности примечание ввело ссылку на программы-минимум победивших революционных партий. Наши друзья справа немало издевались над этим примечанием, что только доказывает, как им чужда была, вообще, революционная точка зрения.

В то время, как все остальные суды декрету подчинились, сенат и сословие присяжных поверенных объявило восстание против декрета. Совет присяжных поверенных петербургского округа отомстил мне тем, что демонстративно исключил меня из сословия присяжных поверенных, сословия, только что отмененного нами тем же декретом о суде, после чего совет перешел на «нелегальное положение». А сенат готовил контрреволюционное воззвание, оставшееся ненапечатанным лишь потому, что рабочие сенатской типографии отказались его набирать. С трудом они нашли машиниста, отпечатавшего это воззвание в нескольких экземплярах. К сожалению, этот исторический документ, кажется, до сих пор не опубликован. Все-таки здание сената пришлось закрыть, хотя и без сопротивления, вооруженною силою. Процедура закрытия была проделана 4 декабря 1917 года. Выходившая тогда еще кадетская «Речь» довольно остроумно описала, как комиссар над сенатом тов. Дамберг, якобы, собрал всех швейцаров и курьеров и, сев в кресло первоприсутствующего, объявил, что до сих пор сенаторы сидели в креслах, а курьеры стояли у дверей, пусть теперь будет наоборот (цитирую наизусть). Надо отдать справедливость остроумию репортера, и мы от всей души посмеялись над этим описанием, но сената оно не спасло. Мысль в этом описании была выражена та же самая, как и в преемнице «Русских ведомостей» («Свободной России»), когда она про народный суд писала: «поместный дворянин заменен пролетарием, только и всего». Но замена сенатора и мирового судьи пролетарским судом — это и есть революция права...

Мы прожили с тех пор пять лет. Не закрывая глаз на слабые стороны народного суда, мы должны признать, что он вполне оправдал себя и что все пролетарские революции должны будут итти тем же путем. Но все эти будущие революции будут, к счастью, иметь перед собой опыт нашей революции. Революция права лишь на 5-й год проникла и в теорию, как ни странно в то время, когда мы находились уже в стадии «отступления» и в области права.

Многим покажутся непонятным и наши слова в честь революции права в момент, когда они видят, как мы «возвращаемся к сожженным законам».

Ибо прокуратура, адвокатура, «красный» десятый том, т.-е. Гражданский кодекс, не является ли все это простой перепечаткой? Я беру закон о введении в действие Гражданского кодекса РСФСР и читаю: «Воспрещается толкование постановлений сего Кодекса на основании законов свергнутых правительств и практики дореволюционных судов или ссылка на них». Значит, не возврат, а лишь отступление, строго ограниченное отступление с сохранением власти победившей революции. Это — с чисто практической точки зрения.

Но мы переживаем сейчас целую революцию и в идеологии права. Толчок этой революции идеологии дала революция на деле. Как довольно-таки часто ум человеческий плетется позади событий, что не мешает ему делать новые чудеса, когда его прояснит молния классового сознания. И неудивительно, что именно область права в этой борьбе с отжившею свой век идеологиею по времени всюду занимает последнее место. Когда мы в 1917 году смело провозгласили «революционное правосознание», оно не имело того определенного классового содержания, какое мы вкладываем в эти слова ныне. Только оставаясь верными этим завоеваниям пятилетней революции права, мы избегнем того, чтобы «красные прокуроры у нас не превращались в дореволюционных прокуроров, «красные» защитники не обращались в прежних Балалайкиных, а советские народные суды не стали просто казенными судами.

Революция права не закончена, она продолжается и после пяти лет борьбы, только новыми средствами.

(«Е. С. Ю.» № 44—45 1922 года). *

---

* К этому отделу относится еще статья «Низвержение права», напечатанная в 1919 г. и помещенная в конце «Сборника».

III. НА ПУТИ К КЛАССОВОМУ ПОНИМАНИЮ ПРАВА.

1. ЧТО ТАКОЕ ПРАВО?[1].

Великая французская революция начала, как известно, с торжественного провозглашения «Декларации прав человека и гражданина». На деле это **общечеловеческое право** Великой французской революции оказалось лишь **классовым** правом гражданина, кодексом **буржуазии** (code civil). И, в самом деле, этот кодекс великого контрреволюционера Наполеона является сжатою формулою всей сути великой и, прибавим, всякой иной буржуазной революции. Это настольная книга и, если хотите, даже библия класса буржуазии, ибо она содержит в себе обоснование самого естества буржуазии, ее священного права собственности. Таким образом, это ее действительно естественное, прирожденное («наследственное») право, так и провозглашенное естественным правом в декларации прав человека и гражданина. Ибо как в феодальном строе барон человеком считал лишь барона, так и в буржуазном мире человеком, в истинном смысле слова, признается только буржуа [2], т. е. человек с цензом, с частной собственностью. Размеры этого ценза, этой частной собственности, определяющие удельный вес каждого гражданина в данном буржуазном обществе, меняются с ростом капитализма. А отрицание этого ценза — не что иное, как «социальная революция».

Но если буржуа на свое гражданское право смотрит, как на прирожденное, и охотно окружает его ореолом священства, то **феодал** клянется, что естественным правом является только его феодальное или, выражаясь популярнее, «кулачное» право. Священная собственность его является действительно прирожденным, либо «родовым» правом. И он охотно ссылается, как на свое евангелие, на вышедшее из той же мастерской римского права, но только дореволюционное «Прусское земское право» [3].

Если мы, однако, делаем еще шаг вперед, примерно к XV—XVI столетиям, к эпохе великих крестьянских революций в Европе («крестьянских войн»), то мы видим, что **крестьяне** отнюдь не были в восторге от нарождающегося и укрепляющегося, хотя и освященного церковью, феодального права и подняли восстание во имя своих «особых прав и священных обычаев». Они возненавидели не только само это новое право, но и его глашатаев, тогдашних докторов прав священного римского права, на которое в одинаковой степени ссылается и «code civil» и прусский «ландрехт».

[1]) Из работы «Революционная роль права и государства». Первое издание вышло в 1921 году, 2-е в 1923, 3-е в 1924 г. Так как книжка без изменений переиздаваться более не будет, то помещаем здесь из нее 2 главы.

[2]) «Не человек, как citoyen (гражданин), но лишь человек, как bourgeois (буржуа), считается действительным и истинным человеком» (Маркс, Nachlass, 1—420).

[3]) Так представитель исторической школы Савиньи в 1840 г. говорит о «счастливой Германии», которую не постигло проклятие революции» и которая вследствие этого вместо проклинаемого Code civil, который в виде «болезни рака надвигается на Германию», осталась при своем «ландрехте», который «медленно, без революции создал нечто великолепное».

Мы еще в дальнейшем увидим, как жестоко они поступали с этими творцами права, которых они величали «живодерами» и «разбойниками». И лишь через трупы восставших крестьян окончательно укрепилось феодальное право собственности, это римское право в феодальном истолковании или феодальное право в римском изложении, слабое отражение которого мы находим еще и в упоминавшемся «ландрехте» германского буржуазно-помещичьего строя.

Значит, три класса — три рода священного естественного права. А когда германские социалисты не так давно еще восторженно пели «Вперед», кто чтит право и истину» (Wohlan wer Recht und Wahrheit achtet), то они наверное не думали ни о том, ни о другом, ни о третьем, а о своем особом праве. И, наконец, когда мы в ноябре 1917 года свергли буржуазный строй, то мы буквально сожгли все законы прошлого мира, признали все права прошлого времени принципиально отмененными, а все-таки и после этого говорим о праве, о советском праве, о пролетарском правосознании и т. п.

Невольно спросишь: «Что такое, в самом деле, это столь разновидное понятие «право»?

Но если и нет другого слова, так часто произносимого, как слово «право», то все-таки ответа на наш вопрос о его существе мы не так легко добьемся. Обыватель нас просто отошлет к толстым книгам сводов законов или к особому сословию юристов. И в самом деле, целое «сословие» юристов веками ведает эту область. Само производство права приняло чистую форму крупного (фабричного) производства, для его применения и истолкования созданы настоящие храмы, где священнодействия жрецов этого права протекают по всем методам крупного производства. А за всем этим область права остается таинством, чем-то непонятным для обыкновенного смертного, несмотря на то, что он все это обязан знать и что этим правом регулируются самые обыденные взаимоотношения людей.

Юрист вас спросит, в ответ на ваш общий вопрос, каким, собственно, правом вы интересуетесь: гражданским, уголовным или иным? И, как доктор по рецепту, вам, может быть, отпустит вашу долю правды и справедливости, хотя и без всякого ручательства. Но как и доктор вам не объяснит содержания своего рецепта, так и юрист вам не даст общего пояснения права.

Вы обращаетесь к ученому правоведу. Он вас прежде всего спросит, о каком, собственно, праве вы спрашиваете: о праве ли в объективном или субъективном смысле, и вам, пожалуй, скажет, что первое, т.-е. «право в объективном смысле, это — совокупность всех социальных норм известного разряда, т.-е. правовых норм», а право в субъективном смысле — «создающиеся этими нормами для каждого субъекта свободы действия, возможности осуществления своих интересов». Вы остаетесь в недоумении, ибо вы не получили никакого ответа по существу на вопрос, что такое право, а вам сказали, что это таинственное понятие имеет две стороны: субъективную и объективную.

Вы обращаетесь к другому ученому и тот вам перечислит целый ряд признаков права по его содержанию, но он вас тут же и предупредит, что ни одно из этих определений не выдерживает критики, ибо «мысленно мы можем представить себе правовые порядки, построенные на прямо противоположных началах, и тем не менее каждый из них (т.-е. правовых порядков) будет основываться на праве». Но для успокоения он прибавит: «впрочем, дело не в том, какое поведение требуется нормами права, а как требуется поведение, указываемое в нормах права» (Шершеневич).

Я откладываю в сторону уйму общих и специальных ученых работ по вопросам права и обращаюсь к общедоступной настольной книге по всяким вопросам. В «Большой энциклопедии» я читаю: «Право. Вопрос

о существе права принадлежит к числу наиболее трудных и до сих пор нерешенных проблем. До настоящего времени в общем учении о праве оспаривают друг у друга исключительное господство значительное число существенно друг от друга отличных теорий».

Значит, о том же самом праве, которое веками «правит» человечеством, во имя которого происходили смуты, восстания, революции, по сие время остаются в силе слова Канта: «Юристы все еще ищут определения для своего понятия права». Но юристы и, прибавим, не только юристы тщетно ищут определения вечной категории права. И мы увидим еще в дальнейшем, почему они не могли и даже не желали (т.-е., может быть, несознательно, но все-таки не желали) найти и дать действительно научное определение понятия права.

Когда пред нами, в коллегии Наркомюста[1]), при редактировании Руководящих начал по уголовному праву РСФСР (см. Собр. уз. 1919 г. № 66, ст. 590), предстала необходимость формулировать свое, так сказать, «советское» понимание права, мы остановились на следующей формуле: «Право—это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованною силою его (т.-е. этого класса)». Возможна, конечно, более совершенная формулировка понятия права. Необходимо более подчеркнуть слова «система или порядок» или заменить их иным словом, более ярко отмечающим сознательное участие человека в установлении этой «системы или порядка». В последнее время я вместо «система» и т. д. поставил слова «форма организаций общественных отношений, т.-е. отношений производства и обмена»[2]) Может быть, следовало бы более подчеркнуть и то, что интерес господствующего класса является основным содержанием, основною характеристикою всякого права. Возможна, наконец, и еще формулировка, что право есть «система или порядок норм, фиксирующих и охраняющих от нарушения означенную выше систему общественных отношений и т. д.». Мы этот последний взгляд на право с несколько иной точки зрения оспариваем и разбор его дадим в дальнейшем, но все-таки он основывается на верной, а именно классовой точке зрения. В общем и целом я считаю и ныне вполне приемлемою формулу Наркомюста, ибо она содержит те главные признаки, какие входят в понятие всякого права вообще и не только советского. Самое основное ее достоинство в том, что она впервые ставит на твердую научную почву вопрос о праве вообще; она отказывается от чисто формальной точки зрения на право, видит в нем не вечную категорию, но меняющееся в борьбе классов социальное явление. Она отказывается от попыток буржуазной науки примирить непримиримое, а, напротив, находит мерку, применимую к самым непримиримым видам права, ибо она стоит на революционно-диалектической точке зрения классовой борьбы и классовых противоречий.

За исключением признака классового интереса и буржуазные теоретики неоднократно близко подходили к каждому отдельному из наших признаков права. Но они «понюхали, понюхали и пошли прочь». И вся юриспруденция, это «знание божественных и человеческих дел, наука права и справедливости»[3]), не исключая ни ее социологического, ни, тем паче, социалистического направления, по сие время вертится в каких-то убогих формулах и сама то и дело переживает сомнения, есть ли она вообще наука. Ответим прямо: нет, до сих пор она не была и не могла быть наукою; она может сделаться наукою, лишь став на классовую точку зрения (на точку

[1]) См. — «Руководящие начала по Уголовному праву». 1919 г.

[2]) Ср. мой доклад: П. Стучка: «Классовое государство и гражданское право». Москва, 1924.

[3]) Ульпиан определяет: «Jurisprudentia est divinarum et humanarum rerum notitia, aequi atque justi scientia» (D. I. I. 10.).

зрения рабочего или хотя бы враждебного ему класса, но классовую). Может ли она это? Нет, она не может. Ибо, внеся революционную (классовую) точку зрения в понятие права, она «оправдала» бы, сделала бы законною и пролетарскую революцию. Только теперь, после победы пролетариата, и буржуазные юристы начинают робко говорить о том, что каждый класс имеет свое право [1]. Но их убедила не теория, а победа революции на деле.

Поэтому и в тех случаях, когда находились среди юристов социалисты, признающие на словах принцип классовой борьбы, они почти поголовно стояли на точке зрения оппортунизма и были и остались ярыми противниками революционного понимания классовой борьбы, т.-е. они относились к тому течению, которое теперь под марксистскою маскою на каждом шагу предает революцию. И то, что Энгельс (вместе с Каутским) писал в 1887 г. (в «Neue Zeit» № 49) в редакционной статье против буржуазного «юридического социализма», целиком относится и к ним [2]. В нынешнем понимании права нет места революции, и как германские революционные крестьяне гнали своих докторов прав, а испанцы проклинали своих «togados» (юристов) [3] так и пролетарской революции приходится быть на страже от своих «буржуазных юристов». И интересно отметить, что такое научное ничтожество, как германский проф. Штаммлер, сумевший создать себе имя своею буржуазною карикатурою на марксизм, видит главный, если не единственный недостаток Маркса в его «недостаточной юридической выучке (Schulung). А между тем Маркс, прошедший хотя и старую римскую школу берлинского университета 30-х годов и не питавший никаких особых симпатий к этой науке [4]) в ее тогдашнем виде, в письме от 25/XI 1871 г (по адресу Больте), характеризовав борьбу за сокращение рабочего дня посредством закона как борьбу политическую, дает следующее тонкое определение понятия права, до сих пор не достигнутое юридическою наукою: «Из таких единичных движений рабочих вырастает политическое движение, т.-е. движение класса в целях осуществления своих интересов в общей форме, т.-е. в форме, обладающей общею общественно-принудительною силою». Вы видите, что тут в характеристике завоевания рабочего законодательства, как части права, содержатся все принятые и нами выше признаки.

Но бросим хотя бы беглый взгляд на целые горы юридических «трудов», посвященных исканию «верного» определения понятия права. Хотя громадное большинство их и исходит из понятия юридического отношения, но право в объективном смысле они почти поголовно видят только в совокупности норм, т.-е. своде законов, волевых велений, за исключением лишь тех маниаков в тогах (рясах) ученых (оттуда по-испански их и называли — togados), для которых настоящее право находится лишь в собственном сознании, интуиции, или где-то обретается в «натуральном» виде (натурюстиция), а положительный закон изображает лишь одну иллюзию. Но еще древний римский юрист (Paulus) учил: «Non ex regula jus sumatur, sed ex jure, quod est, regula fiat», значит, закон возникает из права, а не право из закона. А юрист-практик Зильцгеймер («Социологи-

---

[1]) См. проф. Трайнина, в журнале «Право и Жизнь», № 1.

[2]) Эта статья после моего указания появилась в русском переводе в журнале «Под знаменем марксизма» за 1923 г. № 1.

[3]) Маркс в своих письмах об испанской революции приводит изречение времен Филиппа V: «Все зло происходит от «togados» (юристов). И у русского крестьянина есть пословица: «Не бойся закона, бойся законника». Во Франции из 745 депутатов — 300 адвокатов (см. Prof. Dr. Heyck, Parlament oder Volksvertretung. Halle, 1908).

[4]) Известно его изречение: «juristisch, also falsch», — «по юридическому значит — неверно».

ческий метод в частном праве», Мюнхен) пишет: «Правовой порядок вовсе не должен совпадать, да и не совпадает с правовой действительностью во многих отношениях, ибо не все «действующее право» (читай — совокупность норм) действует и не все действующее право высказано (в законе)». Как русский Иверский адвокат поучает: «которая статья гласит, а которая и не гласит»[1]).

В самом деле, казалось бы, что с тех пор, как появилось социологическое направление в науке о праве, уже хотя бы одно установилось твердо, что правом является, именно, система общественных отношений. Но это социологическое направление там, где оно договорилось до понятия общественных отношений и общественного порядка, столкнулось со столь же непонятным для него понятием общества или с красным призраком классовой борьбы и вновь оказалось в тупике»[2]).

Так, один из главарей «юридического социализма» среди буржуазных профессоров, умерший венский профессор Антон Менгер писал: «Всякий правопорядок — это великая система отношений власти, развившаяся внутри данного народа в течение исторического развития». А если взять более нового автора, проф. Ергес («Recht und Leben» в Zeitschrift für Rechtsphil, 1919, VI 13), то мы у него читаем: «то, что дано в схваченном нами понятии права, это совместная жизнь и совместная деятельность людей (Zusammenleben und Zusammenwirken), направленные на обеспечение благ, необходимых для удовлетворения их потребностей. Мы это называем общественной жизнью... Таким образом, право является порядком общественной жизни (проявления общественной жизни)». Но тот же Ергес несколькими строками ниже опять возвращается к «праву, как системе норм, т.-е. направляющих линий или мотиваций для общественных проявлений жизни».

---

[1]) «Существуют и скрытые (latente) нормы» (Иеринг. «Дух римского права», нем. изд., 29).

[2]) Близко около социальных отношений, как содержания права, вертится не мало и буржуазных юристов. Так, Кистяковский («Социальная наука и право») пишет: «При социально-научном исследовании права надо признать осуществление права основным моментом для познания его и поэтому исходить из рассмотрения права в его воплощении в правовых отношениях». Здесь автор еще придерживается «волевой» традиции, но свой анализ направляет уже не на волю, но на ее осуществление. Приведем еще и другие примеры из работ юристов так называемого социологического направления. «Всякая правовая норма или, по крайней мере, всякий комплекс правовых отношений может быть созерцаем с юридической и социологической точки зрения. Основные правовые институты (Rechtsgebilde), как, напр., семья, собственность, государственная власть, община соответствуют общим социальным явлениям. Но характерно для права, что оно отделяется от социальной материи, т.-е. от общественных фактов и отношений, внешнею формой и порядком которых оно является. Этот процесс обособления (Verselbstandigung), главным образом, обусловливается увеличивающимся вместе с ростом цивилизации осложнением условий жизни, которое делает все более невозможным полное и постоянное согласование общего правила и отдельного случая. Правоведение, как техника, это — самое совершенное выражение этой тенденции права к самостоятельности... Так возникает дуализм между правом и социальным содержанием (Substrat) права» (Max Huber. Beiträge zur Kenntniss der soziologischen Grundlage des Völkerrehts. Zeitschrift für Rechtsphilosophie. Band IV). «Право старается охватить общество не как оно есть и становится, а в смысле порядка его осуществления» (см. проф. Ергес, Zeitschrift für Rechtsphilosophie. 1919, II). Социологический метод сводится к познанию правовой действительности», «Rechtswirklichkeit» (H. Silzheimer, Die soziologische Methode in der Privatrechtswissenschaft, 1919).

Мы пока оставляем в стороне вопрос об обществе, общественных отношениях[1]) и их системе, на которых нам придется остановиться подробнее, и ограничиваемся лишь указанием на то, что и буржуазная наука, пока только робко, дошла до того понимания, казалось бы, само собою разумеющегося, что право есть известный порядок, т.-е. система общественных отношений или взаимоотношений людей, а не только те или другие статьи, трактующие об этих взаимоотношениях, или тот или иной определенный формально правовой институт.

Но при отсутствии классовой точки зрения у них попрежнему получаются пустые формулы. Берем, например, «право — свободу» Е. Трубецкого: «Право есть совокупность норм, с одной стороны, предоставляющих, а с другой — ограничивающих внешнюю свободу лиц в их взаимоотношениях». Или право — «защищенный интерес» Коркунова: «Право установляет разграничение людских интересов .... и, следовательно, отношение их (людей) только к людям». Или, наконец, того же «марксиста на выворот» Штаммлера: «Право — это по своему смыслу есть считающееся непоколебимым (unverletzbar geltende) принудительное регулирование совместного проживания (Zusammenleben) людей». И субъект и объект исчез, получается формула без всякого содержания, и вы читаете целые библиотеки по поводу того, как отграничивать право от нравственности или науку о праве от всех прочих наук, ибо она по очереди была тесно связана и с естествознанием, и с историко-филологическими науками, особенно с философиею, и в последнее время с социологиею. И если мы берем такого серьезного ученого, как основателя русской социологической школы юристов Муромцева[2]), то его определение правового порядка, учитывающее и право в смысле порядка социальных отношений, и организованную и неорганизованную защиту этих отношений, понимая под организованною формою защиты именно форму юридическую или правовую, принимая и признак интереса, выдвигаемый Иерингом, ограничилось лишь пустою, бессодержательною формулою, ибо было чуждо классового понимания общественных отношений. Только классовое понимание права вносит необходимую определенность, без которой юриспруденция есть только простая техника словесности, «служанка» господствующего класса.

Второй признак права — это его охрана организованною властью господствующего класса (обыкновенно — государства), при чем главная, если не единственная, цель этой власти, — охрана этого порядка, как соответствующего интересу или, вернее, обеспечивающего интерес того же господствующего класса. Казалось бы, что по вопросу о принуждении, как элементе права, должны были безусловно согласиться все, кто право видит в совокупности норм, т.-е. в конце-концов, законов, изданных или признанных именно этою властью.

Но и для того, чтобы выступить с этою откровенною теориею потребовался такой смелый ум, как германского профессора Иеринга. Он откровенно провозглашает силу, принуждение, как безусловный признак права, и в самом праве видит только защищенный интерес. Он, конечно, чувствовал, что он имеет дело с интересом господствующего класса и властью классовою, но он, повидимому, в этом классовом элементе не отдавал себе полного отчета. Но на деле он безусловно стоит на страже интересов прусско-германского юнкерски-капиталистического класса, а когда он говорит об интересах, то он переходит в область телеологии, к суждениям о конечных целях и о бесконечных предпосылках, ибо «ни одна культурная нация не

---

[1]) Юристы, вообще, говорят и здесь об отношениях людей прямо к вещам, напр., о так называемых вещных правах.

[2]) См. Муромцев — «Определение и основание разделения права». М. 1879.

может обойтись без церкви» и «ни одна философия или наука вообще (напр., учение Дарвина) без предпосылки бога». Он говорит о «праве, как обеспечении жизненных условий общества путем принуждения», но какое общество он имеет в виду, явствует лишь из его слов, когда, он, напр., рисует пред своею аудиториею «необеспеченность права собственности» (читай имущих) по сравнению с «правами личности» (т.-е. неимущих). Он там ограничивается одною фразою: «Я забыл бы, пред какою публикою я говорю, если бы стал тратить хотя бы одно лишнее слово по этому поводу». Итак, даже самый смелый и самый откровенный представитель буржуазной науки о праве, каким безусловно приходится признать Иеринга, не дошел или не решился дойти до открытого признания классового характера права и остался в том же тупике.

Эклектику удастся, собирая от разных авторов по перышку, подобрать все наше определение права и среди буржуазной юридической науки, но в таком сочетании эти отдельные признаки друг друга пожирают, ибо отрицают, и только в классово-революционной перспективе это определение становится жизненным и освобождается от всякой недоговоренности и всякого лицемерия.

Но скажут нам: отвечает ли наше определение действительности? Охватывает ли оно всю область права, как его представляют себе история и жизнь? Мы, конечно, наше право не можем применять в обществе, не имеющем классов, но мы дальше увидим, что там и нет права в современном смысле, и только самое неразборчивое применение современной терминологии к античному обществу создает подобные «иллюзии». Это, однако, повторяет только общепринятое в буржуазной науке смешение понятий, находящее и капитал, и пролетариат и т. д. и в древнем мире. Но всюду, где в той или иной форме имеется деление человечества на классы и господство одного класса над другим, мы находим право или нечто, похожее на право. Мы же в своем исследовании ограничиваемся правом эпохи буржуазного и предшествовавшего ему феодального общества, как наиболее выраженным его образцом. Что же касается области, охватываемой правом, то наиболее опасным считается возражение на счет международного права. Но мы еще увидим, что международное право, поскольку оно вообще есть право, вполне должно соответствовать этому определению, и на это всем открыли глаза современный империализм, в особенности, мировая война со всеми ее последствиями. Мы говорим о власти, организованной классом, не называя ее государством, чтобы охватить именно более широкую область права. Но, добавлю я, есть еще попрежнему даже в среде лицемерной буржуазной науки много ученых, серьезно сомневающихся на счет места международного права в системе прав вообще.

Остается еще одно возражение: что это определение подходит якобы только к так называемому гражданскому или частному праву. Ясно, что наше определение действительно пытается поставить опять на ноги людей в их взаимоотношениях, признавая самым основным вопросом в праве отношение человека к человеку, тогда как мы в буржуазном обществе видим полное владычество мертвой нормы над живым человеком, где человек существует для права, а не последнее для первого. Что первичным является гражданское право, признал еще Гумплович, который пишет («Rechsstadt und Sozialismus»): «Это ясно и бесспорно, что акт законодательства, объявляя его (т.-е. частное право) обязательным, только отвел частному праву роль закона, но этим еще нисколько не исчерпан вопрос о происхождении самого частного права». Значит, «частное право» (как порядок общественных отношений) существует раньше закона. По нашей конструкции, все остальные правовые институты созданы лишь в целях обеспечения этого основного права и поэтому имеют лишь вспомогательный характер, как бы ни показались они преобладающими над всеми прочими. А там, где государство переходит в роль субъекта «частного права», государство действует

лишь как «Gesammtkapitalist» (слово Энгельса), т. е. олицетворенный капитал или представитель всего класса капиталистов.

Итак вечное понятие права нами похоронено; оно похоронено на деле и буржуазною наукою. Одновременно гибнут и вечные и расплывчатые буржуазные понятия общечеловеческой правды и справедливости, заменяемые у нас чисто классовыми понятиями. Но если мы говорим о праве и справедливости в классовом смысле, то мы, конечно, не имеем в виду того робкого дуализма, тех двух душ, которые борются в груди всякого честного филистера и которые так ярко проявляются у эпигонов революционных философских умов и их юридических попугаев («von richtigen Rechte» — о понятии «должного» права), но чисто классовые, революционные лозунги.

Кто усвоил себе образ мышления Маркса и Энгельса о капитале, деньгах и т. д., как общественных отношениях, тот сразу поймет и наши слова о системе общественных отношений. Мы дальше еще увидим, что Маркс иногда право обозначал формальным осуществлением или опосредствованием общественных отношений. Труднее это будет для юриста, для которого право является чисто техническою, искусственною надстройкою как для него ни странно, властвующею над своею основою. Терминологии волевых теорий права маленькую дань отдал и К. Маркс. Ведь Маркс был воспитан на понятиях права 30-х годов, усматривающих в нем выражение «общей воли» («Volkswillen») [1]). По той же причине такой выдающийся современный представитель исторического материализма, как М. Н. Покровский, в своей ценнейшей книге «Очерки истории русской культуры» (I, стр. 181), пишет слова, как: «А так как естественные нормы общественной жизни остаются неизвестны, то люди стремятся создать нормы искусственные [2]), это есть то, что мы называем законом, правом. Искусственность эта растет по мере приближения к нашим временам, по мере того, как хозяйство становится сложнее, жизненные отношения «запутаннее». Мне скажут, что не-юристу такие выражения простительны. Не в том дело. Тов. Покровский — не исключение; он, как и все прочие не-юристы, тут еще слишком юридически мыслит. И что тогда сказать про юристов? Но ко всем этим вопросам мы еще вернемся.

Кто понял, что институты собственности, наследства, купли-продажи и т. д. не что иное, как правовые отношения, а стало быть и формы общественных взаимоотношений людей, тому откроются глаза и на те общественные отношения, которые кроются за всякою действительно правовою статьею закона. Он начнет мыслить революционно-диалектически и в правовых вопросах. И пред его глазами ясно вырисуется контрреволюционное право феодального мира в борьбе с общественным интересом когда-то революционной буржуазии, а также и контрреволюционное буржуазное право в борьбе с революционным классовым интересом [3]) пролетариата. Если первая борьба кончилась компромиссом обоих борющихся классов, то здесь нет места компромиссу: «Pollice verso», «кулаком в глаз и коленом на грудь!

---

[1]) В первом издании это место вызвало недоразумения. Конечно, тут никакого «упрека» и никакого «обвинения в ереси» нет. Маркс пользовался терминологией самых передовых представителей науки. Ныне он, понятное дело, говорил бы несколько иным языком. Существо дела, как мы еще увидим, он и тогда уже определил верно и отчетливо.

[2]) «Еще древняя философия ставила себе проблему: является ли право продуктом природы или произведением искусства?» (Гумплович, I, стр. 63).

[3]) Я подчеркиваю слова «право» и «интерес», чтобы обратить внимание на их противопоставление, а не смешение. Классовый интерес превращается в право лишь после победы класса и теряет это качество с уходом класса от власти.

2. ПРАВО-РЕВОЛЮЦИЯ.

«Революция не имеет ничего общего с правовою точкою зрения, с точки зрения права всякая революция подлежит просто безусловному осуждению» (Иеринг).

В самом деле, революцию еще научные светила редакционной комиссии «уголовного уложения» царского режима определяли, как «преступное ниспровержение общественного и государственного строя». И это определение они не изобрели сами: это было результатом вековой работы буржуазной науки права. Поэтому нет ничего более смешного, чем поведение юриста старой (да, пожалуй, и всякой иной) школы в моменты революций.

Свободнее всего держались вожди великой французской революции, как бы ни была велика их любовь к формам древнего Рима — республики. В своей знаменитой речи за смертную казнь Людовика XVI Робеспьер просто и откровенно высказывает мысли, слишком смелые 125 лет позже даже для некоторых «марксистов» в российской революции. «Собрание» — сказал Робеспьер [1]) — бессознательно уклонилось далеко в сторону от действительной задачи. Здесь не место затевать судебный процесс, Людовик — не подсудимый и вы — не его судьи. Вы можете быть только политиками и представителями нации. Вам предстоит не задача подать вердикт за или против этого человека, но только принять определенную меру для спасения отечества, сыграть роль национального провидения. Людовик не может быть судим, он уже осужден, или республика не оправдана. Привлекать к суду Людовика XVI, в какой бы то ни было форме, это значит возвращаться опять к монархическому и конституционному деспотизму, это — идея контрреволюционная, ибо она ставит под сомнение революцию. Народы судят не так, как судят судебные палаты. Они не выносят приговоров, они мечут громы и молнии, они не осуждают королей, они повергают их в прах, и это правосудие не уступает судебному».

Как позорно-смешны после этого потуги правительства Львова—Милюкова—Керенского у нас, или Эберта—Шейдемана—Гаазе в Германии, совершая революцию, сохранить юридическую невинность. Так Керенский, после назначения его революционным министром юстиции, изданную им же амнистию предложил сообщить на места — своему товарищу министра, имеющему мандат от Николая II, ибо он боялся контрреволюционного «правосознания» своих «революционных» прокуроров. Князь Львов является «перед народом», как председатель совета министров по указу Николая II, подписанному им до «добровольного» отречения. А между тем и низвержение Николая II, и назначение временного правительства Львова—Милюкова—Керенского и К° исходило единственно от фактической власти — Ленинградского исполнительного комитета.

И когда 9-го ноября 1918 года, после германской революции, от имени берлинского совета рабочих и солдатских депутатов Эберт явился к вице-канцлеру ф.-Пайеру с сообщением, что он является председателем революционного правительства, будучи в то же время предложен б. канцлером Максом Баденским в государственные канцлеры, то на вопрос фон-Пайера, требует ли он, Эберт, передачи ему власти на основании конституции или по поручению совета рабочих и солдатских депутатов, Эберт ответил

---

[1]) См. Bibliothek politischer Reden, ч. I, München 1891 или Н. Бернова — «Процесс Людовика XVI», Петербург. 1920.

ф.-Пайеру словами мудрого дипломата: «В рамках (?) (im Rahmen) имперской (!) конституции», и после краткого совещания вильгельмовский кабинет министров постановил: «Принимая во внимание, что войско отпало (Abfall), заведывание (Wahrnehmung, точнее заведывание без поручения) делами государственного канцлера передать Эберту — при условии (Vorbehalt), что им получено будет законное соизволение»[1]). Наконец, вспоминается мне из судебного протокола по делу о капповском фарсе весеннего переворота 1920 г. следующее место: «Когда Капп явился к заместителю государственного канцлера Шифферу, оставленному здесь позорно сбежавшим без боя из Берлина правительством Эберта-Шейдемана для сдачи власти Каппу, и потребовал от него передачи власти, Шиффер заявил, что он не оставит своего поста заместителя государственного канцлера. Когда Капп заметил: «В таком случае мы воспользуемся силою», а в ответ на эти слова Шиффер сослался на свое правовое положение», то последний получил довольно основательную реплику от присутствовавшего тут же бывшего берлинского президента полиции ф. Ягова: «О каком праве вы говорите после 9 ноября 1918 г.?» Шифферу осталось лишь пробормотать: «История покажет, была ли наша революция правотворческою (!) или нет (rechtsbildend oder nicht)». «Я сдаюсь только перед силою». И тут же сдал власть согласно имевшейся уже в кармане инструкции.

Тот же буржуазный профессор В. Елинек, который сообщает разговор Эберта, не воздержался от иронической заметки, что Эберт 9 ноября 1918 г. находился в одном отношении в правовом заблуждении, ибо Макс Баденский сам не имел никакого права назначить себе преемника. А Николай II, Вильгельм и все остальные «короли в изгнании» с уверенностью могут доказать, что, по гражданским законам всех стран мира, всякое отречение, совершенное по принуждению, — недействительно, за исключением разве только международного «права», где подписи почти всегда даются под давлением непреодолимой силы.

Куда честнее такой верноподданный профессор, как Иеринг, когда он приведенную в начале настоящей главы цитату продолжает [2]): «В самом деле, если такой взгляд был бы последним словом науки, то приговор над всякой революциею был бы уже готов..., но в известных случаях сила приносит в жертву право и спасает жизнь..., а приговор истории остается окончательным и решающим». В конце-концов, конечно, и эти рассуждения Иеринга, как бы ни звучали они революционно, представляют в данном случае из себя только пустую фразеологию.

Но, скажут, Робеспьер в той же речи красноречиво сослался на слова «общественного договора»: «Если нация видит себя вынужденною прибегнуть к праву восстания, то она по отношению к тирану возвращается в естественное состояние». Такие красивые фразы ныне, после 125 лет «буржуазных свобод», даже во Франции звучали бы детски-наивно. Но что сказать о наших петроградских и берлинских буржуазных рево-

---

[1]) Сообщено у В. Елинека-сына в Jahrbuch d. off. Rechts, IX, 1918, причем Елинек ехидно, со ссылкою, как на источник, на письмо Гаусмана, прибавляет: «после чего Эберт и Шейдеман отсюда отправились в буфет рейхстага закусить» (zum Imbiss).

[2]) Jhering «Zweck im Recht». Интересно, что это право на революцию во время войны 1914 г. ученые выдвинули впервые в области международного права. Так, И. Эльцбахер («Totes und lebendes Völkerrecht») исходит из той точки зрения, что в области международного права допустима «революция», т. е. внезапное объявление этого права не имеющим силы. И только скрепя сердце этому пылкому революционеру-империалисту возражает не менее патриотический профессор Лабанд, что и такая революция недопустима: «pacta sunt servanda», но возможны «разъяснения» этих договоров.

люционерах, если их естественное право получается из кадетских или либеральных мастерских вроде Петражицкого или Штаммлера, которые, играя в шапку-невидимку или в политику страуса, просто объявляют, что закон, не соответствующий их внутреннему естественному, все равно «правильному» или «интуитивному» праву, «социально не существует», является одною лишь иллюзиею»?

Во всяком случае то, что было великолепным и тогда, может быть, и убедительным жестом, когда в 1776 г. в С. Америке или в 1789 и 1793 г. в Париже восставшие народы провозглашали свое неотъемлемое право на революцию, теперь потеряло и блеск и веру. И на этой почве создается ныне лишь красноречивая, но бессодержательная игра слов в виде «победы бесправой силы над бессильным правом» и т. д. Но за то не только до самой революции 1917 г., но и поныне пышно процветает направление «юридического социализма», отделяющего социальную от политической революции и доказывающего, что социальная революция является простым «правовым процессом». «Править — силою», а «грабить — только по закону».

Наиболее видным представителем этого «юридического социализма» в буржуазной науке был венский профессор Антор Менгер, пользующийся большою славою, как социалист среди юристов, а как юрист — среди социалистов. И, действительно, все социалисты, занявшиеся правовыми вопросами, более или менее шли по его стопам. Но если Менгер, как буржуазный профессор, все-таки играл крупную роль и заслуживает серьезного внимания, то совершенно бесцветны его социалистические последователи, смелые теории которых без исключения (напр., и статьи Жореса, и труды б. австрийского рейхсканцлера Реннера-Карнера) сводятся к осмеянному еще Энгельсом «frisch-fromm-fröhlich-freie Hineinwachsen des alten Staates in die Sozialistische Gesellschaft» (к беззаботному врастанию старого государства в социалистическое общество). Энгельс, повидимому, сразу оценил всю опасность этого направления для пролетарской революции [1]), ибо по поводу чуть ли не первой работы Менгера написал в «Neue Zeit» в 1887 г. (вместе с Каутским) редакционную статью против «Juristen Sozialismus»: «Еще в XVII столетии религиозное мировоззрение теряет свое господствующее положение, меньше чем 50 лет спустя во Франции без всяких прикрас выступает новое, юридическое, которому суждено сделаться классическим мировоззрением для буржуазного общества. Оно представляет собою превращение богословского мировоззрения в светское. Место догмы, божественного права заняло право человека, место церкви — государство» [2]). И после этой критики Энгельса Менгер

---

[1]) «Некоторые из них идут так далеко, что утверждают: «социализм обязательно будет правовым социализмом или его совсем не будет» (Эдуард Ласкин — «Развитие юридического социализма», в «Архиве» Грюнберга III). Андлер называет социалистическими те учения, которые рассчитывают достигнуть устранения нищеты (d. Elends) при помощи реформы права. Против таких крайне оппортунистических взглядов социалистов возражал даже сам профессор А. Менгер: «Однако, этот взгляд, что право представляет собою медленное, постепенное развитие (allmählige Entwickelung), опровергается теми радикальными переворотами, к каким привели рецепция, усвоение римского права к исходу средних веков и перенесение английских конституционных порядков, а равно французских гражданского уголовного, процессуального и административного права в истекшем (т. е. XIX) столетии» (A. Menger. Die neue Staatslehre, 1902).

[2]) Один из новейших французских «юристов-соиалистов» Леви так и пишет: «Правовое убеждение создает право, которое таким образом состоит в родстве с религиею, благодаря социальной вере, составляющей его базис».

продолжает выражать просто недоумение, почему-де Маркс так враждебно настроен против юристов, и старается объяснить его вражду к юриспруденции из того обстоятельства, что он ее слушал в университете по принуждению отца.

Собственно говоря, только простою разновидностью этого «юристен-социализма» является так называемый социальный «демократизм» в своей современной форме, как мирный способ социальной революции [1]). Он идет дальше и рассчитывает даже политическую власть завоевать простым голосованием. Но к этому вопросу нам придется вернуться в общем учении о государстве.

Что иное, в самом деле, могла дать «наука права» в вопросе о революции, не став смело и откровенно на классовую точку зрения? Как она могла себе иначе объяснить этот объективный дуализм между действующим «положительным» правом класса угнетателей и «революционным отрицательным» сознанием класса, ныне угнетенного? Только став на революционно-классовую точку зрения, мы и здесь становимся на реальную, объективную почву по отношению к будущему праву, т.-е. к той справедливости, которою в былые времена занимались учителя философии права. Но лишь при этих условиях у нас открываются глаза на самую суть всякого нового права, как фактора революционного. Ибо, не взирая на все наши внутренние антипатии против института частной собственности, несмотря на нашу непримиримую борьбу против класса капиталистов, а еще в большей степени феодалов-земледельцев, мы должны же признать, что перевороты, установившие частную собственность вообще и феодальную и капиталистическую, в частности, были исторически необходимыми революциями [2]). Исходя, наконец, из нашего взгляда на классовую борьбу, по которому класс капиталистов при всей своей непримиримости все-таки заинтересован в существовании пролетариата и даже не может желать его полного уничтожения, а пролетариат, со своей стороны, открыто ведет и должен вести свою борьбу к полному уничтожению класса капиталистов и землевладельцев, мы поймем и самый характер буржуазного права, как института внутреннего дуализма, лицемерия, иллюзий и недоговоренности. И только при таких условиях мы вообще сможем говорить о праве, как о науке. А это необходимо в виду той громадной роли, какая принадлежит праву во все переходные эпохи, как «локомотиву истории». Тут мы действительно видим моментами совпадение самого процесса развития с процессом правовым, но отнюдь не в том примирительном, а в положительно революционном (или временно, наоборот, контр-революционном) смысле. В такие моменты и в таком смысле мы можем говорить о праве-революции.

---

[1]) Как известно, Менгер выработал целую систему «совершенного национального (vollkstümlicher Arbeitsstaat)», т.-е. «социалистического государства». Я здесь приведу для его характеристики лишь одно место: «Если пролетариат, что весьма вероятно для германских народов, при введении национального трудового государства, выразит свое согласие на сохранение монархии, то это могло бы случиться лишь на известных условиях: самым важным во всяком случае было бы условие, чтобы неимущим классам при дворе, в войсках и чиновничестве была отведена решающая роль». Не отсюда ли идея Каутского в его работе, доказывающей, что диктатура пролетариата в России в действительности — аристократия рабочих, т.-е., так сказать, «рабочее дворянство»?

[2]) Энгельс (в «Анти-Дюринге», 180) пишет: Нам никогда не следует забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своею предпосылкою состояние, в котором рабство было столь же необходимо, как и общепризнано».

Было бы, конечно, крайне легкомысленно принять на веру все легенды и гипотезы насчет того, как в старину мудрые законодатели, сами ли или со слов покровительствующего им бога, изложили в законах идеальный строй для своего народа. Напротив, даже все неподдающиеся подлои проверке предания о том, как издавались законы, напр., 12 таблиц в Риме. 10 заповедей Моисея и т. д., издание их связывают с предшествовавшими или сопровождавшими их народными смутами или переворотами в государстве, причем всюду и всякий раз придается особая торжественность появлению нового права с ссылкою на сверхъестественное или, по крайней мере, иностранное происхождение. И всегда одно было бесспорно: это каждый раз был **новый** правопорядок, отнюдь не доброй волею всех и не единогласно всеми признаваемый, ибо то, что само собою разумеется, вообще не записывали, а если и исполняли, то просто инстинктивно или по «вошедшему в пословицу» или принявшему форму веры или суеверия обычаю.

«Психолог» среди новейших юристов Петражицкий, выступая против того единственно реального, что осталось у буржуазной науки права, а именно, против юридических отношений, как взаимоотношений людей, ставит юристам, как неразрешимую задачу, объединение понятия «**юридического факта**» с понятием «**юридического отношения**». Не нам, конечно, защищать «сословие защитников», юристов, но путается в понятиях сам профессор. У нас может быть речь не о юридическом факте, но только о превращении **социального** факта, известного общественного отношения в **юридическое** отношение, т.-е. в **право**. Сам Петражицкий приводит красноречивые примеры, как фактическое брачное сожитие в **течение года**, по римскому праву, превращается в законный брак, как фактическое владение в течение известного времени становится собственностью и т. д., т.-е., как социальный факт, при известных количественых отношениях, превращается в право. Что это иное, если не то же самое старое наблюдение, сделанное еще Гегелем, что количественные изменения, постепенно накопляясь, приводят, наконец, к изменениям качества, и что эти изменения качества представляют собою моменты скачков, перерывов постепенности?

И эту мысль в применении к праву К. Маркс в I т. своего «Капитала»[1] блестяще иллюстрирует на рабочем законодательстве. Он показывает, как единичные попытки провести в жизнь сокращение рабочего дня создают почву для превращения этого факта в право, распространяя его в законодательном порядке на одно производство за другим, отмечая, как особенно революционную меру, проведение такового на всю промышленность данной страны (на материке) вообще[2]. «История регулирования рабочего дня... наглядно доказывает, что изолированный рабочий... на известной ступени созревания капиталистического производства не в состоянии оказать какое бы то ни было сопротивление. Поэтому **установление нормального рабочего дня** является продуктом продолжительной, более или менее скрытой **гражданской войны** между классом капиталистов и рабочим классом... Борьба разгорается впервые на родине ее (т.-е. современной промышленности) — в Англии. Английские фабричные рабочие были передовыми борцами не только английского, но и всего современного рабочего класса; точно так же, как их теоретики, первые бросили вызов теории капитала... Приходится признать, что наш рабочий выходит из процесса производства иным, чем вступил в него... На место пышного каталога

---

[1]) См. «Капитал». I т., перевод И. Степанова, стр. 284 и след.

[2]) Маркс отмечает, как и почему в этой борьбе рабочие получают поддержку со стороны прогрессивной части класса капиталистов. «Экономия» высокой заработной платы и сокращения рабочего дня **не противоречили** интересу класса капиталистов в целом.

«неотчуждаемых прав человека» выступает скромная «великая хартия» ограничения законом рабочего дня, которая, наконец, выясняет, когда оканчивается время, которое принадлежит ему самому. И какая громадная от этого перемена». А дальше: «Фабричное законодательство — это первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно сложившийся строй процесса его производства, представляет, как мы видели, столь же необходимый продукт крупной промышленности, как хлопчатобумажная пряжа, сельфакторы и электрический телеграф».

Перенеся эти выводы в другую революционную обстановку, нам ныне несимпатичную, но столь же необходимую, напр., в эпоху нарождения частной собственности на землю, мы найдем и там полнейшую аналогию, ибо мы увидим, что правовые нормы и там имеют также революционное значение, только в другом направлении, чем рабочее законодательство.

Но это еще не все. Просматривая всю историю права с его древнейших проявлений до настоящего времени, мы приходим к выводу, что первою основною революциею в экономической жизни человечества, по нашим данным, является переход от первобытного коммунизма к частной собственности, как средству эксплоатации человека человеком. В дальнейшем мы видим целый ряд революционных переворотов, в результате коих меняется класс эксплоататоров, форма эксплоатации человека человеком, но сама эксплоатация остается. Совершенно естественно, что право, в котором выражается основной переворот от состояния коммунизма к состоянию эксплоатации человека человеком, а также право, хотя бы и временное, имеющее своею целью полную отмену всякой эксплоатации вообще, весьма существенно различны от разных правоизменений, меняющих только способ и форму эксплоатации. Непониманием этого основного положения грешит (безразлично, сознательно ли или бессознательно) всякое известное нам правопонимание, за исключением лишь Маркса и Энгельса. Задача моего краткого очерка в том и заключается: вскрыть в главных чертах это глубокое различие. И, мне кажется, достаточно будет беглого обзора развития права в нашем смысле слова, чтобы убедиться в его условно-революционном характере и чтобы разобраться в тех, сложнейших на первый взгляд, явлениях, пред которыми беспомощно или непростительно равнодушно до сих пор останавливались как буржуазная наука, так и революционная критика.

Мы оставляем в стороне все прочие зачатки права древнего мира и сразу обращаемся к древнему Риму[1]), этому первоисточнику образцов права современного буржуазного общества. И тут мы в первую голову выслушаем крупнейшего буржуазного авторитета, уже упоминавшегося германского профессора Иеринга. Это, пожалуй, самая яркая фигура среди юристов прошлого столетия, по крайней мере, в области римского права. Определенный консерватор в политике, юрист по существу, стоящий на точке

---

[1]) Только что полученная мною работа А. А. Тюменева («Очерки экон. и соц. истории древнейшей Греции», т. I, «Революция». П. Б., 1920) целиком подтверждает наш взгляд и на законодательство Солона: «Солон меньше всего может быть признан теоретиком, задавшимся целью создать идеальный общественный и политический строй. Это был именно политик-практик, определенно действовавший в интересах своего класса. Поэтому и деятельность его должна оцениваться, прежде всего, с точки зрения удовлетворения интересов этого класса». Его первою мерою было — сложение долгов, т. е. уничтожение кабальных (крепостных) отношений. В гражданском праве, его целью было создать законы, отвечающие новым имущественным отношениям (разложению родовой собственности) и предоставление более свободы личной инициативе и личному распоряжению имуществом» и т. д. (стр. 67 и сл.).

зрения класса буржуазии, блестящий стилист и в то же время путанник в философии, он поднял целую революцию в науке права, может быть, своею непривычною для юриста откровенностью. Он, конечно, противник анархии, значит, казалось бы, и революции. Но нет, для него революция — не синоним анархии, ибо он понимает «революцию, как отрицание не всякого, а только существующего порядка».

Он стоит на точке зрения учения Дарвина и прибавляет, что его исследования по истории римского права во всем подтвердили выводы этого учения, но он в то же время под учение Дарвина и под римское право подводит, как необходимую предпосылку, мысль религиозную о боге[1]). Он бесподобно рисует ход возникновения права в процессе борьбы, пользуясь легендами о древней истории Рима, сопоставленными с данными, проверенными на основании богатого юридического материала. «Это разбойники и авантюристы, изгнанные из собственной среды, исключительно опираясь на кулак и меч, внесли первоначальный порядок в древнем Риме». «Человеческий пот и человеческая кровь, запах которых окружает генезис всякого права, обыкновенно прикрывают ореолом божественного происхождения. Иначе дело обстоит в Риме. Следы пота и крови, свойственные ему (т.-е. праву), здесь не удалось уничтожить никакому времени» («Дух римского права»). А в своей работе «Борьба за право» он пишет: «Высшей степени напряжения борьба достигает тогда, когда интересы приняли форму приобретенного права. Здесь одна против другой стояли две партии, из которых каждая становится под священное знамя права: одно историческое право, право прошлого, другое — вновь нарождающееся, обновляющееся право человечества на бытие. Право это — Сатурн пожирающий своих собственных детей...». «Крушение старых юридических норм и нарождение новых стоит человечеству нередко целых потоков крови».

Отбросьте фразеологию о священном праве и вставьте вместо него борьбу двух классов за свой жизненный интерес в области производства своей материальной жизни, картина останется достаточно яркая. А, конечно, не менее ожесточенная борьба велась при первом нарождении нового права вообще вместо первобытного коммунизма, как доправового состояния. Говорить про эту эпоху, что в ней «регулирующею силою был обычай, т.-е. также вид правовой нормы», значит только перенести на былые времена чужие им взгляды современного буржуа, для которого жизнь без права, без нормы, т.-е. в конце-концов, без частной собственности, кажется немыслимою.

Первый «свод законов», так наз., 12 таблиц в Риме, был составлен, вернее, кодифицирован не раньше III, а может быть, даже II столетия до нашего летоисчисления. «Это, по содержанию, право переходного времени[2]) jus civile, право граждан-квиритов, действовашее не раньше IV и V ст.», пишет другой видный авторитет римского права, проф. С. Муромцев. Самый свод до нас не дошел и лишь из разных цитат позднейших юристов кое-как восстановлены важнейшие части его содержания. Это право еще «дышало началами самоуправства и мести... В учреждениях этого права выражена необыкновенная степень личной энергии и личного могущества. Истец сам зовет и приводит в суд (in jus vocatio), сам тащит в кабалу неисправного должника (manus injectio), или захватывает его вещь (pignoris capio). Собственник сам отыскивает свою вещь (vindicatio); все это

---

[1]) «По моему мнению, с установлением закона причинной связи вполне согласуется допущение цели, поставленной богом, т.-е. существования в мире божественной идеи цели» («Иеринг, «Цель и право», 1905).

[2]) «Квиритская собственность по 12 таблицам еще не была настоящею собственностью в смысле позднейшем», пишет Хвостов («История римского права»).

дает повод утверждать, что квиритскому праву особенно свойственна идея господства». Так в высшей степени образный язык древнего римского права лучше всего выдает историю его возникновения. Учитывая условия военного быта того времени, мы можем согласиться с мнением проф. Гумпловича, «что строгое jus civile, в конце-концов, было только своего рода публичное право (Staatsrecht). Только квириты, как члены господствующего племени, члены gens (рода), обладали способностью владеть собственностью (eigentumsfähig»). «Лишь прогресс и победа лично свободных плебеев привели к превращению этого первоначального jus civile в jus gentium, jus naturale» («международное»», «естественное право»).

Мы здесь не будем подробнее останавливаться на догадках и шатких сведениях о возникновении этого первоначального права, которые пока никем не проверены и не изучены с точки зрения диалектического материализма. Одно ясно: в обществе свободных землевладельцев-крестьян с известным местным оборотом появление впервые господствующего класса или племени внесло новый «нститут» (учреждение) — право, как навязанную силою систему новых общественных отношений. А среди юристов нет двух мнений насчет того, что это первое право явилось именно результатом революционных сотрясений. Так, Муромцев (в своей «Истории римского права», стр. 106) пишет: «Незачем повторять все перипетии (ступени) полустолетней борьбы: достаточно напомнить ее главные черты. Мы встречаемся здесь с процессом разложения общинного обладания землею путем насильственного захвата ее господствующим классом при постоянном, но бесполезном протесте притесненного большинства населения; мы встречаемся далее с долговыми отношениями, отмеченными бессердечием кредиторов и несправедливостью судебной власти, представители которой, принадлежа к патрициату, держат его руку. Судебные решения стали произвольны и пристрастны. Народные воззрения на должное и недолжное, справедливое и несправедливое, конечно, не изменились, сложившиеся учреждения не искоренились, но чувствовалась непрочность правовых учреждений... Старое право (?) не исчезло, но справедливо могло показаться исчезающим (!), когда сама власть расшатывала его. Угнетенная часть города подняла требование об издании законов и, в конце концов, их получила». Куда бесцветнее характеристика такого беспомощного университетского светила, как И. А. Покровского, который по поводу 12 таблиц находит только слова: «Одним из поводов неудовольствия (!) плебеев против патрициев в первые времена республики была неясность (!) действующего обычного (?) права».

Мы не имели бы дела с буржуазными юристами, если бы они сюда не вносили своего излюбленного мотива о счастии и благоденствии именно угнетенной части населения, «добившейся» (?) первого римского кодекса. В действительности этого права добился класс, достигший фактического господства, и новый закон ввел лишь социальный факт грабежа и насилия в юридическую норму, т.-е. превратил его в право.

Едва ли я должен еще терять слова, чтобы доказать революционную сторону этого первого, не только в Риме, но по своей стройности и выдержанности вообще в мире, права частной собственности. Это был революционный акт, которому подобных мало в истории, ибо это был акт, впервые установивший, как общее правило, отрицание первобытного коммунизма и его замену обществом, основанным на частной собственности. Две тысячи лет господствовало это общество, не оспоренное по существу и менявшее лишь форму, а оставляющее в силе самую сущность этой собственности.

Уже цитированный мною знаток римского права Иеринг («Дух римского права») восторженно восклицает: «И три раза Рим диктовал миру законы:

во время могущества единого Рима, в византийский период — через церковь и, наконец, путем рецепции в Европе».

Здесь лишь пару слов по поводу византийского периода, когда римское право уже в новом изложении (в исправленном, дополненном или, вернее, извращенном виде) сознательно стало применяться к феодальным отношениям. И здесь оно, в руках церкви, в сфере ее светской власти, служит не малым средством для насаждения этого нового института как церковного, так и светского феодализма (см. институт beneficium — десятины). Так, в римском праве накопилось, рядом с изложением прав городского торгового класса, и право сельского рабовладельца, и мы еще увидим, как впоследствии пригодилась та и другая сторона для Западной и центральной Европы.

Я привел из первого революционного акта правотворчества только несколько образцов римского происхождения. Наша древняя и средневековая Русь дает великолепное и не менее картинное дополнение к этому. Место здесь не позволяет широко использовать этот материал, в изобилии имеющийся хотя бы в ценных трудах тов. М. Н. Покровского («Русская история» и «Очерки по истории русской культуры»). Тот же образный язык древних источников русского права дает такое же основание для утверждения, что и здесь, хотя и несколько позже, происходила та же революционная борьба, окончившаяся известным правовым порядком в России, основанным на частной собственности. Конечно, не виноват тов. Покровский, если он повторяет слова старых юридических авторитетов[1]) о власти обычая в первобытной общине, как о суровом правопорядке («племя — строгий суд — мог объявить бойкот, и неподчинившемуся пришлось бы только уйти»). Нет, и в древней Руси обычай имел то же значение чисто технического правила, а род был союзом, из которого некуда было уходить[2]), если не в плен другого рода или в кабалу. Князь же, владевший («володевший») землею, т.-е. получавший дань со своих «подданных», и здесь делал лишь то же самое, что всюду делал первоначальный помещик-«дворянин»: он брал часть продукта чужого труда (обыкновенно, повидимому, прибавочного) натурою, поэтому неправильно ему в этот период приписывать цели финансовые. Финансовый характер дань приобрела, повидимому, лишь при расширении феодальной системы путем объединения княжеств в нечто похожее на современное государство, в котором образовался целый класс людей, «соединяющих землевладение с властью над людьми, живущими на земле данного землевладельца». Между прочим и кабала должника в старой Руси играла почти такую же крупную роль, как в древнем Риме, и власть кредитора, над своим «закупом» (должником) была властью над жизнью и смертью его, т.-е. над ним, как рабом. «А кто человека держит в деньгах и того человека судит сам, а окольничные (княжеские чиновники) в то у него не вступают». В общем, все первые княжеские законы, т.-е. первоначальное право, было подтверждением такого же господства, а может быть, в еще большей степени, чем в Риме.

Характер этого первоначального права в Риме или России проявляется весьма ярко. Учащающиеся социальные факты нового порядка обобщаются, т.-е., с одной стороны, распространяются, как общее правило, но, с другой стороны, при этом, иногда смягчаются. И вы не найдете более

---

[1]) Хотя автор совершенно верно определяет цену исследованиям юристов когда он по поводу феодализма выражает свое сожаление, что «у нас вопрос первые разработали юристы, а не экономисты».

[2]) Для этого состояния оставивших (добровольно или принудительно) род у немцев того времени было меткое выражение «Vogelfrei» — «свободен, как птица», могущий свободно летать, но свободный к убиению для любого человека.

меткой характеристики этого процесса, чем у великого историка (виноват, я должен сказать — сатирика) России Салтыкова-Щедрина в речи «Очищенного» (б. Гадюка): «Пошлем-те-ка мы к варягам ходоков и велим сказать: господа варяги, чем набегом-то нас разорять — разоряйте вплотную; грабьте имущество, жгите города, насилуйте жен, но только чтоб делалось у нас все это на предбудущее время... по «закону». А на вопрос старшины Гостосмысла: «А почему ты, благонамеренный человек Гадюк, полагаешь, что быть ограбленным по закону лучше, нежели без закона»?, тот отвечает кратко: «Как же возможно! По закону или без закона, по закону — всем ведомо лучше» («Современная идиллия»).

Проходит более тысячи лет после римского периода, и не появляется нигде нового права, не слышим мы и об издании новых крупных правовых актов. И вдруг — «в XII столетии в г. Болоньи начался необыкновенный наплыв молодых людей со всего мира». Это их привлекает сюда местный университет, как очаг истолкователей римского права, глассаторов, приобревший большую известность. И это не был единственный такой очаг, откуда началось распространение римского права по всей Европе. Были еще целых 3 таких очага: в Провансе, Равенне и Ломбардии, почти одновременно образовавшиеся в XI столетии. Как объяснить себе такое возрождение и добровольное «восприятие» правовои системы, казалось бы, уже отжившей свой век? Во всяком случае это не было простым случаем, что интерес к римскому праву и его «репепции» вдруг и почти одновременно проявился по всей Западной Европе, не исключая даже Англии, и что мертвый Рим действительно мог «третий раз диктовать законы всему миру».

Проф. Виноградов [1]) по этому поводу пишет: «Как могло случиться, что правовая система, сложившаяся в связи с известными историческими условиями, не только пережила эти условия, но и сохранила свою жизнеспособность вплоть до настоящего времени, когда политическая и социальная обстановка совсем изменилась». «Эту историю (т.-е. историю рецепции римского права) можно назвать историею призрака».

Виноградов, назвав очень метко воскресение, казалось бы, умершего римского права, воскресением призрака, не сознавал более глубокого смысла этого призрака. Но если Маркс в своем «Коммунистическом Манифесте» мог говорить накануне 1848 г.: «Призрак гуляет по Европе, это призрак коммунизма», то про XI и XII века можно было сказать: призрак гуляет по Европе — призрак капитализма. Этот призрак (в лице своих предшественников — крепостного права в деревне и торгового капитала в городах) искал себе облачения. И он нашел таковое в статьях римского права. Мы видели, что оно было приспособлено и для города и для деревни, и для феодализма, и для капитализма, было подковано, так сказать, на все четыре ноги.

Тот же Виноградов пишет (в цитированной работе, стр. 24): «XI столетие это было время, знаменующееся многими поворотными пунктами в истории европейской цивилизации». В качестве таких событий он приводит укрепление папской власти, кристализацию феодализма в законченную и последовательную систему, введение новых политических порядков в нормандских государствах, проявление блестящего экономического и культурного прогресса городских коммун Ломбардии... Но если Виноградов только вскользь ссылается на экономический поворот, то любая история экономической жизни XI и XII в.в. характеризует ее, как переходную эпоху к новому строю. В деревне это было время перелома экономической системы, эпоха окончательного введения и укрепления

[1]) Проф. Виноградов: «Римское право в средневековой Европе» 1910 г.,

трехпольной системы землепользования в прямой связи и зависимости от чередующихся голодных годов IX по XII в.[1]). Это была эпоха крестовых походов, первых крупных крестьянских волнений в Европе (во Франции) и т. д., и т. д.

Историк выражается, что рецепция римского права действовала на подобие «потопа» (wie eine Sintflut)[2]). Интересно проверить по работам авторов, писавших о рецепции римского права, какие правовые вопросы тогда особо интересовали умы.

Виноградов, напр., указывает: 1. На вопрос об основном различии между собственностью и владением землею, о защите владения[3]). Провладение в течение «срочного года» дает, по римскому праву, право юридической защиты. Что это значит? Это означает учащающиеся захваты и, прибавим, захваты феодалами земель, частную собственность (beati possidentes — счастлив, кто владеет!).

2. В связи с этим — res judicata, окончательная сила судебного решения (феодального суда).

3. Усиление власти князей («слово князя имеет силу закона»).

4. Введение (в городах) римского договорного права.

5. Для деревни — приравнение крепостного к римскому рабу.

А Муромцев прибавляет: «Сельское население (введением римского права) было недовольно потому, что учение глоссаторов и комментаторов римского права усилило права феодального господина над подвластными, подстрекало землевладельцев к присвоению земли, увеличило искусственное разрушение общины и размножение частных собственников, закрепощение крестьянской массы (приравнение их к рабам), а в области наследства внесло вместо наследования жены — боковых родственников».

Кажется, сказанного достаточно, чтобы понять значение римского права, как лозунга частной собственности в деревне, а в городах — свободы договора вместо цеховых монополий. Другими словами, римское право сыграло опять революционную роль. Вот почему и понятен тот громадный интерес молодой, прогрессивной интеллигенции XII века к римскому праву и их стечение в Болонью и прочие очаги римского права. Отсюда они черпали те новые принципы, которыми они навели панику, настоящий террор, особенно на деревню.

Крестьяне на этот «революционный» террор юристов ответили небывалою враждою, а местами даже контр-террором. Так, напр., одним из требований восставших германских крестьян было устранение сословия «докторов прав», искоренение трех родов разбойников: «уличных грабителей, купцов и юристов». И это не было случайным требованием, возникшим стихийно во время восстания. Нет, мы читаем в летописях о целом ряде насилия масс над юристами. «В 1509 г. в Клеве на базаре избили юриста так, что он кричал, как животное (wie ein Vieh), и прогнали». В 1513 г. крестьяне в Вормсе требовали, чтобы в процессах юристы не имели доступа.

---

[1]) Голод в то время был явлением не исключительным как теперь, а постоянным. Из сопоставления одних только голодовок, постигших Бельгию, Германию, без северо-восточной части, и нынешнюю Австрию, попавших в историю, видно, что в IX ст. записан 21 случай, в XI в. — 25, в том числе 2 общих, в XII в. — 38 случаев, в том числе 5 общих голодовок (Дживилегов. «Крестьянское движение на Западе». 1920).

[2]) Jansen. «Geschichte des deutschen Reiches», стр. 478.

[3]) «В древней Германии тогда частная собственность на землю была количественно весьма ограничена; споры о собственности происходили между родами, деревнями и церковными учреждениями». (Виноградов, цит. соч.).

Резкие названия для юристов, как «живодеры и пиявки», «обманщики и кровопийцы» и т. д., в документах этой эпохи весьма часты. А из Фрейденфельда (в Тургау) летописец сообщает, как шеффены с побоями выбросили в двери юриста, ссылавшегося на (истолкователей римского права) Бартолуса и Бальда со словами: «Мы, крестьяне, не спрашиваем ваших Бартелов и Балделов, у нас есть свои особые обычаи и право, вон вас отсюда!» («N'aus, mit euch»).

Но мы знаем, что в этой «тяжбе» с крестьянами на поле сражения победили феодалы и их защитники, юристы, которые, впрочем, то же римское право не менее ловко стали применять и против феодалов в процессах их кредиторов. Они под видом рецепции римского права создали право, твердо отстаивающее частную собственность, как способ эксплоатации, и как бы незаметным способом ввели господство нового класса. Но, как сословие передовое, «сословие юристов», это олицетворение римского права, с такою же легкостью, как оно в Риме переменило бога латинского на бога христианского, в XVI веке перешло на сторону реформации против католического права, а еще двумя веками позже, стали ярыми противниками всякой религии. «Toujours avec la minorité!», — как говорил Рошфор. «Всегда за власть меньшинства»!

Но в эпоху перехода к феодальной барщине (вместо первоначальной дани), т.-е. к трудовой вместо натуральной ренты, частная собственность и захват общинных земель были только одним моментом. Необходима была новая дисциплина и форма труда. История показывает, что всякий раз, когда человечество переживает переход от одного способа производства к другому, рушится прежняя трудовая дисциплина, и что этот переход не является чисто механическим актом завладения положением. Так и переход от состояния «подданного», но свободного землепашца в состояние барщины, а затем крепостничества, принимает особый вид права, обобщающего единичные социальные факты.

Мы читаем в I т. «Капитала» К. Маркса, как в Англии пытались ввести (начиная в XIV в.) законом работу 6 дней в неделю (вместо прежних 4—5 дней) в течение 10 часов (вместо совсем нерегулярного времени), сокращая заработную плату до минимума. (Ведь Томас Мор в своей утопии говорит о 6-часовом рабочем дне). Это был идеал максимального рабочего дня таких размеров (10 часов), который 400 лет спустя считался идеалом минимального рабочего дня [1]). Мы уже знакомы с жалобами XIV, XV и XVI ст.

Характерен восторг лакейской души, немецкого ученого патриота Якова Гримма в его «Источниках права»: «Права и обязанности крестьян XV в. являются великолепным (herrlich) показателем свободного и благородного образа (Art) туземного права». (См. Янзен, «Ист. Герм.» I, — 30). Мы уже видели, что такие слова по отношению к XV веку — сущая ложь. Особенно питание (напр., по сведениям одного автора 1545 г.) было очень бедно: «Пища состояла из ржаного хлеба, овсянки и свареного гороха либо чечевицы; вода или сыворотка — их питье, бязевая одежда, пара лаптей и валяная шляпа; а прав они не имели никаких». Но характерно то, что эти собранные в XV ст. сборники законов все-таки содержат нормы, когда-то раньше считавшиеся максимальными. И мы узнаем, что когда-то в Австрии colonus — крестьянин работал барщины

---

[1]) См. Маркс «Капитал», I. 252—259, где Маркс излагает в сжатом виде историю этого законодательства в Англии и приводит цитату из мечты писателя XVIII стол. «об идеальном работном доме». «Такой дом должен быть домом ужаса (House of Terror) и в этом доме «террора» работа должна продолжаться по 14 часов в сутки, включая сюда, однако, время еды, так что остается целых 12 часов»! Так писалось еще в 1770 г.

не более 12 дней в год, что «пища должна была быть хороша» и крестьяне «кушали мясо ежедневно» и т. д. Но еще более курьезными и напоминающими фантастические рассказы из Америки нам кажутся описания другого историка Бецольда («Geschichte der deutschen Reformation») о том, что в южной Германии на барщинные работы привлекали (erheiterten) музыкою и танцами [1]). А если в дальнейшем помещики дошли до «лягушечной повинности», т.-е. обязанности крестьян хлопать ночью палками по воде пруда, чтобы лягушки не мешали спать барину, или до «блошинной барщины» (Flohfrohne), т.-е. повинности ежедневной ловли блох в барской кровати, и если мы у Семевского про крестьян екатерининской эпохи (см. I, 65) читаем, что «есть помещики, которые ни одного дня на себя работать не дают, а давая всем им месячный провиант, употребляют их без изъятия на господские работы», и что «тщетны были все попытки Панина установить работу не более 4 дней в неделю и т. д.», то понятно, почему крестьяне «снова и снова стали чинить хротивности, не взирая ни на какие приказы губернаторов; чтобы «противники сходбищ не имели».

Часто в литературе указывалось на эти законы, устанавливающие размеры барщины, как на благотворное вмешательство власти в пользу крестьян. Для первого времени, по крайней мере, это безусловно неверно. Напротив, это — первые принудительные меры для введения новой, хотя бы минимальной, дисциплины труда. А барщина на полях помещика была первою подготовительною стадиею для капиталистического крупного земледелия. Очень метко тов. М. Н. Покровский высказывается по этому поводу словами: «Необходимость суда и полиции и в это время... вытекали из поддержания общественной дисциплины», которая «в древние времена основывалась на обычае», т.-е., как я уже указал, на чисто технических правилах общественной организации, а не на системе классового господства, т.-е. права. Конечно, летописец, говоря о том, что судьи были призваны «судить по праву», не подозревал, каков действительно смысл этого права, но, пользуясь выражением Маркса, «то, чего он не знает, он высказывает». Ведь суд был, как мы уже видели, первым «творцом» положительного, классового права

Так законодательство «революционным» способом распространяло достигнутые результаты закрепощения на все более широкие круги крестьян, пока, наконец, крепостное состояние не оказалось вполне законным институтом, а, следовательно, всякие законы, определяющие размеры барщины, стали излишними и, пожалуй, даже противозаконными. Эти статьи в пользу крестьян перестали «гласить» (остались «latent»).

Но если не легка была задача закрепощения крестьянина к земле и барщине, то не легче было впоследствии его раскрепощение и прикрепление к мануфактуре, а затем к фабрике: освобождение крестьянина от земли и земли от крестьянина, как основа превращения земельного владения в капиталистическую собственность. Как мы уже видели, эти перемену политическая экономия выражает в двух словах: простое превращение трудовой и натуральной ренты в денежную. Но это одно слово человечеству стоило не менее крови и насилия, чем первые два.

Если с птичьего полета оглянуться на всю историю феодального периода, то моментами кажется, что руководящею нитью всей этой системы является постепенное сосредоточение в руках феодализма или его кредитора (т.-е. капитала) всей земли и всего скота крестьянина, а затем уж

---

[1]) На севере Германии первый плательщик аренды (Zins) получал от владельца два пары брюк и лапти, после чего постилали солому пред огнем и велели играть скрипачу, пока он не заснул». (См. Янзена и Бецольда).

раскрепощение самого крестьянина, чтобы его, как птицу, свободного пролетария, выбросить на новое поприще труда. Ярче всего это видно в Англии, где все, что противоречило интересам капитала, просто было сметено «сметены были не только жилища и сельские поселения, но и само население». А в каком правовом акте все это выразилось? Многочисленные социальные факты приняли вид невинных на первый взгляд Law of enklosures, закона об огораживании общинной земли, т.-е., защиты этой земли (уже как помещичьей) от потравы скота крестьян и закона о Clearing of estates (очистка имений, это как бы наш «учет»). Но ясно, что без пастбище крестьянина, если бы даже уцелела какая-либо частица скота, не осталось больше никакой возможности для его содержания. А там, где прошла очистка имений, не осталось и самого крестьянина. Крестьянин сбежал, овца или, местами, дичь его «съели». А революционные законы о его изгнании, по лицемерию своему, останутся историческими памятниками для наступающей в это время капиталистической эры.

Но осталась еще задача общественной перегруппировки, введения новой дисциплины труда. Если, как мы видели, крепостной режим рядом с кнутом местами пользовался и средствами приманки, капиталистический режим знал только «скорпионы». История дисциплинирования первоначального наемного рабочего с исчерпывающею полнотою изложена опять-таки в I т. «Капитала»: «Люди, выгнанные вследствие распущения феодальных дружин и оторванные от земли насильственной экспроприацией, эти свободные, так птицы, пролетарии поглощались развивающейся мануфактурой далеко не с такою быстротою, с какой они появились на свет. С другой стороны, люди, внезапно вырванные из обычной жизненной колеи, не могли столь же внезапно освоиться с дисциплиной новой своей обстановки. Они массами превращались в нищих, разбойников, бродяг, частью добровольно, в большинстве случаев под давлением необходимости. Поэтому в конце XV и в течение всего XVI века во всех странах Западной Европы издаются кровавые законы против бандитизма. Отцы теперешнего рабочего класса были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их насильственно превратили в бродяг и пауперов. Законодательство рассматривало их, как «добровольных» преступников, исходило из того предположения, что при желании они могли бы продолжать трудиться при старых, уже не существующих, условиях».

Далее Маркс приводит подробный перечень всех каторжных законов против «нежелавших работать» «бедняков» («Poors» — «Armen», как тогда официально в Англии называли рабочих, а в Германии крестьян) по самое начало XVIII века.

«Деревенское население, насильственно лишенное земли, изгнанное, в широких размерах превращенное в бандитов, старались, опираясь на эти чудовищно террористические законы, приучить к дисциплине наемного труда плетьми, клеймами, пытками».

«Мало того, что условия труда выступают на одном полюсе, как капитал, на другом полюсе, как люди, не имеющие для продажи ничего, кроме своей собственной рабочей силы. Недостаточно также принудить их добровольно продавать себя. С дальнейшим ростом капиталистического производства развивается рабочий класс, который по своему воспитанию, традициям, привычкам признает условия капиталистического способа производства самоочевидными, естественными законами. Организация развитого капиталистического производственного процесса сламывает всякое сопротивление; постоянное создание относительного перенаселения удерживает закон спроса на труд и предложения труда, а, следовательно, и заработную плату в границах, соответствующих потребности капитала в самовозрастании; слепой гнет экономических отношений укрепляет господство капиталистов над рабочими. Внеэкономическое, непосредственное насилие, правда, еще продолжает применяться, но лишь в виде исключения. При

обычном ходе дел рабочего можно предоставить власти «естественных законов» производства, т.-е. зависимости от капитала, которая создается самыми условиями производства, ими гарантируется и увековечивается. Иное видим мы в ту историческую эпоху, когда капиталистическое производство только еще возникает. Нарождающейся буржуазии нужна государственная власть и она действительно применяет государственную власть, чтобы «регулировать» заработную плату, т.-е. принудительно удерживать ее в границах, благоприятствующих выколачиванию прибавочной стоимости, чтобы удлинить рабочий день и, таким образом, удерживать самого рабочего в нормальной зависимости от капитала. В этом существенный момент так называемого первоначального накопления».

Такие же законы Маркс приводит из старейшей капиталистической страны «Нидерландов» (1537, 1614, 1649 и т. д.), из Франции (1777) и т. д. И после перечисления всех этих невероятных насильственных мер в интересах новой дисциплины труда, Маркс приходит к заключению:

«Эти методы в значительной мере покоятся на грубейшем насилии... Но все они пользуются государственною властью, т.-е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы облегчить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальною бабкою всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция».

Таково было новое капиталистическое право «гуманнейшего» из всех обществ, буржуазного — в Англии. Английское право вообще более похоже на систему «социальных фактов», казуистически (отдельными судебными прецедентами) превращающуюся в право, т.-е. более сохранило свою первобытную форму образования права, как и в Риме. И до сих пор в Англии нет единого кодекса или свода законов, а английское право по сие время основывается на решениях «независимого» классового суда[1].

Иначе образовалось буржуазное право на материке. Великая французская революция во Франции одним ударом опрокинула весь феодальный строй и открыла новую эпоху, эру буржуазного общества в декларации или, вернее, даже в нескольких последовательных (1789 и 1793 г.) декларациях прав человека и гражданина. Последняя статья декларации 1789 г. гласит: «Так как собственность есть право ненарушимое и священное, то никто не может быть его лишен иначе, как в публичных интересах, установленных в законном порядке, в порядке открытого требования и под условием справедливого и предшествующего вознаграждения». А ст. 11 гласит: «Эти (естественные и неписанные) права суть свобода, собственность, обеспеченность (surete) и сопротивление угнетению».

Как я уже указал в начале своей работы, гражданское право, или, по нашему взгляду, суть всего права, было изложено в кодексе Наполеона, и квинтэссенция этого кодекса заключалась в частной собственности в чисто римском изложении без примеси варварских инородческих обычаев и феодально-канонических наростов византийского периода. Капиталистическая частная собственность характеризуется правом на земельную ренту и на прибыль. А этот принцип выражается в свободе распоряжения собственностью и в свободе труда. Первая характеризуется ст. 16 декларации 1793 г. словами: «Право собственности — это право, принадлежащее всякому гражданину по своему усмотрению пользоваться и располагать своим имуществом, своими доходами и плодами своего труда и

[1]) См. К. Маркс, «Капитал», I (стр. 237, по нем. изд. Каутского), решения самих заводчиков в качестве судей по делам своих же рабочих.

своей промышленности». Вторая, т.-е. свобода труда, — запрещением рабочих коалиций, представляющих собою, по мнению французской буржуазной революции, восстановление цехов. И если взять позднейшие кодексы XIX в., как германское, швейцарское и пр. гражданские уложения, то в определении права частной собственности и в определении свободы труда почти никаких изменений внесено не было.

Хорошо характеризует это явление Антон Менгер: «Великая французская революция только прикрыла неравенство (Missverhältniss), а не устранила его... Она только снова перекрасила цепи, а не сломила их». Она шла дальше, чем какая-либо из европейских революций, и, упраздняя феодализм, землю от феодалов передала крестьянам в революционном порядке, но и в такой же неограниченной форме провела принцип абсолютной частной собственности, как нигде и никогда. И к духу этих законов целиком относится то едко-ироническое слово, которое Linguet, буржуазный писатель XVIII ст., направил против «Духа Законов» Монтескье: «Дух законов — это собственность».

Удивленно перелистывает все эти кодексы и толстые фолианты юридической практики целых 2000 лет, начиная с 12 таблиц древнего Рима, единственный сколько-нибудь серьезный юридический писатель современного Западно-европейского «марксизма» Карнер (Реннер) и спрашивает: «Как? Нормы остались без изменения, но правовые функции институтов изменились до неузнаваемости!» Мы этот вопрос рассмотрим подробнее в дальнейшем. Случилось то же самое, что с языком. Но не надо забывать, что если общественные отношения и менялись часто до неузнаваемости, то эти отношения всетаки были однородные, отношения эксплоатации человека человеком.

Но наступают сумерки капиталистической эры. Еще задолго до того, пожалуй, даже одновременно с буржуазной революцией, начинается обсуждение вопроса, когда и как произойдет «крах» этой эры. Для одних это — утопическая мечта («об экономическом равенстве») неведомого будущего, для других — факт сравнительно ближайшего будущего. Только для последних наш вопрос имеет серьезное значение, для прочих это роман или поэма из 2000 или 3000 года. О «мирном или насильственном революционном движении» мы уже говорили и к этому вопросу еще вернемся. Здесь коснемся только одного вопроса: о способе отмены частной собственности.

Мне нет надобности здесь излагать подробно, как французская революция решила вопрос земельный и как после фикции отмены феодальных прав в столь воспетую ночь 4 августа 1789 г. — лишь шесть последовательных великих волн крестьянских восстаний довели до декретов Конвента от 17 июля 1793 г., где одна статья буквально гласит, что все феодальные договоры на землю должны быть сожжены... Но крестьяне Франции до того еще огнем писали свою революцию, и Конвент лишь приложил печать к победившему самоуправству крестьянства. Временно победил класс крестьян заодно с буржуазией и лишь контр-революция объединила буржуазию с классом землевладельцев, которому все таки земля крестьян возвращена не была, но было выброшено известное вознаграждение и оставлено капиталистическое право собственности на половину всей земли.

Остальная Европа, хотя и более чем на 50 лет позже, все-таки далеко не так решительно провела свою революцию. Революции XIX ст. не шли дальше ночи на 4 августа 1789 г., т.-е. выкупа феодальных прав. Наиболее отсталою, конечно, должна быть признана «революция», или, вернее, «великая реформа» 1861 г., окончившаяся безмерно дорогим выкупом одной лишь доли крестьянского же землевладения в России.

Нет, повидимому, более яркого примера иллюстрации классового характера права, чем именно развитие земельной собственности, превращенной

законодательством буржуазного общества в простой безыменный титул на земельную ренту, в форме закладных листов и т. д. бумаг на предъявителя.

Эту тенденцию к «бумаге на предъявителя» имеет всякая власть в буржуазном обществе вообще. Характерным для этого явления обозначением служит сочетание слов: мобилизация иммобилии, «превращение в движимость недвижимости». А. Маркс еще 50 лет тому назад отметил, как одну из главных заслуг капиталистического способа производства, что он «довел до абсурда самое понятие земельной собственности».

Как произойдет экспроприация экспроприаторов? Характерно сопоставить вкратце взгляд на этот вопрос главных представителей двух направлений германского социализма: Маркса и Лассаля.

Лассаль, как известно, написал большой труд в 2 томах по юриспруденции «О системе приобретенных прав», от которого он ждал не только переворота в социальных отношениях людей, но даже в самой науке права: «Мысль нашей темы, по ее содержанию, в самом высоком и общем ее понимании, ни что иное, как мысль о вытекающем из самой идеи права и соответствующего ей пересоздания (Hinüberführung) старого правового состояния в новое». «Если бы удалось создать на этот счет теорию, признанную наукою, то таковая могла бы чрезвычайно содействовать облегчению работ по преобразованию, — с одной стороны, с другой же стороны удержать взбунтовавшиеся волны от выступления из берегов». Поэтому он и «ставит себе задачу силою выхватить (Herausringung) основную политически действительную идею, лежавшую в основе всего данного периода». А суть его исследования сводится к той, повторяемой за ним только в более плоской форме всеми «юристен-социалистами», мысли, что «культурно-исторический ход всякого развития права заключается в том, что сфера действия частной собственности суживается и все больше и больше предметов (объектов) ставится вне сферы частной собственности».

Что же касается отмены «приобретенных прав», то Лассаль старается (юридически) доказать, что: а) «ни один закон не должен иметь обратной силы, который затрагивает отдельное лицо лишь при посредстве его волевых актов», но что б) «может иметь обратную силу всякий закон, который затрагивает лицо без посредства такого добровольного акта, который, значит, затрагивает лицо непосредственно в его качествах общечеловеческих и ему обществом порученных или затрагивает его лишь тем, что он изменяет самое общество по отношению к организованным им, т.-е. обществом, установлениям».

Как вся эта работа Лассаля не достигла цели, ибо не переубедила буржуазной науки права и не оказала также влияния на пролетарское классовое сознание, так и, в частности, его теория приобретенных прав была слишком смела для буржуазии, ибо еще Иеринг, как мы уже видели, говорил, что и логика подчиняется интересу. Но она была слишком половинчата для революционного правосознания и ни Великая французская революция, ни тем более Пролетарская революция таких взглядов не держались и держаться не могут.

Маркс говорит только об экспроприации, т.-е. отчуждения экспроприаторов, об «ограблении награбленного». И если Энгельс говорит о вознаграждении крестьян или Маркс о «выкупе у этой банды» ее богатств, то только с точки зрения чисто практической целесообразности, но не с точки зрения «священного», неприкосновенного «приобретенного» права.

Когда победила мартовская революция 1917 года, то в России все царское право осталось в силе, и не была тронута даже «частная собственность» свергнутого монарха. (В германской и прочих революциях 1918 г. дошли даже до того, что назначали особые выкупные суммы низложенным монархам за отчужденные у них «благоприобретенные права верховенства»).

Не было ничего удивительного в том, что так рассуждали кадетские монархисты, как Милюков, или такие их адвокаты, как Керенский. Но таков же был ход мыслей и в головах большинства революционеров, и даже не только предательской части их.

Ярко этот факт обнаружился по незначительному частному случаю. Как известно, дворец балерины Кшесинской, построенный на награбленные у народа Николаем II деньги, в числе других особняков «царской фамилии» был революционным порядком захвачен народом и предоставлен в пользование ПК и ЦК партии большевиков и клуба броневиков. «Владелица» нашла адвоката, который за приличное вознаграждение предъявил у «демократического» мирового судьи иск о выселении захватчиков и о восстановлении прав «священной собственности». Какой тут мог быть спор о праве? Но в агитационных целях ПК поручил выступить т.т. Козловскому и Богдатьеву в защиту интересов ПК. Мы решили при этом воспользоваться известною речью Маркса пред кельнскими присяжными заседателями:

Нет надобности терять слов о том, что процесс был безнадежно проигран юридически «в революционном суде» (а дворец у ПК все-таки остался), и что буржуазная печать всячески поносила за этот процесс тов. Козловского. Но и юристы с.-д. не мало издевались над «анархическими теориями т.т. Стучка и Козловского». Я нарочно принес в Петроградский исполком текст речи Маркса, чтобы оскандалить этих невежд-марксистов.

Все осталось попрежнему и только в тех областях права, в которых народ сам уже фактически захватным, или как выражались наши горе-революционеры, анархическим порядком создал свои революционные учреждения, как, напр., местные самоуправления, в целях суживания этих прав, т.-е. в целях явно контр-революционных, издавались новые законы. А когда крестьяне приступили к захватному способу уничтожения частной собственности помещиков, т.-е. просто подняли восстание, то с.-р. и с.-д.-меньшевики, как министры внутренних дел, для подавления подобной анархии посылали вооруженную силу.

Так наступила Октябрьская Революция. Власть оказалась в руках рабочего класса и крестьянства, идущего с ним, и в первый же день советами была отменена частная собственность на землю. Но в той области, где социальная революция была подготовлена лучше всего, т.-е. в крупных производствах промышленности, национализация шла лишь постепенно. Конечно, Советская власть не могла оставить в силе ни одного дня прежние законы в их совокупности. Но даже и наиболее сознательные товарищи или вовсе не думали о таких «контр-революционных» вопросах, как юридические, или, что еще хуже, на область права смотрели, как на своего рода «табу». И когда мы внесли проект об упразднении старого суда, который все еще продолжал судить по указу временного правительства и по царским законам, то нам эти товарищи возражали, что нельзя же создать новый суд раньше, чем издать законы, по которым им судить. Напрасно мы указывали, что Code civil во Франции был издан лишь в 1804 г., т.-е. через 15 лет после начала революции, — потребовалось 2 недели, пока равнодушие товарищей было побеждено, и в Совнаркоме (а не в ВЦИК!) прошел декрет (№ 1) о народном суде. Но не думайте, чтобы на этот раз победило марксистское, революционное понимание права. Нет, оно не могло победить, ибо его не было! А победила фикция «интуитивного» права Петражицкого [1]).

Но в то же время, как в умах революционеров восторжествовало буржуазное понимание права, на деле победила революция! Историческая формула упразднения буржуазного права в России гласит (декрет

[1]) См. ст. А. Луначарского «Революция и суд» в «Правде», № 193, 1917, имевшую почти что решающее значение в вопросе о декрете.

о суде, ст. 5): «Местные (т.-е. народные) суды решают дела именем Российской республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революциею и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию. Отмененными считаются все законы, противоречащие декретам ЦИК, советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Рабоче-крестьянского Правительства, а также программам-минимум р. с.-д. р. партии и партии с.-р.».

Каким-то чутьем мы тогда предугадали тот признак классового господства и интереса, который мы впоследствии положили в основу своего определения права, и благодаря этому мы обезвредили буржуазное понятие правосознания, которое таким путем получило совершенно обратное, конкретное значение. Но не мало посмеивались члены р. с.-д. р. партии и партии с.-р. над последнею частью этой статьи (и в их числе немало нынешних коммунистов). Мне, чтобы облегчить свое положение, пришлось даже спрятаться за спину Владимира Ильича, указывая на то, что эта идея принадлежит ему и им одобрена. Такой авторитет все-таки облегчил наше положение, но мне не нужно было бы вовсе вовлечь имени Ильича в такой сравнительно мелкий спор, если бы у нас тогда уже был какой бы ни было твердый революционный взгляд на право.

Энгельс напр. пишет: «Этим не сказано, чтобы социалисты отказались от выставления определенных «правовых требований». Активная социалистическая партия без таковых невозможна, как вообще невозможна без них какая бы то ни было политическая партия. Притязания (Ansprüche), вытекающие из интересов данного класса, могут быть осуществлены лишь тем, что этот класс завоевывает политическую власть и для своих притязаний достигает общеобязательной силы в форме законов. Итак, каждая борющаяся партия должна свои притязания формулировать в своей программе в виде правовых требований» («Neue Zeit», 1887).

Если хотя бы тот капитальный труд тов. Ленина о государстве, который им был написан во время его июльского заточения, появился раньше революции, и товарищи успели раньше усвоить себе правильный взгляд Маркса на великий переворот, то у нас кое-что было бы яснее и в области права. Но мы начали безбрежные искания и еще поныне не имеем сколько-нибудь удовлетворительных норм и форм нового классового права.

Легко было провозгласить декрет об отмене частной собственности, и это необходимо было сделать, или, вернее, утвердить, ибо сделано это было уже самоуправно, «анархически». Но ни 25 октября (7 ноября), ни поныне еще не кончилась классовая борьба вокруг частной собственности. Нам некоторые декреты приходилось повторять, и лишь на второй или третий раз они возымели действие. Почему? Потому, что первые декреты часто лишь подготовляли почву, выставляли программу, а в социальные факты превратились лишь в единичных случаях. А когда эти факты учащались, повторение декрета в примененной к условиям форме уже сделалось действительно общереволюционным фактором. Буржуазия, как класс, еще жива, даже вновь нарождается; капитализм в худшей его форме спекулятивного капитала ведет отчаянную борьбу. Коммунизм еще только что ищет путей для возбуждения инициативы и самодеятельности масс, нащупывает средства для поднятия новой дисциплины труда. Разруха старых производственных отношений была необходима, но еще остается ее заменить новою организациею. На не совсем правильном пути был, может быть, тот, кто в один росчерк пера отверг все старое и пытался научно, так сказать, «нормализовать», т.-е. объявить нормальною, даже идеальную нашу чисто российскую разруху, в известной степени объясняющуюся чисто российскими условиями отсталости. Но еще сто раз

неправильнее рассуждают те западно-европейские олимпийцы, которые считают такую разруху для себя необязательною. Тут можно ответить им: разруха у вас будет еще, может быть, хуже, и горе вам, если вы не будете заблаговременно учиться у Советской России и не сделаете для себя соответствующих выводов.

Беглый обзор, мне кажется, достаточно характеризует ту революционную роль права, как ее подчеркнул Маркс по отношению к рабочему законодательству. Оно, как право восходящего класса, имеет громадное творческое значение в моменты великого переворота, но как право господствующего «уходящего» класса оно имеет значение только контр-революционное. В особенности в настоящий момент не следует забывать слов Энгельса про юридическое мировоззрение, как буржуазное мировоззрение вообще.

Не следует слишком преувеличивать значения права и закона, как революционного фактора, но еще в меньшей степени преуменьшать эту роль. И для этой цели надо хорошо себе выяснить соотношение понятий «права» и «закона».

(«Революционная роль права и государства» гл. 6-я).

---

3. МАРКСИСТСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПРАВА.

(Заметки не только для юристов).

Если бы мне пришлось писать о марксистском понимании математики, астрономии или религии, я бы чувствовал себя бодрее, чем представляя в марксистский журнал заметку о праве. Ибо кто будет читать статью, да еще теоретическую о праве. Нас, как видите, больше интересует вопрос о наших отношениях к далеким от нас планетам или к еще более далеким богам, чем вопрос о взаимоотношениях людей. Мы знаем, что право — это дело юристов, за исключением, разве, советского права, т.-е. советских декретов, но и те буржуазный юрист, вероятно, лучше знает, чем мы и даже советский юрист. И, наконец, «к чему нам законы, коли у нас судьи знакомы». Мы, ведь, коммунисты.

Ну, а если бы нас стали опрашивать с пристрастием — скажем при перерегистрации — о нашем правопонимании по-марксистски, то, боюсь я, открылось бы, что у нас никакого такого понимания нет и даже быть не может, а что мы мыслим тут, как и по многим иным вопросам, чисто по-буржуазному. И я скажу, что это вполне понятно и естественно.

Мне как-то на вступительной лекции курсов для народных судей в 1918 году пришлось сказать фразу: «Нам сейчас нужны не столько юристы, сколько коммунисты». Я тогда, конечно, имел в виду старых буржуазных юристов и противопоставил им коммунистов с их революционным правосознанием. Но я тогда и не подозревал, что это мое сопоставление в свое время преднаметил уже Ф. Энгельс. Когда мне пришлось сесть за свою работу о марксистском понимании права [1]), я остановился между прочим и на интересной редакционной статье в журнале «Neue Zeit» за 1887 год против «юридического социализма». Из реестра к этому журналу за 25 лет я узнал, что эта статья принадлежит Ф. Энгельсу совместно с К. Каутским. В этой статье мы читаем: «Религиозное знамя появилось в последний раз в XVII столетии и менее, чем через 50 лет позже, во Франции уже выступило в чистом виде новое мировоззрение, которому суждено было стать классическим мировоззрением буржуазии вообще, а именно юридическое мировоззре-

---

[1]) П. Стучка. Революционная роль права и государства. Первая часть. Общее учение о праве. Госиздат. 1921 г.

ние... оно является превращением богословского мировоззрения в светское. На место догмы божественного права вступило право человека, на место церкви — государство».

Если, таким образом, Ф. Энгельс противопоставляет христианскому мировоззрению юридическое или буржуазное, отождествляя эти два последних понятия, то мы после победы пролетариата с полным правом буржуазному или юридическому мировоззрению должны противопоставить пролетарское или коммунистическое. Но для того, чтобы противопоставить такое новое мировоззрение, мы должны его себе выработать. Ибо его в природе в готовом виде нет. А пока мы его не выработали, у нас в головах будет, незаметно для нас, по-прежнему, господствовать старое, т.-е. буржуазное или юридическое мировоззрение. А буржуазная интеллигенция, как это всегда бывает в эпоху великих кризисов, пожалуй, повернет вспять — к христианскому. Да что говорить про буржуазную интеллигенцию (см. Булгакова, Бердяева и К°), если мы даже в социал-демократическом журнале «Neue Zeit» (см. № 18—1922) в статье небезызвестного Ильи Гурвича читаем слова: «Да как раз по поводу ее (т.-е. советской юстиции против эсеров) мы должны притти в сознание, и на это классовое право ответить: «Да, существуют и объективные нормы права, существует беспартийный суд, и слово священного писания, запрещающее в суде дать преимущества богатому или бедному, оказалось более сильною истиною, чем эта классовая теория (Klassenlehre)». Значит, как еще до революции в рядах социал-демократической интеллигенции раздавались призывы «назад к Канту», так теперь призывают уже «назад к священному писанию».

Но шутки в сторону! Вопрос чрезвычайно важен, хотя он нам на первый взгляд кажется и неинтересным. Мы говорим об углублении нашего понимания Маркса и марксизма и это углубление крайне необходимо, если мы не хотим дойти до полного измельчания; но в таком случае вопрос о праве, т.-е. об известном порядке людских взаимоотношений, должен наравне с вопросами об общественных классах или о классовой борьбе и так далее в теории исторического материализма занять одно из первых мест. И, особенно, в момент, когда мы по сделанному нами отступлению, надеемся, законченному, выравняем свою идеологию, вообще, так называемую «надстройку». А вся опасность нашего идеологического отступления должна стать пред нашими глазами, если мы все снова будем иметь в виду слова Ф. Энгельса о господствующем «юридическом или буржуазном мировоззрении». Тут одни хирургические способы лечения бессильны, ибо по отношению к человеческому уму и сознанию более, чем где бы то ни было, в силе старый закон природы о «horror vacna», т.-е. о том, что природа не признает пустого места. Пока старое сознание не заменено новым, остается в силе старое. И если я читаю вопли белой печати всего мира по поводу замечательной речи тов. Зиновьева на осенней конференции и вижу оттуда цитаты только о мерах предосторожности против зловредных лиц, то я вполне понимаю, почему они замалчивают важнейшую часть этого доклада об идеологической борьбе коммунистов против старых течений. Я очень рад, что я незадолго до того в своей заметке «Революция и право» (в «Известиях» — июнь) из области права попал в ту же точку словами: «то будет настоящая классовая борьба» между юристом буржуазного мира и действительно советским юристом, юристом новым и, к сожалению, медленно нарождающимся. У нашего контр-революционного юриста, не надо забывать, имеются серьезные баррикады, за которыми он солидно прячется. Эти баррикады заключаются не только в 16 томах старого Свода законов и в целых возах буржуазной ученой литературы... но и в мозгах любого из нас, «юридически мыслящих» людей. И все должны ясно дать себе отчет, на какой стороне этих баррикад их место.

Класс и право.

Я ставлю на первое место вопрос о классе, чтобы подчеркнуть, что мне нет столько дела до правовых вопросов, сколько до вопросов классовых, другими словами, до основных вопросов марксистского мировоззрения, т.-е. в конечном выводе — коммунизма. Не так давно еще мы были достаточно беспомощны и при вопросе, что такое класс и классовая борьба. А если мы приступаем к выяснению понятия классового права и классовой защиты этого права, т.-е. классовой юстиции, то мы, прежде всего, должны иметь ясный взгляд на понятие класса и классовой борьбы.

Конечно, не случайность, что К. Каутский («Neue Zeit» 1902 г.) в своей попытке дать пояснение понятия класса подчеркивает, что класс «образует не только общность источника доходов, но и вытекающую отсюда общность интересов и общность антагонизма против других классов, из которых каждый стремится суживать источник доходов другого, чтобы обогатить свой собственный». Но если класс определяется распределением количества дохода, то классовая борьба сводится лишь к борьбе за величину дохода одного класса за счет другого, т.-е. за распределение продукта, значит, — к экономической борьбе классов, как групп, этой общею борьбою именно и связанных. Под этим пояснением подпишется любой шейдемановец, особенно с оговоркою, данною Каутским же, что такой же антагонизм интересов существует и между отдельными подразделениями этих классов.

К. Маркс определенно высказался, что основное значение разделения людей на общественные классы принадлежит распределению людей в производстве и распределению орудий производства между этими людьми, а что процесс производства, в свою очередь, определяет процесс распределения продуктов. Еще в 1906 году ответил Каутскому Фин-Енотаевский и доказал словами К. Маркса, что «классы определяются распределением элементов производства» и что «классы определяются их ролью, их взаимоотношением в процессе производства»[1]). Значит, революционная классовая борьба—ни что иное, как борьба за роль в производстве, за распределение средств производства. А так как распределение средств производства выражено, закреплено в праве частной собственности, то эта борьба за роль в производстве превращается в борьбу за право или против права частной собственности на эти средства производства. Таким образом, революционная классовая борьба заключается в борьбе вокруг права из-за права, во имя своего классового права, является целью классовой борьбы.

Если мы понятием права обозначаем известный порядок общественных отношений, т.-е взаимоотношений людей в производстве и обмене (а до этого понимания дошла и буржуазная наука в лице социологической школы), то для нас станет бесспорным, что такой порядок не может быть вечным, неизменным, но изменяется с победою того или иного класса. Будучи результатом классовой борьбы, право может быть только классовым. До такого заключения не могла дойти буржуазная наука, почему даже лучшие ее представители все до единого попадают в тупик, из которого они не находят выхода. А вслед за буржуазными учеными также путаются и социалисты, не исключая марксистов. Так мы привыкли говорить о классовой юстиции, но мы ей до революции 1917 г. противопоставляли независимую, беспристрастную юстицию [2]) что и поныне делают социалисты всего мира, забывая или просто не зная слов

---

[1]) См. определение класса у Ленина в «Великий почин» (т. XVI, стр. 241).

[2]) Новая программа объединенных с.-д. Германии такой «суд из всех слоев населения» даже громко называет социалистическим.

К. Маркса: «Какая глупая, нереальная иллюзия вообще беспартийный суд, если законодатель сам партийный. К чему беспристрастное судебное решение, если закон пристрастен». Говорили также о классовом государстве, но противопоставляли ему чистую или настоящую демократию. И даже коммунисты, признающие классовый характер всякого государства, противопоставляющие буржуазной классовой юстиции классовую юстицию— пролетарскую, останавливаются в колебаниях, сомнениях, недоразумении пред понятием классового права. Могут ли быть даже право и справедливость классовым?

Не будем здесь спорить с защитниками идей вечного, священного, божественного и т. п. права. С этой стороны нам, коммунистам, опасность не угрожает. Но я беру для примера ученого марксиста, играющего выдающуюся роль в работах по советскому праву. Я читаю у тов. Магеровского («Сов. право» № 1) следующие слова: «Среди всей совокупности социальных отношений и в первую очередь — экономических выделяются отношения, которые фиксируются коллективом при помощи социальных норм, как внешне-обязательные отношения для каждого ее члена, каковые общество защищает от нарушений; эта система внешне-обязательных социальных норм, поддерживаемых и защищаемых обществом от нарушений и есть право, а социальные отношения, регулируемые и организуемые правом, являются правоотношениями». Как видите, автор близко подходит к нашему определению права. Он говорит о «правоотношениях», о «системе» социальных отношений, поддерживаемых и защищаемых», но там, где мы говорим: «классовым государством», значит классом, он вставил слова «общество», или в другом месте — «коллективом». Значит «воля общества» или «общественный договор» являются источником права. Право — институт не классовый, а общественный.

Мы читаем дальше: «Поскольку мы изучаем право классового общества, для нас устанавливается с безусловной необходимостью социально-классовая точка зрения... а само право в этом обществе будет системою внешне-обязательных норм, поддерживаемых и защищаемых от нарушений экономически-господствующим в этом обществе классом». Тут что-то неладно. По одному определению право является продуктом всего общества и предметом охраны всего общества, а по другому оно охраняется лишь классом. Значит, тов. Магеровский не нашел единого определения права: в одном случае (правда, в доклассовом или послеклассовом обществе) оно является правом общественным, в другом, в относящемся к нам (т. е. классовом обществе) — просто классовым.

Но остается все-таки еще разница в понимании нами классового характера права: мы говорим об охране этого порядка просто господствующим классом или вернее, его организованною властью, т. е. классовым государством, а тов. Магеровский употребляет там выражение: экономически господствующим в этом обществе классом. Не знаю, какой оттенок хотел т. Магеровский внести словом «экономический», но оно может вызвать целый ряд недоразумений. Присмотримся для примера к тем группам, которые твердят, что в России экономически господствует уже класс капиталистов. Они, значит, право могут понимать не в «советском смысле», а в смысле просто капиталистическом, буржуазном. Это именно и есть тот взгляд, которого придерживается наш буржуазный юрист или, я сказал бы точнее, юрист вообще (ибо у нас почти что нет других юристов). Значит, мы как будто уже окончательно вернулись к старому юридическому или буржуазному мировоззрению. Конечно, тов. Магеровский далек от подобных обобщений, но мы видим, как осторожны мы должны быть с осторожными оговорками. Надо прямо ска-

зать: либо классовое право, либо неклассовое, т.-е. буржуазно-демократическое.

Если мы придерживаемся того ценного приобретения, которое внесла все-таки социологическая школа буржуазных юристов (например, проф. Муромцев), а именно, что право не есть просто совокупность норм (не будем здесь разбирать вопроса: для «внешнего» или «внутреннего» употребления), а является самою системою, самим порядком общественных отношений, то для нас, признающих теорию революционной классовой борьбы, этот порядок может быть только предметом или результатом классовой борьбы, вернее, победы в этой борьбе того или другого класса. Значит, для нас ясно, что право может в этом обществе быть только классовым. А так как, с легкой руки Энштейна, ныне во все понятия вносится одновременно и условие времени, к которому оно относится (в данном случае ко всему периоду деления человечества на классы), то мы пока можем оставить в стороне разногласия о предбудущем или запрошлом времени и единогласно провозгласить право в нашем смысле слова понятием классовым.

А если, паче чаяния, еще при нас свершится окончательное исчезновение всяких классов и классовых различий, то само собою отпадает и чисто-буржуазное понятие «внешне-обязательных норм», т.-е. той лицемерной обязательности, которая так характерна для буржуазного общества, ее демократии и ее права.

Итак понятия «класс» и «право», по крайней мере в настоящее время, являются понятиями неразлучными. Словом право мы определяем охраняемою государственною властью классового государства распределение людей в производстве, т.-е. распределение средств производства (частную собственность) и роль людей в производстве. Это и есть то общество, которое называется правовым обществом, правовым государством. А борьба классов сводится сейчас к охране всеми мерами этого правопорядка, с одной стороны, и в стремлении его опрокинуть, ниспровергнуть этот государственный и общественный строй — с другой.

Что такое право.

Я в своей работе «Революционная роль права и государства» подробно излагаю, почему буржуазия и не могла найти научного определения для права, а равно и для государства, если она не встала на классовую точку зрения. А стать на последнюю точку зрения она не могла, так как это равнялось бы признанию пролетарской революции [1]). А что право является понятием чисто классовым, я показал в предыдущей главе.

Наше определение права заключается в том, что оно является, во-первых, «системою или порядком общественных отношений», что, во-вторых, определяющим моментом этого порядка или этой системы является интерес господствующего класса, и, в-третьих, что посему эта система или этот порядок в общественных отношениях проводится организованно, т.-е. поддерживается и охраняется от нарушения организацией господствующего класса, т.-е. государством. Мы, таким образом, разделяем право: на содержание его — общественные отношения на форму их урегулирования и поддержки или охраны, куда относятся государственная власть, законы и т. д. Это деление имеется уже и у Маркса (см. введение к его «Критике политической экономии», нем. изд., стр. XVIII), когда он говорит: 1) о «собственности» и 2) о формах обеспечения этой собственности (юстиция,

[1]) Исключение составляют ученые феодального направления; они клеймят буржуазное капиталистическое право, как классовое, но во имя возврата к их «бесклассовому» праву — феодальному.

полиция и т. д.). В знаменитом же предисловии к той же «Критике» он прямо говорит об «отношениях производства или, говоря юридическим языком, отношениях собственности». А в другом месте он показывает, что всякий способ производства, а значит, и всякое общество имеют свой особый вид «собственности» (способ присвоения). Поэтому, мы, основываясь вдобавок на достижениях социологической школы «науки права», определяем право, как систему или порядок общественных отношений (т.-е. отношений производства, обмена, одним словом, собственности).

После того, как Маркс эту мысль так рельефно высказал относительно капитала, который он, также вопреки буржуазной науке, определяет, так общественное отношение, нам казалось, что и мысль о праве, как о целой системе, целом порядке таких общественных отношений, у марксистов останется неоспоренною. Но надо сознаться, что здесь эта мысль натолкнулась на более серьезные препятствия, чем в политической экономии. Недаром область науки права является последним убежищем для всяких идеалистических и вообще идеологических предрассудков, где все еще, хотя и под самыми различными соусами, господствует волевая теория права. А предрассудки остаются предрассудками, хотя бы их и окрасить в красный цвет или снабдить охранительным ярлычком «советский».

В то время, как мы, таким образом, кладем в основу права его содержание — «систему общественных отношений», нам противопоставляют как основу понятия права — форму права: систему или совокупность норм, или, точнее, социальных (общественных то же) норм, т.-е. проявление воли, не то общества или народа, не то класса. Другими словами, получается то же самое, что говорят буржуазные юристы, когда они говорят о праве в объективном смысле, а именно — совокупность законов. Зато для буржуазии правом в субъективном смысле представляются регулируемые этим объективным правом отношения. Мы тут видели совершенно определенно грань между нами и буржуазным мировоззрением, как мировоззрением общества товаропроизводителей. Мы называем объективным содержание права общественные отношения; буржуазный юрист называет так форму права, волеизъявления или просто волю (закон и т. п.). Мы называем эту форму, волю субъективным моментом права, между тем как буржуазия наоборот, содержанию права, общественным отношениям придает кличку «субъективных». Буржуазные юристы объявляют форму или субъективный элемент — бытием, а содержание или объективный элемент — надстройкою. И в этом отношении право не составляет исключения. Вот почему мы, если желаем оставаться марксистами, самым решительным образом должны порвать с волевою теорией буржуазной науки, ибо она никак не поддается перестройке на марксистский лад. А в то же время теория интереса в буржуазной науке является прямою предвестницею марксистского понимания права, стоит только внести в эту теорию классовую точку зрения. Однако, как я уже сказал, на этой, невозможной для буржуазной науки, предпосылке сорвалась социологическая школа юриспруденции, как науки.

В практической жизни трудно свыкнуться с этой мыслью, но в практической жизни и экономические категории, как капитал, деньги, товар и т. д., трудно усвоить себе, как общественные отношения. Поэтому я попытаюсь на паре примеров пояснить нашу мысль.

Собственность на средства производства, например, на землю, может быть, смотря по господствующему способу производства, весьма различна: родовая — первобытно-коммунистическая, полукоммунистическая, частная семейная, частная феодальная, частно-капиталистическая, государственно-капиталистическая и, наконец, социалистическая. Каждой этой форме собственности (распределению средств производства соответствуют свои отношения труда, присвоения и распределения (обмена)

продукта и т. д. Каждое из этих отношений в отдельности мы называем общественным (социальным) отношением, но оно само по себе — еще не право. Правом оно делается лишь тогда, когда оно делается господствующим в связи с целою системою всех прочих общественных отношений. Так, например, еще в феодальном периоде возникали отношения, которые мы ныне называем капиталистическими, но сначала лишь как исключение. Такие социальные факты нарастали количественно, пока количество не перескочило в качество, социальный факт не превратился в право, т.-е. в новую систему, новый порядок отношений [1]). Это нарастание, эта систематизация, это упорядочение (урегулирование) могло быть и делом инициативы сверху, со стороны победившего или побеждающего нового класса. Но обычно оно происходило снизу, фактически. Новый класс мог фактически превратиться в экономически господствующий; капиталистические институты постепенно, отрывками, проникали в старый «свод законов» в виде нового законодательства старой власти. Наступила революция, класс капиталистов победил, сломал старую систему, старые формы как права, так и государства и т. д. Возникли новые правовые формы или старые формы получили совершенно новое содержание, получилась новая правовая атмосфера, в которой все отношения принимали характер господствующей системы, кристаллизировались по-капиталистически... Пролетариат после своей победы обращает частную капиталистическую собственность в государственную, но в пользу своего государства, т.-е. своего класса, путем национализации. Лишь после национализации следует социализация, т.-е. превращение этой собственности в пользу всего уже бесклассового общества, всего человечества. А с наступлением коммунизма отмирает окончательно всякое, в том числе и самое основное право собственности.

Как все это выражается в законе, т.-е. в формальном праве или правовой форме. Сначала в виде фактической защиты государственною властью данного фактического владения. Затем уже в виде закона о восстановлении нарушенного владения, позже — закона о давностном владении, наконец, о юридическом формальном акте («justus titulus»). Собственность формулируется как всестороннее право пользования, владения, распоряжения вещью (например, землею). Но к чему же в действительности сводится эта частная собственность? К получению в той или иной форме продукта своего или чужого труда. Рабский или крепостной труд, трудовая, натуральная, денежная капиталистическая рента — все это способы присвоения части продукта чужого труда в силу частной собственности на землю. Разве все это подробно описывается в законе? Пока были еще живы воспоминания о бывшем «общинном праве», законом обыкновенно казуистично, т.-е. по отдельному случаю, а еще чаще судебным решением укрепляли новое частное право собственности. И когда частная собственность сделалась само собою разумеющеюся, напротив, ограничивались запрещением видов эксплоатации, уже отживших свой век, как, например: рабства, крепостного труда, барщины и т. п. Когда объявили национализацию земли, отменили частную земельную ренту. Но никогда закон и не излагает всей системы правоотношений полностью. Статьи закона бывают мертвые, «не гласят», с одной стороны, а с другой стороны, право шире закона.. Другими словами — не «всякое экономическое отношение имеет свою правовую оболочку» и не всякая «оболочка» имеет свое «экономическое отношение».

---

[1]) Например, постепенно первоначальный захват земли или завладение, защита этого фактического владения от нарушения, продолжительное или давностное владение, превращающееся в собственность. По-немецки эта терминология еще более ярка: bezetzen, Bezitz, ersitzen, т.-е. приобретение ее одним сиденьем на этой земле: сел, сидел и засиделся.

Или мы берем другой пример: отношения купли-продажи. Это типичный для общества товаропроизводителей способ обмена одного продукта (товара) на другой продукт (включая и деньги). Купля-продажа со временем превращается в специальную профессию целого класса людей — купцов, и делается единственным способом перехода продукта к потребителю, монополией этого класса. Обмен, т.-е. купля-продажа делается основным отношением, затемняющим даже отношения собственности. А как показал еще Маркс «в производстве объективируется (овеществляется) личность, в потреблении субъектируется вещь». И так как обмен является лишь способом индивидуального распределения, то вполне понятно, почему и буржуазному юристу, как идеологу этого общества товаропризводителей, субъективная сторона отношений (Маркс называет это «формально-общественным движением») кажется, наоборот, объективным, само же содержание этих отношений, хотя и материальная их сторона, — лишь субъективным моментом.

Но если эти соображения в пользу нашего определения права и могли бы показаться чисто формальными, то решающее значение приобретает второй момент нашего определения: классовый интерес, определяющий систему или порядок этих отношений. Классовому интересу, как материальному содержанию права, противопоставляют старую волевую теорию права. Если воля является действительным творцом права, то, конечно, отпадает суть нашего определения. Право, на первый взгляд, может все-таки продолжать оставаться классовым, ибо, говорят нам, «воля — это исходный пункт классовой борьбы» и «воля есть движущая[1]) ... сила каждого общественного процесса, в том числе и производственных отношений». Значит, что право творит воля. Но чья воля? Конечно, не бога и не монарха, равно и не народа («Volkswille»). В классовом обществе это — воля господствующего класса. В этом мы согласны. Но что означает воля класса? Повидимому, это есть проявление (безразлично пока, каким способом) классового сознания, другими словами, проявление классом сознания своего интереса, а так как право все-таки охраняет интерес господствующего класса (тут, кажется, спора нет), то сознание определяется интересом, а не интерес, т.-е. бытие — правом. Таков вывод логики.

Тут-то и вскрывается корень нашего разногласия. Ни один марксист не отрицает значение сознания воли, но он говорит, что сознание определяется бытием, воля несвободна. Конечно, сознание в свою очередь влияет на бытие, на интерес, на экономику и т. п., но решающую, в конечном выводе, роль мы отводим бытию, интересу, экономике и т. п. И если это имеет силу даже по отношению к отдельным лицам, индивидам, то в гораздо большей мере — по отношению к целому классу, обществу, человечеству. Слова «коллективная воля»[2]), «организованная человеческая воля» и т. д. не более ясны по смыслу, чем отброшенные давно слова «воля народа» и другие тому подобные фикции.

Мы в своем определении говорим, что та система, тот порядок общественных отношений, который характеризует так называемый правовый порядок, поддерживается и охраняется организованною силою господствующего класса, т.-е. государством. Эта поддержка и охрана со стороны государства имеет весьма различные виды: планомерные, организованные виды воздействия, как, например, законы; единичные виды воздей-

[1]) Цитата взята из рецензии т. Вегера в «Сов. праве» № 1; на месте многоточия в тексте имеется слово «передаточная», что является очевидною опискою, ибо движущая сила не есть передаточная, как и передаточная не есть движущая.

[2]) Я здесь не говорю о сознательном бесклассовом обществе будущего, где эта фикция может стать реальностью: это будет «царство свободы».

ствия (полиция, вообще администрация); косвенные виды воздействия (налоговые системы) или прямое вмешательство в хозяйственную жизнь (как, например, в свое время насаждение капитализма) и т. д. Наконец, идейные способы воздействия (убеждение при помощи школы, церкви, печати и т. д.). Это воздействие на «структуру социальных отношений» может быть весьма энергично и успешно; я этой «революционной роли права» посвятил всю свою книгу и одну главу так и назвал «правом—революцией» одного класса, противоставляя его «праву — контрреволюции» другого класса. Но все-таки для нас решающую роль играет объективный элемент — интерес [1]), который определяет волю индивида, а еще в гораздо большей степени — классовое сознание. Мы в совокупности норм (как законов, так и обычаев, судебной практики и т. д.) видим лишь форму права, его субъективный элемент и, чтобы порвать окончательно со всеми идеалистическими пережитками, мы предлагаем порвать раз навсегда и с волевою теорией права.

Волевая теория имела реальный смысл, пока люди верили в волю высшего существа или в творческую силу какой-то абсолютной идеи. Но когда право отождествлялось с законами, и слово «закон» потеряло также всякое реальное содержание, как и слово «право». Так, существовал у нас во время оно юридический журнал «Право», призывавший юристов под знамя законности: во имя закона царского режима. Он пережил февральскую революцию, но не изменил надписи на своем знамени. Закон на этот раз был законом первой революции, теперь вышел в Москве профессорский журнал «Право и жизнь», который обещает выполнять «долг, лежащий на русской юридической мысли» (?!), и продолжает: закон — знамя, под которое он призывает русских юристов». Допустим, здесь, что журнал имеет в виду закон Рабоче-крестьянской Республики. Что же в таком случае вкладывают в понятие слова закон? Ибо реальное содержание закона в каждом из этих трех периодов, связанных с определенным соотношением классов, — совершенно различно. Закон — это воля государственной власти соответствующего момента, не больше. Само по себе слово «закон» столь же бессодержательно, как и другое громкое слов: «русская юридическая мысль». Не мешало бы, если бы студенты этих светил науки попросили своих учителей разъяснить хотя бы им глубокий смысл этой бессодержательной фразы. «Всякий да опасно ходит», таков был «закон первый» щедринского градоначальника. «Русская юридическая мысль», усваивая себе пустой лозунг «закона», на своем знамени пишет: в пределах закона или «применительно» к закону, безразлично к какому, «опасно ходить». Вот что, по мнению наших профессоров, и есть субъективное право их, т.-е. буржуазии, в пределах «объективного права», т.-е. совокупности законов (в данном случае, законов Рабоче-крестьянской государственной власти).

Найдется ли среди наших марксистов кто-либо, кто так понимает волевую теорию права, как всякую совокупность «букв» закона? Конечно, нет.

Но волевую теорию связывают еще с «целевою» теорией (телеологией). Цель права по этой теории, есть только часть целей мира и человечества. Цель, предназначенная высшим существом или предопределенная фатально, является целью абсолютною. Почти под ту же категорию подходит, например, и конечная цель имеющего у нас особый успех красноречивого пустослова Штаммлера. Его «безусловная конечная цель человеческого общества — это идеальное единство, вообще мыслимое для всяких целей человеческой совместной деятельности». «Это будет общество людей со свободной волею» («frei wollender Menschen»). Но Штаммлер верен заве-

---

[1]) Даже буржуазный ученый Иеринг говорит: «И логика подчиняется интересу».

там старого друга Бентама и тут же поясняет, что эта цель есть идея о человеческом обществе, в котором всякий, стремясь к достижению своей цели, тем самым и выполняет цели другого, другими словами, — цели другого превращает в свои, и наоборот. Правда, и мы, будучи социал-демократами, говорили, о *конечной цели* в противоположность ближайшим целям, но мы при этом имели лишь тот момент, о котором Маркс говорил, что тогда *только начнется история человеческого общества.*

Но мы все-таки признаем цели и, издавая законы, стремимся к достижению этих целей. Вот почему и говорят, что наша классовая воля, совокупность наших декретов является нашим классовым правом. Как раз этот пример убеждает в противоположном. Совокупность наших декретов меньше всего обнимала и поныне обнимает всю область правовых отношений: недаром мы ввели понятие революционного правосознания. В то время, когда мы грозили спекулянтам высшею мерою наказания, они на Сухаревке и во всяких главках праздновали оргии своих спекулятивных отношений обмена. А когда мы ныне узаконяем часть этих оргий, то едва ли и это соответствует свободной воле класса пролетариата. Нет, воля закона не является единственным творцом права и эта воля бессильна *против* экономических «законов природы». Щедринский помпадур тщетно издавал указы о приостановлении течения речной воды. Поскольку мы издавали свои декреты, руководствуясь законами экономического развития, мы подвинули вперед всю историю. Но зачем тогда говорить о воле, как о решающем элементе, когда она являлась *только отражением верного сознания классового интереса.*

Нас нельзя винить в пренебрежении к закону вообще. Мы, напротив, иногда даже слишком верили в силу декретов. И наши критики из «Права и жизни», например, напрасно делают вид, что они упрекают нас в отсутствии веры в закон вообще, а не в том, что мы опрокинули их законы[1]). Мы будем на верном пути, если мы усвоим себе наше научное определение права, признавая правом именно систему, порядок общественных отношений, другими словами, — *систему организованной защиты классового интереса*, и отводя закону, имеющему целью урегулирование этой системы, крайне важное, но все-таки формальное значение. Вслед за тем придется перекроить и в наших головах понятия о праве, но соответственно тому внести поправки и в программы наших школ, курсов и т. д.

Экономика и право.

Мы уже видели, что есть и коммунисты, проводящие грань между классом, господствующим *экономически*, и классом, господствующим *юридически* или *политически* или просто господствующим. Гораздо большее значение играет этот вопрос в речах и писаниях контр-революции, или, особенно, так называемой лойяльной оппозиции. Основное положение экономического материализма об отношениях между базисом и надстройкою, превратилось в устах этих литераторов не только из 2-го и 2½-ного Интернационала, но и чисто буржуазных, в истасканную, пошлую фразу, по сравнению с которою даже учение Штаммлера о праве — форме и хозяйстве — содержании можно назвать глубокою или, по крайней мере, глубокомысленною теорией. Ссылкою на учение Маркса нас «бьют» уже давно. Началось с того момента, когда Каутский, а вслед за ним вся буржуазия

---

[1]) Читайте, например, в заграничном издании слова проф. Нольде: «Правовой хаос, царствующий в России, делает невозможным различать, что именно из нашего (!) права окончательно исчезло и что будет продолжать существовать». Нэп, значит, — не уступка, а продолжение существования.

стали доказывать, что Октябрьская Революция не может быть признана революцией правильной, ибо она противоречит Марксу, так как в России экономический базис еще не созрел для такой надстройки. Когда мы потом вынуждены были отступить на экономической почве к новой политике, то меньшевики и все вокруг них (при чем и эс-эры и кадеты превратились сразу в убежденных «экономических материалистов»!) твердили: «Коммунистическая диктатура при новой экономической политике, т.-е. попросту говоря, при укреплении буржуазно-капиталистического уклада, это — такая историческая нелепость, такая воплощенная бессмыслица, которая одинаково... непереносна, и для новой буржуазии всех калибров, и для пролетариата, и для искренних коммунистов».

Конечно, мы могли бы ограничиться просто практическим отводом: «На войне, как на войне. Теперь некогда с вами спорить; для победившего сдаваться побежденному, во всяком случае, — еще большая нелепость, чем победить. А в теории будем разбираться, когда окончательно убедимся, кто кого будет вешать». Такой ответ нас освободил бы от теории, но он понизил бы и наше классовое сознание, основывающееся именно на правильном, т.-е. революционном понимании теории Маркса...

Мы отвечаем им, но надо сознаться, отвечаем иногда достаточно необдуманно и наше понимание марксизма часто оказывается довольно-таки примитивным. Особенно, когда у нас пользуются сравнением о базисе и надстройке. У нас весьма серьезные люди говорят часто по Штаммлеру, что «всякое экономическое отношение имеет свою правовую оболочку». (Хотелось бы, чтобы быть еще популярнее и нагляднее, исправить: «наволочку»). И тов. Зиновьев в своей речи на конференции, резко полемизируя с сменовеховцем, успокаивающим меньшевиков, «что марксисты должны-бы знать, что экономика и политика никогда сразу, по мановению волшебного жезла, в унисон не приходят, что всегда преобразование политических форм несколько отстает от развития хозяйственных явлений», попал «прямо в глаз» и кое-кому из наших товарищей, которые все надежды ставили именно на некоторое замедление слома или перестройки этой, по их мнению, беспочвенной, безбазисной надстройки, обнадеживая себя, что вот, мол, подоспеет вновь заказанный базис, т.-е. западно-европейская революция. (Я где-то нашел даже предельный срок десять лет). Следовательно, весьма кстати вернуться еще раз к старому вопросу об экономике и праве.

И работа эта необходима не только для теоретических рассуждений, но и для чисто-практических целей. Мы ведь в самих марксистских изданиях уже встречаемся с мыслью, что мы куда-то возвращаемся, а по мнению кое-кого, даже никуда и не уходили. И если-бы не часто непонятная для обыкновенного смертного терминология юристов (а особенно юристов-марксистов), то эта мысль бросилась бы в глаза еще гораздо более рельефно. Совнарком — это просто кабинет министров, ВЦИК — обыкновенный парламент только с необычайным избирательным правом и т. д., а когда я случайно в одном окне увидел все 50 томов кассационных решений правительствующего сената, мне так ярко вспомнились слова Гейне: «К чему все это. Земля ведь шар (Die Erd ist rund) и поэтому мы все равно вернемся к исходной точке». Тут мы все-таки должны дать теоретический ответ, не ограничиваясь изложением в непонятных выражениях старых буржуазных мыслей.

Вопрос о базисе и надстройке по Марксу я разбираю в другом месте [1], в следующей книжке журнала Института советского права, где я пытаюсь доказать, что эту цитату просто неправильно истолковали, что под базисом Марксом понималось право, как отношение производства, ибо

[1]) Стр. 85.

он там же называет «отношение собственности» только юридическим выражением для «отношения производства». Надстройка же для него — «форма сознания» этих отношений, как права. Значит, базис — бытие надстройка — сознание! Мы вернулись просто к основной проблеме диалектического материализма, а всякие штаммеровские пояснения — простая тавтология[1]).

В своем «Капитале» (1-й т.) Маркс поясняет: «если рабочий все имеющееся в его распоряжении время вынужден затрачивать на производство необходимых средств существования для себя и своей семьи, то у него, конечно, не остается времени для безвозмездного труда в пользу третьих лиц. Таким образом, когда производительность труда не достигла определенного уровня, в распоряжении рабочего нет того избыточного времени, без которого невозможен прибавочный труд, а невозможны, следовательно, и капиталисты, но невозможны в то же время и рабовладельцы, феодальные бароны, одним словом, какой бы то ни был класс крупных собственников». Значит, тут общество еще без классов. А в тот момент, когда «вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права и общество сможет написать на своем знамени: «каждый — по способностям, каждому — по потребностям». Это будет вновь общество бесклассовое. Между этими двумя моментами — бесконечная классовая борьба. А классовую борьбу определяет развитие производительных сил и развитие классового сознания. Если бы победивший пролетариат не оказался в силах подерживать или поднимать производительность труда, то одна его государственная власть оказалась бы надстройкою без фундамента, базиса. Но, с другой стороны, без этой победы пролетариата производительность труда направляется не на удовлетворение «всех по потребностям», но на средства взаимного истребления. Объективно же в целом ряде капиталистических стран производительность была бы уже достаточна для удовлетворения «всех по потребностям».

Значит, экономика определяет классовый состав общества, интерес каждого класса и его роль в производстве, а равно и классовое его сознание, т.-е. сознание им своего классового интереса; все остальное зависит от исхода классовой борьбы. Победив, класс проводит и охраняет свой классовый интерес, свое право. Победивший пролетариат не делает из этого правила исключения. Победив, он старается не только сохранить свою власть, но и воздействовать посредством этой власти обратно на экономику, всеми силами поднимая производительность труда, а вместе с тем — и производительные силы страны. От его успехов зависит исход его борьбы. Всякое иное механическое толкование революционного марксизма и взаимоотношения экономики и права должно быть отброшено, как ненаучное, но одновременно и контрреволюционное рассуждение.

Классовое правосознание и революционная законность.

Бывает, что в исторические моменты произносится слово весьма меткое и удачное, но проходит время, забывается момент и слово превращается в пустой звук или превозносится непомерно. Последнее случилось у нас со словами «революционное или социалистическое правосознание». Когда после Октябрьской Революции мы были вынуждены (буквально, вынуждены) разогнать старый суд и в принципе объявить все старые законы отмененными, поскольку они не были утверждены нашими декретами, то мы нисколько не превратились в анархистов, напротив, мы выражались

---

[1]) Здесь исключается абзац, мысли которого изложены в других местах более подробно.

крайне осторожно и в числе источников права называли даже программы-минимум победивших в революции партий. Но чем было заполнить пустое место? Мы пошли по пути первоначального возникновения всякого права, предоставляя эту роль классовому суду. Так, в былое время римский претор, а позже феодальный судья, и поныне английский классовый суд творят прецеденты, т. е. новое право. И мы своему пролетарски-крестьянскому суду сказали напутственное слово: революционное правосознание.

Мы, тогда еще не говорили: классовое правосознание. Этого понятия тогда у нас еще не было. Само слово «правосознание» было навеяно буржуазной наукой (психологическою школою Петражицкого) и на деле, а лишь потом и в теории, получило классовую окраску. Революционный путь народного суда был вынужденным путем революции, по которому, однако, придется итти всякой пролетарской революции. В начале, в порыве энтузиазма мы не ощущали недостатков, но вот когда это состояние слишком затянулось, оно сделалось даже предметом преувеличенных похвал! Слова о «творческом гении», о «недрах пролетарского духа» и т. д. угрожают превратить в пустой звук это все таки чрезвычайно серьезное понятие.

Что мы ныне понимаем под словом «классовое правосознание»? Если для нас классовое сознание является сознанием со стороны класса своего интереса, то правосознанием класса можно назвать классовое сознание победившего класса. Но если даже классовое сознание классом приобретается лишь медленно, то правосознание, как и само право, всегда кишмя кишит всякими традициями и старыми предрассудками, как мы уже видели выше. А так как юридическое мировоззрение есть одновременно буржуазное мировоззрение вообще, то нечего удивляться тому, что вместо организованного средства насаждения нового порядка народный суд дал лишь более или менее удачные единичные решения и то лишь благодаря революционной атмосфере. Но ему совершенно не было бы по силам провести организованное отступление до определенных и ограниченных пределов. Если и до того органические законы для революции были крайне желательны, при отступлении они стали положительно необходимыми.

Но это вовсе не означает, что с появлением разных необходимых кодексов классовое правосознание стало излишним предметом роскоши. Наоборот! Эти кодексы редактируются юристом, который видит только возврат к старому. Тут только два оттенка: заграничный профессор высматривает, что «из нашего права будет продолжать существовать» (Нольде); внутренний же профессор признает, что «переживаемая революция... ни когда и ни при каких условиях не возвратит нас целиком к исходному моменту и т. д.» (проф. Н. Тоцкий). Но оба они, и вслед за ними и советские юристы, «возвращаются». Не создается ли опасность, что на практике всякие проблемы, всякие «неясности, неполнота» и вообще «точные смыслы» новых законов будут пополняться доподлинно старыми обгорелыми остатками 16 томов Свода законов и 45 томов кассационных решений Сената?

Такой практике должен быть положен предел в классовом правосознании. Законы нэповского периода являются шагом отступления, но не возврата к старому. И всякие пробелы, неясности и точные смыслы должны разъясняться от революции, но отнюдь не от контрреволюции. Народный суд, классовый юрист должен твердо помнить, что законы Рабоче-крестьянского Правительства и рабочего парламента (ВЦИК) для них обязательные, и не просто внешнее-обязательны, но обязательны, как сознание этого шага, в виде части классового интереса, а именно уступки в интересах дальнейших побед класса, а не больше.

Я сказал в другом месте, что только таким путем законность превратится в революционную: с одной стороны эта законность будет сознательна, ибо основана на революционном правосознании, как сознании классового интереса, это — внутренний ее признак. Но, с другой стороны, слово «революционная» отмечает нашу тенденцию вперед, тогда как профессорская законность («юридическая мысль» то ж) будет контрреволюционна, ибо ее взоры направлены (безразлично открыто ли или тайком) назад. Даже неизвестно к чему, но назад!

Клевещет на нас тот, кто твердит, что мы якобы были против всякой «законности». Проведя столь организованно революцию, мы доказали и свою привязанность к организованному способу урегулирования наших общественных отношений. Но «в революции, как в революции». Стихию ввести в рамки закона, хотя бы революционного, — дело не одного дня. И сами законы революционного периода крайне непостоянны, особенно если в революции побеждает класс, без определившейся классовой идеологии.

Я в своей работе о праве показал, как еще за сотни лет до Великой французской революции постепенно вырабатывалось под названием «естественное право» правосознание восходящего класса буржуазии, пока оно не стало положительным правом (декларация прав, а затем — гражданский кодекс). Ничего подобного не было у пролетариата. В правовой области (и не в одной правовой) над ним властвовала идеология буржуазная. И только революция сама разрушает и эти буржуазные устои, разрушает медленно, но основательно там, где пролетариат победил. В остальном мире пролетариату придется проделать ту же борьбу самостоятельно. Ибо право — это последнее убежище буржуазной идеологии! Вот почему в этой области легче вырваться из когтей буржуазии любому сознательному пролетарию, чем даже коммунисту с юридическим прошлым. В этом и залог успеха этой революции. Тут пролетарское «бытие» определяет и юридическое «сознание».

(«Коммунистическая революция». Двухнедельный журнал политики, экономики, агитации и пропаганды. Орган ЦК РКП 13—14 (37—38), ноябрь 1922 г.).

---

4. ЗАМЕТКИ О КЛАССОВОЙ ТЕОРИИ ПРАВА.

(Доклад, читанный в заседании секции общей теории права Института советского права 10 октября 1922 г.).

Наша задача.

В Институте советского права сегодня открывается секция общей теории права. В чем должна заключаться ее основная задача? До сих пор общая, да и всякая теория права обыкновенно служила лишь отдалению правовых вопросов от масс в них именно заинтересованных. Это было или делом «сословия» (если не касты) юристов-правоведов или делом философов по профессии. Но было ли это правом конкретным в руках сословия юристов или абстрактным в лице философии права, оно было одинаково недоступно для масс даже своего же класса как по содержанию, так и по форме.

В то время, как право в жизни охватывает самые широкие массы, относится к самым обыденным взаимоотношениям людей, оно в теории и вообще в литературном изложении осталось непонятным и непонятным для всех. Дошло до того, что люди, подходящие к правовым вопросам с самыми реальными намерениями, открыто высказывали сомнения, уместно ли

вообще говорить о теории права, может ли быть вообще речь о праве, как о предмете науки. А теоретики права подчас о реальном праве говорили, как о призраке, об иллюзии, предаваясь культу своего внутреннего интуитивного права, ни для кого другого необязательного.

Октябрьская Революция попыталась в жизни «поставить на ноги» право, в первую очередь изгнав из храма справедливости касту «жрецов священной правды и справедливости» и предоставив самому «хаму» судить о своих правовых делах. Это было простым дополнением в материальной революции, революции отношений власти. Уничтожив в корне все сословия, лишив привилегированные из этих сословий не только их званий и титулов, но и их экономического базиса (всякого рода национализации), революция не могла оставить нетронутым и привиллегированное сословие юристов-правоведов. Достаточным показалось «сжечь» (в переносном, конечно, смысле) все 16 томов Свода законов и 40 томов кассационных решений правительствующего сената, чтобы сломить эту вековую силу над невежеством человечества в самых близких для него вопросах.

Но как отделение церкви (конечно, совершенно определенной церкви, религии феодального или буржуазного общества), в лице духовенства, от государства еще не означает искоренения самой религиозности, так и отделение от государства права (конечно, буржуазного) в лице сословия юристов, еще далеко не означало победы над юридическим мировоззрением.

В самом деле, если мы берем любое издания, любую работу по советскому праву, нас обыкновенно постигает полное разочарование. По обложке — советское, а внутри — как будто отдает прежним, буржуазным. Я не буду говорить об авторах, так и заявляющих: «не беспокойтесь, господа, если цвет «большевицкий», товар еще из старых запасов, марки французской», или о примиренческой публике, заявляющей, что никогда ни при каких условиях не возвратимся к «исходному моменту», что «перелом свершился безвозвратно», что поэтому они стоят на советской площадке, но отпускающих тот же старый товар, даже без советской окраски. Я говорю о совершенно искренних, «советских юристах», оставшихся именно юристами. И не они персонально виноваты, если до сих пор осталось невыясненным понятие, я не скажу советского, но права вообще. Ибо поныне не потеряли значения слова Канта: «еще спорят юристы о понятии права». Но пока лишь спорили о понятии бога, вера в него еще не была разрушена, и пока лишь спорят о понятии п р а в а—юридическое, т.е. буржуазное воззрение господствует.

Вот почему пора нам подумать о теории своего, т.-е. советского права или, вернее, о своей теории права вообще. И после сказанного это уже не покажется просто пустословием, никому не нужным. Но осталась другая опасность, как бы право не осталось попрежнему словом никому недоступным, непонятным. И нашею первою задачею является именно вернуть правовые вопросы, в облаках витающие, на землю. Если и поскольку право вообще относится к самым реальным взаимоотношениям людей, да притом всех людей без исключения, оно должно быть понятным для всех. И я скажу откровенно, что за нашими непонятными тирадами вообще, кроме старой и дурной привычки, скрывается весьма часто неясность понятий, непонимание вопроса, убогость мысли Мы в новой секции на первое место должны поставить вопрос о понятной для всех теории права, низведении священного, божественного понятия права на землю, о его превращении в чисто пролетарское понятие.

Наша задача в эпоху ожесточенной классовой борьбы должна заключаться, прежде всего, в беспощадной критике всех старых понятий. Без этого не обойтись, ибо пред нами — задача нелегкая, доказать прежде всего, что это именно старое, отжившее свой век и идущее на слом. И как вы не можете строить нового дома на месте, где находятся негодные разва-

лины, пока вы не превратили в кучу мусора это старье и не убрали мусора, так вы напрасно будете строить новую правовую теорию, не разрушив старой: такая новая теория или будет параллельной и, стало быть, — лишней или она сведется к новой облицовке прежнего дряхлого здания.

И эта критика не может ограничиться критикою старых работ; мы не должны останавливаться и пред работами под значком советских, а равно — и своих ближайших товарищей. Полемика является, конечно, если она дельная, хотя и резкая, самым лучшим и живым способом выяснить разноречия и привести к ясности мысли. И я не просто увлекся фразою, когда я писал в июне месяце в «Известиях»: «То будет настоящая классовая борьба между юристом буржуазного мира и действительно советским юристом, юристом новым и, к сожалению, медленно нарождающимся. У нашего контрреволюционного юриста, не надо забывать, имеются серьезные баррикады, за которыми он солидно прячется. Эти баррикады заключаются не только в 16 томах старого Свода законов и целых возах буржуазной ученой литературы . . . но и в мозгах любого из нас, юридически мыслящих людей. И все должны ясно дать себе отчет, по какую сторону баррикад их место».

Задача нашей секции, между прочим, — подготовить молодых теоретиков советского права. Молодежи мы должны дать полную возможность выйти на новый путь необремененными старыми предрассудками, с которыми нам все еще приходится и придется бороться в наших собственных головах. Это не означает отказа от всего того хорошего и полезного, что все-таки оставил нам в наследство старый мир. Как буржуазная политическая экономия дала и дает много ценного для марксизма, так, конечно, в несравненно меньших размерах, мы кое-что получим и от старого юридического мира. Разбираться в этих грудах материалов вещь не легкая.

Если мы юридическому или буржуазному мировоззрению противоставляем коммунистическое, то не расширяем ли мы черезчур рамки общего учения о праве? Вспомним споры нашей буржуазной науки о пределах общего учения о праве. Эта энциклопедия права (как наследница философии права) в России в свое время являлась чем-то почти что революционным, лишь нехотя терпимым. Коммунистическое мировоззрение, конечно, не ограничивается внесением ясности в одни правовые вопросы (то же самое было в своё время и с юридическим мировоззрением буржуазии), кроме общего учения о праве, и еще важнее, там значится теория исторического материализма. Вопросы праба составляют только часть этой социологии, но безусловно весьма существенную часть и при том часть, неразрывно связанную с основными понятиями исторического материализма. Вот почему до тех пор, пока исторический материализм не выяснил всех основных вопросов своей теории, общее учение о праве вынуждено будет не мало времени посвящать коренным общим вопросам исторического материализма вообще.

Практическая цель общего учения о праве — дать некоторый критерий, известное мерило, даже некоторое направление для специальных отраслей советского права, найти количественные и качественные отличительные признаки советского характера этих отраслей права. Нам надо беспощадно бичевать покушение наших советских юристов на проведение теорий сближения нашего права с буржуазным: «Вот, мол, большевики — вовсе не такой опасный народ; они говорят тоже самое, что и прочие или «общие» юристы, только иными словами, как-то: «совнарком» вместо «кабинета министров», ВЦИК вместо парламента, предгубком вместо Губ. (т.-е. губернатор). правопользование вместо собственности и т. д. и т. д. Но и в другую сторону мы перегибаем палку. Мне, например, приходилось читать (цитирую по памяти), что наше гражданское право вносит, мол, много нового «советского», разрешая суду отменять договоры, противоречащие законам, растовщические и т. д. Такое хвастовство опасно, ибо любой адво-

кат ответит: «это все старые, ценные принципы буржуазного права (особенно сенатской практики). И он будет прав. Значительно глубже вник в вопрос тов. Гойхбарг, когда он отмечал некоторые особенности нашего «нэповского» гражданского права, напр., отношение к бывшим конфискациям и национализациям и т. д. (цитирую также наизусть). Между тем в первом случае надо было просто сказать, что мы воспользовались старыми принципами буржуазного права только реально, ибо мы оставляем суд в руках рабочего же класса, тогда как для буржуазии эти принципы, по общему правилу, были только лицемерными декларациями.

Я очень жалею, что мне в серьезном докладе приходится говорить подобные примитивные вещи. Но я не ломлюсь в открытую дверь, если доказываю, что общая теория права должна интересовать всякого сознательного коммуниста, а не только юриста. И эту истину придется повторять еще неоднократно. Нам придется останавливаться на весьма и весьма старых вопросах и по существу этой общей теории права наши первые попытки в этом отношении даже не будут многим выше произнесенных так давно первых слов о естественном праве, но ведь из этих первых слов родились революционная «декларация прав человека и гражданина» и грандиозное здание буржуазного мировоззрения.

Система ли отношений или совокупность норм.

Как известно, я в своей работе «общее учение о праве» выбрал исходною точкою готовое уже определение права, созданное не мною, а принятое хотя и при моем участии и за моею подписью, но довольно поспешно в коллегии Наркомюста. Я тут же заявил, что я признаю недостатки в формулировке этого определения, но настаиваю на том, что оно принципиально правильно.

Я понимаю право, как систему или порядок общественных отношений, соответствующий интересам господствующего класса и т. д. Ему противопоставляется право, как «совокупность норм поведения» или «норм внешнего регулирования», «система внешне-обязательных социальных норм» и т. д., одним словом, совокупность положительных законов или так называемое право в «объективном смысле». Но, в виду того, что среди этих обязательных норм обыкновенно очень много уже умерших, «не гласящих норм», то создается еще и среднее пояснение, что «право в объективном смысле является суммою абстрактно», т. е. вообще обязательных норм внешнего поведения (здесь также фигурирует слово «внешнее», но оно с норм перескочило уже на само поведение), насколько таковые вообще поддаются принудительному исполнению (regelmässigerz wingbar). Значит, вопрос сводится к тому, назвать ли правом систему или порядок отношений, определяемую интересами господствующего класса и проводимую в жизнь организованною им властью, государством (не только законами, но и всякими прочими мерами и просто экономическим или даже нравственным давлением), или это — только совокупность норм, между прочим, отнюдь не исчерпывающих всемерного полного урегулирования правовой жизни. Я читаю в полемике одного из сторонников второго мнения (против меня) даже такую ужаснувшую его мысль, что в таком случае «приходится принять производственные отношения за правовые и — объявить надстройку базисом».

Да, этот грех лежит на душе К. Маркса; он действительно допустил это «смешение», когда он в своем знаменитом предисловии к «Критике политической экономии» говорит об «отношениях производства» или «выражаясь по юридически, отношениях собственности». А разве кто либо станет отрицать, что «отношения собственности» есть именно «отношения правовые».

В чем же суть этого спора? Мы в понятие права вкладываем, как решающий момент, его содержание и именно защищенный, поддерживаемый интерес (класса). Наши противники придерживаются старой, волевой теории, придавая главное, если не исключительное, значение формальной стороне, или что еще хуже, придают решающее значение воле — воля определяет интерес (а не наоборот), т.-е. «сознание определяет бытие». Ибо понимая право в смысле процесса «внешнего» регулирования, мы содержанием права признаем форму, а интерес и отношения, вытекающие из этого интереса, лишь объектом этого регулирования. Не напоминает ли такое решение вопроса старую картину, приводимую Марксом, что буржуазная наука человеческие взаимоотношения поставила на голову? И долго ли эти человеческие отношения могут обретаться в этом головоломном состоянии?

Волевая теория права, принимая самые различные виды, как-то воли бога, высшего существа, короля, народа, кончая общественным договором, как результатом множества воль, господствует в науке права, поскольку вообще можно говорить о господствующей теории в этом хаосе мнений. Она, видя гибель со стороны теории интереса, находит последнее прибежище в психологическом направлении. В самом деле, не характерно ли то, что и политическая экономия, и социология, и право почти одновременно ищут спасения в психологии. Весьма интересно было бы проследить это явление подробнее: в связи с индивидуализмом буржуазного общества — индивидуально-психологические теории, в связи с демократическими теориями «общественного договора» — попытки Петражицкого и др. построить особую теорию двусторонних психологических переживаний, наконец перелом коллективизма в призме буржуазного индивидуализма — в виде теорий общественной психологии. Но это все также идея примата сознания над бытием, с которой мы боремся и должны бороться.

Мы этим течениям противоставляем свою «одностороннюю» теорию исторического материализма. Это отнюдь не «экономический фетишизм», это вовсе не «абсурдная мысль, что все происходит механически», что воля не играет роли, это вовсе не отрицание ни воли и ее значения, ни, наконец, умаление значения науки психологии, это — просто правильно понятый марксизм, а людям, утверждающим, что «воля — это исходный пункт классовой борьбы» и что «воля есть движущая сила каждого общественного процесса, в том числе и производственных отношений», мы отвечаем, что это плохо понятый или непереваренный марксизм. Все это говорится не в виде упрека. В процессе мировой революции, когда «революционная воля» проявляет чудеса энергии и инициативы, трудно укладываться в холодные, на первый взгляд, рамки исторического материализма. Но главным основанием этого явления надо признать недостаточно ясное понимание характера и содержания революционного марксизма, кладущего в основу своей теории «революционной классовой борьбы именно классовый интерес и правильное революционное сознание этого интереса.

Если можно винить нашу формулировку определения права, то только за то, что там недостаточно ясно подчеркнута роль «классового интереса». По этому определению система отношений только «соответствует интересу класса», тогда как этому интересу должна принадлежать определяющая роль, конечно, чрез призму сознания, т.-е. государственную власть того же класса. Насчет такой формулировки мы сговоримся, но несговорчивы останемся мы насчет значения «интереса» и «воли», т.-е. «бытия и сознания». Если мы говорили о порядке или системе общественных отношений, то этими словами подчеркнуто участие человеческой воли, сознания.

Чтобы изжить это разногласие, глубоко принципиальное, необходима правильная формулировка его. И если мы достигнем двух таких

формулировок, из которых каждая в одном или двух словах выразит спорный пункт определения: «определяющий ли классовый интерес» или «регулирующие волевые акты, нормы», тогда мы и придем или к соглашению или к расхождению. Первая формулировка будет основываться на объективных, вторая — на субъективных признаках. Буржуазная теория, наоборот, первой отводит определение права в субъективном смысле, второй — присваивает название «права в объективном смысле». Не тут ли кроется смешение понятий базиса и надстройки?

«Базис и надстройка».

Я не знаю, воспользовался ли бы К. Маркс картинным и метким выражением о базисе и надстройке, если бы он предвидел, как часто будут злоупотреблять этим сравнением его ученики. Вопрос о «примате», о базисе и надстройке, как известно, получил у немецкого профессора Штаммлера то пошлое решение о хозяйстве — содержании и праве—форме, которое, к сожалению, проникло в упрощенный, так сказать, домашний обиход и многих марксистов. Ибо кому не попадались в глаза фразы, как «всякому экономическому отношению соответствует своя юридическая оболочка». А что же это, если не штаммлеровщина.

Но особенно модною ссылка на «базис» и «надстройку» сделалась после Октябрьской Революции среди наших противников. Сначала Каутский и К°, а за ними вся вдруг по марксистски рассуждающая буржуазия, доказывали, что новой надстройке, т.-е. пролетарской диктатуре не соответствует ее экономический базис, что она, значит, — без фундамента и провалится: еще не созрел базис и «рано пташечка запела». Потом уже «марксистская буржуазия», при виде новой экономической политики стала твердить (а вслед за нею Каутский и все, особенно российские эсдеки), что базис возвращается старый, а значит за ним и подавай старую надстройку и т. д. и т. п.

Я уже цитировал, чтобы успокоить своего критика, который испуганно закричал, что я «объявляю надстройку базисом», что это Маркс сам «отношения собственности» называет просто юридическим выражением для «отношений производства».

Но что же в таком случае, в самом деле, Маркс понимал под словами «базис и юридическая и политическая надстройка»? В своем введении к той же «Критике политической экономии» Маркс отделяет понятие «собственность» от понятия «обеспечение собственности путем юстиции, полиции и т. д.» и поясняет понятие «обеспечение собственности» словами: «всякая форма производства создает свои соответствующие правовые отношения (институты), формы правительства и т. д.». А в том же введении он ставит себе задачу исследовать «формы государства и (формы) собственности по отношению к отношениям производства и обмена», а также «правовые отношения», т.-е. институты и далее уже говорит о задаче исследовать неравные условия развития (ungleche Verhältnisse der Entwicklung) материального производства и правовых политических форм».

«Самым трудным пунктом (сравнительно, например, даже с искусством), подлежащим здесь разрешению — говорит он — является вопрос, о том, как производственные отношения, в качестве правовых отношений, вступают на неодинаковый (на неравный) путь развития (in ungleiche [1]) Entwicklung — treten). Так, напр., отношение римского частного права (в уголовном и публичном это менее заметно) к современному

[1]) К слову ungleich редактор Каутский поставил вопросительный знак, но Маркс здесь словом «ungleich» перевел лишь употребленное им тут же выше слово «unegal».

производству». Это введение к Критике осталось у Маркса незаконченным, а равно и задачи, намеченные им — неисполненными, но только в связи с этою мыслью понятны знаменитые его слова в предисловии «о более или менее быстром перевороте всей громадной надстройки», наступающем «с изменением экономического базиса».

Почти что кажется, что все толкователи взаимоотношений базиса и надстройки что то проглядели [1]). То противоставление, которое Маркс делает здесь, вообще сводится просто к противоставлению бытия — базиса и сознания — надстройки. «При обсуждении подобных переворотов всегда необходимо различать между переворотами в экономических производственных отношениях и между теми юридическими, политическими, религиозными, художественными или философскими формами, в которых этот конфликт (т.-е. между отношениями производства или собственности и данною ступенью развития материальных производительных сил) приходит в сознание людей и в которых протекает эта борьба». Нет сомнения, что здесь под формами подразумеваются именно проявления сознания, что, значит, отношениям производственным или, что то же самое, только выраженное юридически, отношениям собственности, т.-е. самому основному праву, а именно собственности, противоставляются те формы, в каких люди его «фиксируют» (законы), его охраняют (юстиция, полиция, религия), его пропагандируют (философия и вообще идеология). А самый конфликт разыгрывается уже между правом (собственностью) и его фиксацией, чтобы воспользоваться популярным у наших марксистских юристов словечком, и формами его охраны.

Маркс верен и здесь своей диалектике. Для него всюду важнейшим моментом является движение, конфликт, борьба. И если мы говорим о связи экономики и права, вернее, правовых форм, то и здесь мы эту связь должны рассматривать в стадии борьбы. Эта борьба — ни что иное, как борьба классов за осуществление своего интереса. А классы, в свою очередь, являются лишь выражением распределения средств производства, т.-е. в конечном выводе, — отношений присвоения, права собственности. Каждое общество, каждый способ производства имеет свою форму присвоения, собственности. Общественные классы, определяемые распределением элементов производства, ролью в производстве, беспрерывно (сознательно или бессознательно) борются за эту роль в производстве, смотря по тому, как и насколько их классовые интересы отражаются в их сознании: громят, например, фабрики и машины в первой стадии, борются за улучшение своей роли в производстве, за распределение продукта — во второй, борются за само право собственности, как определяющее их роль, — в третьей, т.-е. в стадии социальной революции [2]).

Соответственно ходу этой борьбы проявляются, меняются, развиваются сознание и те формы, в каких это сознание «фиксируется» — только не обществом или его коллективом, а просто господствующим классом, в лице его организованной власти, государства, в интересах этого же класса, что, однако, не исключает и компромиссов, уступок с его стороны.

Такая постановка одновременно и упрощает и усложняет вопрос. Базис — это бытие, надстройка — это сознание, форма сознания этого бытия. Мы берем конкретно пример Октябрьской Революции. Какие она принесла изменения в отношениях присвоения? Пролетариат на деле, а не только на словах, национализировал в пользу своего государства, т. е. рабочего класса, земли, крупные заводы и т. д. Эти «изменения отношений собственно-

---

[1]) Преподавание марксизма в чисто «абстрактном» виде учения о развитии экономических сил до разрыва оболочки без связи с происходящей при том и приводящей к разрыву оболочки классовой борьбою дает печальные результаты.

[2]) О классе см. предыдущую статью.

сти» — бытие. Для того, чтобы рабочий класс, предоставляя известные политические уступки или делая известные политические отступления в пользу класса капиталистов (а отнюдь не землевладельцев), сдал и свою власть, он должен был бы притти к тому сознанию, что он вынужден сдаться или его должны были бы побить силою. Кто? Класс капиталистов. Но он бессилен именно без помощи пролетариата или крестьянства. Значит, ни о каком механическом перемещении или изменении надстройки говорить не приходится. Все зависит от исхода классовой борьбы.

Весьма важная роль тут еще выпадает на сознание рабочим классом, как своего интереса, необходимости частичного отступления. Сила нашей революции в том и заключается, что она сознательно сумела пойти на такую уступку, сохраняя в своих руках власть экономическую и политическую. Мы видим, что, таким образом, вопрос о базисе и надстройке переносится совсем в другую плоскость.

Классовое сознание и правосознание.

Если мы говорим о сознательном рабочем, то мы при этом имеем в виду сознание классовое. Это понятие взято из практики немецкой социал-демократии славного прошлого, и там так и говорят «Klassenbewusst», т. е. «рабочий, имеющий сознание своего класса». Но какое содержание вкладывалось в это понятие? Нечто очень неопределенное. Рабочее движение началось ведь с того, что пред рабочими, говоря словами Ф. Лассаля, пришлось доказать прежде всего, что они — рабочие. Что английское слово для рабочего «Poorr», т. е. бедный, не есть ругательное слово. От этого еще далеко до сознания, что рабочий — это почетное звание. Это сознание дает только победа пролетариата.

Мы должны точнее определить понятие классового сознания. Мы понимаем под этим словом сознание классом своего классового интереса. Мы читаем, например, в «Нищете философии» К. Маркса: «Таким образом по отношению к капиталу масса является уже классом (несознательно — *П. С.*), но сама для себя она еще не класс. В борьбе... сплоченная масса вырабатывается в класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся (уже сознательно — *П. С.)* классовыми интересами».

Ф. Энгельс (в Анти-Дюринге) рисует довольно безотрадную картину классового сознания: «Если в виде исключения и опознается внутренняя связь формы общественного и политического бытия данного периода, то это, по общему правилу, случается лишь тогда, когда эти формы уже отжили свой век и идут навстречу своей гибели». И в самом деле, как классу господствующему дойти до сознания своей необходимой гибели? Наиболее дальновидные ее члены или переходят в ряды грядущего класса или предпринимают отчаянную борьбу против этого «грядущего хама» или, наконец, вырождаются в бессильном, безотрадном пессимизме и разочаровании. Остальная масса верит в бессмертие своего государства.

Другое дело класс восходящий. Его сознание вырастает в борьбе и по мере борьбы, проходя ряд фазисов. Но рост его идет крайне медленно. Для победы ныне азбучных истин революционного классового сознания, открытых гениальным умом К. Маркса, потребовалось 70 лет и грандиознейших революций (1871, 1905, 1917) и все-таки это сознание охватывает не весь пролетариат, а лишь авангард всемирного пролетариата.

Но если так обстоит дело с классовым сознанием, то что сказать по поводу правосознания. Это — слово, весьма любимое в обиходе. Но в чем его содержание? Для буржуа, господствующего класса, имеется по крайней мере, известное стихийное понимание права: грабить по закону, пользуясь вечно юным выражением Щедрина. И если правда, что

«право рождается из недр классового духа», то, перефразируя слова Linguet, можно сказать, что «этот дух — просто собственность». Это буржуазное правосознание, как я уже указал, действительно превратилось в целое юридическое мировоззрение и получило всеобъемлющее значение буржуазного мировоззрения.

Но как быть с понятием пролетарского правосознания, т. е. классового правосознания пролетариата? Мне пришлось летом нынешнего года в одной германской с.-д. газете читать слова о «западно-европейском правосознании». Противоставляли это западно-европейское правосознание восточно-европейскому, вернее азиатскому, другими словами — пролетарскому. Известный Шпенглер, наоборот, противоставляет «восточное» — западному. А все эти противоставления по существу — болтовня. До сих пор мы имеем перед собою лишь просто буржуазное правосознание, которое играет и долго еще будет играть роль в виде традиций, даже после победы пролетарской революции, ибо, если Бауэр назвал национальность историческим моментом в нас, то и правосознание с полным основанием можно назвать главным элементом исторических предрассудков в нас, и как таковое оно труднее всего поддается критике. Вот почему туда позже всего и проникает классовая точка зрения.

Как известно, первая наша формула для новой пролетарской классовой юстиции (в декрета о суде) отвела широкий простор «революционному правосознанию». Но мы все-таки втиснули его в известные рамки, а именно в рамки декретов и политических программ-минимум победивших партий. Впоследствии беспредельно расширили эти рамки, заговорили о творческом духе пролетарата, даже о творческом гении рабочего класса в области права и т. д. Не говоря уже о том, что подобные витиеватые слова являются резкими диссонансом со скромным, достойным языком нашей Революции, они и не соответствуют действительности. А если мы к законам, почти дословно списанным с буржуазных кодексов, относим слова, что «это есть формулировка выкристаллизовавшегося за 5 лет социалистического правосознания», то это является результатом сплошного недоразумения.

В слово «правосознание» вкладывалось при редактировании декрета № 1 скорее всего содержание, навеянное теорией Петражицкого (см. статью тов. Луначарского в «Правде»). На деле весьма большую роль играло правосознание буржуазного юриста, да еще в его подпольном или иверском издании. Но надо отдать справедливость: там, где народный суд состоял из более или менее сознательных пролетариев, он действительно внес нечто новое. Классовый состав суда, на первый взгляд, чисто количественное изменение, внес в его суждения и нечто качественно новое. Кто-то из старых юристов тогда писал про эту реформу, что она вместо одного юриста посадила трех рабочих — не больше. Мы могли бы ответить: но и не меньше. Здесь на суде классовое сознание пролетария впервые перерабатывалось.

Классовое правосознание является одною частью всего общего классового сознания; оно уже последнего и относится к закреплению, поддержке, охране классового интереса или целой системы этих интересов. Когда мы включили в статью декрета о народном суде ссылку на программы-минимум, мы тогда бессознательно формулировали эту мысль и, таким образом, как бы стихийно положили основание новой и единственно-правильной теории права, а именно — классовой. Мы тогда пришли к этому решению вопроса не благодаря теории, но вопреки ей. Победа пролетариата на деле доказала, что классовое правосознание есть классовое сознание (т.-е. сознание классового интереса) победившего класса.

С переходом к НЭП'у у нас особенно настойчиво проявлялась и на этот раз открыто победила мысль о революционной законности. Мы слово «революционный» тут сначала также прибавили более стихийно

или просто чтобы отличить нашу законность от буржуазной законности, подчеркивая тем то глубокое различие, какое по существу отделяет содержание законов до-октябрьских от законов после-октябрьских, хотя бы последние по своей букве даже слишком напоминали до-октябрьские. Слово «революционной» в этой законности должно было подчеркнуть правило, что применяться и истолковываться законы будет со взглядом вперед, а не назад.

В дальнейшем мы слову «революционный» в этом случае приписывали иногда просто какой-то мистический смысл и таким образом, мне кажется, что только сказанное в этой главе нам может дать верный мотив для этого слова. В самом деле, там, где декреты или кодексы представляют отступление от революционных декретов или мероприятий, они по содержанию как будто бы контрреволюционны. Но я указал уже, что сила нашей революции в том, что она сознательно сумела сделать необходимые уступки.

Все эти уступки были в интересах революции, стало быть и рабочего класса, а это сознание превращает и компромисс, допущенный в интересах окончательной победы революции, в революционный интерес, ибо, благодаря ему в руках пролетариата остается государственная власть, как средство для революционного преобразования общества. Только так понимая революционную законность, мы ставим ее более или менее, прочно. Усматривая в декретах, содержащих это отступление, только внешне обязательные нормы поведения как для граждан, так и народных судов, мы едва ли можем рассчитывать на твердое проведение подобной «революционной законности». Сближая же по законам логики революционное классовое сознание и революционное правосознание, мы не только даем положительное содержание этому правосознанию даже при отсутствии законов (в первом периоде нашего наступления), но и находим примирение между революционным классовым сознанием и вынужденным, в интересах революции, отступлением. Право и в таком компромиссном виде не перестает соответствовать классовому интересу пролетариата. Законность и впредь остается революционною.

Заключение.

Я на этот раз ограничусь лишь парою жгучих вопросов нашей правовой теории. Мне кажется, что по этим вопросам необходимо притти к определенному решению, а решение это достижимо лишь при полной откровенности и определенности разногласий. История нашего правопонимания после Октябрьской Революции нам доказала, что жизнь была умнее теоретиков и что теория лишь пост-фактум нашла правильную мотивировку и формулировку основного ответа на то, что всякое право в классовом обществе является правом классовым в интересах господствующего, т. е. находящегося у власти класса. Из этого вытекает необходимость и впредь сохранять близость между революционной теорией права и носителем революции — широкими массами.

Классовый характер права заключается в том, что оно имеет своим содержанием защиту интереса господствующего класса. Это право по содержанию, таким образом, является системой общественных отношений, известным порядком таковых отношений, а совокупность норм является лишь формою проведения или поддержки этого порядка. Первое, как социальное бытие, определяет вторую, как сознание, что нисколько не исключает влияния сознания на само бытие: «оно может сократить или смягчить муки родов».

Область права является убежищем, где скрываются всякие остатки идеалистических и вообще идеологических пережитков и традиций. Пора и науку права «поставить» с головы на ноги. Эта цель достижима только

в теории классового права вообще, впервые превращающей юриспруденцию в действительно научную доктрину и доктрину, отнюдь не мертвую, но способную в высшей степени благотворно повлиять и на практику. Это последнее, впрочем, относится и ко всякой действительно научной доктрине вообще.

Но теория, имеющая своим предметом революционную борьбу классов, конечно, не может победить без борьбы. Не путем компромиссов, двусмысленных формул или красноречивого молчания будет достигнуто марксистское понимание права, как часть революционного марксистского мировоззрения, но лишь беспощадною борьбою за его основные принципы.

В то время, как импотентная академическая наука не находит другого знамени, как пустые фразы о задачах «русской юридической мысли» или о «законе», безразлично чьем законе, т. е. о букве закона, как лозунге борьбы, нам необходимо определенно формулировать те боевые мысли, какие в настоящий момент должны объединить революционно-марксистских юристов для тяжелой длительной борьбы за революцию в области правопонимания, за революционное правосознание.

В виду такого боевого значения споров о марксистском понимании права я к своему докладу вкратце набросал в виде первоначальной нашей программы следующие тезисы.

1. Право, как и государство, его власть и юстиция, в классовом обществе могут быть только классовыми. Спорный академический вопрос о том, было ли право в до-классовом и будет ли оно в после-классовом обществе, я оставляю незатронутым.

2. Основными признаками права являются: классовый интерес и защита этого интереса организованною силою класса, т. е. государством.

3. Признать ли правом систему или порядок общественных отношений, т. е. содержание норм, или же систему или порядок норм, т. е. форму системы отношений, зависит от точки зрения, с какой подойти к этому вопросу.

4. Для буржуазного юриста правом в объективном смысле является форма, т. е. совокупность норм, для марксиста, наоборот, — система отношений, как содержание права.

Зато для буржуазного юриста правом в субъективном смысле являются сами отношения, для марксиста, как раз наоборот, — совокупность норм, как волевых актов.

5. Таким образом, в основу революционно-марксистской теории права кладется теория интереса и отвергается волевая или целевая теория, куда же относятся и всякие психологические теории права.

6. Правосознанием называется мировоззрение господствующего класса в правовой области, классовое правосознание пролетариата таким образом, является сознанием классового интереса в умах победившего рабочего класса. Как Энгельс христианскому мировоззрению противопоставляет юридическое или буржуазное, так мы последнему противопоставляем пролетарское или коммунистическое.

7. Как классовый интерес лишь поздно осознается соответствующим классом и классовое сознание является лишь продуктом длительного процесса, так и классовое право лишь медленно проникает в сознание данного класса, почему задача революционного юриста — всеми силами углублять правосознание своего класса.

8. В революционном классовом праве громадную роль играет массовый элемент, почему стремление революционного марксиста должно итти в направлении популяризации права как на практике, так и в теории, а не в направлении отдаления, отчуждения права от масс.

9. Революция заключается в завладении государственною властью в целях организованного осуществления, проведения в жизнь клас-

сового интереса, что видно из целого ряда важнейших законов первых дней Октябрьской Революции. Но одновременно революция является классовою борьбой на деле, а не только на словах и всякие неорганизованные, «анархические» (или самоуправные) приемы частной инициативы особенно сильно проявляются в тех отраслях, где особенно сильна прежняя идеология. Вот чем объясняется особенно ожесточенная борьба против дореволюционного права в пролетарской революции и необходимость временно ограничиться одним «революционным правосознанием» вместо общих законов.

10. Революционная законность имела в виду вытеснять эти «самоуправные» действия частной революционной инициативы, объявляя с первых же дней революции обязательность всякого революционного закона победившего класса.

11. С наступлением НЭП'а революционная законность не только сохраняет свою силу, но получает сугубое значение, ибо и компромиссные законы революционного правительства обязательны не только «внешне», но и «внутренне» («не за страх, а за совесть»); с внутренней ее стороны она должна быть обоснована, главным образом, революционным правосознанием (т. е убеждением, а не одним принуждением).

12. Революционная законность с «внешней» стороны заключается в том, что предел отступления при разрешении правовых вопросов истолковывается в ограничительном смысле со взором, обращенным вперед на будущее революции, а всякое распространительное толкование отступления, в смысле возвращения к старине, должно быть отвергнуто, как противоречащее революционной законности.

(Из журнала «Советское право», № 3 1922 г.).

---

5. МАТЕАРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ИЛИ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПРАВА [1]).

Прошу внимания, хотя речь идет только о вопросах права. Ибо правоведение, наука о праве — это последнее убежище для всяких идеалистических и вообще идеологических пережитков.

Из всех так называемых гуманитарных наук, наука права оказалась наиболее и наиболее забронированною против проникновения материалистических взглядов. Но из всех наук она сама больше всего и пострадала от отсутствия подобной критики. Как беспомощен тот самый юрист, который в качестве юриста же властвует политически над всем миром, когда он задумает объявить себя ученым! Он до сих пор еще не мог дать верного определения своего представления о праве. А наиболее искренние из них откровенно ставят вопрос, может ли быть вообще речь о науке права.

Но если правоведению, как науке, не повезло в собственной, буржуазной среде, то оно, без всякого сомнения, пользуется большим успехом у разного рода социалистов, не исключая подчас и... коммунистов. Ренкеры, Радбрухи и т. п считаются светилами не только политическими, но и научными. Что же они дают в своих ученых работах? В лучшем случае старые мотивы «социализма юристов» (juristen socialismus), отцом которого был покойный проф. Антон Менгер. Чем они обосновывают свои учения? В лучшем случае, того или иного рода психологиею с некоторою примесью «экономического фактора». В своем корне все это — чисто идеологические построения.

А даже у нас, переживших глубочайшие сотрясения во всех областях как реальных общественных отношений, так и идейного, умственного мира,

---

[1]) Настоящая статья печатается со значительными сокращениями в тех частях, где она является повторением мыслей, изложенных в предыдущих статьях.

лишь ныне, на пятом году пролетарской революции, сжегшей на деле все 16 томов Свода законов и не остановившейся перед самим правительствующим сенатом, стали спорить о проблемах права. А где пока только идут споры о праве, там господствует еще старое понимание права, там живо еще прежнее юридическое мировоззрение, там властвует еще буржуазная правовая идеология.

I.

Когда возникли наши споры о праве, то можно было наблюдать весьма различное отношение к этим «раздорам» со стороны товарищей, не участвовавших в споре. Одни безусловно сочувствовали спору, если даже, по старой привычке, и не читали статей о праве. Но встречались и товарищи, весьма недовольные этими спорами. Не пахнет ли это анархизмом, думали они. Не направлены ли они против наших декретов (в скобках: писанных ведь в большинстве случаев старыми юристами), рассуждали другие. Зачем же трогать эту идиллию права, этот романтический уголочек в наших головах, роптали третьи. На их лицах ясно было злорадство: «Ну, и по-делом досталось Стучке! Чего же ради он задумал трогать такие устои, как правовые. Кому и чему мешает, если в наших головах оставить малую толику идеализма».

Вот я и ставлю вопрос: романтический ли это уголочек или враждебная крепость? И отвечаю прямо: крепость! Какую роль играет «романтический уголочек идеализма» в наших головах. Или он должен исчезнуть, или он будет господствовать над нашим мировоззрением. Ибо «человеческое сознание всегда проявляет свое внутреннее единство; внутреннее единство ведет к тому, что все, воспринятое сознанием, тотчас же сочетается со всем прежним, и сознание всегда остается единым». Так учит современная наука психологии. Это то самое «стремление ума к систематизации взаимоотношений явлений», о котором говорит Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге». А так как Энгельс же определяет юридическое мировоззрение, как классическое мировоззрение буржуазии, то для всякого станет ясною опасность, какая угрожает от того, что наше мировоззрение и впредь в вопросе, касающемся самых обыденных массовых взаимоотношений людей, будет равняться по линии юридически-идеалистической. И если бы вышло нечто вроде Петровского указа, что все коммунисты должны изложить свой марксистский взгляд на право «дабы — говоря слогом Петра Великого — всякого дурость изъявлена была», то получился бы весьма разноцветный букет мнений[1].

Уже одно то, что в момент серьезных боев на идеологическом фронте нет хотя бы приблизительно единого взгляда на право в рядах самих коммунистов-юристов, показывает действительное значение этого романтического уголочка. Французских коммунистов силою пришлось удалить из масонских лож; не придется ли принять такие же принудительные или ультимативные меры по отношению к юридическим романтикам.

Я не буду здесь останавливаться на понятии «практический идеалист», что означает борца за идею, просто идейного человека, человека, преданного идее. Смешение таких понятий было бы недостойною игрою слов. Понятие идеализма, как выводящего свое мировоззрение из примата идеи, абсолютной или относительной, объективного или субъективного идеализма, — вполне определенно. И всякие полушаги ведут беспощадно в тот же мир, т. е. к идеалистическому мировоззрению, для которого «духовное на-

[1]) Ни один из нескольких моих оппонентов не выставлял против моей цельной концепции своего собственного понятия или понимания, но все ограничились критикою отдельных слов или фраз. Это самый бесплодный, а посему и бесполезный вид оппозиции.

чало есть — первичное и основное. Всем еще памятны споры по поводу дицгенизма. Тов. Ленин серьезно предупреждал в этом отношении в своем «Материализме и эмпириокритицизме». В последней работе Евгения Дицгена мы читаем: «Мы, следовательно, ни материалисты, ни идеалисты, **но как те, так и другие**, т. е. с точки зрения критического познания, мы обязательно **идеалистические материалисты**». (Что за вздор!). Однако, мы всегда называем себя критическими натурмонистами». И это пишется в момент, когда идеалистическое мировоззрение открывает серьезнейший поход против материализма. Весь буржуазный сектор съезда мира амстердамцев в Гааге относится к секте «идеалистов».

Но юридическая идиллия опаснее всяких других. По самому своему характеру правоведение располагает к идеализму. И теперь, когда Булгаковы, Бердяевы, Франки и пр. открыли свое религиозно-философское общество в Берлине, тут всякие дальнейшие слова излишни. В свое время в Риме на первом рассвете буржуазии (конечно, еще не в нынешнем смысле) церковных жрецов заменили светскими, юристами, «секуляризовали» касту жрецов. Теперь юристы на закате буржуазии снова возвращаются в лоно церкви, «канонизируют» сословие юристов, но они сохраняют свои светские, не только манеры, но и вожделения. Они не отреклись от старого мира. Нет, они готовятся к новым боям. Вот почему мы вправе твердить по поводу этой крепости: «Эту карфагенскую крепость необходимо разрушить до основания» в гражданской войне, ибо пред нами гражданская (вернее, буржуазная) крепость!

5.

Я сказал, что мы, при условии признания классовой точки зрения, могли бы мириться на формуле «система норм» вместо, или скорее, в дополнение к «системе отношений». В действительности мы к такому примиренчеству не склонны, но остаемся непримиримыми до конца. Но наша точка зрения отнюдь не исключает закона, т. е. нормы. Напротив, мы говорим о законодательной монополии государственной власти (во всей совокупности). Только не всякий закон создает право, т. е. осуществляется в системе отношений, и не всякое отношение выражено в законе, и все-таки признается право и охраняется в качестве такового. Это одно соображение. С другой стороны, система отношений составляет, по-нашему, материальный, **объективный** элемент, т. е. право в объективном смысле. А законная форма его, закон, вообще норма — лишь субъективный элемент. Как известно, буржуазная наука, наоборот, правом в объективном смысле называет норму, а правом в субъективном смысле — регулируемые им правовые отношения. Вот наши разногласия. Мы стоим на **разных полюсах** и в этом вопросе.

Обе эти стороны безусловно можно наблюдать в каждом действительном праве, т. е. в праве, регулирующем общественные отношения людей, т. е. объединяющим их в единую систему, единый порядок. Это основное право есть то, что буржуазия называла гражданским правом. Это **цель** права вообще, для которой все остальное, «вся правовая надстройка» является средством, несмотря на то, что буржуазному обществу оно могло показаться наоборот.

Но мы одновременно говорим, что система отношений является материальным, система норм — идеальным, идейным элементом права. А вопрос о примате тут идет между материальною и идейною сторонами, между бытием и сознанием. Конечно, мы в этом вопросе стоим за **примат материальной стороны**. Под общественными отношениями мы, следуя Марксу, понимаем взаимоотношения людей, в процессе производства обмена. В виду важности этого вопроса нам необходимо остановиться на нем несколько подробнее, рискуя стать еще более скучными. Но мате-

риальная сторона может победить окончательно лишь при полной выясненности совершенно исключительного характера правовых отношений, их чрезвычайной многосторонности.

6.

Как известно, К. Маркс в предисловии к «Критике» отношения собственности называет лишь юридическим выражением для отношений производства. Это место новоиспеченный германский с.-д. проф. Кунов так и поясняет: «Отношения производства и отношения собственности являются, по Марксу, не параллельными, совсем разнородными отношениями, а с правовой точки зрения отношения производства одновременно являются и отношениями собственности». Но тут же Маркс говорит о юридических формах, как надстройке над экономическим базисом, т. е. теми же отношениями производства. Как это понять?

Объясняется это явление двойственным, даже тройственным характером всякого правового отношения: оно, с одной стороны, является конкретною формою общественного отношения, социальным явлением, но оно с другой стороны, является и абстрактною формою общественного отношения, законной формою социального явления. Кунов, например, говорит о «социальном, т. е. общественном правопорядке», с одной стороны, и о «государственно-кодифицированном праве» — с другой. Оттуда вытекает невольная популярность фразы Штаммлера, что экономическое отношение — это содержание, а право — его форма или, как говорят у нас, что «всякое экономическое отношение имеет свою правовую оболочку». Нет, налицо имеются две формы того же отношения, не совпадающие, по крайней мере, не всегда совпадающие.

Конкретная форма отношения собственности вполне совпадает с отношением производства, но и наоборот Поэтому тот вывод, который делает из этого определения К. Маркса ревизионист Кунов о чисто-механическом приспособлении правопорядка, общественного строя к данному способу производства, мало общего имеет с марксизмом. Если стал у власти класс до тех пор эксплоатированный и на деле отменил данную систему собственности, то, наоборот, вместе с реальным изменением отношений собственности изменяются и отношения производства.

Эту мысль о двух формах мы находим уже у Маркса в «Капитале» (I, 53):

«Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товар, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых господствует в этих вещах, таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно, каждый из них лишь при посредстве одного общего ими волевого акта может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Это правовое отношение, формою которого является договор, — все равно, выражен ли он законно или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического или волевого отношения[1]) дано самим экономическим отношением. Характерные экономические маски лиц являются вообще лишь олицетворением экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица и противостоят друг другу». Если к этой цитате прибавить еще то место (стр. 340—341), где Маркс говорит о договоре между рабочим и капиталистом, как о формальном осуществлении, формальной «реализации» [2]) (formale Vermittelung) отношения «капитала», то, во-первых, ста-

---

[1]) Это совпадение налицо потому, что товарообмен является характерною чертою данной системы общественных отношений.

[2]) Точнее перевод, который ныне общепринят: опосредствование. П. Ст.

новится ясна мысль Маркса, когда он об отношениях производства говорил, как об отношениях собственности, т. е. как о праве собственности, ибо для него отношение обмена является также на юридическом языке правовым отношением, договором, как, в свою очередь, договором является и формальное (но вполне конкретное) осуществление отношения капитала. Но, с другой стороны, Маркс тут же противопоставляет эту конкретную форму абстрактной его форме, закону. Эта абстрактная, законная форма может быть весьма далека от конкретной формы.

Но, кроме этих двух форм, имеется еще третья форма, пользуясь модным словом Петражицкого, интуитивная форма. Это то психическое переживание, какое по поводу того или иного общественного отношения происходит внутри человека оценка им этого отношения, с точки зрения справедливости, внутреннего правосознания или т. п.

Эти три формы осуществления общественного отношения в начале классового общества более или менее совпадают. Они расходятся лишь постепенно, причем происходит постоянное взаимодействие между этими формами. Бытие (в форме конкретной социальной формы) отражается в сознании отдельных индивидов или целого класса (форма третья или идеология права) и через это сознание оказывает воздействие на абстрактную форму (в виде закона), которая, в свою очередь, регулирует или стремится регулировать первую форму. И это последнее обстоятельство является самою характерною чертою правовых явлений.

Но где в данном случае искать объективного момента, материальной стороны права; в самом ли общественном отношении (форма первая), или в сознании (идеологии), или, наконец, в «фиксации социального отношения и идеологии (формы первая и третья) в законы (форма вторая)? Я полагаю, что не может быть двух мнений, а ответ один: в первой форме, т. е. в самом социальном отношении как частице целой системы, целого порядка таких отношений. Допустим, что в целом ряде зеркал (прямых, кривых, продолговатых и т. д.) отражается известное явление. Разве мы по средней из всех этих отражений будем определять это явление, а не по самому этому явлению?

Бывают моменты, когда люди обходятся без второй формы, т. е. без законов. Первые судебные решения феодала, например, или же первые решения народного суда пролетарской диктатуры. В обоих случаях почти полное отсутствие закона, хотя в последнем случае в головах судей и людей еще существовали старые законы. Конкретное правовое отношение, по Марксу, есть одновременно и экономическое отношение, т. е. отношение производства (или обмена). Значит, всякие рассуждения о том, что всякое экономическое отношение «имеет свою юридическую оболочку» (какие выражения встречаются в лучших марксистских семействах), основаны на недоразумении. Но в еще большее недоразумение впадают те, кто из вышеприведенной цитаты из «Капитала» Маркса делают вывод, что «этому содержанию (экономическому отношению) Маркс противопоставляет юридическую форму, которая с его точки есть волевое отношение и т. д.». Ничего подобного! Никакого противоставления тут нет, ибо только в абстрактном анализе товары (сами) обмениваются на товары (вещи на вещи), реально же и это экономическое отношение есть отношение между людьми, а всякое отношение между людьми есть волевое отношение. В одном случае оно обсуждается с экономической стороны, со стороны материальных потребностей индивидуальных людей, в другой случае — со стороны правовой, т. е. с точки зрения общей правовой системы. Но противопоставление у Маркса действительно там имеется в словах: «все равно выражен ли он (договор) законно или нет», т. е. удовлетворяет ли он законной форме (абстрактной форме) или нет. Тов. Берман (записки университета Свердлова № 1), откуда взята эта цитата, это второе противоставление переносит на пер-

вое. И оно вполне соответствует бессознательно усвоенному им у антиреволюционных ревизионистов взгляду, что «центр тяжести правой регламентации лежит в охране, защите сложившихся ранее общественных отношений». Он знает только «отставание права (в данном случае — закона) от жизни», а не ту «революционную роль» и права и закона в моменты победы нового класса. Это объясняется мертвящим чистым экономизмом и уклонением автора от классового понимания права, т. е. от верной оценки значения классовой борьбы в праве.

Но не всякое волевое отношение между людьми есть правовое: только то, которое входит в защищенную систему отношений. Договор запрещенный может быть заключен, но он не есть правовое отношение, это есть не право, может быть даже преступление. А между тем, он в то же время может быть отношением экономическим. Поэтому мы и говорим о целой системе или порядке общественных отношений[1]).

. . . .

Но не в том заключаются основы наших разногласий, а в вопросе о классовом характере права и вытекающем отсюда вопросе о примате материального момента перед идейным. Мы боремся за материалистическое понимание права, и не только за понимание, но и за осуществление.

(«Под знаменем марксизма». Ежемесячный философский и общественно-эконом. журнал, № 1, январь, 1923 г. Москва).

---

6. В ЗАЩИТУ РЕВОЛЮЦИОННО-МАРКСИСТСКОГО ПОНЯТИЯ КЛАССОВОГО ПРАВА

Я не имел бы ни основания, ни желания писать ответ на рецензию тов. М. Рейснера по поводу моей книжки «Революционная роль права и государства» (№ 1 «Вестника Соц. ак.»). Судьею книги должен быть читатель. Но я не могу оставить без защиты от атаки, в некотором роде подводной атаки, отстаиваемое нами классовое понятие права. Подводной в том смысле, что в рецензии на книжку, — как-никак впервые посвященную вопросу о классовом характере права, об этой ее стороне прямо не говорится, а все-таки цель более чем ясна: дискредитировать наше классовое понятие права и, не заменяя его открыто иною классовою концепциею, протащить известную кадетско-психологическую теорию Петражицкого. Я в своей книжке цитировал из Петражицкого его сладкие слова, манившие марксистов и дарвинистов в его объятия и прибавил: «И нашлись марксисты, попавшиеся на эту удочку и попытавшиеся примирить непримиримое и т. д.». Одним из них, конечно, был Рейснер. И уже тон его рецензии показывает, что он не отказался от своих увлечений и после 1917 года. В дальнейшем я подчеркиваю неоднократно, что область права является главным и последним убежищем для всяких идеологических пережитков, идеалистических направлений, и что как раз психологические теории, как в политической экономии и социологии, так и в праве, являются последними броневиками, выдвигаемыми против материалистического понимания этих проблем.

. . . .

В опровержение классового понятия права Рейснер пишет: «Против второй части своего определения (т. е. классового его характера. П. Ст.) сам тов. Стучка возражает (это, конечно, ирония. П. Ст.) и достаточно полно и убедительно. Он дает нам такую массу примеров революционного значения права, созданного угнетенным против интересов господствующего класса и т. д.». Идет перечень борьбы в древ-

[1]) Эти пояснения ныне значительно устарели. Ныне мы тут вводим слова Гегеля о форме и содержании. **П. Ст.**

ние времена должников против ростовщиков, крестьян, против помещиков в Германии (Крестьянская война), во Франции (революция), рабочих в пользу рабочего законодательства и т. д. Тов. Рейснер этими цитатами только доказывает, что ему не усвоить классового понимания права. Разве фабричное законодательство нарушило право частной собственности класса капиталистов на средства производства? Разве крестьяне выиграли войну против дворянства в Германии? А во Франции, где они ее выиграли, разве еще не продолжало существовать господство класса феодалов над землею крестьян? Вся суть сводится к тому, что право определяется охраною или обеспечением со стороны государства господствующего класса и без этой охраны оно не есть право. Чтобы не искать долго опровержения для доводов Рейснера, я приведу лишь одну цитату из книги, на-днях случайно попавшей мне в руки. Эта книга называется: Профессор Рейснер «Основы Советской Конституции» 1920 г., а мы там (стр. 19) читаем: «Если лишить частного собственника защиты государства, отменить полицию и т. д., которые поддерживают его власть, то это право собственности [1]) отпадает». После этого как-то странно звучит, если ныне тот же профессор провозглашает: «Как мы уже видели выше, из примеров наличности права, идущего вразрез с интересами господствующего класса, признак защиты со стороны такого класса (т.-е. его государства. П. Ст.) далеко не всегда имеется налицо». Если исключить переходное время двоевластия, когда могут быть параллельно в силе права, относящиеся к интересам двух различных классов, то это, конечно, не усовершенствование взгляда 1920 г., а просто вздор. И то же самое необходимо сказать по поводу попытки т. Рейснера и государственную власть господствующего класса свести к простой «идеологии» или всегда возможное принуждение власти заменить просто «обращением к справедливости» и т. д. Жаль, что после 5 лет революции и в области права, когда у нас даже буржуазные профессора (напр., проф. Трайнин) признают классовый характер права, нам приходится полемизировать на эту тему с профессором-коммунистом.

. . . .

Совершенно не понял нашего определения Рейснер, когда он говорит, что я отождествляю общественные отношения вообще с правом. У меня определенно говорится о «системе (или порядке, что приблизительно здесь одно и то же) общественных отношений», и не о всякой системе, но «о системе, охраняемой (обеспечиваемой, фиксируемой или, как хотите) организованною властью господствующего класса» т.-е. в обычных условиях, государством. В чем основа этой охраны, этого обеспечения (ср. «Sûreté» декларации прав человека и гражданина)? В том, что она соответствует, т.-е., по крайней мере, не противоречит интересу этого класса (т.-е. примерно — его отношению к частной собственности на средства производства). Как мы мыслим эту охрану? Об этом я подробно говорю в своей книге: путем закона, суда и т. д., вообще принуждения и убеждения со стороны организации класса.

Тов. Рейснер пишет, что ему тут непонятно слово «система». Очень жаль! Но для пояснения тут и прибавлены слова: «или порядок», и это слово т. Рейснер, вероятно, не впервые слышит, хотя бы в сочетании правопорядка. Понятие же это нами позаимствовано у Маркса и Энгельса [2])

---

[1]) Тов. Рейснер упрекает меня в том, что я право (в классовом обществе) нет-нет, да отождествляю с частной собственностью. Да, еще Маркс цитировал знаменитые слова Linguet: «Дух законов — это собственность». Это и есть основное право.

[2]) «В современном государстве право не только должно соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но

В обществе феодальном, например, уже очень рано встречаются единичные капиталистические отношения производства, но они в систему феодальных общественных отношений, феодального правопорядка еще не входят. Эти фактические отношения людей были социальными, общественными, но не были юридическими. Такими они становятся лишь с тех пор, как они вошли в правовую систему (количество превратилось в качество) и лишь с точки зрения этого правопорядка.

Что же в самом деле означает слово «система»? Разве беспорядочную кучу разных отношений, в которые люди становятся друг к другу по какому бы то ни было поводу? Нет, мы прежде всего говорим лишь о системе общественных отношений, как эти последние понимались Марксом, т.е. как отношений людей в процессе производстве и обмена. А система сама по себе уже является объединением в единое целое. Маркс иногда тут пользовался даже сравнением с организмом. А порядок предполагает известные нормы, бессознательные или сознательно установленные. Наконец, классовый интерес и вмешательство в осуществление этого интереса со стороны организованной власти класса указывает прямо и на сознательный элемент в этой системе, в этом порядке. Я ввел особый отдел о соотношении права и закона. Повидимому, с ним тов. Рейснер согласен, ибо он после его прочтения радостно спрашивает: «чего же ради было огород городить? Под этими положениями, само собою разумеется, подпишется целиком не только марксист, но и всякий сколько-нибудь положительно мыслящий юрист». Я не разделяю этой последней радости и лучшим доказательством тому служит рецензия т. Рейснера. А «огород», отгораживающий нас от буржуазных юристов, я «городил» ради того, чтобы право сделать предметом научного исследования. До сих пор это была техника, политика, искусство — с одной, идеология, метафизика — с другой стороны. У нас попрежнему останется правоведение, как техника (напр., законодательная), политика (напр., администрация и законодательная), искусство (напр., юстиция, как применение закона). Но место метафизики или вообще близкой ей идеологии займет наука—социологическое изучение права, теория права, как часть марксистской социологии. В развитии систем общественных отношений возможно открыть известную закономерность, для идеолога же право осталось до сих пор чем-то «необычайно пестрым и противоречивым».

Мы дальше говорим о системе «общественных отношений». Слово «отношения» или «взаимоотношения», если речь идет о людях, всегда предполагает известное волевое взаимоотношение людей, а не просто физическое их столкновение. Для примера возьмем хотя бы известную цитату из Маркса (Капитал, I, стр. 53): «Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу, как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу, как лица, воля которых господствует в этих вещах... Следовательно они должны признать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение, формою которого является договор — все равно, выражен ли он законно или нет— есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отно-

---

также быть его выражением, в себе самом связанном, таким выражением, которое, благодаря внутренним противоречиям, не било бы самого себя по лицу». Энгельс этими словами (в письме от 27 октября 1890 г. — см. у т. Адоратского «Программа», стр. 49) как раз повторяет о праве то же самое, что Маркс в своей «Нищете философии» (стр. 93) сказал об общественных отношениях: «В каждом обществе отношения производства образуют одно целое». Эта цитата у меня имеется и могла пояснить тов. Рейснеру понятие системы.

шение. Содержание этого юридического или волевого отношения дано самим экономическим развитием».

Вступая во взаимоотношения друг к другу (в процессе производства и обмена), люди сознательно или бессознательно каждый раз согласовывают свои действия с данным правопорядком или восстают против него. Я не говорю: «с законом», потому что закон — и уже и шире права (не все случаи предусмотрены законом и не все законы действуют). Когда мы отменили все законы старых правительств, мы все-таки охраняли известную систему, известный порядок общественных отношений, не нашедших еще выражения в законе. И когда мы издали уже при нэпе Гражданский кодекс, мы в первой статье его писали: «Гражданские права (т.-е. права экономического неравенства. *П. Ст.*) охраняются законом». Вот, скажет тов. Рейснер, даже пролетарская диктатура, значит, признает правом то, что противоречит ее классовому интересу. На это мы отвечаем: «Нет, ее классовый интерес — революция, а этот кодекс — уступка в интересах революционного класса». А кроме того, мы дальше читаем в той же статье 1-й: «за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением». Если расшифровать эту несколько неясную формулировку, то мы тут читаем, что пролетарская классовая власть коренного противоречия ее классовому интересу не потерпит. Она, значит, ярко подчеркивает свою классовую точку зрения на право.

Но мы как-будто все время говорим на разных языках. Рейснер сам не дает своего определения права; он только на каждой странице твердит: «право, как-никак, оказывается идеологиею». Стараясь доказать противоречия между мною и Марксом и Энгельсом в вопросе о значении идеологии, он одновременно приводит, не без ошибок, целых две или три страницы отрывистых цитат из моей же работы в пользу полного согласия этих моих слов со словами наших учителей. Если бы Рейснер тут же выдвинул свою, т.-е. психологическую теорию права, то дело стало бы гораздо яснее.

. . . .

Энгельс в «Анти-Дюринге» говорит «о старом возлюбленном идеологическом или, как его называют, априорном методе познавать качества вещей не по самой вещи, но, напротив, развивать ее из понятия вещи. Сначала из вещи выводят понятие вещи, потом, наоборот, оценивают предмет по его отражению, т.-е. понятию... Такой идеолог конструирует мораль и право не из действительных общественных отношений, в каких живут люди, но из идеи (понятия)» и т. д. Таково было понимание Энгельсом значения идеологии в «Анти-Дюринге». Но ревизионисты (и вслед за ними, повидимому и т. Рейснер) противопоставляют Энгельсу периода «Анти-Дюринга» позднейшего Энгельса. Увы, такое противопоставление не выдерживает критики. «Идеология «это мыслительный процесс, который проделывает так называемый мыслящий человек, хотя и сознательно, но с сознанием неправильным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологиею. Человек создает себе, следовательно, представления о ложных или призрачных побудительных силах. Так как это процесс мысли, то человек и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления своих предшественников». Вот как поясняет Ф. Энгельс в письме от 14 июля 1893 года (цитирую по книге т. Адоратского) понятие идеологии, а дальше он там же говорит о «призраке истории... правовых систем, который ослепляет большинство людей». Спрашивается, должны ли мы в то время, когда нам теория марксизма, да еще великая Революция, хотя бы отчасти открыли глаза на «действительные побудительные силы», все еще возиться с понятием права, как исключительно идеологиею, т.-е. формаль-

ным правом (на первом месте — законом) или отвлеченною идеею права, над которой работала философия права и к которой в конце концов приводила всякая буржуазная теория, не исключая и Петражицкого. Нет, такой метод противоречил бы Марксу и Энгельсу и поэтому мы его отбросили.

Маркс сам в молодости прошел курс тогдашней науки права и пользуется, конечно, терминологиею передовых представителей науки права того времени, т. е. о «Volkswillen» (воле народа) в области права, словами из органической школы в вопросах об обществе и государстве и так далее. Ныне он пользовался бы, конечно, терминологиею наиболее передовых представителей современной науки, например, социологической школы, которая действительно пытается подойти к праву с научной, а не чисто технической («законоведы») или метафизической (философы) точек зрения. Но, как я уже показал, К. Маркс на этом не остановился и уже тогда дал и материал для верного марксистского определения научного понятия права. [1])

Нам остается эту работу довершить. Я в предисловии своем писал: «я был бы рад, если бы моя работа послужила толчком для более основательных работ в этом направлении». Я могу констатировать, что этот толчок чувствуется, что уже нашлись товарищи, отозвавщиеся на этот призыв. И если тов. Рейснер попытается в ответ мне снова поднести концепцию Петражицкого, он с полным правом получит ответ: «долой эту кадетскую доктрину».

Маркс определяет, что, по его концепции, всякое право основано на экономическом неравенстве, ибо даже экономическое равенство в буржуазном мире в действительности является неравенством... Как представляет себе тов. Рейснер право в первобытном коммунизме [2]). Разве там уже существовало неравенство? Почему же в таком случае говорят о коммунизме? А когда появилось неравенство, то стали появляться и первые зачатки классового господства и вслед за тем и первые зачатки права... Но смешивать всякий «обычай», т.-е. то, что обычно делается, и «норов», т.-е. то, что превратилось в привычку, с правом, как с понятием, связанным с неравенством, конечно, не следует. Когда Энгельс говорил о «Mutterrecht», то едва ли он понимал право в том же смысле, как Маркс, когда он говорил о «буржуазном праве». Мы говорим, что не надо смешивать понятий. Тов. Рейснер испугался, что я сравниваю эти первоначальные обычаи с простыми «техническими правилами поведения в хозяйстве». «Значит, «правила улучшенного куроводства», спрашивает он иронически. Я ни с куроводством, ни с усовершенствованными его правилами не знаком, но я склонен думать, что эти первобытные людские обычаи и норовы были даже проще правил простого куроводства и они не имели характера права. Они, напротив, и в дальнейшем могли существовать вопреки праву или помимо права, смотря по тому, противоречили ли они интересу, защищаемому господствующим классом, или для последнего были просто «юридически иррелевантны», т.-е. безразличны с точки зрения права. Другое дело — судебные прецеденты или, как обрадовался тов. Рейснер, те же «обычаи» господ-

---

[1]) Указание мое на это обстоятельство мой рецензент называет «изобличением еретического марксизма у Маркса». А заодно он берет под защиту и тов. Покровского, который при всем своем, вполне основательном, недоверии к юристам, случайно позаимствовал у них для определения норм закона слово «искусственный». О моем отношении к глубокому пониманию тов. Покровским марксизма пусть читатель убеждается из книги самой; в защите Рейснера он не нуждается. А т. Рейснер пусть продолжает делить социальные нормы на естественные нормы и искусственные, т.-е. психические переживания.

[2]) Рейснер даже пишет: «В первобытном коммунизме нет развитой частной собственности».

ствующего класса. То были первоначальные законы, первоначальное право неравенства.

Надо различать классовый интерес господствующего класса, т. е. право, от классового интереса бывшего или будущего господствующего класса, уже или еще не права. В княжеский период России появились первые законы и обычаи или судебные прецеденты господствующего класса и существовали рядом обычаи, непризнаваемые правом, как и мы не признаем правом весьма прочных обычаев (например, спекулянтских) класса капиталистов, если они не включены в наши кодексы. Мы эти обычаи считаем не правом, а нередко даже преступлением, но все-таки они чаще всего остаются ненаказанными.

Тов. Рейснер, как верный ученик Петражицкого, в обычаях, в так называемом обычном праве, видит, может быть, основное проявление своего интуитивного права. Для нас — вопрос второстепенен. Нам важно раз навсегда установить, что право является классовым понятием. В этом, в общем, коммунисты у нас уже согласны, по крайней мере, для периода классового общества. Тов. Рейснер стоит один, особняком. И трудно будет ему перейти на эту общую точку зрения, пока он не откажется от своего «злого гения»— Петражицкого. Никто из нас не отрицает значения психологии и для марксизма и для правоведения, но психологическую концепцию права с таким же основанием можно назвать правовою теориею буржуа, как это остроумно сделал тов. Бухарин относительно психологической теории экономистов, обозвав ее теориею рантье. Тут слово психология отождествляется с идеологиею в том смысле, как ее понимал Энгельс (см. выше), но это смешение, вдобавок в этой области, ни что иное, как двойственность и лицемерие, иманентные буржуазному обществу вообще, а его праву — в особенности.

На меня выпала доля в своей книжке впервые внести в теорию права классовую точку зрения. Я попытался вскрыть классовую подоплеку векового течения — естественного или философского права, как классовой программы буржуазии. Я так же показал, что наука права не могла сделаться наукою, пока и потому, что она не стала и не могла стать на классовую точку зрения. Я эти вопросы поставил и верная постановка вопроса, даже при неверном ответе, стоила бы тех листов бумаги (кстати, слишком скверной для конца 1921 г.), которые РСФСР потратила на эту книжку. Я буду очень рад, если кто-либо внесет серьезные поправки в наше определение. Но для этого едва ли пригодятся старые идеологические и психологические сказки «ученого кота» с лукоморья.

(Из № 3 — 23 г. «Вестн. Ком. академии»).

IV. ПРАВО ПЕРВОГО ПЕРИОДА НЭП'А.

1. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ?

Под громким заглавием «Право и революционная законность» [1]) я прочел в одном толстом журнале следующие слова: «Мы не должны, на мой взгляд, нормами писаного права регламентировать отношения людей, возникающие из пользования собственностью (?), орудиями и средствами производства и обмена. Следовательно, не может быть и речи о статьях закона, защищающих право на какие бы то ни было виды такой частной собственности: право наследования, сервитуты, давности (?) и пр. Суд будет решать подобные вопросы — тяжбы, в каждом отдельном случае руководствуясь голосом революционной совести».

Я невольно натолкнулся на эту фразу и удивился. Повидимому, люди полагают, что право, законность и т. д. означают одно, а стоит лишь прибавить слово «революционный», оно обозначает прямо противоположное. Или, может быть, всякое беззаконие превратится в законность, если к нему прибавить словечко «революционный» или «советский»? Я бы не отозвался на эту статью, но она претендует на революционную научность, во-первых. А во-вторых, я, как автор декрета №. 1 о народном суде, все еще чувствую на себе ответственность за введение в наш обиход «революционного сознания или совести». И, наконец, недавно в печати появилась моя книжка «О революционной роли права» и я испугался широкого применения вышеуказанного смысла слова «революционной» и к ней.

Но подобные мысли становятся опасными, если они излагаются так, как мы это прочли в цитированной выше статье. В самом деле, что же сознательному коммунисту по поводу новой экономической политики может диктовать его совесть? Единственно отрицательное отношение: грабь награбленное. Но в том и заключается наш новый курс, что мы объявили: мы совершаем отступление. Означает ли это, что мы изменяем своему коммунизму и своей коммунистической совести? Да нет же [2]). Напротив, мы объявляем компромисс на твердом основании закона. Мы признаем такую-то частную собственность, такое-то право пользования и т. д. в одинаковой степени для всех. И вот нашим народным судьям придется честно, т. е. по революционной совести, исполнять эти законы, невзирая ни на что. Таков смысл нашей законности и нашего отступления. А всякое иное истолкование нашего шага назад является опасным лжетолкованием.

В самом деле, если милиционер у одного по революционной совести отнимет вещь, у другого ее оставит, то его будут судить за это, а не хвалить. Если народный судья одному такое-то пользование присудит, а у другого его отнимет, то одно из этих решений совнарсуд, как незаконное, отменит. Но что сказал бы крестьянин-середняк, если бы он прочел в этой же статье, что вот, мол, чисто капиталистическим «физическим и юридическим лицам

[1]) Имелась в виду статья т. Сарабьянова в журнале ВСНХ. *П. Ст.*

[2]) «После победы пролетариата хотя в одной стране является нечто новое и в отношении реформ и революции». (Ленин, XVIII, I, стр. 415). *П. Ст.*

необходимо иметь твердые гарантии», «без которых они не возьмут в аренду ни одного завода, не примут ни одной концессии и т. д.»... «Здесь диктатуро- пролетарское (?) государство может пойти в отдельных случаях и на очень крупные уступки».

Мы были бы плохими коммунистами, если бы мы все блага законности, хотя бы революционной, предоставили только крупным буржуям, а в них отказали бы маленькому человеку. Нет, для последнего эта законность важнее, нужнее, потому что первый найдет больше средств добиваться своего «права», у него больше «гарантий» в кармане, чем у последнего. И я не знаю, много ли «левизны» заключается в подобном взгляде.

Я полагаю, что все эти рассуждения являются простым недоразумением. Если мы вместо того, чтобы издать простой, всем понятный закон, не дающий «наволочку» для каждого отдельного экономического отношения, но дающий определение и необходимые подробности о разрешенных у нас, т.-е. законных правовых институтах, то это будет чисто советский способ распространения законности — относительной, конечно, ибо наш нынешний аппарат большего гарантировать не может. Но мы избегаем того чисто бюрократического способа, который нам рекомендуют, предлагая циркулярное воздействие на партийные учреждения, профсоюзы и т. д. А если нам предлагают более революционную задачу «популяризование духа, сущности» политики эпохи отступления, чем «творить букву закона», то я очень резко высказываюсь против подобной пропаганды коммунизма.

Нет, коммунизм мы должны популяризовать в чистом виде, а законы писать и исполнять мы должны согласно с курсом, принятым в данную минуту. Это будет и левее, и революционнее, и легче, и понятнее для всякого. Мы громогласно сказали, что мы не шутки ради провозгласили наше отступление: вот вам вехи этого отступления без различия класса. А народным судьям мы скажем: как ни трудно согласовать эти вехи с вашею революционною совестью, живые, а не «умершие» декреты должны исполняться. Но люди, говорящие вам, что вы эти законы или это право (я показал в своей работе ясно, что эти понятия не совпадают) должны, конечно, применять к богатому, сиречь — капиталисту, имеющему возможность обеспечить себя договорами, а отнюдь не к мелкому люду, договора не имеющему, творят сознательно или бессознательно контрреволюцию.

Революционная законность необходима, мы ее должны противоставлять «революционному кумовству», которое является язвою, принявшею угрожающие размеры, когда самое законное, казалось бы, требование превращалось в действительность лишь при рекомендации известного партийного товарища: «Зачем нам законы, коли судьи знакомы?».

Автор жалуется, что законы у нас не исполняются и обходятся и т. д. Я боюсь, что новые наши декреты о новом курсе будут исполняться и уже исполняются слишком рьяно, и что исполнители легко пойдут по пути этого отступления (пути скользкому) дальше этих законов. Но я скажу смело: еще хуже было бы, а сейчас и есть, если не будет и поскольку нет законов. Крайним и недопустимым отступлением была бы свобода крупной спекуляции, этого самого ненавистного вида любого капитализма. У нас о такой свободе никто никогда и не думал. Напротив, у нас имеются строгие декреты, но пока она процветает. И я боюсь, что отсутствие всякой законности и одна революционная совесть при наших условиях будут лучшею почвою для подобной свободы. А надежным средством против нее будет только содействие самого «обывателя» на основах его доверия к нашей революционной законности.

Когда мы писали в декрете № 1 о революционном правосознании, мы это сделали по необходимости, но мы никогда не объявили это правосознание некоторым таинственным источником правды и справедливости. Ибо, скажу откровенно, это правосознание все еще остается, к сожалению, слиш-

ком буржуазным даже у коммунистов. Вот что меня и побудило, при всей моей нелюбви к юриспруденции, попытаться в цитированной выше книжке изложить впервые теоретически революционно-марксистский взгляд на право и закон. Признавая всю слабость моей работы, я все-таки посоветовал бы кое-кому, пишущему на эти темы по марксистски, прочесть ее. Со взглядами псевдо-революционными она ничего общего не имеет. Но она дает марксистскую концепцию права вообще, а в том числе и революционной законности.

(«Известия» 1922 г., № 192).

2. РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВО.

Наши понятия о праве можно назвать крайне туманными. И это относится не только к буржуазному правопониманию, где по сие время еще нет даже общепризнанного определения права, но и к нашему революционному правосознанию. Даже тогда, когда наша революция отменила все законы прежних государственных властей, эти нормы твердо сидели в наших головах и под видом революционного правосознания еще долго претворялись в жизнь, пока новая политика их официально не «восстановила», хотя бы частично. Мало того, в широких кругах, особенно среди юристов и зараженных ими «посторонних лиц», даже привыкнуть не могла к мысли, что Октябрьская Революция — и без особого декрета об отмене — отменила все законы прежних правительств. И это недоразумение продолжается по сие время, что может оказать весьма пагубное действие в смысле широкого распространительного толкования нынешних уступок нэп'у, вместо строгого ограничительного.

На эти мысли меня навело начало заметки тов. Славина «Об уголовном кодексе РСФСР» («Известия» № 125). Заметка по существу высказывает дельные и правильные мысли, но она, к сожалению, начинается с истории и тут у него вкралось именно то неверное понимание, о котором я уже говорил «После Октябрьской Революции был издан декрет № 1 о суде, по которому было постановлено что все законы, изданные ранее, при прежних правительствах, сохраняют свою силу, за исключением тех, которые противоречат социалистическому правосознанию. И лишь в «Положении о едином народном суде» от 30 ноября 1918 г. мы встречаемся с полным упразднением старого законодательства, с полной ломкой прежних норм, т.-е. установлением единого критерия — социалистического правосознания, а также тех декретов, которые изданы Рабоче-крестьянским Правительством».

Я, как автор декрета № 1, не могу оставить без ответа тяжкого обвинения в том, что я внес в декрет якобы такую ересь против Октябрьской Революции. Да и текст декрета № 1 противоречит такому толкованию. Он гласит: «Суды... руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести, революционному правосознанию»... «Отмененными признаются все законы, противоречащие декретам... правительства, а также программам-минимум РСДРП и ПСР». Мне кажется, разница бросается в глаза: здесь молчаливая предпосылка — все законы отменены, за исключением лишь; в цитате т. Славина, наоборот, — все законы остаются в силе, за исключением лишь.

Но беда была в том, что в народных судах сидели «юристы», безразлично — «дипломированные» или «подпольные», которые «правосознание» суда, иногда неудачное, другой раз весьма удачное, подтверждали прямыми статьями из прежних законов. Против этого ненормального

явления было направлено примечание к ст. 22 декрета о народном суде 25 ноября 1918 г.: «Ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещаются». (Остальное — все «отсебятина» т. Славина). А если в промежуток времени эсеровский состав Наркомюста в выработанный мною проект декрета № 2 внес ссылку даже на уставы 1864 г., то это, конечно, было извращением смысла Октябрьской Революции и равноценно ссылке ныне «эсерствующего» защитника Муравьева на те же незабвенные уставы 1864 г.

Но я не для того только взял слово, чтобы исправить неверный смысл цитаты т. Славина, — это только урок цитировать декреты не «наобум», а по тексту, — но для того, чтобы воспользоваться случаем для выяснения сущности нашего правосознания и для предостережения от чрезмерного увлечения судейским, народным или народно-судейским правосознанием. Это понятие, выдвинутое нами в декрете № 1, вынужденно, за отсутствием другого выхода, и с разными дополнениями (революция, совесть и программы) часто превращается в мистический фетиш.

О каком социалистическом правосознании мы может говорить, если у нас нет даже социалистического определения понятия права? Мы в декрете № 1 сказали только «революционное», понимая революцию, как отрицание прошлого, а это слово во втором декрете, при окончательном редактировании в Президиуме декрета, уже принятого в ВЦИК, было заменено словом «социалистическое», хотя первое и было точнее и содержательнее второго. На деле нам это правосознание пришлось в значительной степени стеснять декретами (хотя бы борясь против слишком мягких мер репрессий, напр., против спекулянтов и т. д.). И если право усмотреть лишь в совокупности законов, то в чем это правосознание еще может выразиться, как только в сознании именно смысла этих законов или разве еще в угадывании «воли начальства», издающего эти законы? Кто не хочет завязнуть в болоте психологических переживаний Петражицкого (интуитивное право), тому остается серьезно подумать о чисто классовом характере права, как «известного общественного порядка, в интересах господствующего класса, поддерживаемого классовым государством». А правосознание тогда принимает и понятный всякому вид: сознание классового интереса.

Раз навсегда надо помнить старую истину, понятую еще в древнем Риме, что право и закон не совпадают, и если древне-римский юрист сказал, что не закон дает право, а право дает закон, то при своей односторонности он ближе к истине, чем современный юрист. А ныне нам в советских ученых трактатах приходится читать об «официальном праве, фиксируемом (?) в законах», в отличие от права реального, функционирующего (!) в жизни». Революция, конечно, может сломать старое право или дать ему новое направление при помощи законов, если эта революция достаточно созрела и достаточно сильна. Но законы сами по себе бессильны, если этих условий нет налицо. Вот чем объясняется и наше отступление в законодательстве.

Моя цель одновременно показать еще и то, что классовая правовая теория и сейчас, да сейчас больше, чем когда бы то ни было, имеет чисто практическое значение. В своем отступлении мы зарвались. Мы просто вытаскиваем с чердака старые вывески и, немного их подкрасив, выставляем их под кличкою НЭП. Но за старым названием кроется старое содержание во всей его полноте, чего мы отнюдь не желаем дать. Поэтому лучше было бы сделать новые вывески, тем более, что эти «умственные» вывески требуют лишь некоторого лишнего движения мозгов советских юристов, а отнюдь не государственного станка. Или первое для нас дороже последнего?

Но все это не будет опасно, если мы проникнемся правильным классовым пониманием нашего, т. е. советского права, а не ограничимся одним только

«стоянием на советской площадке». Тогда для нас будет ясно, что мы, делая известные, но ограниченные уступки, сохраняем революцию и будем все новые законы и положения, содержащие эти уступки, истолковывать лишь ограничительно.

То будет настоящая классовая борьба между юристом буржуазного мира и действительно советским юристом, юристом новым и, к сожалению, медленно нарождающимся. У нашего контрреволюционного юриста, не надо забывать, имеются серьезные баррикады, за которыми он солидно прячется. Эти баррикады заключаются не только в 16 томах старого Свода законов и целых возах буржуазной ученой литературы (вы этой буржуазно-классовой литературы найдете в 1.000 раз больше в окнах книжных лавок, чем коммунистической), но и в мозгах любого из нас, «юридически мыслящих» людей. И все должны ясно дать себе отчет, по какую сторону этих баррикад их место.

(*«Известия» 1922 г., № 192*).

---

3. ПРОЛЕТАРСКИЙ СУД И БУРЖУАЗНОЕ ПРАВО.

(Доклад, прочитанный 10 мая 1925 г.).

Не для остроумного парадокса, а как конкретное противоречие нашей реальной жизни, я беру это противопоставление. Наш суд, по составу — определенно классовый, рабочий, обязан осуществлять, охранять право, на котором ярко видна марка: буржуазное. Не только мнимо-буржуазный, но настоящий буржуазный Г. К. (Гражданский кодекс), на 9/10 заимствованный из лучших буржуазных гражданских кодексов Запада, является основным руководящим началом для всей гражданской практики нашего суда, а значительная часть У. К. призвана охранять неприкосновенность отношений, основанных именно на нормах этого Г. К. Не этим ли обстоятельством объясняются слабые успехи нашего суда по гражданским делам, по сравнению с уголовной практикой? Не поэтому ли наши товарищи, стоящие далеко от судебных дел, с таким пренебрежением относятся к нашим судебным работникам вообще и «цивилистам» в особенности?

«Что же, юристы!» Ведь ни Маркс, ни Ленин не любили юристов. С одной только оговоркою — юристов буржуазных или феодальных. А других юристов при Марксе не было почти что или совсем не было и при Ленине.

Значит, если по определению некоего германского автора, судья в мотивах справедливого решения должен убедить в этой справедливости лишь других судей, членов высшей инстанции (на случай жалобы) или вообще коллег (в смысле создания прецедента), то советский судья должен переубедить и сам себя, и своих товарищей, да еще товарищей вне судебного ведомства. Конечно, не из страха за свою должность. В советской России судейская должность — одна из материально наименее привлекательных и освобождение от этой обязанности является в материальном смысле благодеянием.

Маркс, говоря по поводу еврейского вопроса о противоречиях общественных отношений, высказал чрезвычайно важное положение, что подобные идеологические противоречия прежде всего надо свести «к отношениям критическим, научным, т. е. человеческим». «Тогда наука объединяет эти противоречия..., ибо в науке все противоречия разрешаются самой наукой» («Nachlass» 1, стр. 405). Не знаю, поверят ли у нас в такое «целебное» качество науки в правовых вопросах; у нас вообще нет, кажется, пока ни интереса, ни веры в науку права и, вероятно, мне ответят, что вот, мол, у одних вас, коммунистов, мы насчитали 24 «научных» определения для самого понятия права. Что это за наука! Я, конечно, далек от мысли защищать эти 24 определения (я лично полагаю что их даже больше), но все-таки с того времени, как у нас было

дано первое из этих определений, тогда защищаемое мною, прошло почти 6 лет, и за это время мы, несомненно, кое-чему научились, подвинулись на шаг вперед, ибо все же образовалась группа, которую объединяют известные общие принципы. Мы эти общие принципы определяем в первом сборнике «Революция права» словами: 1) революционно-диалектический метод, в противоположность старо-юридическому (метафизическому, формально догматическому или, в лучшем случае, исторически-эволюционному буржуазных юристов)[1]); 2) *классовый* подход к изучению всякого права и 3) *материализм*, т.-е. исхождение *от материальных отношений* людей, как основы изучения права. Мы еще слишком мало проявили себя. У нас слишком мало было попыток применять эти новые *научные принципы к практическим вопросам*.

Но в этом последнем и заключается одна из задач так называемых *идеологов* любого класса. Маркс и Энгельс в своей «Немецкой идеологии» («Архив», I, 231) писали: «Одна часть класса выступает внутри его, в качестве мыслителей его (активные *творческие* — Conceptiven) *идеологи класса*, для которых главным средством пропитания является *выработка иллюзий* этого класса о самом себе, в то время, как другая часть его относится к этим иллюзиям пассивно и объективно, ибо они являются в действительности активными членами этого класса и имеют мало времени для составления себе иллюзий и мыслей о самих себе)». К этим идеологам буржуазии относятся и ее философы, и ее поэты, ученые, и писатели вообще, и, в частности, не на последнем, а скорее на первом месте, ее юристы, которых Энгельс объявил творцами целого *юридического* мировоззрения, как *классического буржуазного мировоззрения вообще*.

Как буржуазные юристы вырабатывали эти иллюзии или идеологию своего класса? Они, увлеченные прелестями буржуазного общества, «этого лучшего из миров», запели ему *славу вечности*. Они отрицали его преходящую роль и забыли даже его революционное происхождение (сравните защиту Маром французской революции от обвинений в применении насилия). Беспрерывность (Continuität), преемственность, — это их основной лозунг и дальше исторически эволюционного метода, *подкрепляющего вечность* этого общества, они итти не способны. Они вертятся в своих абстрактных формулах и в своем новейшем и наиболее абстрактном издании (нормативистов), они объявляют все экономическое, социальное и т. д., как «метаюридическое», лежащим вне сферы права.

Как должны мы коммунисты отнестись к этим идеологическим построениям буржуазных идеологов? Примкнуть ли просто к ним и хотя бы временно повторять созданные ими буржуазные иллюзии! Бороться ли с ними в плоскости созданных ими же построений или подвергнуть их беспощадной критике и строить новые леса для нового здания? Нам говорят: смотрите, что же у вас изменилось. Те же отношения личного найма (наемная работа), те же отношения обмена (купля-продажа), те же товары (вплоть до денег) и т. д. На деле изменилось то, что нанимаются на работу *рабочие на фабриках*, исключительно принадлежащих *классу трудящихся в целом*, что товары являются продуктом этого *коллективного труда* и обмен производится именно этим продуктом. Количество в данном случае не превращается ли в новое качество, может быть, непонятное сразу постороннему, но властвующее над умами самих творцов этих богатств «трудящегося народа», на основах права трудящегося же народа. Не прониклись, однако, этим сознанием еще наши «классовые идеологи». Наши поэты пока заметили и отметили лишь шум и ритм фабрики и соответ-

---

[1]) Буржуазный юрист, будучи по долгу службы *апологетом*, не может итти дальше эволюционной теории о медленном, незаметном для глаз «развитии этого лучшего из миров».

ственную им внешнюю дисциплину, а не перелом психологии масс (хотя бы пока лишь потенциальный, но неизбежный). Наши юристы повторяют пока позаимствованные старые абстрактные формулы, не находя еще новых форм. Первым перед этой задачей стал наш пролетарский судья.

Так, мы видим, что идеологи этих двух обществ, двух периодов, находятся во всем на принципиально противоположных плюсах: мертвяще-догматический, в лучшем случае, эволюционный метод против революционно-диалектического, общенациональный подход (примирение классов) против определенно классового; идеализм (вечность государства и права) против материализма (право и государство — явления переходного характера).

Какие попытки были сделаны, чтобы разрешить на деле упомянутые выше противоречия? С одной стороны, предлагают взяться за дело по «букве закона». Раз сделаны уступки буржуазии, то надо сделать логический вывод до конца. «Есть только буржуазное право, другого права нет». Значит, применять буржуазное право по его первоисточникам, а не по более или менее неудачным его заимствованиям. Применять буржуазное право без всяких примесей, согласно толкованиям лучших (буржуазных) юристов. Тащить без оговорок контрабандою все то, что нельзя провести открыто. Да здравствует буржуазное право, хотя бы в истолковании пролетарского судьи! Пусть суд будет пролетарским, лишь бы право было буржуазным. Таково одно решение, которое, главным образом, исходит от наших противников (ср. недавно вышедший в Праге сборник «Право Советской России»), но не только от них. Это по существу—буржуазный способ решения. Ему пролетарский суд должен противодействовать всеми силами.

Отчасти с легкой руки тов. Гойхбарга объявлена война праву вообще. Не ново и это течение — оно дано еще анархистами: долой право и государство. По поводу государства т. Ленин выработал формулу против этого течения: «Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как цели». «Марксизм отличается от анархизма тем, что признает необходимость государства и государственной власти в революционный период вообще, в переход от капитализма к социализму в частности». Нам приходится сделать шаг дальше и к «государству пролетарского типа» (переходного времени) приурочить и особое советское (т. е. переходное) право. Ведь Ленин же принципу анархистов, «что все должно быть организуемо и проводимо снизу вверх», противопоставил «учреждение революционного правительства», как метод «действия сверху вниз». А как это расшифровать практически? Именно созданием особого советского права, как приспособления права к переходной эпохе. Как мыслить иначе проведение перегруппировки общественных отношений сверху?

Третий ответ, как я уже сказал, заключается в выработке особого классового права переходного времени, советского права. Имеются ли данные для разговоров об особом «советском праве», и что оно будет собою представлять? Для решения этого вопроса необходимо подойти ближе к самому понятию права. Я считаю лишним долго останавливаться над этим вопросом, но остается кое-что подчеркнуть вновь. Я как-то вскользь указал в заметке о т. Ленине в «Революции права», как Ленин подходил к вопросу о статьях программы партии и статьях революционных наших декретов. Для него это были однородные понятия, одинаково обязательные и одинаково необязательные, смотря по ситуации и ходу развития: в первом случае — для руководителей и членов партии, во втором— для ставшей у власти партии и граждан государства. Когда Ленин предложил смелую мысль: к статье декрета № 1 о суде внести примечание о том, что для суда обязательны пункты программ победивших партий вместо отмененных революцией законов свергнутых правительств, мы не вполне оценили

значение этих слов. Юристы это различие технически формулировали бы: de lege ferenda (об издаваемом законе) и de lege lata (об изданном законе).

Но Ленин, имея в виду не просто закон, а право, не требовал немедленного написания закона, а считая достаточным партии прийти к власти, чтобы применять, в силу вытекающего из программы правосознания, статьи программы, как положительное право. И так же он относится к отжившим законам — памятникам революции.

Остается еще отметить третий момент: те реальные отношения, которые существуют или возникают, как правовые (в силу ли права возникающие, или сами становящиеся правом), из которых мы поясняем и программу, и декрет, как оформленную в статьи закона идеологию. Я считаю, что достаточно этих кратких намеков, чтобы побудить нас серьезнее относиться к диалектическому подходу к правовым вопросам вообще по формуле: программа — декрет — правоотношение, или наоборот.

Из этих мыслей вытекает как мой прежний вывод о революционной роли права (для права восходящего класса), так и типичный ответ эволюционистов — апологетов буржуазного общества — об исключительно консервативном свойстве права (для права, твердо установившегося, отживающего или в стадии его упразднения). Но из этих двух точек зрения нельзя вывести некоторой средней теории. Это — два противоположных правопорядка, мира, два полюса, мирить которые на деле было бы смешно. Нам возразят, пожалуй, что качество есть следствие нарастания количества. Положим, что так. Скажем, например, что цифра 1.000 означает по данному явлению момент перехода в новое качество. Или, чтобы не быть голословным, я процитирую уже цитировавшуюся у меня мысль (т. Бермана): «Коллективная и индивидуальная собственность представляют собой лишь крайние полюсы относящихся сюда правовых институтов, между которыми существует целый ряд промежуточных ступеней». И дальше. «Мы напрасно стали бы искать в истории права и в сравнительном правоведении индивидуальную собственность без всякого следа коллективизма, как не найдем и коллективной собственности, свободной от всякого индивидуализма». Можно ли ярче выразить мысль врастания в социализм, объединяющую столь различных и друг другу враждебных авторов, как т.т. Бермана и Гойхбарга? Но о какой коллективистской собственности говорит т. Берман? После ли победы рабочего класса в бесклассовом обществе? Где же он такое нашел? Вернемся к примеру, что цифра 1.000 означает момент перехода в новое качество. Можно ли так вообще выразиться? Ведь, например, точка кипения не всегда означает ровно 80 (100) градусов, возможно перегревание без кипячения, и как вывести тут среднюю? Захват власти большевиками определяется ли минутами. И можно ли представить себе результат борьбы в словах, что они «почти победили». Ведь, почти что победившая революция еще не победила вовсе или просто оказалась побитой. Другой вопрос, надолго ли. И мысль Ленина о перерастании одной революции в другую, при Советской власти, — нечто совсем иное, чем мирное, постепенное перерастание в новое общество. Его мысль — революционно - диалектическая, а первая — реакционно- или ревизионно-эволюционистская.

Я беру несколько примеров, чисто практических. В буржуазном обществе «мир разделен», «первый владелец становится собственником ничьей вещи, потому что предполагают, что каждая вещь должна стоять в чьей-либо частной собственности и не замечают никого, кто имел бы на присвоенные вещи более оснований, чем владелец» (Мэн). Провладел определенное время — собственность бесспорна в силу приобретательной давности. Не то мы видим у нас. Собственность предполагается всегда государственной, пока не доказано противного: при-

обретательной давности нет и, естественно, что на собственность государственную нет и погасительной давности.

Два противоположных взгляда, два общества.

Или: в буржуазном государстве, как указывает Маркс, все богатство класса буржуазии, наравне с государственным, классической политической экономией признается «богатством нации». Государство — в руках класса капиталистов. Не ущерб для них, если часть государственного имущества попадает в руки частных владельцев (класса капиталистов же). Другое дело в Советском государстве: все, что отваливается из государственного фонда в собственность частных владельцев — капиталистов — убыль для всего класса пролетариата, а переход подавляющего большинства средств производства к классу капиталистов означал бы победу последнего и политически. Как соединить, примирить два воззрения, вытекающие из реальных соотношений классовых сил. Тут примирения на математической средней нет и быть не может.

После Октября первое наше выступление правового характера заключалось в создании пролетарского суда без буржуазного права, но и без пролетарского. Мы, однако, были достаточно осторожны и не выступали против права вообще, идя прямолинейно к коммунизму, мы на переходное время объявили право революционного (потом социалистического или коммунистического) правосознания. Но я категорически протестую против слов т. Гойхбарга, что мы (коммунисты), мол, тут исходим от «из века и навеки существующего права», как вечной идеи. Предложение т. Ленина (см. выше) говорит иное. Но постольку, поскольку условия для коммунизма были нам навязаны военными соображениями, а не продиктованы экономическими условиями (Ленин, XVIII, 1, стр. 168), поскольку это объективно было даже ошибкой (XVIII, I, стр. 372), хотя и такой же необходимостью, как и сама революция, мы не выдержали линии и перешли в отступление. Мы и в декрете № 1 осторожно формулировали свое отношение к законам свергнутых правительств (отмены «постольку, поскольку»), в декрете о народном суде мы более категорически запретили цитировать статьи этих законов. Но на деле эти законы или отражения отношений, ими регулировавшихся, сидели более или менее крепко в головах судей, хотя и пролетариев. Пролетарские судьи воображали себе, что они творят новое право, коммунистическое — тогда еще верили в такое понятие, — но на деле они решали обычно по-буржуазному, иногда даже крепостническому, изредка и в силу пролетарского чутья, по-советскому, социалистическому. Этот опыт не собран и не обработан и нам приходится судить по отдельным случайно опубликованным фактам.

В это время появилось слово «советское» право, скорее всего, по нашей революционной привычке прибавлять слова «красное», «советское», «революционное», без всякой «задней» мысли. «Красное право» что-то не звучит хорошо, «революционное» право наводит на размышления (сочетание «право и революция»), значит — «советское». Может быть, мысль появилась даже впервые в голове буржуазного спеца, ибо я помню программу вуза, где общему, т. е. нормальному, т. е. буржуазному праву, противопоставлялось советское (нечто вроде «чекистское», т. е. «курьезное») право. Очень солидные коммунистические ученые тогда высказались вообще против советского права, есть де только единое право (в этом отношении частица правды была в цитированных словах т. Гойбарга, только упрек им был обращен не по адресу). Наступил «нэп», мы отступили к новой экономической политике. Одновременно «для горсти нэпманов» мы привезли из-за границы «ассортимент», подбор статей буржуазного права, что называется на языке ученых юристов «рецепцией», позаимствованием. Но когда в свое время средневековая Европа проделала рецепцию римского права, то импортировала одновременно и римских юристов: этих «живодеров и пиявок», «обманщиков, кровопийцев» периода германской крестьянской войны, ненавистных

«тогадо» Испании, язву Англии XVII ст. (см. революционные требования левеллеров против «десятины, купли-продажи и юристов»). Произошло и на этот раз нечто подобное — начали тащить юристов буржуазного мира; разных Дюги, Гедеманов и т. д., или социал-предателей под кличкой юристов-социалистов. Пошли увлечения советским правом, как правом, «выдалбливающим частную собственность», и т. д., и т. п.

Но у нас подобная словесность о социализации буржуазного права потеряла всякий кредит. Экономическая жизнь зашагала быстро вперед. Значительно отстала «юридическая мысль». Я помню мою полемику в «Известиях» в июне 1922 г. против видного советского работника, который (в жур. «Народное хозяйство) возражал против письменного урегулирования права собственности и способов ее приобретения. Я характеризовал все легкомыслие подобного отношения и указал, что сфера права сделается ареной настоящей революционной борьбы между старыми и коммунистическими юристами. Эта полемика имела даже известные последствия, и возражение мое против распространительного толкования буржуазных отношений легло в основание знаменитых, столь ненавистных нашим противникам, ст. ст. 5 и 6 Вводного закона к Г. К.

Если мы могли кое-как обойтись без законов, вернее, кодексов, как целых систем законов, до объявления нэпа, то это стало немыслимым при переходе к нэпу. Наше отступление не представляло бегства в беспорядке, панике; нет, проведенное твердой рукой нашего вождя Ленина, оно было ограничено и проводилось организованным порядком. Тут в декретах необходимо было отметить две линии, два предела: предел дальше которого мы не отступали, а равно предел, дальше которого мы сейчас не наступаем. Естественным последствием этого была и двойная борьба (экономическая, вернее, классовая) за эти пределы. Прежде всего капитализм не пожелал остановиться на этих пределах, и в суды стали поступать дела с явной целью восстановить старые, отмененные Революцией права, старые правоотношения, «благоприобретенные» права, и даже расширить старые институты за пределы Кодекса. Нет ограничения институтов гражданского права: «Что не запрещено в Кодексе — разрешено». Но Кодексу предпослан Вводный закон, ст.ст. 2, 5, 6 и т. д., которые дают ясный ответ: запрещение распространительного толкования Кодекса вообще, старых правоотношений в частности. Целый ряд статей самого Кодекса это дополняет (прим. к ст. 59 и т. д.).

Но нельзя не отметить известной неуверенности самого Кодекса, например не дающего принципиальной статьи о том, что государственная собственность презюмируется, а предоставляющего это истолкование практике. В статье о бесхозяйственном имуществе, например, говорится лишь о переходе права собственности на это имущество к государству, в статье о давности говорится лишь об общей давности. Но как с давностью для государственной собственности?

Борьба в этой плоскости происходила в первое время, главным образом (если не считать коровы, лошади, пианино и т. п.), пока вокруг домов, передававшихся незаконно с января 1917 г. по август 1921 г. из рук в руки. Ныне эти мелкие споры более или менее изжиты, причем в основу владения немуципализированными домами кладется момент пользования и принадлежность хозяина к трудовому элементу [1]).

(«Вестник Коммунистической академии» № 13, 1925 г.).

---

[1]) Дальше в статье идет разбор ряда конкретных вопросов практики.

4. «ТАК НАЗЫВАЕМОЕ СОВЕТСКОЕ ПРАВО»[1].

(По поводу одного юридического уклона [2]).

Тов. Гойхбарг свою книжку «Об основах частного имущественного права», написанную весною прошлого года, снабдил несколько меланхолическим предисловием, что «условия работы и жизни в настоящее время (а также и состояние здоровья) препятствуют возможности дать в этой области то исчерпывающее, что дать бы хотелось, а при иных условиях, пожалуй, и удалось», и что он выпускает эти очерки «в надежде, что метод, мною применяемый, подход к решению вопроса, мною намечаемый, даст толчок другим силам... продолжить и закончить намеченное мною». Если такой талантливый автор, как т. Гойхбарг, игравший столь важную роль в нашей правовой жизни последних лет, пишет подобный проспект, как «аншлаг» своей книги, то мы вправе с особым интересом подойти к работе, чтобы вскрыть и верно оценить новый подход, предвещаемый автором.

Автор начинает с «несколько замечаний о праве». Наша революция права в практической жизни имеет за собой ныне семилетнюю историю, считая приблизительно с первого декрета о суде, которым мы «сожгли» буржуазные законы, чтобы «сесть писать новые». Наша теоретическая борьба началась значительно позже, с 1919 или даже 1920 года. Борьба особо блестящих конкретных результатов еще поныне не дала, но все-таки, благодаря этой нашей борьбе, мы можем теперь похвастать, что наше молодое поколение уже поголовно признает классовый характер всякого права. Ныне у нас и в юридической литературе встречается уже диалектический, даже революционно-диалектический подход. Ныне уже у нас все наизусть знают замечательную цитату из статьи Энгельса, что «место религиозного мировоззрения заняло юридическое, как классическое буржуазное мировоззрение», а значит, и понимают значение борьбы против этого юридического мировоззрения. Также известно всем, каким путем из буржуазной науки (Петражицкого) в наш декрет о суде, а затем разные другие законодательные акты, попало понятие «правосознание», сначала «революционное», а потом «социалистическое правосознание», но что оно, благодаря приставленным к нему прилагательным, получило в ходе революции совершенно новое, реальное, классовое содержание, ничего общего не имеющее с «вечной идеею права».

Что тут дает нового т. Гойбарг? Он начинает с «открытия Америки», что если «религия — опиум для народа», против которого надо бороться, то ныне наступило время для пропаганды антиправовой. Ну что же? Хорошие мысли повторять не вредно, хотя и время для заявки привилегии на эту мысль, как новую, значительно запоздало, ибо Энгельс ее высказал еще в 1887 г., а мы стали повторять ее с 1920 г. Это не новый подход. Но что сказать, если мы дальше читаем: «До какой степени идея права владеет умами, даже, казалось бы, свободными от религиозного дурмана, видно хотя бы из следующего примера» (Гойхбарг приводит лозунг эсеров «в борьбе обретешь ты право свое», кстати, взятый ими у буржуазного профессора Иеринга, и продолжает): «Немало в этом отношении грешат даже и коммунисты. Стоит вспомнить наше «революционное правосознание», «пролетарское правосознание», «социалистическое правосознание». Эти понятия как будто исходят из того, что имеется некое из

---

[1]) См. приведенную ниже книжку тов. Гойхбарга, стр. 8 и 9.

[2]) «Уклон не есть готовое течение. Уклон это есть то, что можно исправить» (Ленин, XVII, стр. 157).

века и навеки существующее право, которое только неправильно осуществляется в различные эпохи, предшествовавшие нашей советской эпохе». Как будто! Разводишь руками. Неужели тов. Гойхбарг умственно проспал целых семь лет! Кто же у нас еще так понимает понятие «право» и «правосознание»? Невольно помнится мне, как семь лет тому назад т. Гойхбарг пришел к нам, я уверен, что искренно пришел. То был момент, когда левые эсеры вышли из правительства, и я вернулся в Наркомюст. При эсерах там находился Гойхбарг. Я вспомнил истинно блестящие статьи, отчасти направленные против нас, Гойхбарга в «Новой жизни» 1917 года, но одновременно написанные с революционным подходом. Я решил, что надо его привлечь, а посему уговорить оставаться в Наркомюсте. Мы сошлись, и я, против обыкновения, потратил довольно много времени на личные отношения, чтобы привлечь поближе нового сотрудника. Я замечал, что он видимо приближается. Когда у нас в Комиссариате происходили разногласия с ним, обыкновенно кончалось тем, что т. Гойхбарг приносил на другой день прекрасно редактированное (это его самая сильная сторона) наше, т.-е. Коллегии, мнение. Мы сами в правовой области тогда сделали первые шаги. Я помню, что я в это время получил первую из-за границы (во время Бреста) посылку немецких книг после 1914 г., в том числе вышедшую во время войны книжку Реннера об империализме, где первые страницы посвящены праву в духе «социалистен-юристов». Нам тогда, при отсталости революции права, эти мысли еще показались революционными. И Гойхбарг увлекся книгою. Потом мы с Гойхбаргом расстались, я уехал в Ригу, Гойхбарг — в Сибирь. На него навалили чрезмерно много работы, и, вероятно, книжка Реннера была последняя теоретическая работа, которую ему удалось прочесть. Он застрял на этих мыслях Реннера и ныне, с опозданием на шесть лет, и выдает их за свой новый подход. Мы эти мысли Реннера найдем во второй части разбираемой работы Гойхбарга. Поистине жутко становится при мысли, что, взваливая безмерно много работы, мы товарищей приводим в какое-то состояние умственной спячки, превращаем передовых людей в отсталых. Ибо не хотелось бы подумать, что одна самовлюбленность помешала Гойбаргу прочесть хотя бы частицу того, что вокруг него писалось о классовом подходе к праву, о классовом праве и т. д. И если вслед за тем в книжке идут весьма интересные цитаты из Маркса, Энгельса, Лафарга и Ленина, то от всего этого первый «подход» самого Гойхбарга новым не делается.

Второй подход т. Гойхбарга нам отрывками известен уже из прежних его работ и статей и заключается в том, что вот, мол, мы не одни — большевики — социализируем частную собственность, это — есть общая тенденция и в мире буржуазном, как это видно из работ Дюги (Франция), Гедемана (Германия) и т. д. Я в подтверждение этой мысли уже третий раз читаю у Гойхбарга цитату из Германской Конституции 1918 г., этого лицемернейшего документа буржуазной мысли XX столетия: «Собственность обязывает, ее использование должно в то же время служить общему благу». Скажите, пожалуйста! Это значит: германская юнкерская или капиталистическая собственность служит общему, а не классовому благу? И это есть шаг сближения буржуазного права с советским, по коему «частная собственность на землю отменяется»? Эта знаменитая по своей демократичности конституция ведь идет еще дальше и пишет «Каждый гражданин (вернее было бы «буржуа») нравственно обязан без ущерба для своей личной свободы так применять свои умственные и физические силы, как того требует общее благо (ст. 163). Где же нам с нашею конституцией угнаться за Стиннесами!

Но если в прежних изданиях тов. Гойхбарга такие мысли составляли случайный элемент и могли быть истолкованы как некоторая «популяри-

зация» нашего Кодекса перед Западом, некоторое успокоение буржуазии Запада: вот, мол, нечего пугаться, эти мысли мы встречаем и у вас, особенно в швейцарском Кодексе, то новая работа вводит их действительно как общий подход по всем вопросам. Но подход не новый и определенно вредный, если им проникнута книга, предназначенная особенно для молодежи.

Чтобы не показаться голословным, я дам целый ряд примеров. Как известно, еще в своем «Хозяйственном праве РСФСР», I т., Гойхбарг (стр. 61) писал, что германская конституция «особенно рельефно подчеркивает эту идею частной собственности, как социальной функции. И там же он подтвердил эту мысль цитатами отдельных авторов (Гедемана, Зинцгеймера и др.), обобщая их взгляды, как чуть ли не общие взгляды всей буржуазной юриспруденции.

По поводу договора найма он показывает, как вмешиваются буржуазные правительства и их законы в интересы домовладельцев, что составляет прямое ограничение права собственности. В области авторского права — ограничивают сроком частную собственность автора на его произведения. Он ссылается на «отобрание (так и сказано отобрание, но ведь с выкупом!) у помещиков крупных латифундий» во многих странах после войны 1914—18 гг. и т. д. Этими примерами книжка перенасыщена. Значит, наши Кодексы лишь повторяют, может быть несколько радикальнее, то, что делает весь капиталистический мир?

Правда т. Гойхбарг на этот раз определенно отмежевывается от заграничных буржуазных правоведов, ибо он тут же показывает, что все самоограничения под видом «социализации» делаются под этими лицемерными предлогами социализации в интересах одной части класса буржуазии на счет другой или на счет широких масс. Так, например, он пишет: «послевоенные законы о квартирной плате в «интересах общества» и в «духе справедливости» действительно обозначают прямую непосредственную экспроприацию собственности городских домовладельцев в пользу крупного капитала». Такою же экспроприацией землевладельца являются законы о понижении цен на предметы продовольствия, также практиковавшиеся после войны во многих странах. «Характерно для цитированной выше германской конституции, что она говорит о возможности принудительного отчуждения (для жилищ, для колонизации и т. д.) только по отношению к земельной собственности и землевладельцам, которых капиталисты давно уже считают паразитами, бездельниками и тунеядцами». Или «отказ от неприкосновенности частной собственности, отказ от деления права на частное и публичное... представляет собою своеобразное проявление защиты интересов капиталистов».

Великолепно, но — но как в таком случае быть с успехами «теорий социальных функций»? Значит, новая своеобразная социализация частной собственности не проводится как функция, цель всего общества, не есть общественная, социальная — а только функция, в целях блага класса. Это, как сам Гойбарг цитирует из Маркса же, — «не что иное, как скрытая под маской социализма попытка спасти государства капиталистов». Значит, все эти Дюги, Гедеманы, Реннеры и т. д., и т. д. есть просто обманщики, «скрывающиеся под маскою», которых надо гнать в шею, а не популяризировать, не рекомендовать как хотя и буржуазных, но прогрессивных учителей. Так и запишем. Это уже действительно будет подход новый, но только для тов. Гойхбарга; мы это мнение проводим не один год.

Но — есть еще одно «но» — так ли уже капиталисты ненавидят своих братьев землевладельцев в деревне или домовладельцев в городе? Правда, тов. Гойхбарг цитирует слова Маркса об этой ненависти, помеченные

1881 годом. Таких цитат мы находим немало у Маркса и Энгельса и до 1881 года. Только у них уже попадаются и слова о «двух фракциях единой буржуазии». А после 1881 г. прошло 40 лет, и за это время сближение между этими классами, даже слияние, сделало такие успехи, что ныне эта ненависть исчезла. Кто, например, сейчас у власти в Англии? Мыслима ли сейчас идея национализации помещичьей земли для буржуазии Англии? Такой лозунг поддержал бы весь рабочий класс. Но едва ли найдется хотя бы один капиталист в Англии, который его поддержит. Ну, а в Германии, где эта мера почти исключительно применялась во время войны? Кто имел тогда политическую власть? Не те же ли юнкера, помещики, которые от ненависти к *себе же* отменяли *свою же* собственность в деревне и городах, за исключением только промышленного капитала? Нет, тут т. Гойхбарг рисует неверную картину. Из любви к схеме он не видит, что *ни землевладельцы, ни домовладельцы* за время войны *не пострадали*. Пострадали земли (в смысле урожая) и дома (в смысле доходов, тоже своего рода урожая или «плодов», как говорят юристы), но *их владельцы богатели*. Они освободились от долгов при обесценении денег. Кроме того, доходы их с земли повысились уже давно, а на дома ныне *наемная плата вскочила* с такою стихийною силою, что в Германии воют жильцы домов, а не их владельцы. А в Англии на этой почве разгорались чисто революционные сцены.

Нет, т. Гойхбарг, то был мираж «военного социализма», снесение («Abbau») которого в Германии уже не только закончено, но ныне привело, наоборот, к превращению того единственного крупного государственного имущества, которое имелось в Германии еще до войны, жел. дорог, в *частную* собственность акционерного общества, в некотором роде тоже «смешанного», только навыворот, с 70% *американского доллара* и 30% германского буржуазного государства. Вот вам действительный результат тенденции капитализма к социализации. Что же тут осталось, с чем сравнивать наши шаги по социализации? Ровно ничего. Но на чем и зачем тогда подводить новый фундамент под старые теории, потерявшие реальное значение? Теория юридического социализма *раз навсегда опровергнута* ходом всемирной революции. Тот новый подход, который т. Гойхбарг пытался создать для старой «реципированной» (позаимствованной) им еще в 1918 г. в лице Реннера теории «юристского социализма», оказался лишенным «базиса», «воздушным замком». Пора сделать шаг вперед, а не два шага назад.

Мы выше обрадовались, как помните, тому факту, что Гойхбарг похоронил буржуазно-юридическую теорию социальных функций. Достаточно она внесла путаницы у нас, и пора от нее окончательно отделаться. Ведь, если всё «выдалбливание частной собственности» является лишь добровольной или хотя бы принудительной уступкой класса частных владельцев перед тем же классом крупных собственников, капиталистов, то в чем заключается *социальная* функция, т. е. функция в интересах *всего общества*, не только *класса*? Это ведь тогда просто обман масс. Но находят еще одно возражение: оно хотя временное и в интересах класса капиталистов, но одновременно объективно ведет к социализму, как *имманентной* цели. Значит, в том смысле — функция. Но это привело нас уже *к вере в имманентные цели*, и такой *подход* будет во всяком случае стар и определенно вреден.

Но у тов. Гойхбарга в книге имеется еще большой отдел, посвященный мысли о всемогуществе государства и *о делегировании всех так называемых субъективных прав* одним авторитетом государства. Теория не нова; она возникла как реакционная теория против в свое время революционных буржуазных теорий естественного права. Тов. Гойхбарг выступает очень решительно против «естественного права», но переносит к нам теорию делегирования всех субъективных, личных прав,

и самой правоспособности от государства. «Наш Кодкс, — писал Гойхбарг, — не является у нас прирожденным правом человека, а предоставляется ему государством для достижения определенных, необходимых для сохранения коллектива целей». Значит, для него есть только два возможных взгляда: либо «от природы», от бога и т. д. (прирожденные, значит, вечные права), либо «от государства» (т.-е., собственно говоря, от его закона и условно).

Я показал («Революционная роль права»), что лозунг буржуазно-естественного права не был ни от бога, ни от государства, но от класса, пока он не был у власти, как программа «в идее», когда он победил — в законе. Разбор этого буржуазного естественного права с классовой точки зрения составляет весьма интересную тему, которой следовало бы еще поинтересоваться. Но противоставить ему теорию делегирования прав нам не следует. Во-первых, это была бы вреднейшая иллюзия думать, что действительно государство делегирует права, а не только по мере сил регулирует и охраняет их. Такое всемогущество человека над природою и продуктом собственного труда может быть отнесено разве только к тому периоду, когда государство уже умрет, как ненужное, а вместе с ним умрет и нынешнее понятие права. Во-вторых, это было бы не по-марксистски полагать, что классовое государство определяет организацию экономики, а не экономика — организацию классов, по крайней мере, в конечном счете и в нынешнем мире. Наконец, это было бы лишнее, ненужное вмешательство, если мы не только сотням или тысячам крупных буржуа, но и миллионам и десяткам миллионов крестьян и мещан пытались бы ставить узкие государственные рамки в интересах «целей какого-то коллектива». Когда т. Гойхбарг защищал проект Гражданского кодекса в ВЦИК, он говорил «о пределах, очень ограниченных для его применения». Кажется, оказался правым я, когда я отстаивал мысль, что пользоваться им вынуждены будут и массы. У нас для госучреждений и госпредприятий создался особый тип суда «арбитражные комиссии». Какими законами они руководствуются? Г. К. А крестьяне в нарсудах? Также Г. К. Если мы даже госучреждениям еще не можем ставить достаточно ясных целей, потому что ни Госплан, ни наши силы еще далеко не так окрепли, чтобы их провести, и приходится доверяться слепому ходу конкуренции, т.-е. разбору споров в суде, то что сказать про миллионные массы крестьян? А ведь и рабочие далеко еще не совсем свободны «от рамок» Г. К. Но если уже условно делегировать права для преследования цели, то надо же и к каждому мандату прицепить эту цель или хотя бы дать известные категории целей. Для разъяснения «развития производительных сил» (ст. 4 **Г. К.**) т. Гойхбарг приводил, как известно, пример мельницы, которая не пускается в ход. Пример неудачен и подпал под обстрел белых. Но судебная практика дала примеры почище. Я назову только один: отобрание на основании ст. 1 и 4 Г. К. дома, данного под балетную студию, в виду закрытия студии [1]). Тут уже напрашивается каламбур об «отрицательном» развитии производительных сил (балетной студии).

Но на этих вопросах я уже останавливался, например, в своем появившемся в печати докладе [2]), к которому я и отсылаю. Я только укажу здесь еще раз, что в этом случае произошло то же самое, что с правосознанием Петражицкого, т.-е. что революция и этому понятию придала иное значение, ибо, переходя к социализму, мы действительно можем внести понятие осознанной цели в наши правовые регулирования, но чем дальше мы, по пути Госплана, шагаем в этом направлении, тем дальше мы удаляемся от права. «Лучшая политика — поменьше политики», как говорит Ленин. И нам ре-

---

[1]) См. «Правда», 29 июля 1924 г., № 170.

[2]) П. Стучка: «Классовое государство и гражданское право». Москва, 1924 г.

шительно никакой надобности нет брататься с буржуазными Дюги или Гедеманом.

Книжка тов. Гойхбарга содержит очень много не новых, но хороших мыслей, много интересного материала, в свойственном тов. Гойхбаргу блестящем изложении. Но он портит все это своим на словах «новым», а на деле старым, отжившим подходом. Надо надеяться не только, что для разработки этого подхода не найдется ожидаемого преемника, но что и сам тов. Гойхбарг от него отвернется окончательно. Всегда лучшим средством бороться против всякого уклона, это — довести его логические выводы до конца. Тов. Гойхбарг пытался в последней книжке собрать высказанные им мысли в единую, если и не стройную систему. Тут необходимо было дать отпор, ибо в особенности гражданское право представляет область, в которой мы в советском праве ныне делаем лишь первые шаги. Мы делаем их с боями: против буржуазных взглядов и порядков, против традиций, даже между собою, но мы их делаем для всех заметно. И первое, что мы должны сделать, это — отмежеваться от буржуазных взглядов, в особенности в «левом», т.-е. социалистическом издании «юристов-социалистов», от Менгера до Реннера.

Мы берем для примера отдельные институты. Так, семья теперь в новом проекте семейного права получает совсем новые очертания. Право собственности действительно модифицируется. Особенно крутой перелом в куплю-продажу вносит институт регулирования цен в общегосударственных размерах. Ну, что же, говорят нам, такие попытки знала уже и французская революция. Тов. Гойхбарг к этому прибавляет еще и последние годы, но, не знаю, по описке ли или сознательно, он пишет «после войны 1914—18 гг.». Как раз это было во время войны, но эта война диктовала чрезвычайные меры и буржуазной Германии, и нам («военный коммунизм»). Теперь у нас идет речь о мероприятиях мирного времени.

Тов. Гойхбарг говорит (стр. 8 и 9) о «том, что мы называем советским правом». Значит, только «так называемое советское право». Повидимому, Гойхбарг ударение кладет на слово «право», с которым он не может справиться, ибо он сам и является тем коммунистом, для которого это право имеет значение лишь как идея права, «некое из века и навеки существующее право». Правда, он, наконец, для права нашел формулировку, «какую она пока еще должна сохранить»: «значение правильной нормы, целесообразного правила, правила достигающего той цели, для какой оно установлено». Какое убожество! Смесь штаммлеровщины (о правильном праве) с нормативизмом (Кельзеном и К°) и т. д. Казалось, что всякий, кто издает правила, считает их целесообразными. Но чтобы они сделались правом, они должны еще «достигать установленной цели». Значит, лишь результат превращает правило в право. И чье правило? Чью цель? Или, может быть, и тут идет речь о какой-то скрытой имманентной цели? Т.-е. о той же «идее права»? Нет, лишь право, как «форма организации общественных отношений» со значком «интереса определенного класса», нас освобождает от вечного понятия права и дает нам правильный и новый, ибо революционно-диалектический, подход. Во всей книжке тов. Гойхбарга о праве не найдете слов «класс» и «классовая борьба». Диалектический подход ему чужд. Это его основной недостаток. Без этого все интересно написанные страницы с интересными фактами теряют для нас всякий интерес. А тов. Гойхбарг нам обещал нечто совсем иное, гораздо более значительное.

(Сборник «Революция права» 1925 г.).

V. СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА НА БАЗЕ НЕП'А.

1. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И СОВЕТСКОЕ ПРАВО

«Съезд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии». «Налицо экономическое наступление пролетариата на базе новой экономической политики, и продвижение экономики СССР в сторону социализма.

[Резолюция XIV Съезда ВКП(б)].

XIV Съезд партии означает новую эпоху в истории не только нашей партии, но и всей коммунистической революции. Резолюция съезда, провозглашающая для сведения и руководства всем колеблющимся как в партии, так и вне ее рядов, что мы ныне уже, на базе новой экономической политики, смело идем вперед по пути социализма, должна особенно благоприятно отозваться на оздоровлении нашей юридической мысли и мысли наших государствоведов. Это большая победа и для Секции Права и Государства, которая с первого дня ее существования взяла направление именно на «революцию права», на социалистический переворот в так называемой юридической мысли. Поэтому мы это название и дали первой книжке нашего непериодического сборника.

Я в своем докладе, прочитанном еще 10 мая 1925 года (см. «Вестник Ком. академии», кн. 13), сказал: «На деле изменилось то, что нанимаются на работу рабочие на фабриках, исключительно принадлежащих классу трудящихся в целом, что товары являются продуктом этого коллективного труда, и обмен производится этим продуктом. Количество в данном случае не превращается ли в новое качество, может быть, непонятное сразу постороннему, но властвующее над умами самих творцов этих богатств, трудящегося народа, на основах права трудящегося же народа». «Но, прибавил я тогда с некоторою досадою, не прониклись этим сознанием еще наши „классовые идеологи“». Наши поэты пока заметили и отметили лишь шум и ритм фабрики и соответственную им внешнюю дисциплину, а не перелом психологии масс... Наши юристы повторяют пока позаимствованные старые абстрактные формулы, не находя еще новых форм».

Но было бы даже странно, если бы не было так. Ведь, юристы старого времени, это — идеологи буржуазии par excellence (в первую голову). Их идейный багаж заключается в вольном или невольном перенесении к нам того юридического мировоззрения, которое Энгельс когда-то назвал «классическим мировоззрением буржуазии вообще». Поэтому все те уклоны, которые составляли основу последней партийной «дискуссии», как раз в юриспруденции, в правовой области, получают особо яркое освещение.

Резолюция XIV съезда должна служить исходною точкою для разработки на новых началах самых различных вопросов нашей правовой жизни. Сегодня я ограничусь на скорую руку лишь отдельными мыслями без всякой системы, особенно останавливаясь на методологической стороне этого вопроса. Часто эти мысли должны были бы показаться азбучными истинами. Но что же поделаешь, если на девятый год революции в правовой области, в области «юридической мысли» даже начало этой революции как будто еще впереди? Эти мысли надо подробнее развить, применяя их к практической жизни, и т. д. Сейчас я еще не в состоянии дать вполне законченной концепции, цельной работы.

I

Одной из основных точек расхождения на съезде был вопрос о «названии» (как утверждала оппозиция) наших советско-государственных предприятий: государственно-капиталистическими или предприятиями, говоря словами Ленина, последовательно-социалистического типа. Под этим спором о «названиях» в действительности скрывается столкновение двух диаметральных противоположностей, затушевывание которых сводится к попытке сближения двух противоположных полюсов.

Я обращаюсь к юридической области и нахожу там совершенно аналогичное затушевание существования этих двух полюсов. Ведь в буржуазном государстве, как мы видим в классической политической экономии, «богатством нации» (нация здесь отождествляется с государством класса капиталистов) называется не только государственное имущество, но и вся частная собственность имущих классов вообще. Для класса капиталистов в целом неважно, находятся ли эти средства производства в руках отдельного капиталиста или в руках, говоря словами Энгельса, «gesammt-kapitalist'a», коллективного, совокупного капиталиста (государства), но предпочитается, конечно, частная собственность отдельных лиц. Весь «мир разделен». Господствует правовой принцип. «Первый владелец становится собственником ничьей вещи, потому что предполагают, что каждая вещь должна состоять в чьей-либо частной собственности, и не замечают никого, кто имел бы на присвоенные вещи более оснований, чем владелец» (Мэн). Провладело лицо вещью известное время, оно приобрело ее по давности, а владелец вещи всегда предполагается собственником, пока не будет доказано противоположное. Даже государство своею собственностью владеет на правах частной собственности, превращаясь для этого в целом или в лице отдельных учреждений в созданную нарочно фикцию — юридическое лицо, субъекта «частного» права. Что отваливается от собственности государства, то попадает в руки того же класса капиталистов. Это не убыль для класса. Напр., по плану Дауэса германские жел. дороги превращаются из государственной собственности в собственность акционерного общества, финансового капитала и т. д.

Не то в советском государстве. Одною из основных статей Конституции РСФСР 1925 г. является ст. 15, которая гласит: «Вся земля, леса, недра, воды, а равно фабрики и заводы, железнодорожный, водный и воздушный транспорт и средства связи составляют собственность рабоче-крестьянского государства». Обмен — в руках того же государства: монополия внешней торговли, фактически в известной мере и внутренней торговли. Все предполагается государственною собственностью, пока не доказано противоположное, а самое доказательство этого противоположного допустимо лишь в ограниченных пределах, установленных Гражданским Кодексом. Все, что перестает быть государственной собственностью и попадает в частные руки, тем самым отходит к противоположному полюсу, в мир капита-

листический, либо увеличивая собственность имеющихся налицо капиталистов, либо создавая новых. Это прямой ущерб для класса трудящихся, за исключением лишь случаев, когда это имущество не было использовано производительно, и такая убыль государственной собственности, следовательно, не противоречит общим основам нашей политики, ибо косвенным путем обеспечивает интересы нашего социалистического строительства.

Два противоположных полюса, два непримиримых взгляда, два мира, два общества, два мировоззрения.

Тенденция первого общества: экспроприация массы мелких собственников, переход продукта трудящихся в руки небольшой, да еще относительно все уменьшающейся горстки капиталистов (или их государства); одновременно, однако, усиление противоположного полюса, пролетариата. Лишающийся собственности «имущий» переходит в ряды «неимущих», является потенциальным пролетарием.

Тенденция второго общества: борьба за социалистическую собственность рабочего государства (исключение делается для средств производства, находящихся в руках самих трудящихся, крестьян, кустарей, ремесленников — коллективно или отдельно); всякий прирост ее при одновременном условии производительности труда — приближение к победе, всякая утрата ее — удаление от этой победы. Борьба идет за увеличение пропорции государственной собственности по сравнению с частной. Всякое лицо, лишающееся частной собственности в пользу государства трудящихся, может само превратиться в трудящегося, т. е. оно не отталкивается абсолютно, как в первом случае, но, напротив, может быть вовлечено в ряды трудящихся.

Повторите-ка после этого, что спор о госкапитализме или о социалистическом типе наших госпредприятий на правовом языке является лишь спором о названиях. Серьезное значение этого спора, может быть, нигде не проявляется так ярко, как именно здесь, в области правовой, и требует особенно устроенных очков буржуазного правоведа, чтобы сделать незаметным для глаза эти кричащие противоположности. А эти очки заключаются в абстрактных правовых формулах буржуазного права.

II

Спрашивается: как лучше всего подвергнуть революционно-диалектическому анализу антагонизм, противоположность этих двух полюсов в правовой области, права в борьбе за капитализм и права в борьбе за социализм?

Ленин в своих работах любил проводить параллель между революцией буржуазной и революцией пролетарской, между победою капитализма над феодализмом и победою социализма над капитализмом. Это составляет часть его революционно-диалектического метода. Вспомните, как ярко он описывает «гигантскую революцию, которую производит в земледелии капитализм», как «капитал подчиняет себе и преобразует по-своему все эти различные формы землевладения... Процесс роста и победы капитализма во всех этих случаях однороден, но не одинаков по форме» (IX, II и 234) и т. д. А вслед затем он делает из этого выводы для борьбы социализма с капитализмом. Для него «нет никакого сомнения, что (и) переход от капитализма к социализму мыслим в различных формах». «На ближайшие годы надо уметь думать о посредствующих звеньях, способных облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму" (XVIII, I, 151 и 221). А «минимальный срок, в течение которого можно было бы так наладить крупную (социалистическую. *П. Ст.*) промышленность, чтобы она создала фонд для подчинения себе сельского хозяй-

ства, исчисляется в десять лет и т. д.» (XVIII, I, 156). Вы видите полнейший параллелизм.

Еще рельефнее он проводит это сопоставление двух революций в вопросе о диктатуре: «История нас учит, что еще никогда угнетенный класс не получал и не мог получить власти без предшествовавшего периода диктатуры, т.-е. без завоевания политической власти и насильственного прекращения самого отчаянного, дикого, не отступающего ни перед каким преступлением сопротивления, которое всегда оказывают эксплоататоры. Сама буржуазия, власть которой теперь защищается социалистами, высказывающимися против «диктатуры вообще», и душою и телом стоящими за «демократию вообще», получила свою власть в цивилизованных странах благодаря целому ряду восстаний, гражданских войн, насильственному свержению королевской власти, феодальных рабовладельцев и подавлению попыток реставрации» (XVI, 37).

Но при всем сходстве есть и крайняя разница между этими двумя диктатурами: «Диктатура пролетариата подобна диктатуре других классов в том отношении, что она, как и всякая другая диктатура, вызвана необходимостью подавить силою сопротивление того класса, который теряет свою политическую власть. Основное отличие между диктатурой пролетариата и диктатурою других классов — диктатурой крупных землевладельцев в средние века, диктатурой буржуазии во всех цивилизованных капиталистических странах — состоит в том, что диктатура крупных землевладельцев и буржуазии представляла собою насильственное подавление сопротивления большинства населения, а именно, трудящихся масс, между тем как в противоположность этому диктатура пролетариата есть насильственное подавление сопротивления эксплоататоров, т.-е. явного меньшинства населения — крупных помещиков и капиталистов» (XVI, 143).

Невольно тут напрашивается перефразировка известного изречения о двух лицах, делающих одно и то же, которым буржуазные юристы злоупотребляют в борьбе против пролетариата. Тогда получается: «Если два класса делают одно и то же, это не есть одно и то же». Особенно верно это, если оба класса являются полярными противоположностями, как капиталисты и пролетарии.

Этот метод Ленина нам может оказать особые услуги в нашем современном противоречии в правовой области, выражающемся в словах: вчера — «пролетарский суд и буржуазное право», а сегодня — «социалистическое хозяйство и гражданское, или частное (буржуазное тоже) право». Ведь по существу наш Г. К. не что иное, как те же формулы буржуазного гражданского права, повторяющие в общем формулы римского права, созданные около двух тысяч лет тому назад. Это — право наиболее чистого типа общества, состоящего из свободных товаро-производителей. Но они перешли в буржуазное общество эры капитализма почти без изменения, и австрийский с. д. Карнер (Реннер), разбирая их с точки зрения их «социальных функций», когда-то невольно восклицал: «Как? Нормы остались без изменения, но правовые функции институтов изменялись до неузнаваемости»! Это те же нормы, которые не только пережили разные фазы капитализма, но от которых т. н. юридические социалисты ждали и еще ждут даже мирного превращения капиталистического общества в социалистическое — без советской власти. Оказывается, их позаимствовал и период «новой экономической политики» при советской власти. Однако при всем сходстве этих абстрактных формул законов мы должны и здесь обнаружить те же противоположности, и тут-то нам должно помочь противопоставление периодов буржуазной и пролетарской революций.

Этот метод нам должен помочь верно построить право, которое я — в известную противоположность буржуазному праву — предлагаю назвать советским правом, но советским правом[1]) не по одному названию, но и по существу.

III

Но раньше чем перейти к этому анализу, нам необходимо остановиться еще на одном противопоставлении: буржуазной (или просто) законности и революционной законности.

Одним из наиболее популярных лозунгов за последнее время у нас является лозунг революционной законности, — лозунг, выдвинутый в свое время Лениным, как лозунг неизбежный с переходом к новой экономической политике. Ленину важнейшие свои лозунги не раз приходилось впервые провозглашать в случайных записках, речах и т. п., так сказать, между строк. В данном вопросе это было в письме, которое он написал, не имея возможности по болезни лично явиться на комм. фракцию ВЦИК, чтобы отстоять необходимость централизованной прокуратуры. Так, прокурорский надзор, вопрос о наблюдении и о проведении в жизнь единого закона, по настоянию Ленина, был выдвинут на первое место, немного оттесняя на задний план вопрос о самом законе. Правда, слова о калужской и о казанской законностях очень метко отвечают и на тенденцию, если можно так выразиться, «автономизации», или даже «муниципализации» закона, но эта сторона вопроса пока остается неподчеркнутой. У нас успехи революционной законности пока как бы измеряются количественным составом прокуратуры. Конечно, и тут количество может перейти в качество, но сегодня меня интересует не эта сторона вопроса.

Когда меня летом прошлого года из «Бедноты» просили написать пару сот строчек для этой газеты о «революционной законности в деревне», я задумался. О чем писать? Об исполнителях закона, т. е. о законниках, или о самом законе? Я знаю, что раньше существовала у крестьянина поговорка: «бойся не закона, бойся законника». Не перепугается ли средний крестьянин, если мы ему разъясним, что намерены мы делать по части надзора за точным исполнением закона в деревне? Какого закона? Не закона ли периода военного коммунизма? Дошли ли до сознания крестьянина уже законы 1922 г.? Я тогда писал («Беднота», № 2141, 1925 г.): «Он (крестьянин) спросит: что даст мне этот ваш (он еще не свыкся со словом наш) закон? И он прибавит, если он будет определенно «бедняк» или определенно «богатый»: как может один и тот же закон удовлетворить нас обоих? Или вы и ваш закон отвернулись от бедняка, — чего тогда ждать бедняку, или вы остаетесь верными бедняку, — чего тогда ждать крестьянину-богачу? Что в самом деле наш закон дает одному и другому? Что в самом деле вносит новая наша политика?»

Как известно, Великая французская революция страдала детскою болезнью буржуазной революции, чрезмерной верой в закон, в законность, как абстрактные понятия[2]). Даже такой решительный революционер, как Робеспьер, по словам Олара поколебался под влиянием этой веры в законность: «Робеспьер, гильотированный как террорист, никогда не хотел сделать насилие ни системой, ни даже режимом. Это был, как почти все эти революционеры, юрист. 9 термидора Робеспьеру подали перо, чтобы он подписал призыв к восстанию. Он написал две первые буквы своего имени,

---

[1]) У нас любят выражаться: «Я понимаю это слово в советском смысле». Это выражение — не выше высмеянной Диккенсом привычки членов Пиквикского клуба (из его романа) говорить, что они понимают то или иное слово лишь в «Пиквикском смысле».

[2]) См. статью «Закон» в «Энциклопедии гос. и пр.», 2 вып.

но затем перо выпало из его рук. Он предпочел смерть восстанию против общей воли, выразителем которой являлся объявивший его вне закона Конвент» (Олар. «Теория насилия и французская революция»). Я не ручаюсь за точность факта; мне он кажется невероятным, но он чрезвычайно характерен.

Разрыв формы и материи (содержания), этот дуализм, свойственный буржуазному обществу, особенно ярко проявляется в преклонении буржуазии пред «буквою закона». Закон не только имеет своим источником разум, «закон, это — сам разум». Оттуда и понятие буржуазной, формально-демократической, на деле классовой законности.

Но это преклонение в буржуазном обществе и государстве имеет силу только для буржуазии, а не для пролетариата, как это блестяще показал еще Энгельс («Раб. кл. в Англии», 1856): «Закон свят для буржуа, потому что он — его собственное издание, издан с его согласия, для его пользы — защиты. Буржуа знает, что если бы отдельный закон и наносил ему ущерб, то все издание законов ограждает его интересы. Но с рабочим дело обстоит совершенно иначе. Рабочий слишком хорошо знает, слишком хорошо изведал, что закон это — жезл, который буржуа приготовил для него, и, не будучи вынужден к тому, не апеллирует к закону. Рабочие не уважают закона, а только подчиняются его силе». Такова законность буржуазная, или «законность вообще».

Другое дело после победы пролетариата. Для нас, рассматривающих все общественные отношения и вообще явления с точки зрения классового интереса, классовой борьбы, абстрактная формула закона и законности неприемлема. Для нас и норма закона — нечто конкретное, соответствующее ее классовому содержанию. Для нас содержание по отношению к форме стоит на первом месте, мы исходим всегда от самих общественных отношений. Мы не смотрим на закон, как на абстрактную формулу, как на «дышло, куда повернули — туда и вышло», как это очень метко выразил здравый ум автора поговорки. Правда, поговорка имела в виду произвол личный по отношению к закону, и, конечно, разница большая, если это дышло направляет последовательно один или другой класс. Мы определенно стоим именно на точке зрения классового исполнения закона: классового суда, классовой администрации. Но и мы за строгую организованность, последовательность, против личного произвола. Так мы понимаем революционную законность.

Для нас ясна глубокая разница между законностью буржуазною или законностью эпохи военного коммунизма, т. е. периода, когда декреты, говоря словами Ленина, лишь «служили формою пропаганды»: «вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте».

«Но эта полоса прошла». Наступил период революционной законности нэпа. «Перед нами сейчас задача развития гражданского оборота, согласно нашей новой экономической политике, а это требует большей революционной законности. Понятно, что в обстановке наступления, если бы мы тогда эту задачу поставили во главу, мы были бы педантами, мы играли бы в революцию, но ее не делали бы» (Ленин, 23/XII 1921 г.; XVIII, I, 415).

Значит, суть революционной законности заключается в революционном законе, а не только в революционном проведении «закона вообще».

Что представляет на деле наш новый закон, или, вернее, свод законов, сборник кодексов, наша новая законность эпохи нэпа? Это определение и конкретные рамки действия, известное самоограничение со стороны власти пролетариата, известное расширение сферы капиталистических, буржуазных отношений. Установление известного порядка «надолго и всерьез», хотя и отнюдь «не навсегда». Но мы должны

особенно после XIV съезда твердо помнить, что и закон эпохи нэпа является законом революционным.

Мы здесь остановимся лишь на одной группе кодексов, соответствующих тому, что в буржуазном мире охватывается общим термином «гражданское право» и представляет собой в некотором роде буквально буржуазное право. У нас это право расчислено по целому ряду кодексов: Г. К., Зем. код., Код. зак. о труде, Код. о семье и т. д. Его общее название и будет советское право, в узком смысле слова.

IV

По существу абстрактные формулы буржуазного гражданского кодекса дают лишь отличительные признаки одного института права от другого: купли от займа или ссуды; найма имущества от найма рабочего, арендной платы от процента, собственности от пользования или пользования от владения и т. д. Последнее издание буржуазных школ юристов, нормативисты (Кельсен и др.) так и объявляют все попытки вносить в эти правовые формулы что-либо экономическое, социальное просто метаюридическими т. е. вне сферы права лежащими, как метафизика находится вне сферы естественных явлений («физики»).

Эти нормы сами по себе ничего не нормируют, они противницы всякой конкретной нормы, они представляют лишь нормы в идее. Такая «пустая» норма действительно является дышлом, которое можно повернуть куда угодно. На деле и эти нормы буржуазного общества, конечно, не так уж абстрактны; они минимум нормализации все-таки вводят, но представляют в общем это наполнение «нормы» содержанием властям, применяющим законность.

По существу гражданский кодекс, это — право, регулирующее оборот буржуазного общества, это его commérce juridique, как говорят французы, при чем слово «commérce» означает именно в широком смысле оборот, а не только торговлю. В буржуазном обществе этот оборот, общественный обмен веществ, выражается не в форме договора мены, но в форме одной лишь части процесса обмена (Т—Д—Т), а именно купли (Д—Т) или продажи (Т—Д). У современного буржуазного юриста эта форма купля-продажа настолько берет верх над первоначальною, т. е. обменом продукта на продукт, что у него твердо установилось правило: «Мена является, таким образом, слиянием двух актов купли-продажи с выпадением промежуточного звена — уплаты денег (см. Гойхбарг, «Хоз. пр. РСФСР», 154). Экономист показывает как раз обратное: как мена превращается в куплю-продажу с введением посредствующего элемента — денег. («Капитал», I).

В римском праве и во всех следующих за ним гражданских кодексах вся эта область гражданского оборота охватывается под общим названием обязательственное (облигационное) право, противопоставляя обязательственное право вещному праву, как праву особой категории (в действительности, пережитку иного периода, иного класса). Впервые французская революция вносит новое понимание самого Гр. Кодекса соответственно требованиям капитализма; во французском кодексе преобладает принцип права частной собственности, этот вытекающий из отношений капиталистической системы эксплоатации руководящий принцип всей французской революции. Если вся революция и ее государственное строительство имеют целью создание и обеспечение неприкосновенности права частной собственности, как непременного условия свободной эксплоатации; если, по меткому определению реакционера Linguet, прославляемый Монтескье дух законов — «это просто собственность», то соответственно тому во французском революционном праве и все институты гражд. права сводятся к этому самому праву собственности (обуржуазившееся вещное право) или к спо-

собам приобретения этого права собственности (обязательственное право), включая даже институт наследственного права в способы приобретения частной собственности. Так формальная буржуазная юриспруденция как будто перевернула, «поставила на голову» всю систему общественных отношений, превращая институты права из средств (договора обмена) в цель (формальное приобретение собственности), даже самоцель.

Мы, конечно, свой кодекс не могли строить по французскому типу, ибо мы идем на отмену, или, по крайней мере, на сужение права частной собственности. А если мы после военного коммунизма и отступили, то лишь в целях дальнейшего наступления. Правда, наш кодекс в виду краткости срока его изготовления пришлось почти целиком и дословно списать с лучших образцов гражданского права Запада; задаваться целью создать что-либо оригинальное мы не могли, ибо мы тогда в гражданско-правовой области не могли в точности определить ни пределов окончательного отступления, ни дать новых форм строительства. Мы взяли в общем те же абстрактные статьи римского права, которые просуществовали уже 2.000 лет, с сокращением их лишь количественно, в чем я не усматриваю улучшения их.

Имело ли это заимствование вообще смысл? Безусловно. Мы должны были, с одной стороны, дать свободу частной инициативе, создающей новые капиталистические отношения, предоставляя доступ к нам даже капиталистам-концессионерам; но, с другой стороны, нам важно было, чтобы и наши государственные и прочие коллективные предприятия развивались в одинаковых правовых условиях уже для того, чтобы учесть жизнеспособность их при капиталистической конкуренции. Этим объясняется, например, тенденция первого времени все дела между госорганами и госпредприятиями, обсуждающиеся по Г. К., подчинить общим судебным учреждениям (борьба против ВАК и АК).

Теперь обстоятельства уже несколько изменились. У нас уже накопился известный опыт. Не только Ленин сам еще задолго до кончины объявил отступление законченным; не только Ленин сам уже пришел к заключению, что т. н. новая экономическая политика есть необходимая стадия всякой пролетарской революции вообще, ныне по резолюции XIV съезда у нас «налицо экономическое наступление на базе именно новой экономической политики», и на этой базе происходит «продвижение экономики СССР в сторону социализма». Теперь мы должны уже начать подытожение нашего опыта и в правовой области и намечать новые линии и для настоящего советского права, напр., нашего нового Гражданского кодекса, тем более, что назначенные еще при Ленине два года для выработки нового кодекса уже прошли.

Это отнюдь не означает наступления в смысле отмены нашего Гр. кодекса. Это означает лишь новое распределение, перегруппировку материала Г. К., уточнение его и внесение в него тех изменений, которых потребовала сама жизнь, растущий оборот. Если количество вообще может перейти в качество, то это правило, примененное к юридической области, выражается в переходе содержания в новую форму. В области правоотношений между госорганами и предприятиями в этом отношении кое-какие шаги заметны, напр., в практике ВАК, но это далеко не все. Земельный кодекс сопротивляется проникновению на его территорию отношений Г. К., но не всегда с успехом, отчасти, пожалуй, вследствие недоговоренности земельного кодекса. Получается известная правовая неустойчивость, неуверенность в своем праве, которая вредно отзывается на гражданском обороте, где в интересах нашей же политики необходимы «уверенность» и «обеспечение» (sûreté). Осуществимы они в форме советского права.

V

Французская революция ввела гражданский кодекс, состоящий из массы отдельных абстрактных формул для простейших материальных отношений людей, еле-еле объединенных по отделам институтов, как типичных отношений. Гражданский кодекс не дает ни схемы, ни формулы объединения, организации этих отношений в единую систему. Это объединение относится к экономике, к «области частных дел», «Privatsache». На деле, конечно, при всей анархии капиталистического хозяйства такая схема образовалась, но она создалась не сознательно, не планомерно, но стихийно, и только истолкователи ее, «экономисты», так сказать, «звездочеты» буржуазного общества учитывают количественно эти факты и гадают об их будущем.

По существу это является правом, регулирующим обмен, как я уже сказал, обязательственным правом. И наиболее для буржуазного общества подходящим тут является швейцарский законодатель, который это право выделяет в особый кодекс обязательственного права, включая туда и вексель и торговое право, тогда как швейцарское гражданское право существует особо и говорит лишь о лице, о семье, о вещном праве и в противоположность французскому кодексу — о наследстве. Но обязательственное право и в Швейцарии охватывает не только обмен товаров, но и переход права собственности вообще (и на средства производства, на недвижимость и т. п.).

Обязательственное право — это по существу «нормы» без всяких норм. Настоящие нормы даются экономикою: в обществе простых товаропроизводителей — по трудовой ценности их (эквиваленту); в развитом капиталистическом обществе — по прейскурантам королей производства или монополистов торговли на основании особого учета средней прибыли, средних цен монопольного положения. «Каждый отдельный капиталист точно так же, как и совокупность капиталистов каждой отдельной сферы производства, участвует в эксплоатации всего рабочего класса всем капиталом и в степени этой эксплоатации и участвует не только в силу общей классовой симпатии, но и непосредственно экономически»... («Капитал», III, I, стр. 176). Так создается в процессе конкуренции капиталов понятие средней нормы прибыли. В отношениях капиталиста и рабочего, напротив, вводится иллюзия свободного договора, «иллюзия ассоциации, участники которой — капиталист и рабочий — распределяют между собой продукт пропорционально различным образующим его (продукт) факторам» («Капитал», I, 535). Лишь в процессе классовой борьбы и там достигается известная норма: напр., 10, 9 или 8-часовой рабочий день и т. п.

Но на деле «распределение средств производства предопределяет и разделение продукта», как учит Маркс, который («Капитал», I, 693) не только говорит «о перевороте в отношениях собственности, из которых, как из своей основы, исходило изменение способа производства», но который и само понятие справедливости выводит из производства: «Юридические формы, в которых эти экономические трансакции проявляются как волевые действия участников, как выражения их общей воли и по отношению к отдельной стороне, как пользующиеся принудительной силою государства договоры, сами как пустые формы не могут определить их содержания. Они только его выражают. Это содержание справедливо, если оно соответствует способу производства. Оно несправедливо, если оно ему противоречит» («Капитал», III, I, 324).

Разве широким массам, когда они уже пробуждаются, можно откровенно сказать: закон лишь в интересах господствующего класса, справедливость равна интересам этого класса. Откровенность возможна была еще

в самый разгар революции. Французский Кодекс это сделал, выдвигая откровенно руководящее начало: интересы частной собственности и его обеспеченности. Но этого не на долго хватало. Нельзя же было с растущей дифференциацией классов меньшинству народа откровенно провозглашать принцип: грабить по закону. И вот снова появляются новые искусственные принципы, идеи права: «солидарность», «идея любви между людьми» (Петражицкий, Штаммлер[1]) и т. д. и т. д.

При всей нашей откровенности затруднения лежали и перед нами. Переходя к новой экономической политике, нам пришлось решить чрезвычайно трудный вопрос о соединении свободы конкуренции с монополиею пролетарского государства, о некотором сожительстве, свободной конкуренции социализма и капитализма в интересах инициативы производительности труда, вообще развития производительных сил каким бы то ни было способом.

Даже границ отступления мы сразу определить не могли. «Где границы отступления?» — спрашивали тогда Ленина, а он ответил. «Этот вопрос есть выражение известного настроения уныния и упадка и совершенно ни на чем не основан... только дальнейшее проведение в жизнь нашего поворота может дать материал для ответа на него. Отступать будем до тех пор, пока не научимся, не приготовимся перейти в прочное наступление» (4/XI 1921 г., XVIII, I, 376). Правда, когда издавался Г. К., отступление уже было объявлено законченным. «Отступление кончено»... Но «отступление кончилось, дело теперь в перегруппировке сил» (6 марта 1922 г., XVIII, 2, 37). А до изложения этой перегруппировки в форме законов еще было далеко.

Мы пережили последовательно целый ряд этапов. Мы начали с основных начал от 22 мая 1922 г., «изданных в целях установления точных взаимоотношений государственных органов с объединениями и частными лицами, которые принимают участие в развитии производительных сил страны, а также взаимоотношений частных лиц и их объединений между собою, и в целях предоставления вытекающих отсюда правовых гарантий» и т. д. Мы еще не определили границ отступления, ибо провозгласили «право заключения всякого рода незапрещенных договоров». Одновременно поручили выработать Гражданский Кодекс.

Второй этап — издание Г. К. Приняв принципы лучших гражданских кодексов Запада, наш Г. К. выдвинул в ст. 1 и 4 как общий принцип «социально-хозяйственное назначение гражданского права», а это назначение усматривается в том же «развитии производительных сил страны», как и основные начала 22 мая. Чего-либо конкретного, идущего дальше общего направления, этот принцип не дает. Этот принцип ведь может быть общим и праву класса капиталистов и праву пролетарской диктатуры, и даже классовое толкование его в том и другом случае может совпадать. Он и является «компромиссным принципом». На нем сходятся или, по крайней мере, могут сойтись в концессионных договорах на срок (конечно «не навсегда») технически прогрессивный капиталист и советская власть. В нем сами по себе даже не проявляются противоречия ориентации на социализм и уклона к госкапитализму.

Третий этап — издание Г. П. К. Редактируя Г. П. К., мы в статьях 4 и 237 этого кодекса — правда, лишь за недостатком законов — предложили «руководствоваться общими началами советского законодательства и общей политикой раб.-крест. правительства». Мы знаем, как часто и неудачно стали применять у нас не только ст. 1 и 4 Г. К., но и 4 ст. Г. П. К., особенно вдали от центра, где меньше всего можно было определить эту общую политику.

[1]) Не перенесение ли «либидо» Фрейда в правовую область?

Теперь наступил четвертый этап. XIV съезд в своих резолюциях дает не только общее направление политики р.-к. правительства: «Экономическое наступление на базе новой экономической политики... в сторону социализма», — он дал и весьма ценные указания этой политики в подробностях. Их остается разработать и в достаточно ясной норме «изложить в параграфах» советского права.

. . . .

VI

«У дверей в буржуазную спальню остановились как Великая французская, так и Октябрьская революция» — так иронизируют над браком радикальные мещане. На деле это не так страшно, даже и по отношению к французской революции. Правда, моногамный брак, единобрачие сохранились там и здесь: в первом случае на веки-веков, во втором, по крайней мере, на переходное время; в первом — как законный, во втором — как типичный брак, но, как еще Энгельс доказал, это является результатом векового развития. Конечно, французская революция в этом вопросе была гораздо менее решительна, чем наша Октябрьская, но это объясняется прямо противоположными целями первой и второй. И поэтому, если в первой 9-е Термидора 1794 и следующие годы смели все завоевания революции в этой области, то для нашей революции этих опасений нет, хотя и мы не совсем свободны от попыток наступления черных сил «Термидора».

Как французская, так и российская революция имели пред собою брак — таинство, — семью патриархально-крепостнического периода. Французская революция наступала на этот брак сравнительно медленно и не сразу решительно. Отделение церкви от государства и не возбуждалось, почему даже вопрос об обязательной гражданской регистрации актов состояния встал поздно и лишь 20 сентября 1792 г. вышел декрет о светских актах гражданского состояния, в том числе и брака. Всякие законные препятствия к вступлению в брак были крайне многочисленны во Франции. Лишь медленно одно за другим падают за 4 года революции эти препятствия, 12 августа 1793 г. разрешается свободный брак и членам духовенства, брак превращается в обыкновенный договор, при чем этот договор сближается с договором гражданского права (см. дополнение его прямо гражданским брачным договором об имуществе). Развод по одностороннему желанию был принят лишь Конвентом в 1793 г., но проведение этого декрета было отложено до введения в жизнь Г. К., так что даже опубликован этот декрет не был. Уравнение внебрачных детей с так называемыми законными детьми шло еще медленнее; проект 9 августа 1793 г. вносит это уравнение, но не без исключений: если отец не признавал отцовства, обратного в суде доказывать нельзя было, это было даже ухудшением положения женщины и детей, внесенным революцией. Дети от прелюбодеяния или кровосмешения и впредь остаются в позорной роли «бастарда». Что, наконец, касается женщины в семье, то она попрежнему остается под властью мужа. Неужели одна традиция была так сильна, что и революционный Конвент с нею не справился? Не отрицая значения традиции мы все-таки должны притти к заключению, что только тесная связь семьи с правом частной собственности делает традицию брака такой всемогущею. Основной хозяйственный субъект, простейшая ячейка собственности, это — семья и притом моногамная семья.

Контрреволюция смела все эти завоевания революции и в «Кодексе Наполеона» восстановила брак в чисто дореволюционном виде; единственное «завоевание революции», это — впервые введенное революцией запрещение отыскивать отцовство.

Наша буржуазная революция 1917 г. семьи и брака не коснулась. Зато Октябрьская революция в несколько недель сделала больше чем Великая французская революция за 4 года. Декреты от 18 и 19 декабря 1917 г. освободили брак от всяких стеснений, превращая его в совершенно свободное соглашение, объявили свободу развода по одностороннему заявлению, ввели полное уравнение всех детей: родство впредь основывается на одном происхождении. Наша революция провела все это под знаменем освобождения женщины. Борьбу против церкви мы вели в другой плоскости: путем декрета об отделении церкви от государства, конфискации церковных земель и прочего имущества, и лишения церкви права юридического лица, т. е. права владеть имуществом.

Мы провели декрет о разводе так безболезненно, как нигде, может быть и с большим сочувствием, чем где бы то ни было. Реформа так назрела, что меня, тогда НКЮ, буквально осаждали ежедневно на словах, письмами, даже телеграммами: «Когда будет опубликован декрет о разводе?» Ленин проявил громаднейший интерес к проекту, он придавал ему большое агитационное значение. И когда в 1918 г. вышла книжка т. Гойхбарга о гражданском праве, Ленин главным образом из-за помещающегося в ней отдела о разводе, потребовал немедленного перевода ее на немецкий язык и издания ее в Германии [1]). Вряд ли другим каким-либо декретом так часто пользовалась сама побежденная буржуазия, как именно новым декретом о разводе. Если тогда и были открытые нападки на декрет, то только слева за умеренность проекта. Мы шли тогда смело к коммунизму, вводили широкое социальное обеспечение, особенно детей и т. д. Базис старого брака как будто был действительно устранен навсегда. Я уже сказал, что Ленин восторженно встретил наши декреты о свободе брака и развода, и полной отмене деления детей на брачных и внебрачных. Это означает «уничтожение возможности угнетать и эксплоатировать» (Л., XVI, 364), «От неравенства женщины и мужчины по закону у нас, в Советской России, не осталось и следа. Особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено советской властью полностью» (XVIII, I, 91). Но уже тогда (1921 г.) Ленин добавил: «Это только первый шаг к освобождению женщины». Но ни одна из буржуазных, хотя бы и наиболее демократических, республик не осмелилась сделать и этого первого шага. Не осмелилась из страха пред священною частной собственностью.

Второй и главный шаг — отмена частной собственности на землю, фабрики, заводы. Этим и только этим открывается дорога для полного и действительного освождения женщины, освобождения ее от «домашнего рабства» путем перехода от мелкого одиночного домашнего хозяйства к крупному, обобществленному. Переход этот труден... Но переход этот начат, дело двинуто, на новый путь мы вступили» (там же).

Но нэп вместе с известным восстановлением и ростом у нас частной собственности вызвал и в этом вопросе два уклона, с одной стороны — радикальный, с другой стороны — реакционный. Радикалам недостаточно показалось нашей формулы для брака переходного времени. Вместо того, чтобы диалектически изучить нынешнюю форму брака в связи с оставшимися за браком социальными функциями (трудовой ячейки, ячейки примитивного, но обязательного социального обеспечения и т. д.), радикалы не прочь были декретировать отмену всякого брака, как формы. С другой стороны, заметен уклон в старину: раздавались голоса о свободе церковного брака, о восстановлении патриархальной семьи, о новом делении

[1]) Перевод был сделан экстренно и послан в Берлин, но он не вышел, ибо рукопись где-то пропала.

детей на брачных и внебрачных (без отца и, главное, без содержания), об ограничении и затруднении развода [1]) введением законных поводов к разводу или затруднением и замедлением его и т. д. и т. д. Это все не случайные возражения. В них имеется известная доля разумного основания (последовательности), поскольку они относятся к имущественным основам семьи и брака. Но как тот, так и другой уклон в своем основании означает отсутствие убеждения или хотя бы веры в то, что мы на базе нэпа идем к социализму.

Я здесь, конечно, только вкратце хочу остановиться на проблемах, какие возникают при постановке вопроса о будущем нашего брака при нашем продвижении к социализму. Карл Маркс («Капитал», I, 491) говорил: как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее промышленность, отводя женщинам-подросткам и детям обоего пола решающую роль в общественно-организованном процессе производства за пределами дома, создает новый экономический базис для более высокой формы семьи и отношений между обоими полами. «Кооператив, кооперативная столовая, соцстрах» и т. п. должны дополнить это преобразование семьи и вместе с общественным воспитанием детей уничтожить домашнее рабство женщины, о котором говорил Ленин. Это все — вопросы материальных средств. Но все, что мы пока в состоянии делать в этом направлении, сосредоточивается в ограниченных пределах самодеятельности рабочего класса (кооператив) и социального страхования за счет производства. Но все-таки путь намечается определенно.

IX

Нам остается еще вкратце рассмотреть взаимоотношения рабочего и нанимателя (договор найма) и кооперацию.

Французская революция, как мы видели, поставила себе цель — создать или, вернее, узаконить (легализовать) свободного от земли рабочего-пролетария («беднякам надо дать не землю, а работу»), одновременно создать и городскую промышленность. «Кодекс Наполеона» был очень скуп на слова в пользу и вообще по поводу рабочего. Это — дело личное («Privatsache»). Семь статей, а вернее всего две (из 2.231), этого кодекса регламентируют все вопросы труда. Свобода договора найма рабочего является основною. «Личность человека является его неотчуждаемою собственностью». Но «всякий человек может отдавать в наем свое время [2]) и свои услуги» (декларация прав III года рев). Значит кодекс буржуазной революции и тут кладет в основу право частной собственности. Продажа своей рабочей силы пожизненно — это рабство, это несправедливо [3]), недопустимо. Продажа своего времени на срок — это свобода. Покупщик его пользуется всеми гарантиями.

Лишь в результате длительной, тяжелой классовой борьбы рабочий класс отвоевал себе и кое-какие права, кое-какие нормы: свободу и право союзов, отрицаемые, напр., французской революцией, запретившей всякие союзы и коалиции; нормировку рабочего дня (10-часового и т. д.); известную правовую защиту.

---

[1]) Когда в одной сводке мнений автор такой мысли сделал приписку к своей фамилии: «юрист», у меня невольно возникла мысль: не вернее ли «бывший бракоразводный юрист»?

[2]) «Количество труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем» (Маркс—«Капитал», I, стр. 5).

[3]) «Рабство на базе капиталистического производства несправедливо" (Маркс — «Капитал» III, I, стр. 324).

И пролетарская революция сразу не отменяет отношений найма рабочих. Но она исходит из полной свободы союза рабочих, которые сами превращаются во власть; ее исходною точкою является нормировка рабочего дня 8-часовым максимумом и т. д. Здесь мы не будем останавливаться на первом Кодексе о труде, этой прекрасной декларации, но и только. Мы начнем с Кодекса законов о труде 1922 г., т.-е. эпохи нэпа. Мы там видим самую широкую свободу профсоюзов с правами, какими они не пользуются ни в одной демократии, 8-часовой рабочий день и т. д. и т. д.

Т. К. считается у нас правом высшей категории, почему в эту область нормы Г. К. доступа не имеют. Верховный суд РСФСР определенно стоит на этой точке зрения. Не будем спорить о том, как экономически определить «наем рабочего» на национализированной рабочим классом фабрике при советской власти, т.-е. на социализированной фабрике. Вопрос тут не в названии. Но если мы выше видели, как в буржуазном обществе «каждый отдельный капиталист, как и совокупность капиталистов участвуют в эксплоатации всего рабочего класса всем капиталом», то здесь мы видим, что рабочий класс в целом устанавливает те же максимумы рабочего дня, минимумы зарплаты и все прочие нормы одинакового для всех рабочих, также и для работающих в промышленных предприятиях частных капиталистов. Индивидуальный договор найма постепенно совсем исчезает, он заменяется коллективным.

Если Земельный Кодекс можно назвать современною экономическою конституцией крестьянства, то Т. К. является экономическою и социальною конституцией рабочего класса. Дальнейшее развитие последнего, конечно, возможно лишь при количественном росте социализма, иначе кодекс вновь превратился бы в одну декларацию.

X

Если мы пожелали бы провести сравнение того, что сделали французская буржуазия и наша Октябрьская революция в области кооперации, то тут у нас сопоставление оказалось бы совершенно невозможным. Великая французская революция не знала и не признавала даже в идее кооперацию. Она разбила все старые виды сотрудничества (крепостнического и цехового характера), она враждебно относилась и к новой кооперации, видя в ней только возврат к старому. Когда французские крестьяне образовали артели, чтобы сообща приобрести неделимое имение, эти коллективы были осуждены, как преступные и запрещены.

Кооперативное движение буржуазного общества является движением послереволюционным. Представляя собой вначале утопические программы освобождения рабочего класса, оно подпало на деле целиком под влияние капитализма и особенное распространение получило как раз среди крестьянства. Ленин категорически утверждает, что «при капитализме товарищества, кооперативы означают переход не к коллективизму, а капитализму». И еще в 1921 г. Ленин пишет: «Свобода и права кооперации при данных условиях России означают свободу и права капитализму» (XVIII, I, 218).

Но по мере того, как выясняется, что новая экономическая политика будет тою базою, на которой произойдет дальнейшее наступление по направлению к социализму, Ленин резко изменяет свой взгляд и приходит к окончательному выводу, что «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма» XVIII, II, 142).

Мы пошли по пути поощрения и развития кооперативного движения, как рабочего, так и особенно крестьянского, и XIV съезд подтверждает это

направление кооперативного строительства. Кооперация развивается. В одной потребительской кооперации участвуют по всему Союзу уже 10 миллионов членов (вместе с семьями 35 — 40 млн.). Центросоюз вместе с крупнейшими местными союзами уже перешел к системе заключения генеральных договоров с трестами и синдикатами целых отраслей гос. предприятий. Это означает приближение связи социалистического производства с социалистическим распределением. В советском праве кооперация представляет пока пустую страницу. Когда у нас появится первый Кодекс законов о кооперации?

. . . .

XIII

Но и советское право не вечно. И оно — вместе с государством — отмирает, как право, основанное на классовом принуждении. Как это понимать? Мы снова обращаемся к параллели между буржуазною и пролетарскою, на этот раз уже коммунистической, революцией, в которую постепенно перерастет наша социалистическая революция.

Буржуазная революция узаконила новое понимание права, как «правомочия — обязанности», «права — долга». Самый товарооборот создал эту полярную противоположность в каждом правоотношении — права и обязанности. «Этот единственный процесс (обмена) является, таким образом, двухсторонним: один его полюс составляет продажа товаровладельцем; противоположный полюс — купля владельцем денег» («Капитал», I, 78). Более резко эта противоположность проявляется в ссуде, в займе. «Отношения между кредитором и должником возникают здесь из простого товарного обращения... Однако, их противоположность уже с самого начала носит не столь невинный характер и обнаруживает способность к более прочной кристаллизации», доходя до настоящей классовой борьбы («Капитал», I, 108). В настоящую классовую борьбу договор купли-продажи превращается в договоре продажи рабочей силы, т. е. в договоре найма рабочих. После отношений господства крепостнического периода, знающих только односторонний долг, повинность, обязанность, отношения правомочия — правообязанности являются новым типом отношений. И если в феодальный период главною порукою соблюдения феодального права был кулак феодала, то в буржуазном обществе эта роль обеспечения принадлежит классовому государству.

«Буржуазное право по отношению к распределению продуктов потребления предполагает, конечно, неизбежно и буржуазное государство, ибо право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права» (Ленин, XIV, II, 377).

Какие изменения вносит победа пролетарской революции? Для каждого, кто признает одним из основных элементов права элемент классового государственного принуждения, явствует, какое значение должно иметь в правовой области то обстоятельство, что отношения не только на соц. фабриках в области производства, но даже в области обмена, поскольку таковой находится в руках рабоче-крестьянского правительства, происходят, если рассмотреть все эти отношения в их совокупности, внутри того же класса трудящихся. Два противоположные полюса — правомочие и обязанность — перестают быть противоположностями. Рабочий класс в целом находится на наемном труде не у класса капиталистов, а у класса рабочих же, так сказать — сам у себя. Отмирает противопоставление понятий права и обязанности. «Количество переходит в качество»; по мере того, как эти отношения делаются всеобщими, универсальными, они производят переворот и в голове, в старой идеологии, полученной в наследство из буржуазного мира. XIV съезд так и ставит задачу: пропаганда этого переворота в умах.

Ленин в «Государстве и Революции» эту мысль проводит по отношению к буржуазной демократии, когда она заменяется пролетарскою демократией, советами. «Здесь количество переходит в качество: такая степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства».

Ясно, что подобный перелом не замечается сразу, особенно в тяжелых условиях современности. Каждому рабочему приходится вести двойственную жизнь: в отношениях не только к своему же классу, но и классу буржуазии или мелкой буржуазии в меновых отношениях. Кроме того, общее применение буржуазного права (Г.К.) ко всем общественным отношениям людей с внешней стороны уравняет те и другие отношения и затруднит осознание социалистического характера одних из них, и капиталистических свойств другого. Но это осознание должно быстро расти по мере успехов социалистической системы и по мере подъема общего уровня рабочих социалистических производств и кооперативных учреждений снабжения, особенно если этот процесс осознания поддержит научное его обоснование.

Прежде всего этот перелом происходит в области так называемого публичного права, по отношению к рабоче-крестьянскому государству. «Почетное право защищать Революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся» (Конст. РСФСР, 1925 г., ст. 10). Гнусная обязанность, повинность царского периода проливать кровь в защиту государства и отечества класса помещиков и буржуазии превратилась, не на словах только, а и на деле, в почетное право.

Правда, Ленин говорил: «Мы еще такого социализма, который можно было бы вложить в параграфы, не знаем», но уже он указывал на различие трех видов дисциплины: дисциплину палки, голода и коммунистическую. «Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится — и чем дальше, тем больше будет держаться — на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов» (XVI, 248).

Надо ли нам пояснять тот добровольческий подъем производительности труда — конечно, еще далеко не достаточно сознательный, — какой мы замечаем в последние два года. И вполне прав был XIV съезд, когда он подчеркнул эту сторону борьбы за дальнейшее осознание нашего пути к социализму.

Я воздерживаюсь от дальнейших выводов в этой области — музыки далекого будущего. Я ограничиваюсь лишь намеками, параллелями в целях будить мысль, ставить вопросы, а не давать уже готовые ответы. XIV съезд дорого стоил нашей партии, но он должен оплатиться полностью в виду тех важнейших проблем, которые он поставил и решил на ближайшее будущее.

(«Революция права» № 1, 1927 г.).

---

2. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ.

Тезисы, одобренные секцией права и государства Коммунистической академии.

I.

Гражданское право — продукт развитого товарного хозяйства — является характерным признаком буржуазного, капиталистического общества. Оно является в нем единственной формой организации опосредствования (средств осуществления) так называемого общественного обмена веществ, т. е. отношений производства и обмена общества товаропроиз-

водителей. С победою пролетариата и вступлением на прямой путь к социализму и коммунизму, Советская власть объявила отменными в числе других законов и все нормы гражданских законов прежних правительств, не только вследствие классового их характера, но и за полной ненадобностью их. Вместо свободы обмена на основе свободы конкуренции и господства частного собственника было введено монопольное, плановое непосредственое снабжение всего хозяйства и всего общества (период военного коммунизма). Гражданское право перестало быть правом, оно утратило охрану со стороны нового государства, напротив, стало не-правом, преступлением, социально-опасным явлением.

С отступлением от военного коммунизма и с переходом к новой экономической политике Советская власть разрешила и частичный свободный товарообмен и узаконила отношения мелкого товарного производства, допуская в нем на известных условиях даже частника-капиталиста, в осуществление чего она издала сначала (22 мая 1922) временные гражданские права, а с 1 января 1923 года — целый кодекс норм гражданского права Наказ Верхсуда РСФСР от 22 декабря 1924 года по Гражданской кассационной коллегии, имея в виду установление правильной судебной политики, характеризует появление этого кодекса словами: «Переход к новой экономической политике означает отступление в целом ряде областей экономики к государственному капитализму; но отступление произошло по собственной инициативе Рабоче-крестьянского Правительства и посему пределы его точно определены и строго ограничены нашим законом, в частности ГК и ГПК».

Когда вырабатывался и утверждался ГК, роль и значение его были недостаточно ясны для нас самих, ибо «предполагалось выработать кодекс, считаясь с нашими условиями в тех пределах, очень ограниченных, в которых у нас могут быть допущены буржуазные отношения, частный гражданский оборот» (доклад ВЦИК). На деле оказалось иное: ГК охватил самые широкие массы, он стал формальным регулятором крестьянских взаимоотношений на товарном рынке, он стал обязательным даже для взаимоотношений внутри социалистического сектора. Натуральный обмен исчез постепенно, остался один денежный оборот, а это означает на правовом языке возврат к гражданскому праву. Этого мало: с 1923 года начинается весьма серьезная борьба за торговое право, за особые коммерческие суды и т. д. Что новый ГК страдает недостатками, мы уже тогда сознавали сами, почему одновременно с изданием его определено через два года выработать новый кодекс, соответствующий условиям советского строя. Срок оказался слишком недостаточным, и у нас ныне через 5 лет, еще нет ни союзных основ гражданского законодательства, ни проекта нового ГК. Но за этот период мы сделали громадные шаги к верному пониманию гражданских правоотношений как в судебной политике, так и в революционно-марксистской теории (ленинизм в праве). Мы прежде всего вскрыли самую тайну существа гражданского права вообще, советского в особенности и, таким образом, подвели твердую базу для будущего правового строительства.

II.

Характерным для общества товаропроизводства является его товарообмен по «трудовому эквиваленту» («равноценности», трудовой стоимости). Все товаропроизводители изготовляют полезные вещи, предметы потребления (потребительные стоимости), но не для своего потребления, а для потребления других, одновременно нуждаясь для своего потребления в продуктах этих других. Обмен этих «продуктов, независимых друг от друга частных работ», осуществляется на товарном рынке и осуществляется он при помощи денег. «Деньги приводят в движение товары, сами по себе неподвижные, деньги переносят их из рук, где они не являются потребительными

стоимостями, в руки, где они имеют потребительную стоимость, так как все другие товары суть лишь особенные эквиваленты денег, а деньги — их всеобщий эквивалент» (Маркс). А формально осуществляется этот процесс при посредстве договора. Товарооборот на основе трудового эквивалента, как показал еще К. Маркс, впервые создал представление о свободном гражданине. Понятие формального его равенства, его формальная правоспособность являются продуктом развития общества товаропроизводителей. Это формальное равенство побеждает с победою буржуазной революции, делающей свободный договор основанием всего так называемого гражданского оборота. Самый закон государства становится по существу стандартизированным договором. А формальное равноправие перед этим законом договоров ловко прикрывает классовые противоречия в правовых отношениях и происходящую под правовой формой свирепую классовую борьбу. Эта истина капиталистической экономики, вскрытая Марксом еще в его «Капитале», лишь после победы пролетариата становится постепенно ясною и для правовой жизни. Из этой, ныне бесспорной, истины мы черпаем верное понимание существа гражданского права, его классового характера и его значения на разных ступенях развития общества, полностью или частично основанного на товаропроизводстве, — существование которого возможно только при частной собственности на средства производства, почему нелепо было бы говорить о социалистическом товарообороте. Нигде в истории не проявилась так ярко необходимость теснейшей связи теории и практики, как именно в вопросе о верном понимании гражданского права.

III.

В самом деле, как до сих пор понимали гражданское право в буржуазном мире. Гражданский кодекс представлял собою как бы громадный аппарат автомата (у нас даже изобрели для него название «безликий инструментарий») для регулирования частных, гражданских отношений людей, на основе техники свободного спроса и предложения, которые превращаются здесь в основной договор этого общества — куплю-продажу. Опуская в этот автомат (рынок) известное количество денег, потребитель (спрос) получает любую необходимую ему вещь, которую поставляет товаропроизводитель сам или его посредник (предложение). Тут «нет различия классов». Аппарат, напротив, обезличивает классовый характер действующих лиц; он не отличает буржуа от пролетария, вора, спекулянта, ростовщика от честного товаропроизводителя; напротив, скрывает их сущность, лишь бы они имели деньги. Общество даже забыло первоначальную цель этого аппарата — снабжение «общества» равноправных потребителей, конечно, только имущих, ибо только имеющий деньги может что-либо приобрести в этом автомате. Неимеющий их и все же участвующий в обороте без эквивалента или свыше своих средств совершает хищение, кражу, грабеж. Затем постепенно было забыто первоначальное равенство договаривающихся на основе трудового эквивалента, т.-е. меновой стоимости, не только в первоначальной, но и в развернутой форме капиталистического рынка (издержки производства + средняя прибыль); фикция свободы договора установила, как твердое правило, святость, непоколебимость договора, эквивалент «по соглашению», а где нет соглашения — по ценам рынка или биржи, т.-е. спекулятивным ценам. А цель — снабжение потребителя — была заменена целью — прибыль, даже торгашеская сверхприбыль, спекулянтская нажива. С наступлением эпохи монопольного, империалистического капитализма, периода повышения цен и снижения заработной платы посредством капиталистических трестов и синдикатов, свободу договора заменили простое, одностороннее объявление цен и смиренное «присоединение» к ним потребителя, но форма правового автомата с его

«свободою договора» оставалась. В то же время гражданское право, по мере превращения в товар всего, не только основных средств производства, в том числе земли, но и рабочей силы (самого живого человека), чести человека и т. д., и т. п., совершенно забывает о первоначальном эквиваленте. Вера в голую норму права, фетишизм закона и договора достигают высшего предела и вызывают робкие протесты даже самого буржуазного законодательства и науки (введением в кодексы статей о морали, о добросовестности и т. д.) или практики (путем либерального «истолкования» закона). Но протесты встречают отпор со стороны самих либералов, как попытки «внести в правовые отношения произвол и неустойчивость». Профессора буржуазного общества махнули рукой на теорию, они ограничиваются преподаванием норм ГК вместо того, чтобы углубляться в бесплодные занятия наукою гражданского права: «я не знаю гражданского права, я только излагаю (преподаю, пересказываю) гражданский кодекс».

IV.

При такой слепой вере в закон гражданское право понимается просто, как совокупность норм, изложенных в ГК данного государства, и юристы не ищут в нем ни системы, ни какой-либо целесообразности. Однако, надо признать, что первый и образцовый буржуазный гражданский кодекс, французский, имевший небывалый успех, является и самым выдержанным по системе кодексом вообще. Это — сплошной гимн буржуазной частной собственности, в нем после изложения понятия частной собственности в исключительной абсолютной форме и правил о низовой ее ячейке — семье, все институты, не исключая и наследства, представляются как способы приобретения или укрепления права собственности, но уже не приобретения по принципу трудового, реального эквивалента, а эквивалента по соглашению, основанного на свободе договора. Буржуазия Великой французской революции каким-то классовым чутьем написала кодекс, который буквально победил весь тогдашний цивилизованный мир и который по существу не превзойден позднейшими буржуазными кодексами, не исключая даже самого современного из них — швейцарского.

Когда нам пришлось также приступить к изданию своего кодекса, то мы правильно отвергли мысль о восстановлении нашего дореволюционного гражданского права, как отсталого, полуфеодального. Мы поэтому переняли гражданское право Запада, но лишь в ограниченных размерах и без особой системы, включив лишь отдельные статьи классового характера. По существу мысль эта была правильна: особое советское право могло вырабатываться лишь самой жизнью. V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции (в 1924 г.) ограничился подчеркиванием «советских» или «классовых» статей ГК (1, 4, 30, 33, прим. 1 к 59, 147, 156 ГК,) и указанием на ст. 4 ГПК, как на средство отступления от формального применения закона. В целую систему советского права этот кодекс могла переработать лишь практика, рука об-руку с марксистской теорией о классовом характере всякого права.

V.

Как определить наши задачи в области гражданского права? Они зависят от того этапа развития переходного периода, какой мы переживаем. «В первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется не вполне, а лишь отчасти... лишь по отношению к средствам производства». «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их общей собственностью. Постольку — и лишь постольку — «буржуазное право» отпадает. Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения

труда между членами общества... за равное количество труда — равное количество продуктов» (Ленин, XIV, 2, стр. 347). Мы еще не достигли полностью этой ступени, хотя и приближаемся к ней. Право, значит, должно еще оставаться, тем более и у нас, а «других норм кроме буржуазного права нет». Так писал Ленин еще в 1917 году. А впоследствии, когда и нам на деле пришлось применять это буржуазное право в порядке издания ГК, Ленин сделал краткую, но весьма существенную оговорку: «При той политике, которую мы поставили твердо и относительно которой у нас не может быть колебаний, это — вопрос для широкой массы населения самый важный. Мы и здесь старались соблюсти грани между тем, что является законным удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом и тем, что представляет собой злоупотребление нэп'ом, которое во всех государствах легально и которое мы легализовать не хотим и т. д.» (XVIII, 2, стр. 76).

Таковы были «руководящие начала» для первого перехода нашего гражданского права.

XIV и XV Съезды партии внесли громадный сдвиг во всю идеологическую жизнь нашей страны. XIV Съезд выдвинул «борьбу за победу социалистического строительства в СССР» на первое место, «подчеркивая экономическое наступление пролетариата на базе новой экономической политики... в сторону социализма». XV Съезд особо отметил незыблемость предпосылок развития промышленности на социалистических началах и вновь подтвердил значение «так называемой новой экономической политики», как «основы правильного сочетания государственной социалистической промышленности с мелкими и мельчайшими хозяйствами простых товаропроизводителей — крестьян». Но он дал новое направление нашей экономике и в сторону социалистического преобразования деревни путем усиления планового воздействия на крестьянское хозяйство вообще, путем содействия образованию массовых колхозов и создания новых социалистических гигантов-совхозов. Этими же постановлениями оба Съезда дали определенное указание, как направлять у нас революционизирование и гражданского права. Они подтвердили продолжительность и длительность новой экономической политики, а нэп является как раз базой, на которой действует наше гражданское право.

VI.

Теперь на основании всего изложенного мы можем определить задачи нашего гражданского законодательства, как «правовое регулирование имущественных отношений переходного периода на основе государственной социалистической собственности, с допущением наряду с нею права частной собственности и гражданского оборота». Подчеркивая, таким образом, как основу, государственную социалистическую (а не частную) собственность, мы наш ГК прямо противопоставляем буржуазному кодексу, основанному на категории права частной собственности даже там, где речь идет о государстве. Допуская частную собственность и гражданский оборот, мы требуем безусловного соблюдения при этом «предпосылок развития экономики СССР на социалистических началах»: 1) незыблемости «диктатуры пролетариата, пролетарской национализации основных средств производства, транспорта и кредита, монополии внешней торговли и национализации земли» (см. резолюцию XV Съезда); 2) охраны жизненных интересов рабочего класса и условий роста благосостояния трудящихся и 3) устойчивости «единого госпланового хозяйственного руководства, постепенно вытесняющего анархию товарно-капиталистического рынка». Эти предпосылки охраны гражданского права подлежат внесению в самый кодекс, как дающие определение «социально-хозяй-

ственного значения» норм этого кодекса. Внося в ГК эти условия допущения гражданско-правовых отношений, мы этим одновременно вносим в нормы ГК элемент плановой устойчивости, какой отсутствует в анархии буржуазных гражданских отношений, ибо единый государственный хозяйственный план сам заинтересован в устойчивости частного оборота (ср. хлебозаготовки), даже в период постепенного вытеснения этого частного оборота.

Второй момент, который должен найти четкое отражение в ГК, заключается в указании на эквивалент, как основное правило гражданского оборота, притом — эквивалент не просто договорный, а реальный. Лишение или ограничение эквивалента допускается только на основании Уголовного или Гражданского кодексов или иных существующих законов и, наконец, договорного соглашения (напр., дарение, завещание и т. д.), однако лишь в исключительных случаях и в пределах, установленных законами. Но одновременно мы с еще большею откровенностью подчеркиваем классовый характер всякого права, не исключая и гражданского. И там, где сталкиваются интересы двух классов, мы в самом законе ставим интересы социализма и рабочего класса в целом выше интересов его непримиримого классового противника — буржуазии, особенно самого ненавистного ее представителя — кулака и спекулянта.

VII.

Наш ГК был составлен, как уже сказано, на-спех и при самом его издании уже был признан неудостаточным и неудовлетворительным, почему тогда же было вынесено постановление о составлении в течение двух лет нового кодекса. За это время резко выявились его недостатки: а) в ГК внесено много лишнего, второстепенного для советского права или не относящегося непосредственно к гражданскому праву (напр., технические подробности об образовании и утверждении акционерных обществ, трестов и т. д.); б) в то же время в нем имеется много пробелов или слишком сокращенных абстрактных правил, потребовавших беспрерывных дополнений и пояснений как в законодательном, так особенно в судебно-разъяснительном порядке; в) обнаружилось много несоответствующего советским правовым отношениям вообще или нынешнему этапу развития в особенности, вследствие чего наросло так много дополнений, циркуляров и разъяснений, что знание их и сознательное и гибкое применение кодекса — затруднительны даже для специалиста-юриста, не говоря уже о народном судье — рабочем от станка и крестьянине от сохи. А между тем наши имущественные отношения упрощаются и могли бы быть еще более упрощены, если бы не рабская вера в закон, в которую впадает даже рабочий-судья, обыкновенно именно вследствие трудностей усвоения и понимания этих законов. Советским правовым отношениям переходного периода, обреченным на постепенное отмирание, нет надобности повторять и дальше развивать буржуазные правовые традиции или премудрости, теперь достаточно освещенные и развенчанные нашею революционною наукою. Это необходимо подчеркнуть особенно в настоящий момент, когда наступает серьезнейшая борьба против старого юридического мировоззрения при составлении общесоюзных начал и гражданских кодексов союзных республик. Практика дает богатый материал для этой борьбы.

Одновременно мы можем установить, что гражданское право, поскольку оно относится к области монополии торговли и производственных отношений крупной промышленности, требует централизации и правовой, тогда как обычные отношения обмена — снабжения идут по линии децентрализации, и нет никакой надобности в расширении для них рамок общесоюзного законодательства Так естественно решается у нас вопрос о единстве общесоюзного кодекса.

VIII.

Теперь, просматривая общее содержание нашего ГК в связи с пятилетним его применением, мы прежде всего видим, как разлагается у нас прежний всеохватывающий буржуазный ГК:

а) С отменою права частной собственности на землю земельные правоотношения заключаются только в праве пользования, но и тут трудовое пользование (как крестьянское, общинное и индивидуальное, так и коллективное) выделено в особый Земельный кодекс, к которому нормы ГК могут применяться лишь как вспомогательное право в исключительных случаях.

Ныне ЗК существенно дополняется принятыми 4 сессией ЦИК СССР IV созыва «Общими началами землепользования и землеустройства», ясно выражающими определенное направление отношений трудового землепользования СССР в сторону социализма, которые этим еще больше удаляются от общего гражданского оборота.

б) Трудовые отношения производства как для социалистического, так и для частновладельческого сектора выделены в особый Кодекс законов о труде, к которому нормы ГК неприменимы. И это обособление, вероятно, усилит вырабатываемый новый кодекс законов о труде.

в) Семейное право выделено в особый кодекс, но имущественные отношения членов семьи, вопросы алиментов и даже споры о пребывании детей подсудны пока гражданскому суду, на основе «споров о праве гражданском».

г) Регулирование взаимоотношений госпредприятий, в порядке подчинения и плановости постепенно уходит из-под действия ГК, а поскольку эти взаимоотношения еще осуществляются в формах гражданского права (договор, сделки и т. д.), споры по ним подчинены особым учреждениям — АК и ВАК, где на самом суде или после суда применяются мотивы целесообразности в гораздо большей степени, чем на обыкновенном суде. Само применение норм ГК часто уже спорно, но тут намечается пока новый отдел права — хозяйственно-административные нормы.

д) Но и внутри самого ГК содержатся уже отношения, которые трудно подвести просто под отношения эквивалентности, как-то: часть жилищных отношений, особенно трудящихся; присуждение пенсий за несчастный случай, хотя и судом, но по нормам соцстраха; передача в известных случаях частной собственности безвозмездно в собственность государства (бесхозяйственность, противозаконность, грубое нарушение социально-хозяйственного назначения и т. д.).

е) Одновременно ставится новая задача: сближение ГК и УК по вопросам, где образовалось искусственное их расхождение или где требуется просто новое размежевание их (передача регулирования некоторых отошедших к УК отношений обратно в ГК, сближение норм ГК о возмещении за вред и убытки с принципом заглажения вреда в ограниченном реальною возможностью и целесообразностью размере и т. д.).

Так на наших глазах отмирает прежний всеобъемлющий буржуазный ГК и отмирал бы еще быстрее, если бы он не нашел сильной поддержки в буржуазном юридическом мировоззрении, еще господствующем в значительной степени над нашей юридической мыслью. Наши наука и законодательство отстают от жизни.

IX.

Ныне мы ясно различаем основные этапы развития нашего гражданского права по времени:

1. Этап разрушительный — с Октября по 1921/22 год.
2. Первый этап нэп'а — до начала нового наступления.

3. Третий этап, особенно ярко освещенный постановлениями XIV и XV Съездов партии, как период сдвига вместе с материальной базой и всей идеологической надстройки в направлении нового наступления: по пути к социализму.

Никогда в истории не было видно так ярко проявление двойственного характера права: его революционный характер в период наступления, его сохранительный («консервативный») характер во время отступления или застоя. В частности, это практически проявляется по отношению к действию права во времени, конкретно — к «обратной силе закона». Великая французская революция своим революционным, «новым» законам придавала обратную силу ко дню взятия Бастилии, а впоследствии, с победою революции, объявила преступлением применение обратной силы новых законов, потому что они могли нарушить благоприобретенные права победившей буржуазии. Совершенно независимо от французской революции, но более решительно, и мы «сожгли старые законы», действовавшие до 7-го ноября 1917 года, запрещая даже ссылку на них. Когда мы вынуждены были отступать, мы, наоборот (напр., в примеч. к ст. 59 ГК), определенно заявили, что в части революционных достижений наш закон «консервативен» и новые законы не имеют обратной силы по отношению к ним. Но в дальнейшем мы попали в плен буржуазного права и уже почти последовательно проводили принцип закона без обратной силы и притом, прежде всего, и особенно нелогично, в уголовном праве (ст. 2 УПК). Теперь, с новым наступлением, когда право, если оно будет правильно понято, снова станет революционным фактором, появляются попытки воскрешения и революционного правила обратной силы закона, по крайней мере, «в пользу более слабого». Так, Верхсуд РСФСР решил, что новый закон о наследстве (прим. 2 к ст. 442 ГК), запрещающий завещателю лишать несовершеннолетнего наследника законной доли (3/4 его нормы), должен иметь обратную силу в отношении всех еще нерешенных дел и т. д. Мы это сделали со ссылкою на принцип ст. 2 УПК, ибо не может быть кричащего противоречия между двумя отраслями единого классового права (УК и ГК).

X.

Поскольку всякий товарообмен, облеченный в частно-правовую форму договора, предполагает правоспособных субъектов права, советский Гражданский кодекс признает за всеми гражданами, не лишенными этого права по суду, правоспособность, но он ограничивает круг товарности, исключая из этого круга «предметы», искусственно превращенные в товар, как-то: жизнь, честь, свободу и т. д. человека, землю, воздух и т. п., отнесенные в фонд государственной социалистической собственности основные средства производства и монополизированные средства потребления. Гарантируя юридическое равенство всем правоспособным лицам без различия пола, расы, национальности, вероисповедания и происхождения, советский ГК, однако, откровенно подчеркивает их неравенство экономическое, т.-е. классовое. Поэтому во всех статьях закона, где говорится об имущественном неравенстве (ст. 33, 406, 411, 415), имеется ввиду различие классовое, и соответственно тому, конечно, к «более имущей» стороне не могут быть отнесены государство рабочего класса и его учреждения. Практика, высказывая в применении означенных статей эти мысли в конечном выводе правильно по существу, не сумела или не решилась достаточно определенно подчеркнуть классовый характер указанного в означенных статьях имущественного признака, между тем как откровенно высказывая его, она много содействовала бы освобождению людей от фетишизма буквы закона! Далее ГК предоставил права так называемого юридического лица, т.-е. коллектива, в гражданско-правовом смысле приравненного к естественному лицу или живому, правоспособному гражданину. Но этим советское гражданское право

отнюдь не превращает государственную социалистическую собственность, в общем уже изъятую из товарооборота, в простую частную собственность государства, как это понимает буржуазное право. Не в том заключается секрет различия буржуазного и советского гражданского права, что мы можем объявить юридическое лицо — государство — за основу, приравнивая к нему и частное лицо (что означает — поставить самое понятие юридического лица на голову), а в том, что предпосылкою советского гражданского права является государственная социалистическая собственность; в общем изъятая из оборота и подсудности общему гражданскому суду и лишь в исключительных, не увеличивающихся, а сокращающихся размерах, участвующая в гражданско-правовом обороте.

Это — прямая противоположность буржуазному обществу, где все предполагается частною собственностью лиц — владельцев, на чем и построены буржуазные кодексы. Из этого вытекает вывод, что наша государственная социалистическая собственность не имеет просто частно-правового субъекта права, т.-е. не нуждается в судебной защите, за исключением лишь изъятия из оборота незаконно попавшего туда предмета (2 ч. ст. 60 ГК) или нарочно направленных в оборот частей этого имущества. Практика впервые формулировала мысль о государственной собственности советского строя, как прямой противоположности частной собственности буржуазного мира, но ясной формулировки государственной социалистической собственности она — уже в виду неясности самого закона — дать не могла. А буржуазная юридическая мысль, играющая у нас еще громадную, даже преобладающую роль, по упрямству ли или по простому невежеству, до сих пор этого взгляда еще не усвоила [1].

(Журнал «Революция права» № 1, 1929 г.).

---

3. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В ПЕРИОД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

> «Мы могли бы сказать, что переживаем переходный период в переходном периоде. Вся диктатура есть переходный период, но теперь мы имеем, так сказать, целую кучу переходных периодов».
>
> (Ленин, 30 декабря 1920 г.).

XV Партконференция завершила известный этап в истории ВКП(б), как и в истории Пролетарской Революции. Она доделала работу, начатую на XIV Конференции и XIV Съезде, твердо обосновав научно-тактический тезис партии для этого периода, тезис о строительстве социализма и в одной стране. Эта мысль, теоретически и в общей форме высказанная Лениным еще в 1915 г., получила реальное значение для СССР, особенно с того момента, как выяснилось, что мировая революция, повидимому, замедлилась. Она у Ленина оформливалась все определеннее с ходом строительной работы СССР на почве НЭП'а. На XIV Съезде она была формулирована Партией, как «продвижение экономики СССР в сторону социализма» «на базе новой экономической политики». На XV Конференции она, обоснованная более теоретически, превратилась «в руководство к действию» ВКП(б). На расширенном пленуме Коминтерна она получила мировую санкцию. Если я в своем докладе после XIV Съезда (см. «Револ. права» № 1) наметил некоторые задачи нашей секции,

---

[1]) Остальные части статьи касаются, по преимуществу, конкретных вопросов практики.

вытекающие из его резолюций, то ныне необходимо гораздо ближе и основательнее подойти к этим вопросам в области нашей науки о государстве и особенно о праве, и не только науки, но и практики.

Но, должен я сказать, дать готовую программу сегодня же я не собираюсь. Это не дело одной статьи и даже не одной книги: это — программа для целого периода. Я остановлюсь на вопросе больше всего в области так называемого гражданского права, и остальные мои соображения будут только вспомогательным материалом для этой специальной задачи.

Этапы переходного периода.

Исходя из приведенной выше цитаты Ленина, мы до сих пор могли бы наметить три основных этапа в нашем переходном периоде: 1) период взятия власти, 2) период борьбы за удержание власти (интервенция и так называемый военный коммунизм) и 3) период социалистического строительства, при чем вопрос о социалистическом характере этого строительства особенно выдвинулся с момента восстановления приблизительно довоенного уровня. Естественно, что каждый из этих этапов по законам революционной диалектики должен выдвинуть новые задачи и в области государства и права, особенно в области права, где «отступление» к НЭП'у вызвало усиленные надежды старой «юридической мысли», согласной на время даже переодеться в советское хаки, лишь бы сохранить свое буржуазное существо, но где рядом даже убежденные коммунисты, перенимая необходимые для нэп'а буржуазные формы, объявили их специфически советскими, так бессознательно дискредитируя советское имя и советскую власть.

Социалистическое строительство.

Сама идея строительства социализма нова. Она была чужда социалдемократии даже в ее революционный период. В социалдемократии представляли себе перерастание старого общества в социалистическое либо ревизионистски (постепенно, эволюционно, не диалектически-революционно), либо в известном роде утопически, в виде прыжка в заготовленное уже капитализмом «царство будущего, т. е. мирно демократического или революционного захвата власти для продолжения уже готового хозяйства, лишь с необходимой формальной переорганизацией этого хозяйства.

Но революционное строительство вообще обязательно при всяком переходе власти от одного класса к другому. Само существование класса основывается на общественном разделении труда и обусловливается отношением классов к средствам производства. Проведение в жизнь изменений в отношениях классов к средствам производства требует времени, перерастания одного классового общества в другое, требует известного переходного периода; вот на чем и основываются учения разных ревизионистов и оппортунистов. Исходя из факта постепенного нарастания капитализма еще при феодализме и особенно абсолютизме, они переносят эту аналогию полностью и на «общество будущего». «Созревший» капитализм, экономическая революция привели к новой политической надстройке капитализма, демократическому государству. «Созреет» социализм — произойдет и социалистический переворот. Не раньше.

Эту мысль категорически отверг Ленин. Недостаточно открывать параллели между буржуазною и пролетарскою революциями; необходимо провести и естественное их противопоставление. Мысль о революционном строительстве, как специфической особенности социалистиче-

ской революции, содержащаяся уже в его «Государстве и революции», Лениным была развита в марте 1918 года:

«Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, всегда вырастающей из феодализма, новые экономические организации постепенно создаются в недрах старого строя путем развития хотя бы торговых отношений, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача: смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется, ибо она в итоге создает товарное производство и усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении стоит социалистическая революция. Чем более отсталой является страна, которой пришлось в силу зигзагов истории начать социальную революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь, к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные».

«Отличие социалистической революции от буржуазной состоит именно в том, что там есть готовые формы организаций капиталистических, и советская пролетарская революция этих отношений не получает готовыми, если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили только небольшие верхушки промышленности и совсем мало затронули еще земледелие»[1]).

Государство переходного периода.

Казалось бы лишнею тратою времени говорить о государстве переходного периода вообще. Ленин теоретически и октябрьская революция практически развили мысли о роли пролетарского государства в переходный от капитализма к социализму и коммунизму период. Ныне это значение государства «само собою разумеется». Но не все, что само собою разумеется, достаточно ясно для всех, а часто потому, что оно само собою разумеется, вызывает пренебрежительное отношение. Поэтому я считаю необходимым здесь категорически подчеркнуть, что так же, как и в классовом обществе до пролетарской революции, государство является безусловною предпосылкою существования и сохранения частной собственности и права вообще, так, не менее безусловною предпосылкою перехода капитализма к социализму и коммунизму и предпосылкой права, соответствующего этому переходному периоду, является пролетарское государство.

«Кто не понял необходимости диктатуры любого революционного класса до его победы, тот ничего не понял в истории революции или ничего не хочет знать в этой области» (Ленин, 1920 г., XVII, стр. 349).

Вы не найдете ни одной статьи, ни одной речи Ленина за последние годы его жизни, где бы не было слов в роде: «Посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, «после победы пролетариата», «на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя» и т. п. Поэтому мы должны категорически отвергнуть всякую попытку ревизии Маркса и Ленина по вопросу о роли и значении государства. Одновременно мы должны диалектически проследить развитие по этапам, как формы, так и особенно значения государства.

Буржуазная революция привела к буржуазному государству и буржуазной демократии. Это — классовое государство без класса феодалов или с обуржуазившимся феодалом («земельная рента»). Разви-

---

[1]) Ленин. Собр. соч., I изд., XV, 124—125.

ваясь дальше по имманентным законам революции, Великая французская революция сделала еще шаг дальше и в Конвенте на мгновение (с отсечением крыла жирондистов) создали впервые как бы «буржуазное государство — без буржуазии». Но в результате получился «термидор», восстановление чистого буржуазного государства (а вслед за тем — временная реставрация). «Почему, — говорил т. Бухарин в XII пленуме Комм. Интернационала, — победил во время Великой французской революции термидор? Термидор победил и должен был победить во время Великой французской революции потому, что у крупно-капиталистической буржуазии в руках были более крупные экономические козыри; она была представителем крупного производства, а диктатура якобинцев отстаивала интересы мелкого производства. И это противоречие между великой революционной политической ролью буржуазии и ее мелко-производственными идеалами неизбежно должно было привести к победе крупной буржуазии, так как пролетариат в ту пору не был еще развит и не мог выступать в качестве самостоятельной и руководящей революционной силы».

Я здесь не останавливаюсь на Парижской Коммуне. Советская власть является развернутою формою диктатуры пролетариата.

Мы последовательно определяли советское государство, как «диктатуру пролетариата», как «диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства» (Конструкция 1918 г.), как «Рабоче-крестьянское Правительство», как «государство рабочих и крестьян» (Конституция РСФСР 1925 г.), и вернулись снова к словам «пролетарское государство» — пока еще «с бюрократическим извращением», но смысл этих слов во всех этих случаях один и тот же: государство пролетариата в союзе с крестьянством при гегемонии пролетариата, руководимого Коммунистической Партией. Это все казалось нам уже само собою разумеющимся, когда появилась объединенная оппозиция и посеяла смуту. Раздавались голоса: государство у нас становится крестьянским, власть в нем уже и ныне рабочая и крестьянская, надо это открыто признать и перейти к двухпартийному правительству т. д. Вот почему этим «само собою разумеющимся» вопросом пришлось позаняться и XV Конференции ВКП и VII пленуму ИККИ. А этот вопрос чрезвычайно важен и для вопроса о праве.

Слова Маркса 1870 г.

На XV Конференции оппозиция напомнила, между прочим, слова Маркса, сказанные им в 1870 г. о возможности в Англии и Америке (Энгельс прибавил Голландию) мирного демократического переворота, даже с выкупом частной собственности «этой банды», т. е. класса капиталистов. Ленин, как известно, признал эту мысль верною по отношению к 70 годам, но отверг ее для нынешней Англии и Америки, как типичнейших стран империализма и милитаризма. Почему ныне вернулись к мыслям Маркса 70-х годов? Эти слова создают новые перспективы. Если в самом деле возможно вообще «мирное врастание», то возможна на западе теория Каутского и с.-д. вообще о том, что коалиция социал-демократии и буржуазии является правительством переходного периода капитализма к социализму. А у нас? В таком случае и у нас нет ничего опасного в разных заимствованиях у буржуазной демократии. Против таких заимствований буржуазия запада сама не спорит; напротив, она скупа лишь на деньги. Почему, в таком случае, не продолжать «рецепцию» все новых и новых институтов гражданского права, даже вопреки закону? Не даром нам Устряловы еще при Ленине доказывали, что наша новая политика «это — не тактика, это — эволюция; на самом деле вы скатываетесь в обычное болото» (Ленин). Теперь Устряловы гораздо откровеннее.

У нас задача этих противников облегчается еще тем, что мы не переживали ни длительного периода буржуазного демократизма (всего 8 месяцев), ни развитого капиталистического, буржуазного гражданского права, и наши товарищи иногда с умилением приветствуют, как благоприобретения революции, как особенности советского права, чисто буржуазные правовые принципы (ср. ст.ст. 30, 33, 403, 399 Г. К. и т. п.). То же самое, хотя и реже, мы встречаем по отношению к государству. Создаются целые теории, сводящиеся к перекрашиванию в марксистский, советский цвет старых буржуазных теорий, и трудно различить, где кончается наивное, но добросовестное заблуждение, и где начинается злой умысел.

Государство и пролетарская революция.

Советское государство первого и второго периода имело своею целью взятие и закрепление (удержание) власти пролетариата. Этому соответствовала и его форма.

Третий период выдвинул задачу приспособить государство к моменту социалистического строительства. Если тов. Бухарин уже в 1920 г. («Экономика переходного периода») сказал, что «в конечном счете процесс социализации во всех его формах есть, таким образом функция пролетарского государства", то его слова почти в одинаковой степени относятся и к периоду социалистического строительства при нэп'е, когда социалистическое строительство одновременно является «подведением еще недостающего или недостаточного экономического фундамента». Но тут же в известной мере начинается уже и отмирание государства, и Ленин уже в 1921 г. говорил: «Самая лучшая политика отныне — поменьше политики. Двигайте больше инженеров и агрономов, у них учитесь, их работу проверяйте, превращайте съезды и совещания не в органы митингования, а в органы проверки хозяйственных успехов, в органы, где мы могли бы настоящим образом учиться хозяйственному строительству» (Ленин, 1921 г.). Но совсем отмереть государство не может, пока имеются еще классы и право, ибо, говорит Ленин, «кто же иначе будет охранять право?»

Каково отношение государства к революционному строительству вообще и к правовому рагулированию его? На этом вопросе приходится остановиться подробнее, затрагивая вскользь и некоторые разногласия в нашей собственной среде постольку, поскольку разногласия имеют практический смысл. Я при этом опять-таки воспользуюсь методом сопоставления и противопоставления условий буржуазных и пролетарских революций и государств.

Автомат буржуазного строительства.

Буржуазную революцию сама буржуазия представляет себе приблизительно так, что «некто в сером», под названием «Революция» [1]), произвел некоторое чудо, осуществляя принципы естественного права, свергнув одновременно ненавистных тогда феодалов и установив свободу и обеспеченность свободы частной собственности. Если при этом происходят коекакие шероховатости, в виде «революционных хищений», террора и казней, не останавливаясь даже перед священными особами королей, то это были печальные случайности, которые следует скорее предать забвению (даже отрицать, вычеркнуть из учебников истории и т. д.). Закон, конституция нового строя установили известного рода автомат (буржуазное право), регулирующий гражданский оборот, который в дальнейшем уже сам со-

[1]) Эту персонификацию «Революции» мы находим у лучших поэтов буржуазной революции. Напр., у Фрейлиграта, позже — Джона Макай и др.

бою управляет. Этот автомат наделял всех пропорционально их средствам. Вместо бога, на время отвергнутого Великой французской революцией, был поставлен закон («Закон — это сам Разум»), точнее Гражданский кодекс (Code civil). В ритме движения этого механизма, «вечно движущегося» perpetuum mobile) автомата, общество само себя строит по принципам свободной конкуренции (laisser faire, laisser passer). Спрос и предложение это — первая стадия; купля-продажа — ее завершение. Чудеса самостроительства капиталистического общества ослепляли глаза миллионов и препятствовали видеть сопровождающие это самостроительство потоки крови и пр. ужасы. Все это — добровольные жертвы общества. Стоило не мало усилий, чтобы хотя бы части миллионов открыть глаза на невидимую руку режиссера, т. е. класса капиталистов, буржуазии. К. Маркс вскрыл характер этого режиссера, это — классовая диктатура буржуазии. А автомат этот мы ныне определяем, как анархию производства и обмена и их юридификацию («озаконение») в вещном и обязательственном праве гражданских кодексов.

Концепция социал-демократии.

Эта концепция перешла и к социал-демократии, даже в упрощенном виде. Социал-демократия предоставляет все дело экономического строительства капитализму, всячески поддерживая развитие капитализма до его максимума. По достижении безусловной «зрелости» экономики, путем «мирного переворота» демократия буржуазная превратится в социальную демократию, буржуазное право — в социалистическое право, т. е. капиталистический «автомат» — в социалистический «автомат». Чтобы это осуществить, надо вместо борьбы классов вести политику примирения, сотрудничество классов, в виде ли коалиции социал-демократии с буржуазией или соц.-дем. правительства для проведения политики буржуазии. Даже новейшая и самая лживая с.-д. программа, программа австрийской социал-демократии, не идет дальше мирной парламентской победы демократии.

Государство и буржуазное строительство.

Мы знаем, что пролетарская диктатура, советское государство является необходимою предпосылкою для социалистического строительства в самом широком смысле. Но какую роль государство играло в буржуазной революции? «Государство приобретает власть какой оно раньше никогда не имело. Государство провозглашается самим источником права и собственности». Так восторгается буржуазный писатель Саньяк по поводу Великой французской революции. Но все же буржуазия государству и в самый момент революции приписала лишь задачу обеспечения спокойного права частной собственности. В самое строительство государство вмешиваться не должно! Значительно дальше идет Маркс, и это следует иметь в виду всем, умаляющим значение государства в учении К. Маркса, не говоря уже о Ленине. Я процитирую лишь одно место из I т. «Капитала», исправляя заодно досадную и существенную ошибку в его русском переводе: «Но все они (системы первоначального накопления) пользуются государственною властью, т. е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы по-тепличному способствовать (treibhausmässig fördern)[1]) превращению

[1]) Это место в переводе т. Степанова (стр. 775, 1 изд.) гласит лишь «чтобы облегчить процесс» и т. д.

Слово treibhausmässig по ошибке совершенно пропущено. А с этого издания перепечатали с тем же пропуском и «Пролетарий», а в виде цитаты — и сборник т. Разумовского.

феодального способа в капиталистический и сократить его переходные стадии... Само насилие есть экономическая потенция». Я цитирую только одно это место для характеристики взгляда Маркса на роль государства «в капиталистическом строительстве». Капиталистическое право частной собственности само немыслимо без обеспечивающего ее классового государства. Итак, государство играет роль повитухи при родах капиталистического общества. Оно играет столь же значительную роль как в первый, так и, в особенности, во второй период капитализма. И только искусственное отделение классового государственного аппарата от господствующего класса в целом стушевывает эту роль и может тут внести некоторые недоразумения.

Феодальное общество и право.

Переходя к вопросу о роли права в социалистическом строительстве приходится остановиться вкратце на значении права вообще. Существует ли право в феодальном обществе? Как Маркс, так и Ленин отвечают, что существует. Право феодальное характеризуется особенно ярко выраженной формою непосредственного господства—подчинения (рабства), т. е. господствам в силу владения землею над людьми в целях беспощадной их эксплоатации, но одновременно и удовлетворения — в самой примитивной форме — их потребностей (крепостничество). Характерным типом феодального права является феодальное вещное право, главным образом, феодальная собственность. «Этому феодальному расчленению земельной собственности соответствовали в городах корпоративная собственность и феодальная организация ремесла» (Маркс и Энгельс о Фейербахе).

«Буржуазное право».

Для широкого товарного оборота в первый период феодального общества было недостаточно основания. По мере развития товарного хозяйства уже в недрах феодального общества, главным образом в городах, начинает широко развиваться товарообмен, а вместе с тем и договорные отношения. Города находят и готовую форму права в римском частном праве; происходит рецепция римского права. Это своего рода двоевластие деревни и города (Рецепции способствует вхождение стран, где происходила рецепция, особенно Германии, в Римскую империю). Так нарождается так называемое буржуазное право, характернейшим типом которого является обязательственное (договорное) право. Это обмен в виде купли-продажи, во-первых, материально посредством денег, во-вторых, формально посредством договора. Договор является формою опосредствования этого отношения.

В чем основа этого обмена? Это обмен эквивалентов на основе трудовой стоимости: равные количества общественно необходимого труда, обменивающиеся на равное количество труда. Вот откуда возникают всякие абстрактные идеи, норма равенства, субъекта права и буржуазной справедливости.

Когда т. Пашуканис в своей работе «Общая теория права и марксизм» показал, что Марксовой теории стоимости соответствует буржуазное право с его абстрактными формулами, он раскрыл загадку фетишизма буржуазного права, вскрыл материальное существо этой формальной абстракции.

Я здесь не буду останавливаться на изложении этой теории. Она нашим читателям известна. Но поскольку я из нее делаю определенные выводы и поскольку она некоторыми литераторами противопоставляется моему определению права, я должен на ней остановиться подробнее, останавли-

ваясь на некоторых, по крайней мере, кажущихся, разногласиях. Я нахожу, что эта теория вскрывает основу так называемого буржуазного права, выводя его из конкретных отношений товарообмена [1]).

Меновая и потребительная стоимость.

Но, вскрыв основу фетишизма буржуазного права, нельзя на этом остановиться. Во-первых, не надо забывать, что товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая по своим свойствам способна удовлетворить какую-либо человеческую потребность» (Маркс, «Капитал»). «Вещь может быть потребительной стоимостью, не будучи стоимостью... вещь может быть полезностью и продуктом человеческого труда, не будучи товаром». Но «вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления». «В потребительной стоимости каждого товара содержится определенная, целесообразно направленная, производительная деятельность или полезный труд» (там же). «Поскольку процесс обмена перемещает товары из рук, где они не являются потребительными стоимостями, в руки, где они функционируют, как потребительные стоимости, постольку этот процесс есть общественный обмен веществ» (К. I, 4).

Цель права — общественный обмен веществ.

Если институты буржуазного или обязательственного права являются формой опосредствования отношений обмена товаров, то это право в целом является, по существу, формальным определением именно этого общественного обмена веществ. Из свойства товара, как потребительной стоимости, вытекает та целесообразность, та цель в праве, которую намечали, но не понимали буржуазные теоретики. «Имманентная товару противоположность потребительной стоимости и стоимости», «разделение между полезностью вещей для непосредственного потребителя и полезностью для ее обмена» — остались неразрешимыми загадками не только для буржуазного юриста, но даже для экономиста. Поэтому буржуазные юристы цель права, как и определение абстракции воли, искали в разных более или менее метафизических построениях.

Абстрактная воля субъекта права.

Тов. Пашуканис исходит из слов Маркса «о лице, воля которого господствует в вещах», как товарах, чтобы объяснить абстрактное понятие субъекта буржуазного права. Но в таком виде воля субъекта права соответствует той фетишистской власти формы товара, про которую Маркс же пишет: «Если бы товары обладали даром слова, они сказали бы: наша потребительная стоимость, может быть, интересует людей. Нас, как вещей, она не касается. Но что принадлежит нашей вещественной природе, так это стоимость. Наше собственное обращение в качестве вещей, товаров служит тому лучшим доказательством. Мы относимся друг к другу

---

[1]) Я вполне сознаю все неудобства включения в эту статью вскользь как бы полемической части о наших разногласиях. Но моя работа по гражданскому праву, где я остановлюсь на них подробнее, затягивается, а тем временем наши разногласия в известных кругах используются в целях внесения раскола в нашу среду. Я держусь того мнения, что эти разногласия, если они действительно имеются, вполне устранимы; но одновременно полагаю, что ясность в этом вопросе необходима.

лишь, как меновые стоимости» («Кап.», I, 52). И Маркс там же показывает, как эта «мысль товаров о себе» отражается в словах экономистов. Оставаясь в плену абстрактных формул, и юристы рискуют забыть про отношения живых людей. «Нас, как субъектов права, она (т. е. потребительная стоимость) не касается», гласили бы соответствующие слова юриста.

Классовый характер всякого права.

Но дальнейший вывод из этих последних слов — и в этом наше расхождение — заключается в отрицании, игнорировании, или, по крайней мере, умалении классового характера всякого права. Пока «купли и продажи совершаются между отдельными индивидуумами, то недопустимо искать в них отношений между целыми общественными классами». («Кап.», I, 595). Значит, если следовать этому методу политической экономии и в теоретическом анализе институтов права, то и мы должны отказаться от внесения классового элемента в гражданское право. Но это привело бы к тому же разрыву теории политической экономии и теории классовой борьбы, который и пережили у себя не так давно назад.

Я нахожу, что нам и для понимания буржуазного права нечего больше оставаться в абстрактном обществе простых товаропроизводителей, чем это нужно для вскрытия тайн абстракции буржуазного права. Раз это сделано — назад к действительности, к классовому обществу буржуазии. Пусть всякие мелкобуржуазные теории (прудонисты и т. п.) остаются в нем, мы переходим к изучению права, как конкретной системы общественных отношений.

Классовая воля субъекта права.

Мы остановились на «лице, воля которого господствует в вещах». Может ли быть речь о такой воле вообще? В обществе простого товарообмена действует формула: Т—Д—Т (Товар — деньги — товар); воля товаровладельца направлена на приобретение товара (обычно предмета личного потребления). Эта формула разобрана в первых главах I т. «Капитала».

Но для капиталистического, буржуазного общества, характерна совсем другая формула: Д — Т — Д вернее Д — Т — Д + д (Деньги — товар — деньги, т. е. больше денег). Покупка для продажи с прибылью или, в большей части, для производительного потребления в целях новых прибылей. Это — формула капитала. Какова характеристика лица, воля которого господствует в вещах-товарах, составляющих капитал? «Как капиталист, он представляет лишь персонифицированный капитал. Его душа — душа капитала». («Капитал»). А «ваше право есть только возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями существования вашего класса» (К. Маркс. стр. 41).

Значит, две принципиально различные воли двух полярно противоположных в классовой структуре общества субъектов права: как мы только оставляем первую главу «Капитала», так мы «прощаемся с сферою простого обращения, или товарного обмена» («Кап.», I, 152). Опосредствование отношения капитала составляет по количеству статей маленькую (Code civil — 6 статей из 2.000), но по количеству «сделок», преобладающую часть буржуазного гражданского кодекса «о личном найме» (трудовом договоре), которые, однако, кладут свой отпечаток на весь кодекс, на все буржуазное право.

Кроме того, я не разделяю взгляда на некоторую недоговоренность в теории тов. Пашуканиса в вопросе о соотношении государства и права. Это — несколько неясное, как бы пренебрежительное отношение к государству. Это угрожает стать своего рода экономизмом, в котором меня

в свое время, зря и по недоразумению, или непониманию, винил проф. Рейснер. Не надо же забывать, что никакого товарообмена эквивалентами, как более или менее общего явления, не может быть без права частной собственности, а значит и государства. Недаром буржуазные государствоведы обыкновенно государство определяют, как государство потребителей. Мы, напр., читаем: «эмпирический факт, что отношения, защищаемые государством, являются более обеспеченными» (и только? П. Ст.), или о так-называемой «позитивной юриспруденции, которая не может обойтись без посредствующего звена — государственной власти и ее норм». Я был бы рад, если бы я ошибся в оценке этих слов, но тут необходима максимальная ясность, особенно в настоящее время. (См. выше — Госуд. и рев. строительство).

Наконец, я расхожусь еще и в оценке процесса отмирания права. Тов. Пашуканис рисует это, как непосредственный переход от буржуазного права к не-праву. Я же полагаю, что как Ленин писал, со слов Маркса, о «буржуазном государстве — без буржуазии», а это государство на деле является пролетарской диктатурою или Советской властью, — так неизбежно создается и временное советское право переходного периода. Но о нем идет речь дальше.

Буржуазное право второго периода капитализма.

Из сказанного ясно, что, по-моему, нет тех неустранимых разногласий между нами, какие рисуют наши противники среди «ученых» юристов. И право первого периода капитализма, под вуалью автомата на началах обмена эквивалента, по существу являлось формою организации общественного обмена веществ со всеми признаками момента господства — класса владельцев средств производства и наемного рабства, с «обуржуазенными» феодальным вещным правом и феодальной собственностью (Маркс, «Нищета философии»). И в первом периоде, вещное право, частная собственность на средства производства определяет распределение (т.-е. и буржуазное — обязательственное право). Наступление периода монопольного империалистического капитализма означает переход к новым методам. Вместо свободной конкуренции, т.-е. свободы спроса и предложения, как предварительной стадии купли-продажи, вступает производственная монополия (предложение-спрос). Ее цель — замена анархии производства (а, следовательно, и обмена) плановостью — путем трестов, синдикатов или государственного империализма. Но это, конечно, лишь ограниченная плановость, нарушаемая уже в силу неравномерного развития капитализма и вытекающих оттуда конфликтов. Это определенно капиталистическая плановость, которую юридические барды капитализма и их соц. или даже комм.-последователи воспевают, как социалистическое перерождение права, или так называемый, юридический социализм, как юридическое перерастание в социалистическое общество.

Плановость капиталистическая и право.

Но вслед за экономистами и юристы не могут не чувствовать необходимости пересмотра и теории права. Такие дергания цепей буржуазной юридической мысли весьма характерны и интересны. Возьмите, например, Иеринга с его целью — интересом в праве. Они уже чувствуют, что тут что-то изменилось или подлежит изменению, но не став на точку зрения классовой борьбы, они дальше пойти не могут. Но с развитием монопольного капитализма выступает, особенно в мелкобуржуазной среде Франции, целый ряд лиц и школ, выдвигающих, вместо идеи свободы договора и момента равенства, новые моменты. Одной из наиболее интересных тео-

рий я считаю теорию Салеля и его группы с его идеею диктования цен и простого присоединения к ним (adhésion). Это не есть простая фикция, это — факт. «Что договорного в этих юридических актах? На деле это выражение частного авторитета (даже приказ частного лица)».

У нас большую популярность приобрел другой автор — Дюги. Это явный юридический апологет-примиренец капитализма второго периода со своею теориею социальных функций права и собственности. Он критикует метафизическое учение о свободе воли гражданского права, но кончает тою же метафизикою идеи солидарности.

Я должен был остановиться и на этих юридических представителях идеи капиталистической плановости уже потому, что у нас эта точка зрения пока еще не поставлена (см. мою статью «Правоведение» в «Энциклопедии гос. и права»). Но мы ей сразу должны и противопоставить социалистическую плановость Советского строя и сделать из нее надлежащие выводы для права.

Право переходного периода.

Когда Советская власть победила, она должна была выявить свое отношение и к праву. Она прежде всего совершила разрушительную работу, «сожгла все законы» старого режима, но оставляя функции судов, хотя и новых, рабочих судов, она должна была дать им и нормы права. Она выразила это в отрицательной форме (декрет о суде № 1): «руководятся законами свергнутых правительств (и царского, и буржуазного) лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Для всякого ясно, что тогда никакого особого революционного правосознания еще не было. Поэтому, по предложению Ленина, и было пояснено, что «отмененными признаются все законы, противоречащие декретам ЦИК, а также программа-минимум РСДРП и партии с.-р.» (в Правительство тогда входили левые эсеры).

Тогда мы шли в лобовую атаку, о гражданском праве и разговора не было. Когда я к октябрьскому сборнику 1918 г. формулировал результаты и будущие предположения нашей работы, я указал на предполагаемый Кодекс социального права, состоящий на первом месте из семейного и трудового права. А дальше: «за семейным правом пойдут и имущественные права,— вернее, отмена и ограничение этих прав; тут отмена права частной собственности на землю и социализация земли, национализация производств и городских домов и порядок управления национализированными имуществами, наконец, допустимость применения пережитков частной собственности переходного времени.... Пойдут еще кое-какие остатки договорного права, скорее ограничения свободы договора».

Как известно, период так называемого военного коммунизма так и шел по этому пути. Но буржуазное право, договорное начало, оказалось сильнее и продолжало существовать нелегально, так сказать, подпольно, не говоря уже о том, что оно жило в голове любого коммуниста. Эта сила конкретных отношений и способствовала тому, что мы в 1919 г. примкнули к так называемому социологическому, вернее, материалистическому пониманию права, как «системы и порядка общественных[1]) отношений (в смысле отношений производства и обмена), соответствующей интересам господствующего класса и защищенной классовою организациею государства». Это отнюдь не означало противопоставления права декрету, «социологиче-

---

[1]) Это маленькое слово «общественных» и пояснение его словами Маркса: т.-е. отношений производства и обмена, мои критики иногда опускают и говорят об отношениях между людьми вообще. Это прямое искажение моей мысли.

ского» права идеологическому. Но только поставило ударение на реальные отношения, а не на их отражения. Я в своей заметке в № 1 сборника «Революции права» показал, как т. Ленин относился к декретам Советской власти. Он декретам первого периода придавал значение «формы пропаганды. «Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов». Но эта форма пропаганды велась под знаком не только убеждения, но и принуждения государственной власти. И права без государства и его принуждения Ленин не признавал.

О т. н. гражданском или буржуазном праве т. Ленин еще в 1917 г. («Гос. и Рев.»), на основании Марксовой критики Готской программы, писал, что в первой стадии переходного перода поскольку частная собственность на средства производства была заменена общей собственностью, «постольку — и лишь постольку — «буржуазное право» отпадает». «Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества»... «За равное количество труда равное количество продукта» — и этот социалистический принцип уже осуществлен. Однако, это еще не коммунизм и это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продукта.

Это «недостаток,— говорит Маркс,— но он неизбежен в первой фазе коммунизма, ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество без всяких норм права, да и экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма не дает сразу. А других норм, кроме «буржуазного права», нет. И постольку остается еще необходимость в государстве, которое бы, сохраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта. Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, подавлять поэтому какой бы то ни было класс нельзя. Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана «буржуазного права», освящающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм».

Казалось бы, что вопрос ясен: буржуазное право, да и только. Но т. Ленин говорит и о «буржуазном государстве», только без буржуазии»: «Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство — без буржуазии».

А теперь мы знаем, что буржуазное государство (= буржуазная демократия) без буржуазии это — Советская власть или пролетарская демократия.

Тов. Ленин там же оговаривается: «Но демократия означает только формальное равенство. И тотчас, вслед за осуществлением равенства всех членов общества по отношению к владению средствами производства, т.-е. равенства труда, равенства заработной платы, — перед человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы итти дальше, от формального равенства к фактическому, т.-е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям». Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, — мы не знаем и знать не можем».

Советское право и социалистическое строительство.

О значении Советского права уже говорилось неоднократно. Термин образовался еще при жизни т. Ленина и с полного его одобрения. Но не в одном названии (и меньше всего в названии) дело, а в существе. Если

Гражданский кодекс можно назвать вообще изложением в параграфах [1]) полит. экономии данной эпохи или экономической политики данного классового государства, то советское право в узком смысле слова должно явиться изложенным в параграфах (в самом широком смысле слова, т. е. не одного закона) политической экономии переходного периода, экономической политики Советской власти. Противопоставить ему непосредственные мероприятия или соображения целесообразности отдельных лиц или учреждений и т. д. — означает мелкобуржуазно-анархический пережиток протеста против организованного, правового действия путем общим норм. Тов. Ленин с первого же дня Октябрьской революции горько высмеивал товарищей, не умеющих «мыслить государственно». (См. мою статью в № 1 сб. «Рев. права»).

Слова Ленина о буржуазном праве, конечно, надо понимать не дословно, а революционно-диалектически, ибо: 1) они писаны до Октябрьской революци, а 2) в нашем пролетарском государстве вместе с нэпом допущена отчасти даже и буржуазия. Но суть этих слов верно истолкована т. Пашуканисом в том смысле, что не изжито начало трудовой стоимости: обмен товаров по принципу — за равное количество общественно-необходимого труда — равное количество такого же труда. Правда, тут надо внести и высказанное еще Лениным сомнение, применимо ли вообще понятие товар к продукту социализированной фабрики?

(«Революция права» № 2, 1927 г.).

---

[1]) Я перефразирую здесь слова т. Ленина: «Мы еще такого социализма, который можно было бы вложить в параграфы, не знаем».

VI. РЕВОЛЮЦИЯ В ТЕОРИИ ПРАВА *).

1. ЛЕНИН И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕКРЕТ.

Когда весною 1917 года Ц. К. Партии большевиков поручил группе ответственных большевиков составить легальное товарищество для приобретения типографии Ц. О. «Правда», то у нотариуса в удостоверение своей личности тов. Ленин предъявил единственный имеющийся у него и каким-то чудом сохранившийся легальный документ: удостоверение совета присяжных поверенных округа Петроградской Судебной палаты от 1892 года о том, что он состоит помощником присяжного поверенного. Я тогда этого обстоятельства (что Ленин был юрист) не знал и был несколько поражен, прочтя это удостоверение. Так мало до тех пор я открыл в Владимире Ильиче черт юриста. Вплоть до Октябрьской революции, да и после, он юриспруденции и юристов не особенно миловал. В этом отношении у него много общего с К. Марксом. Да и по существу в нем самом так мало сидел юрист, что и позже он, так тщательно и мастерски редактируя декреты и обладая феноменальною памятью, ни памяти, ни понимания не обнаруживал по отношению к чисто «юридическим» делам. Так, он летом в 1918 году, увидя вышедшую тогда книжку т. Гойхбарга о нашем гражданском праве, перелистывая ее с большим интересом, как советскую новинку и тут же, предлагал ее в целях пропагандистских издать для Германии на немецком языке, радостно заметил, что у нас имеется уже и декрет о разводе. Я ответил: «Владимир Ильич, разве Вы не помните, Вы же сами редактировали в заседании и потом подписали декрет о разводе»? А надо сказать, что Владимир Ильич всегда действительно и внимательно читал то, что он подписывал. «Мало ли я подписываю декретов, — заметил со своею обычною улыбкою Владимир Ильич, — разве я все должен помнить» [1]). А надо отметить, что он проектом декрета о разводе, как о раскрепощении женщины, в свое время особенно живо интересовался, и я ему не раз докладывал, что я получаю ежедневно 5—6 письменных или телеграфных запросов о судьбе этого проекта.

Но было бы большою ошибкой думать, что Владимир Ильич вообще равнодушно относился к революционным декретам и законам. Напротив, я скорее бы констатировал у него (в первое время нашей власти) большую веру в декрет; он сурово бичевал всякое пренебрежительное отношение к декретам новой власти любимым своим (в первую эпоху Советской власти) словом о неумении нашем мыслить по-государственному. Я боюсь, что и в последний свой период Владимир Ильич не особенно радостно читал, если ему в глаза попадались советы, что судья «не вправе

---

*) Этот период я определяю со времени работы г. Пашуканиса: он получает выражение в журнале «Революция права» — секции общей теории права и государства Комм. академии.

[1]) Надо вспомнить, что Ленин впоследствии и сам говорил (30/III—20 г. XVII—83): «Я не могу помнить и одной десятой доли декретов, которые мы проводим».

применять существующую норму (революционного) декрета», а должен предпочтительно руководствоваться «общими началами советского законодательства» или «общей политикой Рабоче-крестьянского Правительства». Он, наверно, почесал бы себе привычным своим жестом затылок. Наш проект декрета (№ 1) о суде встретил в Владимире Ильиче восторженного сторонника. Суть декрета заключалась в двух положениях: 1) разогнать старый суд и 2) отменить все старые законы. И только. В то время, как некоторые товарищи относились к проекту с сомнениями или даже прямо отрицательно, от Владимира Ильича тогдашний Наркомюст удостоился отзыва «самого революционного Наркомата» и в значительной степени из-за этого проекта. Но и его, видимо, смущало одно возражение, что у нас для нового народного суда из рабочих нет достаточно новых законов. Как известно, мы внесли формулу (см. первоначальный проект в материалах Наркомюста, II, стр. 104): «утверждаются местные рабочие и крестьянские революционные суды, руководствующиеся в своих решениях и приговорах не писаными законами свергнутых правительств, а декретами Совнаркома, революционной совестью и революционным правосознанием».

Владимир Ильич, чтобы ускорить и облегчить прохождение декрета, согласился пустить его только через Совнарком, а не через ЦИК, где он, хотя и был бы принят, но, наверное, встретил бы ярое сопротивление «коалиционных партий» — левых эсеров и отчасти и «интернационалистов». В Совнаркоме же проект прошел благодаря тому, что т. Луначарский из скептика превратился в восторженного его защитника во имя революционного правосознания, тут же подтверждая, что это понятие к нам перешло от Петражицкого (см. его статью в «Правде»).

Владимир Ильич не любил фраз без конкретного содержания. Его не привлекали ни «революционная совесть», ни «революционное правосознание». Но в то время как другие товарищи старались смягчить в декрете слова о «сжигании старых законов», гениальная мысль Владимира Ильича и тут нашла революционный, да притом вполне конкретный выход[1]): он предложил к статье внести и примечание, что отмененными признаются все законы, противоречащие декретам нового правительства, а также программам-минумум победивших партий С.-Д. и С.-Р. Это примечание вошло в декрет и вызвало недоумения даже среди полудружественных нам тогда марксистов-интернационалистов». Лишь недавно у нас была опубликована анонимная статья, написанная Ф. Энгельсом, вместе с Каутским, в «Neue Zeit» за 1887 г., тогда нам, и наверное, и Ленину неизвестная, в которой мы читаем ту же мысль: «Этим, конечно, не сказано, что социалисты откажутся выставить определенные требования правового характера. Активная социалистическая партия без таких требований невозможна, как вообще всякая политическая партия. Притязания, вытекающие из общих интересов какого-нибудь класса, могут быть осуществлены только таким путем, что этот класс завоевывает государственную власть и придает своим притязаниям всеобщую значимость в форме законов. Каждый борющийся класс должен, поэтому, формулировать программно свои притязания в виде требований правового характера».

---

[1]) С гордостью Ленин впоследствии (11/I—1918 г.) заявил: «Пусть кричат, что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессий, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей, из суда, как орудия эксплоатации, сделали орудие воспитания на прочных основах социалистического общества. Нет никакого сомнения в том, что сразу такого общества мы получить не можем».

Вот почему, чтобы верно понять отношение Ленина к революционному декрету, необходимо вспомнить, как он относился к партийной программе. Известно, что Ленин смотрел на программу не только как на агитационный и организационный материал, привлекающий и сплачивающий, организующий массы, но и как на программу будущего правительства, ибо всякая серьезная политическая партия, несомненно, должна быть готова в должный момент взять власть в свои руки. «Спорьте о тактике, но давайте ясные лозунги». «Ясные, не допускающие двух толкований ответы на конкретные вопросы нашего политического поведения». И я не знаю другого политика, который придавал бы, еще до взятия власти, именно до того, столь серьезное значение конкретной формулировке программы, как Ленин. Но он на программу смотрел с точки зрения революционной диалектики. Отжившие части программы для него потеряли значение, он их беспощадно и искренно выбрасывал. Он это так рельефно формулировал в своей статье по поводу новой партийной программы осенью 1917 года:

«Мы не знаем, победим ли мы завтра, или немножко позже (я лично склонен думать, что победим завтра)... Мы всего этого не знаем и знать не можем. А потому и смешно выкидывать программу-минимум, которая необходима, пока мы еще живем в рамках буржуазного строя, пока мы этих рамок не разрушили, основного для перехода к социализму не осуществили, врага (буржуазию) не разбили и, разбив, не уничтожили. Все это будет и будет, может быть, гораздо скорее, чем многим кажется (я лично думаю, что должно начаться завтра), но этого еще нет. Возьмите программу-минимум в политической области. Она, это программа, рассчитана на буржуазную республику. Мы добавляем, что не ограничиваем себя ее рамками, а боремся тотчас же за более высокого типа республику советов. Это мы должны сделать. К новой республике мы должны итти с беззаветной смелостью, и мы пойдем к ней, я уверен, именно так. Но программы-минимум выкидывать никак нельзя, ибо, во-первых, республики советов еще нет; во-вторых, не исключена возможность «попытки реставрации»; их надо сначала пережить и победить; в-третьих, возможны, при переходе от старого к новому, временные «скомбинированные типы», — например, и республика советов и Учредительное собрание. Изживем сначала все это, а потом успеем выкинуть программу-минимум»[1]). Да еще 8 марта 1918 г. он предупреждает: не отрекаться от использования буржуазного парламентаризма. «Думать, что нас не откинут назад, — утопия... И мы говорим, что при всяком откидывании назад, если классовые, враждебные силы загонят нас на эту старую позицию, — не отказываясь от буржуазного парламентаризма, мы будем итти к тому, что завоевано опытом, — к Советской власти». Вот образец революционной диалектики, на котором не мешало бы поработать нашим революционным юристам — применительно к декрету, закону, кодексу. Сам Ленин — может быть, незаметно для себя — эту диалектику последовательно проводил в жизнь и по отношению к декрету. И как он строго настаивал на программе своей партии, так он требовал уважения и исполнения по отношению к своему революционному декрету. Он (29/IV—1918) провозглашал, что «первой задачей всякой партии будущего является — убедить большинство народа в правильности ее программы и тактики, и, став у власти, он ту же задачу ставит революционному декрету и революционному советскому управлению. А когда «левая» оппозиция партии с насмешками нападает на декрет о жел. дорогах, Ленин им отвечает серьезно: «Дайте Ваш проект декрета, ведь мы граждане советской республики, члены советских учреждений. Попробуйте дать ваш проект декрета». Другими словами, господствующая партия говорит на

[1]) 1917, XIV, 2, стр. 167.

языке не деклараций, а декретов: «Последние декреты о мероприятиях Советской власти показывают нам, что это путь пролетарской диктатуры» (4/VI—18). «Если будет бой по вопросу о распределении хлеба между голодными, то на этот бой мы пойдем смелым декретом», но в декрете надо установить ставки такие, что $^{9}/_{10}$ крестьян будут с нами. Значит, декрет должен переубедить массы. А когда была утверждена Конституция, которая дала только «завоеванное и записанное», то Ленин прямо заявил: «С момента утверждения Конституции и проведения ее в жизнь начнется в государственном нашем строительстве более легкий период» (28/VII—18). «Когда мы определяли свои политические планы и опубликовывали свои декреты... мы ясно видели, что дело подходит к самому решительному и коренному вопросу всей революции, к самому решительному и коренному вопросу о власти между пролетариатом и буржуазией, к вопросу о том, будет ли власть в руках пролетариата... сумеет ли он привлечь на свою сторону крестьян...» (Речь о положении Советской республики 29 июля 1918 г.). Вы видите, какую роль отводит Ленин всюду декрету.

Но Ленин требовал не только безусловного уважения к этому языку декретов со стороны органов власти, но одновременно и широкой популяризации изданных декретов среди миллионных масс. В постановлении VI Всер. Чрезв. Съезда Советов о точном соблюдении законов (8/XI—18 г.), инициатором которого был Ленин, мы читаем: «За год революционной борьбы рабочий класс России выработал основы законов РСФСР, точное соблюдение которых необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян России. С другой стороны, непрекращающиеся попытки контрреволюционных заговоров и война... делают в некоторых случаях неизбежным принятие экстренных мер, не предусмотренных в действующем законодательстве или отступающих от него. Исходя из этого, Всер. Чрезв. VI Съезд постановляет: 1) призвать всех граждан Республики, все органы и всех должностных лиц Сов. власти к строжайшему соблюдению законов РСФСР, изданных и издаваемых центральной властью».

А с другой стороны, всем еще памятно, как В. И. стремился к широкому доступу издаваемых декретов к массам. От конституции он требовал конкретности, например, перечня предметов ведения Съезда Советов и ВЦИК (в ст. 49), и провел постановление о том, что основной закон должен быть выставлен во всех советских учреждениях на видном месте и изучение его должно быть введено во всех школах и уч. заведениях республики. Когда Надежда Константиновна Крупская и Совнарком внесла проект о популяризации декретов и их распространении в деревне, из громадного интереса В. И. к этому именно проекту для всех ясно было, что и его мысль усердно работала в том же направлении. Он не только требовал строгого исполнения, но и сам верил в свой декрет и его убедительность.

Он, может быть, иногда даже слишком увлекался декретом. Так, когда левые с.-р., вступив в заведывание Наркомюстом, поручили своему «ученому» члену коллегии Шрейдеру составить уголовный кодекс, то Ленин нас, большевиков, даже дразнил, что вот, мол, эсэровские спецы что делают. И пришлось подобрать особенно несуразные статьи из этого, с позволения сказать, кодекса, проект которого при уходе эсэров из Наркомата был уже даже напечатан для рассылки членам ВЦИК, чтобы переубедить В. И. в полной непригодности проекта, который, являясь переделкой старого царского Уложения, местами даже ухудшал положение, например, рабочих.

Но проходит первый период так называемого военного коммунизма. Наступает период нэпа с его кодексами. Ленин без колебания отрекается от декретов, не соединимых с новой политикой, и подписывает новые кодексы. И весьма интересно прочесть, как он теперь характеризует декреты

первого периода. «В свое время были нужны эти декларации, заявления, манифесты, декреты[1]). Этого у нас достаточно. В свое время эти вещи были необходимы, чтобы народу показать, что и как мы хотим строить, какие новые и невиданные вещи. Но нужно ли народу продолжать показывать, что мы хотим строить? Нельзя! — Самый простой рабочий в таком случае станет издеваться над нами. Он скажет: «что ты все показываешь, как ты хочешь строить, покажи на деле, как ты умеешь строить. Если не умеешь, то нам не по дороге, проваливай к чорту!» — и он будет прав» (17/X—21 г.).

Что касается остающихся в силе политических законов, — о них Ленин там же высказывается: «Советские законы очень хороши, потому что представляют возможность бороться с бюрократизмом и волокитой, возможность, которую ни в одном капиталистическом государстве не предоставляют рабочему и крестьянину... А кто пользуется этой возможностью. Почти никто!.. Законов написано сколько угодно. Почему же нет успеха в этой борьбе? Потому, что нельзя ее делать одной пропагандой, а можно завершить только если сама народная масса помогает».

Или мы берем его речь (от 27/III—22 г.) на XI Съезде партии: «Центр внимания не в том, чтобы законодательствовать, лучшие декреты издавать и т. д., у нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют; вся белогвардейская пресса полна насмешек на этот счет, но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: «вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах. Это было время, это была полоса, которая была необходима в начале революции, без этого мы не стали бы во главе революционной войны, а стали бы плестись в хвосте. Но эта полоса прошла, а мы этого не хотим понять».

Новые кодексы имеют другой характер. Во ВЦИК'е (31/X—22 г.), в докладе о принятых кодексах, Ленин говорит: «Мы и здесь старались соблюсти границу между тем, что является законным удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом, и тем, что представляет собою злоупотребление нэпом, которое во всех государствах легально и которое мы легализировать не хотим». «Но, — прибавляет Ленин, — мы ни в коем случае не будем себе связывать руки на этот счет. Если текущая жизнь обнаружит злоупотребления, которых мы не досмотрели раньше, мы сейчас же внесем исправления. На этот счет вы все, конечно, прекрасно знаете, что быстроты законодательства, подобной нашему, другие державы, к сожалению, не знают».

Но как эти взгляды Ленина на декрет, закон, законность соединить с его же определением диктатуры, как власти, не связанной никакими законами? Это, прежде всего, означает, что диктатура рабочего класса не связана законами другого класса. Она их сразу и отметает. Для себя она издает законы — обязательные программы, но и там в исключительных случаях допускаются чрезвычайные меры в борьбе с контр-революциею. Известно, что с наступлением нового периода В. И. центр тяжести хотел перенести от ВЧК на прокуратуру. Из опубликованной тов. Курским в предисловии к протоколам Съезда деяте-

---

[1]) Выделено разбивкой в цитатах мною. П. С.

лей советской юстиции 1924 г. записки В. И. видно, какое значение он придавал именно проведению этой новой законности, возлагая на прокуратуру обязанность «следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям».

Я, примерно, привел здесь несколько кратких цитат, воздерживаясь от личных воспоминаний, как ненадежного источника оценки. Моя цель была показать гибкий, но одновременно строгий подход Ленина к законности данного периода. У него это вытекало из всей его подготовительной работы по Партии, которую он в мыслях своих уже готовил для будущей роли господствующей партии, диктатуры пролетариата в союзе с крестьянством, но под гегемонией рабочего класса. Программа — декрет, Партия — власть. Такова перспектива его тогдашней мысли.

Я полагаю, что эта краткая заметка поможет правильно осветить непонятную, на первый взгляд, враждебность Ленина к юристу вообще, используя в то же время в качестве юриста все правовые средства данного периода в защиту угнетенных, будь это парламент или даже царский суд (ср. статью тов. Пашуканиса) [1]). Все дело заключается в диалектике,— точнее, в революционной диалектике Ленина — прямой противоположности той формальной логике, которая держит в своих клещах весь юридический мир буржуазного общества и его пережитков.

(Сборник «Революция права» № 1 — 1925 г.).

---

2. ПОНЯТИЕ ПРАВА ВООБЩЕ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ.

Что мы понимаем под правом вообще, под гражданским правом в частности? Я начинаю с того, что я еще с 1919 г. и поныне считаю основным правом, если не единственным, именно так называемое гражданское право, а равно, что я высказываюсь за сохранение исторического его названия «гражданское право». Я воздержусь здесь от подробных рассуждений по поводу отстаиваемого мною пояснения понятия права вообще. Все же я считаю нужным подчеркнуть необходимость вообще дать общее определение права, не считая это одною «схоластическою мудростью». Благодаря бесконечным рассуждениям о праве это слово получило самые различные значения. Поэтому, чтобы не говорить на разных языках, необходимо условиться о том, что каждый из нас понимает под данным техническим термином. Исходя из слов Маркса и Энгельса и понимая право, как явление, относящееся исключительно к классовому обществу, но и присущее всякому классовому обществу, я поддерживаю в первую очередь этот основной признак права.

Определенное, формулированное нами в 1919 г. наспех в Наркомюсте, основано скорее на революционном чутье, чем на теоретическом изучении вопроса. Оно гласило: «Право — это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованною силою его (т. е. этого класса)», другими словами — государство[2]). Я не буду здесь останавливаться на формулировке, особенно

---

[1]) В том же сборнике «Рев. права».

[2]) Для примера я приведу здесь буржуазное определение этого права, как правопорядка: «Право в объективном смысле — это порядок жизненных условий, гарантированный (обеспеченный) путем всеобщей воли» (цивилист Дернбург). Внесите сюда марксистский классовый элемент вместо «всеобщеволевого» буржуазно-демократического и вы получите нечто похожее на это определение.

слов «система (или порядок)», само пояснение (в скобках) указывает, что тут была еще известная неясность мысли, но не в этих словах основной смысл нашего пояснения (дефиниции) вообще. Теперь мы, конечно, значительно яснее мыслим в этом вопросе, чем тогда, но ведь для этого потребовались 8 лет революции.

Мы исходим от «общественных отношений», я подчеркиваю слово «общественных», ибо тут мои критики отчаянно путались. Я слово «общественных» тогда брал, и (тому посвящена целая глава моей первой книги) лишь в смысле отношений производства и обмена (как это понимают Маркс и всякий марксист). Будучи марксистами, мы должны исходить именно из этих «материальных отношений людей, чтобы оттуда черпать понимание идей и понятие людей о своих же взаимоотношениях», а не наоборот, как это сделала вся буржуазная наука. Еще Маркс и Энгельс говорили, что «отношения становятся в юриспруденции (науке права) ... в сознании «понятиями». А Энгельс наглядно показал, как здесь «сначала из предмета делают понятие предмета; затем переворачивают копье и мерят предметы и по его отражению — понятию» (Энгельс, Анти-Дюринг, 86). Но, исходя из этих общественных отношений, мы говорим о системе или порядке этих отношений и эти слова при всей их неточности ясно указывали, что не отношения сами по себе тождественны с правом вообще, а что требуется еще целый ряд дополнительных признаков, чтобы они могли признаваться правом.

Когда я говорил о системе или порядке, то я имел в виду некоторую форму организации. Но организацию в каких целях? На первом месте тут стоит признак охраны, обеспеченности этого порядка со стороны государства, т.-е. со стороны организованного господствующего класса. Вот в чем кроется классовая суть права. А почему класс поддерживает именно этот порядок отношений? Потому, что в этих отношениях заключается защита интереса класса. А что означает интерес класса, т.-е. не один интерес кого-либо из членов класса, а основной интерес класса в целом. Это — его отношение к средствам производства, просто говоря, это вопрос о праве собственности на эти средства производства, как мы ныне сказали бы, на эти командные высоты процесса производства, а лишь вслед за тем и обмена. А почему о праве собственности на средства производства? Потому, что от этого зависит распределение продукта, т.-е. вид эксплоатации. Вот что мы должны были подчеркнуть в своем определении права. Все это было сказано уже Марксом. Или взять у Ленина хотя бы его определение класса (самое лучшее, данное вообще где-либо и кем-либо), чтобы видеть, каково значение права («оформленное в законах») для существа класса (см. «Первый почин», 1918 г.).

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства».

Мы говорим с Марксом и Лениным, что в каждом классовом обществе должно быть право и именно свое классовое право, но что в свою очередь право существует только в классовом обществе. Критикующий, оспаривающий это положение должен противопоставить этому пониманию свое понятие. Тогда только могут быть устранены простые недоразумения, возникающие оттого, что люди говорят о разных вещах, как бы на разных языках и поэтому друг друга не понимают или обвиняют в не-

понимании того, о чем говорят. По-нашему, существует классовое право: феодальное, буржуазное, советское; они друг другу противоположны, как сами классы, но мы одновременно отмечаем по диаклектическому методу и то, что в них всех общее.

На первом месте, как я уже указал, стоит государство, т.-е. классовое государство и его власть. «Право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права» (Ленин, XIV, 2, 374). Мне говорят, что у Маркса в связи с правом нет упоминания о государстве. Однако, «ваше право есть только возведенная в закон воля вашего класса», читаем мы в «Коммунистическом манифесте». А скажите, кто издает и охраняет этот закон, если не государство? Можем ли мы социализм строить без советской власти, без пролетарского государства? Смешной вопрос. А буржуазное право? Даже проф. Рейснер (в 1920 г.) писал: «Если лишить частного собственника защиты государства, отменить полицию и т. п., которые поддерживают его власть, это право собственности отпадает». А возьмите любую «декларацию прав» французской революции (1789 или 1793 гг.), чтобы убедиться, как и она понимала то, что для обеспеченности буржуазного права, т.-е. по существу, буржуазной частной собственности, необходимо буржуазное государство.

Защита интереса класса является прямою целью как данного государства, так и права. Этот момент особых возражений не встречает, хотя умаление и этого момента встречается. И буржуазные юристы заговорили об интересе, как содержании или цели права. Но они понимали под ним либо конкретный интерес личный («эгоизм»), либо какой-то абстрактный интерес всеобщий («общее благо»). Но если первые (ср. Бентама) дошли до смешного в своих рассуждениях о единстве интереса эгоистического субъекта с интересом всего общества, то другие искали каких-то абстрактных имманентных целей либо в богословской теологии феодального периода, либо в рационалистической телеологии буржуазного общества. Мы, став откровенно на классовую точку зрения, говорим об интересе класса, о конкретной целесообразности господствующего класса.

О значении общественных отношений, как отношений, по Марксу, в первую очередь производства, а затем и обмена, я здесь распространяться не буду. Здесь только несколько слов по поводу одного замечания в печати (В. К. «Изв.» № 140, 1926 г.), в котором указывалось, что мое определение, исходящее от материальных, общественных интересов вообще, неверно, что «тут ближе к истине подходит т. Пашуканис, который видит в праве специфическую форму общественных отношений, именно отношений товаровладельцев (т.-е. обмена), обособленных носителей частных интересов». На этой, в высшей степени ценной теории я подробно остановлюсь ниже; здесь же я во имя Маркса возражаю лишь против отнесения к области права одних отношений обмена, отбрасывая производство [1]). Такое сужение понятия права вообще являлось бы попыткою скорее уклониться от разрешения вопроса, богатого противоречиями, чем ответом. Но мы увидим, что сам т. Пашуканис в этом неповинен. А чтобы предупредить уже читателя до дальнейших пояснений, я здесь скажу, что мое определение права шире, ибо охватывает все виды классового права: и право неравенства, и право формального равенства при экономическом («фактическом») неравенстве, это так называемое буржуазное право, и, наконец, право переходного периода к экономическому равенству.

Нам остается здесь еще уточнить наше понятие права вообще и, в частности, гражданского права. Меня упрекали в том, что при моем опре-

---

[1]) Относительно товаров вообще Маркс говорит: «Предметы потребления становятся товарами только потому, что они являются продуктами независимых друг от друга частных работ» (К., 37).

делении права получается как бы смешение права с социологией. На самом деле мы встречаем разговоры о социологии и об идеологии права. Значит право представляет собою нечто не совпадающее ни с идеологией, ни с социологией.

Мы находим в литературе, во-первых, слова: «социальный правопорядок» (см. Кунова) и «право, реально функционирующее в жизни» и т. п. Во-вторых, право понимается, как «право официальное», «правовые нормы» (т. Подволоцкий), «системы социальных норм» (т. Магеровский) и т. д., а в обывательском смысле право — это свод законов или собрание узаконений. Но имеется еще и третье значение права — это так называемое «интуитивное право» (Петражицкий и его поклонники), «правовая идеология», «идея права», «философское или естественное право», «правосправедливость», «внутреннее правосознание» и т. д.

Я здесь не буду останавливаться на вопросе, как образовались этот «разрыв принципа и практики», это «расхождение» самых правовых отношений на три группы, из которых я первую группу называю конкретной формой общественных отношений, а две последних двумя видами абстрактной формы отношений. Я здесь сделаю лишь оговорку, что в видах чисто практических я в своей предстоящей работе, имеющей целью облегчить понимание и изучение нашего гражданского права, буду иметь дело, главным образом, с абстрактными формами отношений, т.-е. законом и идеологией права. Мы увидим дальше, как в обществе товаропроизводителей все общественные отношения постепенно принимают форму идеологии права или правовой идеологии, как все людское отношения в этой области в головах людей принимают вид «идей права», т. е. представлений о праве. Затем люди, в головах которых сложились эти понятия о каких-то справедливых отношениях людей, эти свои мысли, став у власти, излагают по-своему в письменной форме декрета, закона и т. д. или «проводят» в жизнь в виде обычая, судебного прецедента и т. д. Но, конечно, излагая свои мысли не в виде философских учений, они сознательно или бессознательно делают уступки конкретным отношениям, тому, что мы называем жизнью, практикою и т. д. Таким образом закоа представляет всегда в известной степени компромисс между «идеею права» и «экономикою», а в классовом понимании — интересами классов, но с явным и определенным преобладанием интересов господствующего класса. У буржуазного правоведа я нашел удачное определение этого права, как норм, «которые, по общему правилу, могут быть в данных условиях проводимы принудительно».

Но, ограничиваясь так называемыми «нормами» права, в сущности, законом, только в самом широком его понимании, я отнюдь не отказываюсь от первенствующего значения материальных отношений. Избирая путь «компромисса», я хочу лишь ближе подойти к практику, которому, говоря о гражданском праве, естественно представляется гражданский кодекс, как источник этого права, хотя бы в объеме, дополненном практикой и комментариями. Конечно, всюду, где приходится трактовать вопросы гражданского права научно, мы всегда вернемся к нашему основному определению права и никогда не откажемся от всех вышеперечисленных признаков права и для гражданского права. Но мы для гражданского права еще больше подчеркнем слова «система» или «порядок», как сознательный организационный момент, особенно для гражданского права переходного периода.

(Курс советского гражданск. права. «Введение в теорию гражд. права»— гл. II, 1927 г.).

---

3. ЦЕЛЬ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ.

О цели в праве или, что приблизительно то же самое, о политике права стали говорить не так давно и до сих пор вмешательство политики в область гражданскоправовую считается в буржуазном мире вообще чем-то предосудительным. Суд и гражданское право должны быть независимы, далеки от всякой политики, т.-е. от всякого воздействия государственной власти. По отношению к суду это еще понятно при взгляде на суд, как на независимую власть, стоящую рядом с законодательною и исполнительною властью. Но, говорят, и законодательство по вопросам гражданского права должно быть независимо от политики. Это право ведь является выражением высших принципов справедливости и равенства, стоящих выше государства, выше политики. И в подтверждение этого ссылаются на истину, установленную еще Реннером (Карнером), что статьи римского права просуществовали 2000 лет и ныне действуют почти во всех законодательствах в том же неизмененном виде; они, значит, пережили империи и республики, феодальный и буржуазный строй. Политика оказалась бессильной по отношению к ним. Они, следовательно, представляют вечные категории.

Правда, в последнее время эта точка зрения постепенно оставляется. Прежде всего начали говорить об уголовной политике, т.-е. о политике в уголовном праве. У нас говорят откровенно и об уголовной, и о судебной, и гражданскоправовой политике, но нельзя сказать, чтобы значение этих слов было всем достаточно ясно. Надо себе определенно отдать отчет, что мы здесь понимаем под политикой в праве. Это — ни что иное, как применение государственной, а вместе с тем и классовой целесообразности в праве.

Но, как известно, в праве, говоря о цели, обыкновенно понимают под этим словом некую вечную, «имманентную» цель, и телеология в праве является близкой родственницей теологии (богословия). Значит, по этой теории, лишь поскольку и государство преследует ту же абстрактную, имманентную цель, как и право, допустима государственная целесообразность в праве, т.-е. связь политики с правом. Если государство призвано осуществлять, как цель, карание зла и вознаграждение добродетели, оно может и вмешиваться в уголовную политику. А если эта внутренняя цель заключается в «гуманизме», то это вмешательство может выражаться и в помиловании и вообще в регулировании исполнения приговора. Но как быть с гражданским правом, которое, даже в трудовой теории, является одним отображением товарообмена на основе трудового эквивалента? Тут решающее значение принадлежит индивидуальной воле товаровладельца, или свободному соединению двух воль, договору. «Сфера обращения или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля-продажа рабочей силы, есть истинный Эдем прирожденных прав человека» (Маркс). А эти прирожденные права плохо вяжутся с какой-либо целью в праве, если под нею не понимать каких-то имманентных целей. Но мы уже видели, что это общество простых товаропроизводителей в идеологии переживает само себя, т.-е. существует в идеологии, когда его уже нет на деле. Идеология свободы и равенства, как абстрактных категорий, продолжает свое существование. Так, Маркс говорил про Прудона, что он «хочет уничтожить капиталистическую собственность, противопоставляя ей... вечные законы собственности товарного производства».

Помните выступление против нашего определения гражданского права, как «системы или порядка» или формы организации общественных отношений. Организация предполагает цель, сознательную планомерность, а есть ли такая цель в праве вообще? Идея цели в праве вообще не нова; но

ее понимали, как цель, открыто объявленную провидением, или как имманентную цель, вложенную также извне какою-то неведомою силою. В первых работах о классовом характере права мне даже пришлось, наравне с борьбою против буржуазного волевого принципа в праве, высказываться и против такого же метафизического понимания цели в праве. Но когда мы вскрыли фетишизм буржуазного права с его таинственным понятием субъекта права, у нас появилось противопоставление правовому принципу принципа непосредственных целесообразных действий государственной власти. Эту же проблему выдвигала еще раньше практическая жизнь, когда правовому способу противопоставляли индивидуальную классовую целесообразность действий отдельных лиц или учреждений (напр., суда). Этому течению уже тогда (см. напр., резолюцию съезда деятелей юстиции 1924 г.) противопоставляли лозунг «целесообразности, интереса класса в целом».

Это совпадение тенденций практики революции и теории — не случайно, как не случайно и то, что теория опоздала, отстала пред практикой. И также, как практика решила вопрос и более или менее изжила этот уклон, так приходится и теории им позаняться. И, конечно, недостаточно просто поставить вопрос, как вопрос практики. Необходимо вопрос проверить и на истории и теории права, в частности, буржуазного права. Вопрос чрезвычайно сложен в виду того глубокого дуализма, которым отличается в особенности именно буржуазное право. Этот дуализм выдвигает под-ряд проблемы производства и обмена, собственности и товарооборота, господства и свободы, права неравенства и права равенства и т. д. Мы метафизическому, сверхъестественному пониманию цели в праве противопоставляем цель, целесообразность, вытекающую из самих жизненных, общественных интересов, т.-е. из процесса производства — потребления, при чем причины, мотивы происхождения этой цели могут быть даже еще не осознаны людьми. Эта целесообразность обнаруживается лишь «после факта» статистикой или политической экономией. Но эта цель может и сознательно вкладываться в право, как в организационную деятельность людей, на основании уже осознанных людьми законов движения общества. Мы раньше вместо цели пользовались более общим словом «интерес» в смысле побудителя, определяющего направление тех или иных действий людей, будучи материалистами, слово «интерес» заменить словами «цель, целесообразность» могли лишь с того момента, как мы действительно познали и осознали побудительные причины этого интереса. Интерес класса превращается в цель класса лишь с того момента, как класс сам осознал этот интерес; но объективно интерес уже до его осознания мог иметь для класса значение и цели.

Если первое, сверхъестественное понимание цели и в праве вытекало из господствовавшего христианского мировоззрения, в котором телеология (философия о цели) отождествляется с теологиею (богословием), то буржуазная революция в своих построениях ведь исходила из конкретных, договорных отношений людей. Из этих договорных отношений буржуазное право взяло свой масштаб равенства и свою идею свободы. Казалось бы, при таких условиях и цель в праве, в особенности в договорном праве, должна была выводиться из реальной жизни, ибо бесцельный договор сам по себе для буржуа — бессмыслица. Но, как остроумно показал Кельзен, в буржуазное (юридическое) мировоззрение из христианского миросозерцания перешла нетронутою и вера, лишь с заменою бога — церкви государством. Как бог создает чудо — природу, так государство творит право, хотя и естественное, но чудо — право, в самом себе скрывающее и свои (конечно, абстрактные) цели.

Все попытки построить понятие цели в праве из экономических отношений людей неотменно кончались тою же метафизической телеологией. И не могло быть иначе, раз буржуазия не хотела или не могла при-

знаться во всеобщем дуализме, покоящемся и в праве на разрыве человечества на два больших класса, класса собственников-эксплоататоров и класса эксплоатируемых, лишенных права собственности (на средства производства). Право неравенства и право равенства каждое имеет свою цель, свою классовую целесообразность [1]). Где найти единство этих целей, хотя бы оба права были объдинены в одном кодексе.

Вопрос о «цели в праве» реалистически поставить серьезно попытался впервые известный германский ученый Иеринг. Но его работа, как бы она ни была интересно затеяна, окончилась неудачей [2]). Все же и его неудача дает нам кое-что интересное. Он начинает в предисловии весьма реалистически с иронии над одним из своих предшественников, проф. Тренделенбургом, определившим цель в праве чисто метафизически, именно «цель, как миросоздающий принцип». На это отвечает Иеринг: «С такой высоты и широты взгляда ничего не перепало на долю той ограниченной точки зрения, с которой я должен рассмотреть цель, а именно с точки зрения цели для человеческой воли». «Основная мысль моей работы заключается в том, что нет нормы права, происхождение которой не объясняло бы определенною целью, как практическим мотивом. Такое многообещающее начало невольно возбуждает наш интерес».

Он начинает с того, что воля человека — не свободна, что и она подчинена принципу причинности, каузальности; но волю его определяет не причинность прошлого, но практическая цель (causa finalis — целевая причинность). Не «почему», а «для чего». «Нет воли без цели». Чтобы устранить дуализм господства и свободы, права неравенства и права равенства, Иеринг хочет доказать, что «цели существования человека для своего осуществления требуют вмешательства власти (силы)». Иеринг длиннейшими философскими рассуждениями доказывает, что общество — государство — это высшего типа целевая организация людей. Как наилучше организованный целевой аппарат, государственный аппарат торжествует над хуже организованными. А право есть система обеспеченных принуждением социальных целей или, что по Иерингу то же самое, «обеспечение жизненных условий существования общества в форме принуждения... Право, таким образом, есть политика силы... А закон орудие достижения целей». Не надо забывать, что всюду здесь цель понимается не абстрактно, а вполне конкретно, как практический мотив для человеческой воли. Поэтому терминология его звучит местами довольно современно: «В юридическом понимании имущества по отношению к человеку заключается то положение, что природа существует исключительно для него. Но природа не дарит своих благ, человеку приходится завоевывать их у нее. Если для этого недостаточно его собственной силы, он должен прибегнуть к чужой помощи, которая приобретается посредством эквивалента — возмездия, платы («Lohn»)... Обмен (мена) является формою, необходимой для такого перемещения вещи, при котором вещь могла бы достигнуть своего назначения... Меновой оборот можно назвать тем провидением, которое помещает каждый предмет (вещь, рабочую силу) на место, соответствующее его назначению... Говоря о назначении вещи, мы переносим понятие о цели... на нечто чистое вещное... Цели вещей суть ни что иное... как цели, которых оно (лицо) достигает посредством этих вещей... Формою же менового оборота является договор».

А эквивалент? Тут-то начинается для Иеринга основное затруднение. Эквивалент для него вовсе не есть на деле эквивалент (равностоящее),

---

[1]) Вопрос о праве неравенства и праве равенства подробно освещен в гл. III, I ч. курса гражданского права.

[2]) Первый том ее вышел в 1877 г., второй — в 1884 г. и оба тома имели всего 1300 страниц; с первого тома имеется неполный русский перевод.

а плюсвалент (большестоящее): «Исполнение договора противной стороной, заключающееся только в эквиваленте того, что сделано с нашей стороны, психологически не в силах вызвать изменения в существующем положении сторон; для этого необходимо перевес (Plusvalent), конечно, не в объективном, а лишь в субъективном смысле». Так наивно Иеринг объясняет «совпадение интересов», которое удостоверяется договором с практическою целью «кооперации» (сотрудничества, напр., кооперации нанимателя и рабочего). «Понятие возмездия (Lohn) и эквивалента — продолжает Иеринг — не тождественны: под эквивалентом мы разумеем лишь взаимную соразмерность исполнения сделки», но «эквивалент сам определяется по выработанному на основании опыта оборота масштабу для оценки тех или других благ и действий». Так понимает Иеринг «эквивалент», как осуществление идеи справедливости в области оборота». А общество (буржуазное) разрешает эту задачу путем конкуренции, как «социального саморегулирования эгоизма».

В буржуазном обороте «деньги — это истинный апостол равенства». Их приобретать — вправе всякий, но только имеющий деньги в известном количестве чувствует это равенство.

Таким образом, Иеринг все же дошел до сознательно-организационной роли и буржуазного, а, главным образом, буржуазного гражданского права. Вместо абстрактных формул равенства, он видит в праве и в его аттрибуте — законе — не сверхъестественный фетиш, а практическую целевую норму, сознательно устанавливаемую для удовлетворения потребностей, притом открыто объявляя эту систему системою неравенства. Но все потуги его свести и «личную цель» потребителя (эгоизм), и «цель государственной власти», снабженной «монополиею принуждения», к одному знаменателю надо признать неудавшимися.

Нельзя было найти единой цели права там, где нет этого единства, как не могли волевые теории права найти единство воли там, где его нет. В обществе простых товаропроизводителей еще допустима возможность отвлечься от момента сознательного господства, с противоположным противопоставлением — подчинением. Там легко объяснить цель и в праве из практического мотива потребности. Но в обществе капиталистическом, особенно второго периода, момент господства слишком берет верх, из принципа равенства (эквивалента) эта цель уже необъяснима.

Дальнейшее развитие монопольного капитализма сделало еще более ясною несостоятельность идеи свободы воли и договора. Буржуазная наука вместе с тем обогатилась одним новым сознанием, что решающий момент относится не к рынку, товарообмену, а к праву собственности, т. е. производственным отношениям. Поставленная Иерингом проблема о цели в праве нашла последователей, напр., в «Дюги» и в так называемом юридическом социализме. Они оба эту цель с лица прямо перенесли на вещь, цель в праве — на право собственности. Эта цель, как социальная задача или функция, ими прицепляется к самой вещи. Так, Дюги[1]) пишет: «Собственность больше не является собственным правом собственника; она есть социальная функция обладателя имущества... Каждый индивид обязан выполнять известную функцию, непосредственно зависящую от того места, которое он в нем занимает». Но кто возложил эту обязанность, кто назначил его на это место? Какой-то неведомый факт. «Я не говорю, я никогда не говорил, я никогда не писал, что... индивидуальная собственность исчезла или должна исчезнуть... Мне не к чему критиковать или

[1]) Леон Дюги — «Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона», Москва, 1919 г.

оправдывать этот факт». Дюги признает существование и пролетариата, но— «преступлением является проповедывать борьбу классов... Собственник *имеет обязанность, а тем самым и полномочие* использовать вещь, которою он обладает, для удовлетворения индивидуальных потребностей и т. д...». Дюги, как видите, переставил понятия: вместо «полномочие-обязанность» он провозглашает «обязанность-полномочие», но в том же капиталистическом обществе. Я принимаю, как факт, обладание капиталом *только некоторым числом индивидов*. Кто же, значит, определяет *цель* права? Опять какое-то *провидение, сделавшее* капиталиста *обладателем капитала*. В то время, как для Иеринга субъектом цели являлся живой человек, индивид, эгоизм личности, здесь эта цель определяется вновь как *элемент развития*, сверхестественная тенденция прогресса. Для социал-демократии, напр., прогресс капитализма всегда выше интереса рабочего класса, хотя бы этот прогресс выразился в капиталистической, т.-е. крайне эксплоататорской форме рационализации труда. Но оба эти течения *чувствуют*, хотя и скрывают, *дуализм* и в праве. Поэтому их стремление — *примирение*; у Дюги идея *солидарности* целей, у социал-демократов и *сотрудничество* классов и мирное перерастание из анархии в социалистическую планомерность. Правильно у обоих этих течений — перенесение *центра тяжести с права рынка* (свобода договора) *на право производства* (право собственности).

Понятие цели и целесообразности *у нас* стало играть большую роль. Это само собою разумеется. Стоя на точке зрения классовой борьбы, определяемой классовым интересом, мы, придя к власти, должны были осуществлять осознанный классовый интерес, т.-е. сознательную цель класса. Это — сознательное, планомерное, целевое строительство, *не исключающее* и методов правового регулирования. Но *это — целиком* новое право переходного периода. Сам тов. Ленин декреты этого периода называет «формою пропаганды». «В свое время нужны были эти декларации, заявления, манифесты, *декреты*». Но все «гражданское право» было либо отменено (национализация частной собственности), либо (обязательственное, договорное право, *право рынка*) на этот период *объявлено* бесправием, загнано в подполье.

Когда с переходом к новой экономической политике, в результате отступления, у нас снова были узаконены рынок и свобода товарообмена, у нас появились и *гражданские права*, издан был ГК. Не случайность, что как раз вскоре после этого (в 1924 г.) вышла упоминавшаяся несколько раз работа тов. Пашуканиса, вносящая свет в тайны фетишизма буржуазного права. Но рассматривая буржуазное право исключительно с точки зрения товарообмена, у нас *теряется понятие цели*, целесообразности в праве. Восстановив «*в интересах развития производительных сил*» свободу рынка и конкуренции в лице субъекта права (ст. 4 ГК), и мы как бы исключили из права *понятие цели и целесообразности*. Ибо, где господствует свободная конкуренция, какая там может быть речь о сознательной цели и целесообразности. Мы у нас таки встречаем серьезное *противопоставление праву*, юридическим нормам, *целесообразных*, непосредственных действий учреждений или лиц. Из самой сути *меновой* стоимости выводить какую-либо *цель в праве*, мне кажется, таки-*нет возможности*. Мы видели, как Иеринг констатирует, что сам по себе обмен эквивалентов необъясним, ибо в нем не содержится побудительного к тому мотива, если не вводить в обмен момента достижения *плюсвалента*. Иеринг этот «плюсвалент» объясняет исскусственно, для капиталиста он объективно вытекает из его формулы обмена Д — Т — Д + д (деньги — товар — деньги + с *прибылью*).

Но и товарообмен сам по себе уже содержит основной момент, *вносящий цель* в право этого оборота, это потребительная стоимость.

«Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая по своим свойствам способна удовлетворить какую-либо человеческую потребность». (Маркс, «Капитал»). «Вещь может быть потребительной стоимостью, не будучи стоимостью... Вещь может быть полезностью и продуктом человеческого труда, не будучи товаром». Но «вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления». «В потребительной стоимости каждого товара содержится определенная целесообразно направленная производительная деятельность, или полезный труд (там же). «Поскольку процесс обмена перемещает товары из рук, где они не являются потребительными стоимостями, в руки, где они функционируют, как потребительные стоимости, постольку этот процесс есть общественный обмен веществ» («Капитал», 1, 74).

Мы, принимая теорию права, в основе которой лежит трудовой эквивалент, должны внести в нее определенный корректив (поправку), принимая во внимание не только меновую стоимость товара, но и потребительную стоимость его. Если меновая стоимость нам дала нормы, масштаб права (эквивалент), то потребительская стоимость и в оборот и в право вносить цель, целесообразность.

Если «товары, как стоимости, представляют овеществленный человеческий труд», то мы должны вкратце остановиться и на труде в его процессе, из которого выходит в виде продукта потребительная стоимость. «Потребление создает стимул (trieb) производства... Потребление идейно ставит предмет производства, как внутренний образ, как потребность, стимул и цель... Без потребности нет производства». (Маркс, введение к «Критике политэкон.»). «Простые моменты процесса труда следующие:

1) целесообразная деятельность или самый труд;

2) предмет труда и

3) орудия, которыми он действует (Капитал», 1, 154). «Он (работник) не только изменяет форму того, что дано природою; в том, что дано природою, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая, как закон, определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю» (там же).

«Процесс труда... есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, общее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное условие человеческой жизни и поэтому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаков, общ всем ее общественным формам».

Значит, «целесообразный труд» рода (без всякого или без значительного разделения труда), или классового общества в целом (с его доведенным до крайности разделением труда), или наконец, нового бесклассового общества с воссоединением разделенного труда на расширенной базе играет всегда определяющую роль в общежитии человека. Но это — цель, лишенная всякого оттенка метафизической телеологии. И даже в той стадии развития планового общества, где все превратилось в товар, т. е. где всякий продукт труда является предметом потребления не в руках производителя, где всякий работник работает на другого, труд все же должен быть целесообразен, превратиться в действительную потребительную стоимость. «Для того, чтобы воплотить свой труд в товарах, он должен прежде всего овеществить его в потребительных стоимостях, в вещах, которые служат для удовлетворения тех или иных потребностей» («Капитал», I, 153). Эту целесообразность труда не может уничтожить никакая анархия про-

изводства, она проявляется через всякую анархию мира свободной конкуренции в виде закона спроса-предложения.

Пока простой товаропроизводитель, одновременно и трудовладелец, совершает простой товарообмен, цель его воли, цель его договора (или права) направлена непосредственно на потребительную стоимость в руках другого, такого же простого товаропроизводителя - товаровладельца (Т-Т).

Правовое отношение этого периода чрезвычайно просто: даю, чтобы ты дал и т. д. Но обмен осложняется: стоимость принимает относительную, а затем эквивалентную форму и переходит от всеобщей к денежной форме (Т-Д-Т, товар-деньги-товар). Цель у производителя еще та же самая — потребительная стоимость. Но этот процесс обмена собственно уже заключает в себе две фазы процесса: Т-Д; Д-Т (товар-деньги, деньги-товар). Эти две фазы разъединены не только по личности, но и времени. «Между тем, потребность в чужих предметах потребления мало-по-малу укрепляется. Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом. Поэтому в течением времени, по крайней мере, часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для обмена. С этого момента, с одной стороны, закрепляется разделение между полезностью вещей для непосредственного потребления и полезностью ее для обмена. Ее потребительная стоимость отделяется от ее меновой стоимости» («Капитал», I, 57). Стоит для потребителя, товаропроизводителя, лишь получить за свой продукт достаточно денег, чтобы получить достаточное количество всяких потребительных стоимостей. «Потребительность денежного товара удвояется, он получает формальную потребительную стоимость, создаваемую его специфическими общественными функциями».

Энгельс («Летопись Маркса», 1) очень выпукло и популярно характеризует отличие формулы Т-Д-Т, как простого обращения товаров общества простых товаропроизводителей, от формулы капитализма «Д-Т-Д, или формы обращения, в котором деньги сами превращаются в капитал». Для товаропроизводителя Т-Д-Т, это — формула, без которой он жить не может. Для капиталиста, как и для Иеринга, «если бы этот процесс всегда имел результатом лишь возвращение ему той суммы, которую он авансировал (эквивалент), это было бы абсурдом». И дальше уже Энгельс, по Марксу, развивает, как Т в последней формуле получает прирост прибавочной стоимости, а в результате формула всего оборота уже гласит: Д-Т-Д + д.

В первой формуле (Т-Д-Т) волю товаропроизводителя определяет цель приобретения потребительной стоимости. Маркс дополняет это словами: «То обстоятельство, что производство потребительных стоимостей или товаров совершается для капиталиста и под его контролем, нисколько не изменяет его общей природы» («Капитал, I, 153). Цель, целесообразность труда, а вслед за ним и обмена, все время продолжает действовать, не уже не в непосредственной форме. И для капиталиста обязательна цель — производство потребительных стоимостей; без этого условия продукт не станет товаром, не будет меновой стоимостью, не будет спроса на его предложение. Конечно, с оговоркою, что само производство создает и новые потребности. Значит, потребительная стоимость, являясь прямою целью товаропроизводителя, является неотменным условием обмена и для капиталиста.

Но в то время, как для производителя вообще право собственности данного периода является только условием и преходящим условием для производства и обмена, для капиталиста оно является основною и безусловною целью, ибо на нем основано его право на эксплоатацию, на получение неоплаченного труда,

на прибыль. А без этого капиталист не будет капиталистом, капитал — капиталом. «Простое товарное обращение — продажа ради купли — служит средством для достижения конечного результата, лежащего вне обращения, для присвоения потребительных стоимостей, для удовлетворения потребностей. Напротив, обращение денег в качестве капитала есть самоцель, так как самовозрастание стоимости осуществляется лишь в пределах этого постоянного возобновляющегося движения. Поэтому движение капитала не знает границ. Как сознательный носитель этого движения, владелец становится капиталистом. Объективное содержание этого обращения — возрастание стоимости — есть его субъективная цель... Он функционирует, как олицетворенный, одаренный волей и сознанием капитал. Поэтому потребительную стоимость отнюдь нельзя рассматривать, как непосредственную цель капиталиста. Равным образом, не получение единичной прибыли является его целью, но неустанное движение получения прибыли (des Gewinnens). Это — абсолютное стремление к обогащению absoluter Bereicherungstrieb» («Капитал», I, 126, 127). А «ваше право есть только возведенная в закон воля вашего класса» («Коммунистический манифест»). Вот вам и цель в праве персонификации денег, этого, по словам Иеринга, «истинного апостола равенства».

Если мы достигли того общего положения, что противостоят вообще два класса, из которых для одного воля определяется лозунгом «капитал + средняя прибыль (Д-Т-Д + д)», а для другого — попрежнему в силе лозунг «Т-Д-Т», то в плоскости права уже вопрос ставится просто о силе того или другого класса. В буржуазном обществе властвует первый. Маркс показывает, как постепенно в капиталистическом обществе и типичный мелкий производитель-крестьянин подпадает под власть формулы капитала. Если независимый работник, например, крестьянин, сам на себя работает и свой продукт продает, он представляется, как собственный работодатель («капиталист»), который сам себе платит заработную плату, и как собственный землевладелец, который сам себя использовывает в качестве своего арендатора. Но дальше получается видимость, что он, как владелец своих средств производства, сам присваивает свой собственный прибавочный труд. «Так укрепляется видимость, как-будто бы капиталистические отношения являются естественными отношениями всякого способа производства» («Капитал», III, 241).

Мы видели, что в буржуазном мире дуализм воли, а равно и цели в праве, неустраним и неразрешим, ибо никакие идеи солидарности любви и т. д., и т. п. не устраняют, а лишь затушевывают этот дуализм, основанный на антагонизме классов. Но как дело обстоит в переходный период к социализму? Постольку, поскольку и по мере того как исчезает, вследствие перехода к пролетарскому государству и к рабочим коллективам, частное право собственности на средства производства и отпадает господство — подчинение в целях эксплоатации в процессе труда, потребительная стоимость становится полностью фактором, определяющим и цель организации, как производства, так и обмена. «Возьмем теперь социалистическое общество... Стимул движения — не прибыль, а покрытие потребностей масс, при величайшей экономии живого труда». Мы уже исключили из уставов трестов и кооперативов цель прибыли, допуская последнюю на деле лишь в тех ограничительных размерах, в каких о них говорил К. Маркс по отношению к новому обществу: «Тот труд, который требуется для образования общественного запасного фонда и фонда накопления (... который позволяет расширить производство и возмещать возможные убытки и т. д.» (см. Капитал, I, с. 412[1]). Одно стало уже совершенно

[1]) Это место взято из II изд. «Курса».

бесспорно, что наша цель и наша целесообразность будут целью чисто классовой, — целесообразностью «класса в целом», одновременно начинает осуществлять цели, общие всем потребителям (личного потребления, между которыми в этом отношении прежнего классового дуализма уже нет или этот дуализм постепенно уменьшается и исчезает), т.-е. всем трудящимся.

«Договор обмена имеет своею предпосылкою различные цели, ассоциации (societas) — тождество цели». Эта неуклюже выраженная мысль Иеринга имеет громадное значение для нашего периода общей коллективизации. Почему обмен создает антагонизм целей? «Спрос и предложение ставят лицом к лицу производство и потребление, но производство и потребление, основанные на обмене между отдельными личностями» (Маркс, «Нищета философии», 45). А «способ обмена продуктов обусловливается способом их производства. Поэтому без антагонизма классов не может быть и индивидуального обмена» (Маркс, там же, стр. 71). Вы видели это различие целей в капиталистическом обществе: потребление — прибыль. Лишь ассоциация, кооперация может привести к торжеству цели: потребления, потребительной стоимости. Но лишь при одном условии: при условии отмены основы эксплоатации, права частной собственности на средства производства. А это возможно лишь при диктатуре пролетариата.

Этой задачи решить не могли Иеринг и его последователи, ибо они закрывали глаза на существование непримиримого антагонизма классов. Ее не могли решить и явные и скрытые апологеты капитализма в виде Дюги или Реннера и К°, потому что они твердо стояли за сохранение и охранение частной капиталистической собственности с ее прибылью. Их целевые теории социальных функций права собственности хотя и правильно переносят центр тяжести в праве с рынка на производство, с обязательственного на вещное право, не приближают нас ни на шаг к цели или целесообразности в праве, а оставляют в полной силе буржуазный фетишизм права. Только диалектически понимая значение перехода власти к пролетариату, возможно правильное понимание, но вместе с тем и одоление фетишизма буржуазного права... Мы превращаем право в форму сознательной организации так называемого общественного обмена веществ.

Но как мы конкретно представляем себе осуществление этой цели или целесообразности в праве:

1) путем овладения так называемыми командными высотами. А эти командные высоты заключаются: а) в диктатуре пролетариата, б) в монопольном праве собственности на средства производства и в) в монопольном праве внешней торговли и в тесной связи с ней внутренней торговли (объединение Внеш- и Внуторга).

2) Путем установления единого госплана или социалистической плановости производства и обмена.

3) Путем допущения в этих пределах свободного товарообмена и установления в этих целях формально равного субъекта прав или всеобщей правоспособности.

Командные высоты ставят пределы свободной игре конкуренции как в производстве, так и в обмене; это, так сказать, климатические условия, с которыми должны считаться все «агенты» производства и обмена, в том числе и частные. Госплан путем учета определяет общую сумму потребностей и распределяет этот спрос, одновременно стремясь увязать со спросом количество предложения. Он идет дальше и стремится урегулировать и цены, на этот раз чисто реальным способом, давлением в сторону поднятия производительности труда и снижения себестоимости. На гражданский же оборот и гражданское право он сознательно возлагает цель: обмен продуктов-товаров, как средство доставлять потребительные стоимости на место

их реального назначения, а цели прибыли он исключает как из сферы производства, так и распределения и обмена.[1])

(«Курс советск. гражд. права». Введение в теорию гражд. права — гл. XV, 1927 г.).

---

4. БУРЖУАЗНОЕ ПРАВО.

Всякий, кто читал книгу Ленина «Государство и Революция», вспомнит, что Ленин там ссылкою на цитату из Маркса говорит о значении «буржуазного права» для переходного периода, характеризуя его, как «равное право». В подлиннике («Критика Готской программы») Маркс здесь пользуется словами «bürgerliches Recht», что означает и просто «гражданское право». Но в виду того, что каждый гражданин буржуазного общества является буржуа, то и нам, вслед за Лениным, приходится остановиться на этом названии. Маркс в этой цитате указывает, что и с отменой частной собственности на средства производства это равное право остается еще тем же правом равенства общества товаропроизводителей, ибо трудящийся за равное количество общественно-необходимого труда получает равное количество того же труда в необходимых для него потребительных стоимостях (только за необходимым вычетом в общественный фонд). Но, — говорит Маркс, — здесь нет уже разрыва принципа и практики, «масштаб равенства», «равный масштаб» выражается именно в количестве труда. Не будем здесь пока останавливаться на том, что эти слова Маркса относятся уже к более высокой фазе развития, чем переживаем сейчас мы. Это обстоятельство здесь роли не играет.

Это буржуазное право или гражданское право буржуазии в целом как форму организации, как «устав гражданского общества» буржуазия представляет себе, как громадный правовой автомат. Этот автомат механически был поставлен революцией, вернее, формальным результатом революции — конституцией. Этот автомат называется гражданским кодексом и действует он на подобие «вечно движущегося («perpetuum mobile») автомата, самодвижущей силою которого является конкуренция, свободный спрос и предложение и вторая стадия ее — купля-прдажа. Рынок всего мира — к услугам этого автомата; имея ту или иную сумму денег (вообще платежных средств), любой гражданин, опуская эти деньги в кассу (или, что не изменяет сути дела, — в бесконечное количество касс) этого автомата, получает ровно на эту же сумму соответственные потребительские стоимости на основе принципа эвивалентности. Во всей совокупности этот автомат по-буржуазному называется правопорядком. «Самоцелью для этого правопорядка является только циркуляция товаров» (Пашуканис).

Если прочесть 1 главу 1 т. «Капитала» К. Маркса, то вы видите, что в его изложении товары (включая и товар-деньги) как бы сами обмениваются на товары. «Товар есть, прежде всего, внешний предмет, вещь, которая по своим свойствам способна удовлетворить какую-либо человеческую потребность». Но «предметы потребления становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты независимых друг от друга частных работ». Эти товары попадают на рынок, чтобы попасть в руки своего потребителя. Как это осуществляется? При помощи денег. «Деньги, приводя в движение товары, сами по себе — неподвижные; деньги переносят их из рук, где они не являются потребительными стоимостями, в руки, где они имеют потребительную стоимость», «так как все другие товары суть лишь особенные эквиваленты денег, а деньги — их всеобщий эквивалент». А эквивалентность, соизмеримость эта

---

[1]) Это место взято из II изд. «Курса».

определяется на основе количества «общественно-необходимого труда» каждого товара. Конечно, «не деньги делают товары соизмеримыми. Наоборот».

Основываясь на этих выводах Маркса, т. Пашуканис строит свою теорию буржуазного права или, как он определяет, права вообще. Тов. Пашуканис исходит из понятия товарного фетишизма и показывает, как этот товарный фетишизм неминуемо создает и фетишизм права: «Капиталистическое общество есть, прежде всего, общество товаровладельцев. Это значит, что общественные отношения людей в процессе производства приобретают здесь вещественную форму в продуктах труда, относятся друг к другу, как стоимости. Товар—это предмет, в котором конкретное многоообразие полезных свойств становится лишь простой вещественной оболочкой абстрактного свойства стоимости, проявляющейся, как способность обмениваться на другие товары в опредленной пропорции... Но если товар приобретает стоимость независимо от воли производящего его субъекта, то реализация стоимости в процессе обмена предполагает сознательный волевой акт со стороны владельца товара... Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться между собою. Следовательно, мы должны обратиться к их хранителям. Товары суть вещи и потому беззащитны пред лицом человека. Если они не идут по своей воле, он может употребить силу, т. е. взять их» (Капитал», т. I).

«Таким образом, — продолжает т. Пашуканис — общественная связь людей в процессе производства, овеществленная в продуктах труда и принявшая форму стихийной закономерности, требует для своей реализации особого отношения людей, как распорядителей продуктами, как субъектов, воля которых господствует в вещах». Поэтому, одновременно с тем, как «продукт труда приобретает свойство товара и становится носителем стоимости», «человек приобретает, свойство юридического субъекта и становится носителем права».

Товары на рынке сами обмениваться не могут, их обменивает субъект права, товаровладелец, «воля которого властвует в товаре». Это опосредствование обмена товаров происходит путем договора, в котором сходятся воли двух противостоящих на рынке субъектов, товаровладельцев. «А раз возникнув, идея договора стремится приобрести универсальный характер».

По мере развития товарообмена, договор становится все более и более общим отношением людей. А так как товары обмениваются на товары на основе меновой их стоимости, эквивалента общественно-необходимого труда, то из этого начала эквивалентности создается представление о едином масштабе, о равенстве в праве, а равно и о равенстве субъектов права, сторон в договоре. Обмен товаров является двусторонним актом, в котором на обеих сторонах выступают «равноправные» субъекты права, товаровладельцы, свободная воля которых опосредствует отношения Т — Т (обмена товара на товар), при чем каждый из них имеет одновременно и правомочие (получить товар) и обязательство (сдать товар — эквивалент). По мере того, как развивается товарообмен, превращая в товар даже такие «изъятые из оборота» вещи, как рабочую силу живого человека, ныне лишенного средств производства (земли) пролетария, и «освобожденную от рабочего» (землевладельца) землю, он становится универсальным отношением; создается и укрепляется «идея субъекта, как абстрактного носителя всех возможных правопретензий».

Охватывая и отношения землевладения и труда, этот процесс «товаризации», а вместе с тем и «юридизации», подчиняет себе и прежние отношения господства — подчинения старого феодального права, заменяя и эти отношения отношениями формально «свободного договора», свободы воли и формального равенства, таким образом, хотя бы на время, закрывая и

затушевывая отношения господства — подчинения (рабства) вообще. «В буржуазной формальной демократии республика рынка прикрывает собою деспотию фабрики». Из области частного, т. е. товарного, оборота договор совершает свое победоносное шествие в т. н. публичную жизнь. Договор охватывает не только обмен и производство, он охватывает все людские взаимоотношения вообще[1]).

«В обществе, где существуют деньги, где, следовательно, частный отдельный труд становится общественным только через посредство всеобщего эквивалента, уже имеются налицо условия юридической формы с ее противоположностями между субъективными и объективными, частным и публичным. Только в таком обществе политическая власть получает возможность противопоставить себя чисто экономической власти, которая отчетливее всего выступает, как власть денег. Вместе с тем становится возможной и форма закона». (Пашуканис, стр. 7). И права политические, публичные получают форму тех же субъективных прав гражданского оборота. Идеология права, юридическое мировоззрение вытесняют постепенно господствовавшее религиозное мировоззрение, и государство-закон заменяет церковь-бога.

Человек очутился перед новым фетишем, фетишем права и закона, рядом с фетишем товара. Как он не мог открыть секрета фетиша товара, так он беспомощно стоял перед этой новой загадкой фетиша права в лице «субъекта прав».

Я уже несколько раз указывал на важное значение этой работы, впервые открывшей нам глаза на сущность, на подоплеку того загадочного явления, каким представляется равенство-эквивалент, особенно в буржуазном обществе. Но эта теория в ее первоначальном изложении имеет свои пробелы, свои односторонности, поскольку она все право сводит только к рынку, только к обмену, как опосредствованию отношений товаропроизводителей, что, значит, право вообще свойственно только буржуазному обществу. «Этот упрек, — пишет т. Пашуканис[2]), — я понимаю, но только с известными оговорками» и т. д. Но не в оговорках суть, а в той основной мысли, что понятие права здесь ограничивается одним рынком, с одной стороны, а с другой, что для происхождения этого права, как идеологии, ищут аналогии во всех проявлениях договорного или эквивалентного начала как в отношениях рабов, так даже и в родовом обществе, напр., мести и т. д. На это мы согласиться не можем. Мы не можем отказаться от понятия права, как присущего всякому классовому обществу, но и исключительно классовому обществу, как буржуазному, так и феодальному, так, наконец, и переходному советскому. Маркс это неоднократно подтверждает относительно феодального общества, например «Они (буржуазные экономисты) забывают только одно, что и кулачное право является правом и что право сильнейшего под другими формами продолжает свое существование и в их «правовом государстве» (Маркс, «Введ. к Крит.» и т. д.).

Тов. Пашуканис сам заявляет, что это — только начало его работы; но среди последователей его попадаются товарищи, смотрящие на это учение,

---

[1]) Маркс в сжатых словах рисует развитие обмена рынка: «Было время как, напр., средние века, когда обменивался только избыток, излишек производства над потреблением. Было еще другое время, когда не только излишек, но все продукты целиком, все произведения промышленности перешли в область торговли, когда производство стало в полную зависимость от обмена... Наконец, пришло время, когда все, на что люди привыкли смотреть. как на неотчуждаемое, делается предметом обмена и торга, становится отчуждаемым». («Нищета философии, стр. 41).

[2]) См предисловие к 3 изданию «Общая теория права и марксизм».

как на уже совершенное, и тем самым снова попадающие в плен абстрактных буржуазных формул. Вскрыта только одна сторона буржуазного права — идея равенства — эквивалента, как масштаб этого права; остается выявить и скрытое за ее формами «право сильнейшего», т.-е. право неравенства. Вскрыт характер видимого автомата, остается вскрыть невидимую руку его режиссера.

Основной дуализм богатого всякими дуализмами и противоречиями буржуазного права заключается в объединении в нем права частной собственности, производства, т.-е. права материального неравенства, и права обмена, рынка, т.-е. права формального равенства.

Как известно, Маркс показал в полемике с буржуазными экономистами (см. «Введ. к. Критике»), также трактующими, как основную тему политической экономии, распределение продуктов, что, «прежде, чем быть распределением продуктов, это распределение является 1) распределением орудий производства и является 2) дальнейшим определением того же отношения, распределением членов общества по различным видам производства.. Распределение продуктов — явно результат этого распределения» (средств производства и членов общества). Лишь после распределения продуктов может вступить в силу обмен окончательно распределенных благ. Где же происходит присвоение неоплаченного труда? Откуда вытекает обогащение? Только из производства. Не обмен, а производство создает прибавочную стоимость, как предмет обогащения. Значит, пока существует эксплоатация человека человеком, т.-е. классовое общество, должно существовать и господство-подчинение, т.-е. действительное право неравенства или право собственности, как бы оно ни было прикрыто. Право равенства может существовать лишь в чистой сфере обмена[1]).

Всем, кто утверждает, что право происходит только из обмена, мы можем ответить истиной, бесспорно установленной Марксом, что производству принадлежит решающее значение уже постольку, поскольку обмен продуктов возможен лишь после производства.

«Конечно, — говорит Маркс (в своем «Предисловии к Критике» и т. д.) — производство, распределение, обмен (уже распределенного продукта) и потребление составляют лишь части единого целого, являются лишь различиями в одном единстве. Все же производство является решающим моментом, ибо от него этот процесс всякий раз начинается снова. Что обмен и потребление не могут быть решающим элементом, само собою разумеется; не может быть таковым и распределение в смысле распределения продукта. А в виде распределения агентов производства оно само является лишь одним моментом производства. Если мы после этого говорим о праве собственности, как «юридическом выражении для производственных отношений», то для марксиста вопрос разрешен.

Тов. Пашуканис, как мы видели, пишет: «капиталистическое общество есть, прежде всего, общество товаровладельцев». Почему «прежде всего»? Мы видели, что, по словам Маркса, не — «прежде всего», а что примат, первенство принадлежит безусловно производству. И если автор говорит, что «защита так называемых абстрактных основ правового строя есть наиболее общая форма защиты классовых интересов буржуазии», то это напоминает старую веру, что только политическая форма демократии соответствует капитализму, на которую, однако, Ленин ответил: «Вообще политическая демократия есть лишь одна из возможных (хотя теоретически для «чистого» капитализма и нормальная) форм надстройки над капитализмом. И капитализм, и империализм, как показывают факты, развиваются

[1]) См. гл. IV Курса, 1 ч.

при всяких политических формах, подчиняя себе все их»[1]) (окт. 1916 г).

Тут необходимо выяснить одно обстоятельство. Принцип трудового эквивалента-равенства является принципом общества простых товаропроизводителей, в котором частная собственность уже существует, но не проявляет ярко своих эксплоататорских качеств, ибо в семье эти отношения остаются прикрытыми (с рабами просто не считаются). Вот почему и право равенства как право обмена, является по существу идеалом, увлечением мелкой буржуазии. Сравните Прудона, вообще анархистов. Где еще так много симпатий для этих принципов равного права, рядом с полным отрицанием собственности (Прудон: «Собственность — это кража»)? Одновременно к государству либо отношение вполне отрицательное (немедленно разрушить), либо оппортунистическое (безразлично, какая власть), либо, наконец, увлечение «демократией потребителей», т.-е. демократией свободного рынка. Маркс неоднократно (см. «Капитал», т. I, стр. 596) высмеивает Прудона, который «хочет уничтожить капиталистическую собственность, противопоставляя ей... вечные законы собственности товарного производства».

Право периода капитализма уже Маркс прямо противопоставляет праву общества простых товаропроизводителей («Капитал», т. I, стр. 786 и 789): «Там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам, в зависимости от того, являются ли эти частные лица рабочими или нерабочими, изменяется и характер самой частной собственности... Политическая экономия принципиально смешивает два очень различных рода частной собственности, из которых один основывается на собственном труде производителя, другой — на эксплоатации чужого труда... К этому готовому миру капитала экономист с тем большим усердием и умилением прилагает юридические представления и представления о собственности, относящиеся к докапиталистическому миру, чем громче вопиют факты против его идеологии».

Трудность вопроса заключается в том, что общества простых товаропроизводителей вообще, или «в чистом виде», нет и не было в природе, если не считать осложненного институтом рабства римского общества. Общество простых товаропроизводителей перерастает в общество капиталистического товарного производства. И мы знаем, как в Великой французской революции высший подъем революции мелкобуржуазного товаропроизводства (Конвент) по времени почти совпадает с термидором, т.-е. обратной победой крупной буржуазии. Буржуазия, переняв идеологию общества простых товаропроизводителей — не даром она увлеклась формами Римской республики, — объявила эту идеологию вечною, священною. И в дальнейшем эта идеология права уже в силу своего фетишизма превратилась как бы в самодовлеющую силу.

Я уже показал, как все средства производства, даже земля, превращаются в товар, свободно обмениваемый на рынке. Но оттого, что владельцы обменивают свободно и по принципу эквивалента земли или фабрики, или те и другие на деньги, ни земля, ни фабрика не перестают быть средствами для эксплоатации, не прекращают своей «функции", как средство господства - подчинения. «В процессе производства капитал развился в господство над трудом. Далее капитал развился в отношении принуждения (Zwangsverhälthiss)... Простое превращение денег

[1]) Вообще способ обмена продуктов соответствует форме производства... В истории общества мы видим, что способ обмена продуктов обусловливается способом их производства. Без антагонизма классов не может быть и индивидуального обмена» (Маркс, «Нищ. фил.», стр. 71).

в вещественные факторы производства, в средства производства превращает последние в титул права и титул принуждения на чужой труд и прибавочный труд». (Маркс, «Капитал», т. V, стр. 296—297).

Мы видели так же, как и рабочая сила рабочего (неотделимая от самого рабочего) превратилась в товар, обмениваемый на рынке под знаком заработной платы.

Но Маркс показывает, как именно «внешняя форма заработной платы» затемняет правоотношения и правосознание людей («Ib», I,544). «На этой внешней форме... покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы[1]).

В начале общества простых товаропроизводителей цель права, организационные задачи его, как «формального опосредствования обмена» потребительных стоимостей, были еще сколько-нибудь ясны. Формулы обмена: продукт на продукт, а затем Т—Д—Т (товар — деньги — товар), были еще сколько-нибудь понятны. Но формула разбилась: Т—Д, Д—Т, два фазиса единого процесса разъединились, разделились и отдельные фазисы стали осложняться. Накоплялись на одной стороне Д (деньги) против отдельных владельцев Т (товаров), из чего получилась формула: Д—Т—Д (деньги—товар—деньги + деньги, т.-е. с прибылью). А из этого же соотношения вытекает еще и другое противопоставление, где на одной стороне в одном лице накопляется товар против единичных держателей денег (потребителей), где первый — владелец массы — диктует цены единичному потребителю или всей их совокупности.

Маркс в I т. «Капитала» показывает, как долго экономисты мучились над проблемою: из обмена объяснить себе прибавочную стоимость и прибыль. Маркс эту проблему решил, вскрыв особые качества одного основного товара — рабочей силы, как товара, создающего прибавочную стоимость. Этим он одновременно вскрыл и форму эксплоатации, господства-рабства. «Закон присвоения или закон частной собственности, покоящийся на производстве и обращении товаров, превращается путем собственной, внутренней неустранимой диалектики в свою прямую противоположность. Обмен эквивалентов.... претерпел такие изменения, что в результате обмен оказался лишь внешней видимостью. Меновое отношение между капиталистом и рабочим становится, таким образом, простою видимостью процесса обращения, простой формой, которая чужда своему собственному содержанию и лишь затемняет его действительный смысл. Первоначально право собственности казалось нам основанным на собственном труде. По крайней мере, мы должны были принять это допущение... Теперь же оказывается, что собственность для капиталиста есть право присваивать чужой труд или его продукт».

Воля товаропроизводителя в обмене (Т—Т или, вернее, Т—Д—Т) была направлена на удовлетворение своих потребностей, т.-е. на потребительную стоимость. Здесь цель договора-права ясна. Вся совокупность этих договоров представляет собою сознательное, формальное опосредствование общественного обмена веществ», как основную цель права. Наоборот, формула капитала — Д—Т—Д+д, т.-е. покупка для продажи с прибылью или, точнее, для производительного потребления в целях новых прибылей. Какова характеристика лица, воля которого господствует в вещах-товарах, составляющих капитал? «Как капиталист, он представляет лишь персонифицированный капитал. Его душа — душа капитала» (Маркс, «Капитал»). «Капиталист... — олицетворен-

[1]) «Мелкий буржуа... видит в товарном производстве non plus ultra (вершину) человеческой свободы и личной независимости» (Маркс, «Капитал», т. I, стр. 36).

ный, одаренный волей и сознанием капитал. Потребительную стоимость отнюдь нельзя рассматривать, как непосредственную цель капиталиста. Равным образом, неполучение единичной прибыли является его целью, но неустанное движение получения прибыли (des Gewinnens) абсолютное стремление к обогащению, страстная погоня за стоимостью»... (Кап.», т. I, 127). Если этот капиталист становится у власти (а в том и заключается сущность буржуазного государства), если он сделался организатором «правового автомата», то цель его права направлена уже на обогащение, на эксплоатацию, а потребительная стоимость напоминает о себе лишь в форме спроса и особенно остро лишь в моменты войны или кризиса.

А отношение этой воли к праву? «Ваше право есть только возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями существования вашего класса» («Комм. манифест», стр. 1). Наступление периода монопольного и империалистического капитализма означает переход к новым методам. Вместо свободной конкуренции, т.-е. свободы спроса и предложения, как предварительной стадии купли-продажи, вступает производственная монополия. Ее цель—замена анархии производства (а, следовательно, и обмена) плановостью, путем трестов, синдикатов или государственного империализма.

Но то, конечно, лишь ограниченная плановость, нарушаемая уже в силу неравномерного развития капитализма и вытекающих оттуда конфликтов. Это — определенно капиталистическая плановость, которую юридические барды капитализма и их социалистические или даже коммунистические последователи воспевают, как социалистическое перерождение права или т. н. юридический социализм, как юридическое перерастание в социалистическое общество.

Но вслед за экономистами и юристы не могут не чувствовать необходимости пересмотра и теории права. Такие дергания цепей буржуазной юридической мысли весьма характерны и интересны (возьмите, например, Иеринга с его целью-интересом в праве). Они уже чувствуют, что тут что-то изменилось или подлежит изменению, но, не став на точку зрения классовой борьбы, они дальше пойти не могут. Но с развитием монопольного капитализма выступает, особенно в мелкобуржуазной среде Франции, целый ряд лиц и школ, выдвигающих вместо идеи свободы договора и момента равенства, новые моменты.

Одной из наиболее интересных теорий я считаю теорию Салеля и его группы с его идеею диктования цен и простого присоединения к ним. Это не есть простая фикция, это — факт. «Что договорного в этих юридических актах? На деле это — выражение частного авторитета (даже приказ частного лица)».

У нас большую популярность приобрел другой автор — Дюги. Это — явный юридический апологет-примиренец капитализма второго периода со своею теорией социальных функций права и собственности. Он критикует метафизическое учение о свободе воли гражданского права, но кончает тою же метафизикою идеи солидарности.

Рассматривая историю теории гражданского права и цель в праве, мы подробнее остановимся на этом явлении, которое в положительном законе отражения не получило. Это вполне естественно. Буржуазия не может быть откровенна, если даже теоретики ее экономического господства — а в этом господстве суть буржуазного права — либо кричат против несправедливого права и предлагают паллиативы смягчения его (правила морали и т. п.), либо же сочиняют просто примиренческие или предательски-примиренческие теории т. н. юридического социализма, как правовое оформление экономического сотрудничества классов.

Такова сущность буржуазного право. Его дуализм выражается: 1) в объединении в одном кодексе права вещного (права неравенства) и

права обязательственного (права формального равенства), 2) в свойственном праву юридическом методе, сбрасывающем в одну кучу формулы разных правовых систем, напр., права вещного и обязательственного, чтобы их сгруппировать по чисто-формальным признакам. Вещное право в одинаковой мере охраняет и право собственности на предметы личного потребления и на средства производства. То же самое происходит в купле-продаже как предметов личного потребления, так и средств производства или рабочей силы. От этого «юридического» метода не могли еще вполне отделаться и наши революционные диалектики, напр., если они приравнивают обязательственному праву классового общества случайные или семейные обмены в родовом или еще более раннем обществе, или смешивают всякого рода обычаи с правом, особенно же в уголовном праве, где еще продолжают сбрасывать в один котел и родовую месть, как начало уголовного права, и примитивную кражу римского гражданского права (furtum), и торговлю наказанием в княжеско-феодальные периоды, и борьбу с преступностью в буржуазном обществе, и, наконец, нашу борьбу с социально-опасными действиями лиц. Диалектика нам показывает, что «форма превращается в содержание, а содержание — в форму, и что одно количество превращается в новое качество. Маркс и Энгельс довольно резко указали в ответ на подобную же игру с понятием инстинкта, что «человек от барана отличается тем, что его сознание заменяет ему инстинкт и что его инстинкт носит сознательный характер».

Мы, кажется, можем определить и буржуазное гражданское право, как организацию (или «порядок») формального опосредствования общественного обмена веществ, как устав общества производства и обмена. А суть эквивалентного масштаба, масштаба равенства в этом обмене опосредствования мы теперь ясно видим в эквиваленте меновой стоимости, конечно, со всеми оговорками, внесенными Марксом.

Но одновременно мы можем сделать и вывод, что с победою пролетариата буржуазне право диалектически превращается в право нового качества, которое мы называем советским. Оно из буржуазного права перенимает и масштаб эквивалента — равенства, поскольку таковой не вытесняется новым принципом плановости, но, в противоположность монопольному капитализму — плановостью социалистической.

(«Курс советского гражданского права. I. Введение в теорию гражданского права» — гл. V, 1927 г.).

---

5. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ДРУГИЕ ОБЛАСТИ ПРАВА.

Я, как и раньше, так и нынче, считаю основным правом, правом вообще, право гражданское, понимая под ними форму организации общественных отношений в узком и специфическом смысле слова, т. е. отношений производства и обмена. Я полагаю, что все остальные области права имеют либо подсобный, либо производный характер, и только буржуазное право, подвергая своему влиянию все остальные области права, создало и правовое государство или государственное право, и уголовное право, как эквивалентную норму для преступления и наказания, не говоря уже об административном, финансовом и т. п. и, наконец, международном праве или даже праве войны.

А. Уголовное право.

Наиболее спорным вопросом тут является вопрос о роли уголовного права. Происхождение его, видите ли, исторически или, вернее, даже доисторически связывают с кровной местью. Конечно, слово «право»

можно применить всюду, и верующие люди сказывают даже, как бог лишил Адама и Еву права жить в раю. Энгельсу пришлось спорить с Дюрингом о конструкции теории права в условиях Робинзона. Но если мы условились, вслед за Марксом, Энгельсом и Лениным, право и государство понимать лишь в смысле классового общества, то эти толки надо отбросить. Нельзя из того, что когда-то око считалось эквивалентным за око или зуб — за зуб, сделать вывод, что и тут сыграла роль трудовая или даже меновая стоимость. Либо трудовая стоимость, относящаяся лишь к известному периоду истории, начиная с общества простых товаропроизводителей, впервые определяет эквивалентность, как начало равенства, — тогда этот эквивалент неприменим к предшествовавшим периодам. Либо эквивалент, как масштаб равенства уже был известен и в правовом смысле, — тогда на нем нельзя строить новую теорию права, и он мог играть роль лишь нашего нового содержания для какой-то вечной идеи равенства. Скорее всего надо допустить мысль, что месть лишь сохранилась и в классовом обществе, но видоизменилась, получила новый масштаб в правовых понятиях и вошла в право, как элемент, т.-е. вернее, что право подчинило себе и месть.

При нашей точке зрения на право, как на организационное начало, как на организованную защиту со стороны власти класса, мы для уголовного права ныне отводим подсобную роль, ибо наступает лишь в момент нарушения права, скажем, гражданского права. Римское право не знало деления прав на гражданское и уголовное. Кражею (furtum) называлось нарушение права собственности, при чем, однако, и нарушение чисто гражданского или частного права, как неплатеж денег, давало право в случае неплатежа принимать меры над личностью «должника», вплоть до его убийства. Тут, конечно, смесь обычаев до-классового общества с идеями чисто классовыми, в которых наука еще не разобралась. Слова Муромцева о работе средневековых «правоведов» над римским правом после рецепции: «отдельные части... и отдельные постановления рассматривались одно по отношению к другому, как одновременные, одно не могло отменяться другим, и противоречия требовали непременного примирения», в полной мере относятся и к уголовному праву.

Когда происходило деление права на частное и публичное, с выделением так называемых «головных» норм в последнее, уголовное право получило самостоятельное развитие. Борьба за установленный классовый правопорядок требовала, чтобы нарочно образовался аппарат «из вооруженных людей и вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, неизвестных родовому устройству общества» (Энгельс). Этот аппарат был переведен на «хозрасчет» (напр., виры) или выполнялся по сдаче в наем или пожалованию («пожаловали есмь слугу своему) — (селом) — ... опроче (кроме) душегубства и разбоя наличными» (см. у М. Н. Покровского). Это не меняет ничего в том факте, что «уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения посредством репрессий» («Руковод. начала» по угол. пр. 1919 г.).

Идея эквивалента, победившая в гражданском праве, перебросилась и в уголовное право, и область уголовного права подверглась товаризации и юридизации. Она в этом развитии даже опередила гражданское право, которое все же не сразу могло сбросить свое земное прошлое. Преступления и преступники приняли с ростом государства массовый характер и стали играть «производственную» роль. «Преступник производил преступления». Преступник производил не только преступление, но также и уголовное право, а потому и профессора, читающего лекции по уголовному праву, а вместе с ним и неизбежное руководство, в форме которого этот же

профессор выносит на общественный рынок свои лекции, как товар. Тем самым достигается увеличение национального богатства ... Преступник производит всю полицейскую и уголовную юстицию и т. д. Между тем как преступление отвлекает часть лишнего населения с рабочего рынка... борьба с преступлением поглощает некоторую другую часть того же населения... Посредством всегда обновляемых способов захвата собственности преступление вызывает к жизни все новые средства защиты и этим влияет так же благотворно, как стачка, на изобретение машин». Эти полные сарказма слова Маркса (Маркс, «Теор. прибав. стоим.», I) — а их можно развить еще и дальше — ярко иллюстрируют рост этой особой области права, растущей лавинообразно. Суть его сводится «к защите собственности от захвата» и «прав от нарушения», поскольку эти нарушения признаются общественно, т. е. классово-опасными. И ни один архибуржуазнейший министр финансов не будет столь сумасшедшим, чтобы дать миллионы на осуществление буржуазного справедливого возмездия — эквивалента.

Существует ли ныне такой неустранимый разрыв между гражданским и уголовным правом? Отнюдь нет. Отчасти — это чисто техническое деление права, и к любому институту собственности можно было бы прибавить и уголовные последствия его нарушения. Так, напр., в Швейцарии любой собственник может на своей земле вывесить запрещение ходить по его «частной» дороге или тропинке с угрозою уголовного штрафа в столько-то франков. И это его объявление имеет силу уголовного закона. У нас в У. К. имеются статьи, которые можно, отчасти по крайней мере, перенести обратно в Г. К. (напр., часть преступлений по ст. 90 УК). А если наш Г. К. за «несправедливое обогащение» (по ст. 147, напр.) допускает даже конфискацию, то чем это не уголовно-правовая мера? Или ответственность за причиненный вред чем отличается от уголовного штрафа — только в пользу частного лица. Такой грани нет, и ее, если и произвести необходимое размежевание, никогда в точности установить не удастся.

Но из этого следует еще другой, более важный вывод. Уголовное право получило у нас сравнительно большую практическую и теоретическую разработку, что и отразилось на нашем У. К., тогда как Гражданский кодекс, по существу, в общем, представлял перепечатку. Если теперь сопоставить отдельные части обоих кодексов, в известной мере сродственные, то получается глубокий разрыв. За преступление, как социально-опасное деяние, угрожает мера социальной защиты, но гражданско-имущественные последствия в виде гражданского иска обсуждаются по Г. К. на основании простого причинения, с известной примесью элемента вины (вторая часть ст. 403 или ст. 404 Г. К.). Значит, за то же деяние в гражданском суде угрожают иные имущественные последствия, чем в уголовном: штраф не бывает пожизненный, а взыскание лежит на человеке до его смерти (и даже после смерти) и т. д.

Тут необходимо сближение принципов обоих кодексов, их согласование. У. К., как выросший в основных чертах из революционной практики, представляя собою в значительной степени лишь кодификацию этой практики, с подведением под него «теоретического фундамента», безусловно является более новым и передовым, чем Г. К., который почти целиком представляет собою заимствование из буржуазных кодексов, со вставлением лишь незначительного количества «советско-правовых» статей, как бы для заразы. Значит, Г. К. несколько должен равняться по линии У. К. Конечно, тут идет речь не о новых репрессиях, не о мерах социальной защиты, но о мотивах, обосновании этих репрессий.

Затрагивая этот вопрос теоретически впервые, я должен пару слов сказать о наших уголовно-правовых взглядах. Я не скажу, чтобы мы тут теоретически ушли очень далеко, особенно теория еще не успела учесть всего опыта практики. Буржуазно-правовая логика тут мешает не только

проникнуть в смысл этих явлений, но даже их наметить. Революционно-диалектический метод должен отвоевать боями, шаг за шагом, пядь земли буржуазной (юридической) логики. Единая общая часть всякого кодекса в этом отношении чревата опасностями возврата к этой чисто формальной логике, при чем одновременно не надо забывать, что все эти общие и особые статьи института существуют не для или из-за теории, но для практики и из-за больших масс, не пролетарских, а чисто мелкобуржуазных, мелкособственнических.

Если мы берем действительный смысл социальных мер защиты, то под ними скрывается параллельно или совместно целый ряд разных основ, как-то: меры дисциплинарного воздействия (см. Ленин — «О дисциплине в социалистическом обществе»), воздействия в целях приспособления к трудовой жизни, воздействия на психологию (или на условные рефлексы) отдельных лиц или всего населения, вплоть до террора («чтобы другим не повадно было»), наконец, изоляция. И отсюда надо сделать кое-какие выводы для гражданского права. Пленум Верхсуда РСФСР в этом отношении вынес весьма важное разъяснение по частному вопросу о возмещении вреда от преступления путем заглаживания вреда [1]). Но самая основная работа заключается в проверке как бы отброшенного понятия вины и замене ее (хотя бы частичной — раз мы должны все же считаться с понятием воли — в виде сознания и т. д.) не просто причинением, но понятием деяния социально-вредного или опасного [2]), вместо или в дополнение простой субъективной формулы о доброй воле. Это — только для примера, ибо вопрос еще новый.

Не надо забывать, что и в буржуазном праве это согласование вполне признано, а на деле — значительно шире, чем в теории. Мы видели, что там наблюдалось обратное явление; принцип гражданского права: субъект права, эквивалент, вообще естественное право, подчинили себе уголовное. Затем уголовная теория социологической школы имеет соответствующую параллель в принципе причинности, вместо вины. Из римского права перешел к буржуазному принцип об ответе за вред от quasi (как бы) деликта, но гражданского проступка. Известный фран-

---

[1]) Пленум Верхсуда РСФСР от 28/VI—1926 г. определил:

5) что вообще уголовное обвинение выносит лишь определение о преступлении, т. е. социальной опасности данного деяния и о социальной опасности данного подсудимого, а не о значении его деяния в смысле причинения вреда и убытков, о котором речь идет лишь при обсуждении гражданского иска, хотя бы в том же уголовном деле;

6) что в тех случаях, когда между гражданским истцом и подсудимым не было договорных отношений и вред вытекает не из договорных отношений, а просто из известного деяния осужденного, причинившего вред, суд по гражданскому иску самостоятельно решает вопрос «о связи между преступлением и причинением вреда . . .»

9) что ответственность служащих за свои действия свыше нормы ст. 83 Код. зак. о труде должна вытекать из особых договорных отношений сторон или особого служебного положения служащего (см. разъяснение Пленума Верхсуда от 26/X—1925 г., пр. № 18, п. 10, и от 30/XI—1925 г, пр. № 20, п. 11), либо из особого каждый раз приговора общего или дисциплинарного суда о возврате добытого преступлением или о возложении на подсудимых обязанности загладить вред (ст. 32, п. «к» У. К. и п. «ж» ст. 9 полож. о дисципл. суде);

10) что так как в данном случае подобного постановления в приговоре не содержится, суд в гражданском процессе не имеет основания присудить бессмысленный по существу многотысячный иск с мелких служащих . . .»

[2]) См. статью 6 У. К. 1926 г.

цузский закон 12 июня 1905 г. (ст. 1382 и сл. Г. К.), проведя в жизнь принцип риска или причинности вместо вины, как пишут радикальные теоретики провел в жизнь, якобы, принцип социальной солидарности (ср. Леруа— «Закон» и «Энциклопедия права и государства» — о вреде). Я показал, что это была теория чисто классовая. Вопрос о сближении начал уголовного и гражданского права робко поставлен и в германской науке. Для нас — это задача ближайших дней.

Значит, одновременно сближение, перегруппировка, но и размежевание, разграничение Г. К. и У. К. — таковы наши задачи.

(«Курс сов. гр. права». — Введение в теорию гражд. права — гл. IX, 1927 г.).

---

6. ТРИ ЭТАПА СОВЕТСКОГО ПРАВА.

> «Кстати сказать, мы теперь получили довольно редкий в истории случай устанавливать сроки, необходимые для производства коренных социальных изменений, и мы ясно видим теперь, что можно сделать в пять лет и для чего нужны гораздо большие сроки».
>
> (Ленин. Как нам реорганизовать Рабкрин).

Десять лет прошло с начала Октябрьской революции; многим это кажется целою вечностью, а между тем в области права мы лишь ныне начинаем чувствовать почву под ногами для действительно революционной борьбы. Если Ленин еще в 1920 г. стал говорить «о переходных периодах в переходном периоде» к социализму и коммунизму, то мысль об этапах в революции права мы впервые ставим к X годовщине Революции.

В самом деле, как бы по предварительному соглашению в течение нынешнего лета выдвинуты были новые задачи почти во всех областях правовой практики: в гражданском праве — составление основных начал общесоюзного гражданского права, в уголовном праве — коренной пересмотр всей карательной политики и практики (по РСФСР), в судопроизводстве — новые процессуальные кодексы, в судопроизводстве и «судебном управлении» — серьезнейшие мысли (децентрализация суда, переустройство НКЮ, работа РКИ и т. д.). Практики советской политики стали говорить на серьезно-революционном языке, а теория пока молчала. Ныне мы все же можем отметить, что и революционная теория права уже нарождается. Революционная диалектика пробила себе путь к праву или и право уже нашло пути к революционной диалектике. И этими словами сказано все: победа революции не подлежит более никакому сомнению.

Вслед за практикою и в теории права — хотя и с опозданием, хотя и после неизбежных блужданий — побеждает действительно революционная линия. И используя свой новый революционный метод, советское правоведение не только впервые становится действительною наукою права, оно при поверке находит себе блестящее подтверждение и на опыте прошлых революций. В нашем распоряжении впервые очутились все объективные данные для построения действительно научной теории права и одновременно для ликвидации того «разрыва между теорией и практикой», который Ленин обозвал «самою отвратительною чертою старого буржуазного общества», разрыва, которого буржуазная теория не была в состоянии преодолеть потому, что его преодолеть не была в силе практика.

Я поставил себе целью вкратце отметить три этапа, проделанные или еще проделываемые нами в правовой области после октябрьских дней 1917 года: 1) этап разрушения и так называемого военного коммунизма; 2) этап отступления и 3) этап нового наступления к социализму на базе нэп'а, или, выражаясь юридически, на базе советского права. Я ограничусь весьма краткою характеристикою этих трех этапов, из которых мы последний лишь начинаем переживать, при чем как раз этот третий этап будет самым трудным, но и решающим.

Первый этап теперь не находит серьезных возражений. Он ныне всем кажется естественным и необходимым. Забытыми кажутся все сомнения, какие возникли против «сжигания старых законов» в те дни, когда мы силою заколачивали двери буржуазного «правосудия», и когда нам пришлось поставить вооруженную стражу у закрытых ворот верховного судилища, «правительствующего» (т.-е. разъясняющего по приказу правительства) сената. Попытка продолжать сенат подпольно была осуждена на неудачу, но с подпольным правом мы долго тщетно боролись. Недостаточно было «сжечь законы», недостаточно было запретить ссылку на законы упраздненных правительств, пока не было изжито и упразднено юридическое мировоззрение. Но изжить мировоззрение можно только путем замены старого мировоззрения новым. А мысль о юридическом мировоззрении, как «классическом миросозерцании буржуазии» хотя и была дана Энгельсом еще в 1887 году, нами была снова вскрыта лишь в 1920 г.

Что же мы поставили вместо «сожженных дурных законов? Не мы впервые сжигали старые законы. И Великая французская революция жгла, и сами слова «сжечь старые законы» принадлежат одному из предтечей этой революции — Вольтеру. Она заменяла «дурные законы» «лучшими», законами нового правительства. Вместо христианского «нового завета» она поставила «новый завет» революции — кодекс Наполеона. Объявлены были «ничтожными все законы, ордонансы, обычаи, толкования и т. д. прежних режимов» и прибавлен прямой приказ: «Все дела решать только в силу этого кодекса». Чем не переделка первой Моисеевой заповеди, запрещающей «иметь иного бога кроме меня?»

У нас, конечно, не могло быть такой абсолютной веры в закон; декреты нового правительства были обязательны, но рядом с ними — «революционная совесть и революционное (впоследствии социалистическое) правосознание». Но если декреты дали действительно определенно революционные директивы, то под революционным или социалистическим правосознанием скрывалось в значительной степени то же буржуазное правосознание, ибо иного правосознания ни «в природе», ни в человеческом представлении еще не существовало. Само понятие правосознание к нам перешло от буржуазного профессора Петражицкого («интуитивное право»), а наше тогдашнее марксистское понимание права не шло дальше т. н. юридического социализма проф. Менгера или с.-д. Реннера.

Но практика революции работала быстро; за нею пошла и теория. Работа Ленина и Октябрьская революция произвели небывалый переворот в вопросе о государстве, что не могло не отразиться и на вопросах права. Во всяком случае уже этот период обогатил теорию понятием классового и только классового права, значит, и понятием права, как переходного явления; далее период «беззакония» выяснил, что основной момент права заключается не в законе, а в правоотношении, т.-е системе общественных, и только общественных отношений; наконец, мы метод диалектики стали робко применять и к праву.

Второй этап — отступление. Переход к новой экономической политике означал новый этап и в революции права. Наше отступление представляло собою не беспорядочное, но добровольное, обдуманное и ограниченное отступление. Мы ставили одновременно и вехи и пределы для отступления. Перед нами выросло значение закона в неизвестных до того

размерах; появились основные кодексы: трудовой, уголовный, гражданский, земельный. И, конечно, это не простое совпадение, что появилась первая работа по такой основной теории, как «трудовая» или «эквивалентная» теория буржуазного права (т. Пашуканис). Но эта работа одновременно означает уже переход к третьему этапу, начинающемуся вместе с прекращением отступления.

Второй этап сам по себе дал лишь широкую рецепцию буржуазного права, дополненную разными действительными или, часто, мнимыми оговорками революционного характера. В теории права завоевали господствующую роль реформизм, юридический социализм (напр., Дюги, Карнер-Реннер) или то псевдомарксисткое направление, которое, искусственно подкрашиваясь под революционный цвет, ограничилось перепечаткою старых, дореволюционных теорий буржуазного общества, выдавая их за марксистские, советско-правовые. Получился как бы новый разрыв между теориею и практикою. Вступает на сцену новое явление, так называемая сменовеховщина, получившая расчленение на две ветви. Про первую из них Ленин высказал свое довольно определенное мнение словами: «Некоторые из них прикидываются даже коммунистами, так что издали, пожалуй, не отличишь, может быть он в бога верует, может в коммунистическую революцию». «Нам очень часто приходится слышать, мне особенно по должности, сладенького коммунистического вранья, «комвранья», кажинный день и тошнехонько от этого бывает, иногда убийственно». Им Ленин противопоставлял другое направление, так называемых устряловцев, которые прямо говорят: «Я за поддержку Советской власти в России, потому что она стала на дорогу, по которой катится к обычной буржуазной власти». Этот враг, прибавляет Ленин, говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит... Это — основная и действительная опасность». «Это уже не простой перепев того, что мы постоянно вокруг себя слышим» (Ленин, 27 марта 1922 г.).

А мы сами? Мы пока делали первые шаги в теории; практика от теории особой поддержки не получала, за исключением разве уголовного права, где были намечены первые, робкие шаги (см. «Руководящие начала 1919 г.»). Право этого периода было получено заимообразно от буржуазии путем рецепции; буржуазия этими «ценностями» менее скупилась, чем материальными. Те отдельные статьи «советского характера», которые попали, например, в ГК, были взяты так же у буржуазной теории, или практики, но они у нас в жизни наполнились новым содержанием: мы занимали статьи капиталистического характера, в наших условиях они получили социалистическое содержание. Впервые жизненно перед нами встало з н а ч е н и е С о в е т с к о й в л а с т и, пролетарской диктатуры и для права. «Крот революции», революционная диалектика, хорошо сделал свое дело.

Я не буду повторять слов Ленина о значении советской власти для советского строительства: передышка-реформа, подведение недостающего экономического фундамента, культурная революция и т. д. Все эти моменты имеют прямое отношение и к праву. В этот период возникла даже кличка «советское право», но сознательно такого права мы еще не имели. Так, например, виднейший советский юрист — теоретик этого периода т. Гойхбарг проповедывал либо полное отрицание права, либо перенятие и к нам «социализированного» права Дюги, Гедемана и др., не содержащего ни атома социализма. А большинство советских юристов в теории шло (в гражданском праве, по крайней мере) по его стопам.

Т р е т и й э т а п — это период нового наступления к социализму на базе новой экономической политики. Резолюция XIV Партсъезда и XV Конференции нашли в правовой области предварительно несколько подготовленную почву. Я уже указал на ту теоретическую работу, которая была проделена почти одновременно с лозунгом прекращения отступления и с объявлением нэп'а вероятным нормальным путем и для революции прочих стран. Она дала ключ к дальнейшей плодотворной теоретической работе, вскрывая подоплеку

буржуазного права равенства и эквивалента, и таких понятий, как субъект права и правоспособность, находя их основу в товарообороте и меновой стоимости. Это является крупнейшим достижением революции права, но один момент могло показаться, что эта теория, основанная на опыте товарооборота, рынка, вступает в противоречие с классовой теорией права и проходит мимо факта наиболее ярко выражающего классовую природу права, а именно, факта частной собственности на средства производства. Раздавались уже преждевременные ликования о том, что произошел или произойдет раскол в революционно-марксистском лагере. Не надо закрывать глаза на эту возможность: трудовая теория стоимости была искажена в социал-демократическом, обуржуазившемся понимании марксизма, и тоже самое могло случиться с (назовем ее для упрощения так) трудовой теорией права. Мы находим ныне подтверждение этой опасности в новой теории Реннера, [1]) обращенной против политической власти во имя нового экономизма. Что это, как не то же противопоставление, которое при Советской власти выражается в игнорировании классового характера всякого права, в недооценке государственной власти пролетариата? Но мы эту опасность миновали благодаря реальности советского права [2]).

Таким образом, и здесь практика революции опередила ее теорию и идеологию. Государственная собственность на средства производства (в том числе и землю) и транспорта, монополия на средства обмена при советской власти, диктатуре пролетариата, не могли не принять формы особого, советского права. Количество неминуемо должно было перейти в качество, нам осталось этот факт лишь осознать и обосновать... Не мало потребовалось времени для этого осознания. Мы ныне празднуем уже десятилетие октябрьской революции; мы достигли громадных успехов в социалистическом строительстве; мы значительно упрочили советскую власть и практически и теоретически. А само существование особого советского права мы прочно научно обосновали лишь ныне. Но и это еще не значит, чтобы мы уже выработали на деле это право. Я вначале вскользь указал, что перед нами сейчас лежит задача — лишь приступить к этой работе во всех отраслях правовой жизни. А это еще не означает, что мы эту задачу так сразу и выполним.

Вместо того, чтобы почить на лаврах прошлого, мы должны признать, что наши задачи целиком впереди. Но мы ныне знаем, что наш путь и наше направление верны. Это дает нам уверенность в нашей работе. Мы знаем из опыта советского государства, что означает такая научно-обоснованная уверенность для практики. Не будь у нас теоретических работ Ленина о государстве, кто поручится, что мы выдержали бы ту бешеную борьбу против советской власти на всех фронтах, не на последнем месте — на фронте теории и публицистики (смотри особенно нападки меньшевиков всего мира). Те бюрократические извращения, борьбу с которыми нам особенно завещал Ленин, особенно пышно развиваются в правовой жизни. А работу, сделанную Лениным для нас в государственном строительстве, в области права пришлось и еще придется проделать нам самим.

Я здесь дал только краткую схему развития вопроса советского права с октября 1917 г. Развить эти мысли подробнее на примерах десятилетней славной борьбы не трудно. Этой задаче отчасти посвящен целый ряд других статей, отчасти ее может проделать сам читатель на фактах истории последних десяти лет. Но я уже сказал, что это лишь начало работы. Мы впервые имеем в своем распоряжении верный метод для подобной работы, благодаря которому мы можем не только дальше углублять нашу теорию, но и использовать ее и для чисто практической работы. Но применяя этот метод

---

[1]) См. «Большевик», 1927, № 14.

[2]) См. статью т. Пашуканиса в Революции права № 3, определенно отвергающую такой «уклон».

к прошлому, в частности к изучению великих общественных переворотов в прошлом, мы одновременно укрепляем свое положение в настоящем и будущем. Если мы на фактах великих буржуазных революций можем показать, что то или иное событие является не исключением, свойственным пролетарской революции, а общим законом революции, и одновременно можем доказать, что та или иная особенность нашей революции является исключительным свойством пролетарских революций, вытекающим неизбежно диалектически из ее характера, противоположного буржуазной революции, то мы не только укрепляем свои силы, мы наносим удар нашим противникам фактами из их собственного прошлого.

Уже по одной этой причине наша работа не является лишней или бесплодной, как некоторым кажется. Она является лишь одним звеном той цепи задач, которые, между прочим, возложены на нас резолюциями партийных конференций и съездов в направлении перелома всей классовой идеологии широких масс в сторону социализма. Но одновременно мы делаем эту работу не для себя одних. Пролетарская революция лишь предстоит еще во всем остальном мире и наша работа является подготовительною работою для мировой революции. Если наше социалистическое строительство явится величайшим стимулом для всемирного пролетариата, то не забудем, что во всем мире право является если не последним, то одним из последних убежищ господства буржуазии над трудящимися.

(«Революция права» № 4, 1927 г.).

---

7. Двенадцать лет революции государства и права.

Кто не помнит чудесных «Заметок публициста» Ленина «о восхождении на высокие горы, о вреде уныния и т. д.». Это — настоящая популярная лекция о диалектике пролетарской революции, изложенная прекрасным образным языком. Заметка эта написана в начале 1922 г., и теперь жизнь осуществляет намеченную там цель: «смелее, быстрее, прямее двинуться вперед, вверх к вершине». Мысль Ленина — чрезвычайно глубокая и вечно новая; в частности, то, что он говорит об унынии (ныне читай: о правом уклоне). Представьте себе меняющуюся и все расширяющуюся панораму и перспективу перед глазами «совершающего это восхождение», и вы имеете перед собой образец революционной диалектики. «Российский пролетариат поднялся в своей революции на гигантскую высоту, не только по сравнению с 1789 и 1793 гг., но и по сравнению с 1871 годом. Надо как можно трезвее, яснее, нагляднее дать себе отчет о том, что именно мы «доделали» и чего не доделали, тогда голова останется свежею, не будет ни тошноты, ни иллюзий, ни уныния». Тогда (в 1922 г.) Ленин сделал и некоторые выводы: «Мы доделали буржуазно-демократическую революцию так «чисто», как никогда еще в мире. Мы доделали выход из реакционнейшей империалистической войны революционным путем... Мы создали советский тип государства, начали этим новую всемирно-историческую эпоху, эпоху политического господства пролетариата, пришедшую на смену эпохе господства буржуазии. Этого тоже назад взять уже нельзя, хотя доделать советский тип государства удастся лишь практическим опытом рабочего класса нескольких стран».

Все это является только одною, так сказать, субъективною стороною пролетарской революции, «эпохи политического господства пролетариата». И это «господство» еще не «доделано». Одновременно происходит все новое и новое расширение и углубление революции. Встают и поднимаются все новые низы и массы как вглубь, так и вширь. В 1918 г. Ленин писал: «Кто наблюдал деревенскую жизнь, кто соприкоснулся с крестьянскими массами в деревне, говорил: Октябрьская революция городов для деревни

стала настоящей Октябрьской революцией только летом и осенью 1918 г. и т. д.» (т. XV, с. 538). А разве это была последняя война? Нет, это был только один из многих еще этапов, за которым следовали революционизирование широких масс середняка, «восстание» самых отсталых народов севера, Дальнего Востока. Происходил и происходит все новый подъем в самых отсталых колониях. Его громадные массы (напр., женщины) мало вовлечены в движение. А разве это движение было беспрерывным, безостановочным? Далеко нет. Мы переживали серьезное *отступление*, чтобы вслед за тем начать *гигантское наступление*. Чем было, напр., «восстание» комбедов по сравнению с только-что *начинающейся организовываться* социализацией деревни вокруг гигантских колхозов и совхозов? Это — целое бушующее море революционных волн. Картина грандиозная, но это уже не картина, это — жизнь, реальная жизнь. И жизнь, отношения которой необходимо организовать государственно-правовым порядком. Полностью охватить их можно лишь с помощью диалектики, ибо *только* диалектик может бесстрашно разобраться в этом бурном потоке, охватить его организационно, в то же время *не задерживая жизни, а ведя ее вперед*. *Недиалектики* же впадают просто в *панику* или ищут *успокоения в жалких аналогиях* капиталистического мира.

Но какое отношение к этим рассуждениям имеют вопросы революции государства и права? По поводу государства нам достаточно сослаться на Ленина. Его слова о советском государстве, как величайшем изобретении, достаточно рисуют роль диктатуры пролетариата, как необходимой *предпосылки* победы социализма, высшей ступени его — коммунизма и вместе с тем освобождения всего человечества. Но мы выше читали слова Ленина, что мы пока *создали лишь тип* советского государства; эта революция еще далеко не закончена и вообще будет *закончена* лишь тогда, когда наступит момент отмирания этого государства. Еще менее ясен вопрос о *праве*. Одно обстоятельство всем более или менее ясно: государство является не самоцелью, а *средством* для охраны *прав* господствующего класса. Ни одно классовое государство (а иных государств не существует) немыслимо без классового права. Это наиболее ярким образом доказала из буржуазных революций *французская* революция, как наиболее откровенная, когда она объявила своей целью *охрану* буржуазного права (в первую очередь, права частной собственности и святости договора и договорного эквивалента и т. д.).

Пролетарское государство, диктатура пролетариата, советская власть произвели величайшую революционно-разрушительную работу. Она как будто камня на камне не оставила от буржуазной власти. Но это оказалось, по крайней мере отчасти, иллюзией; она до сих пор еще не освободилась от бюрократизма, чисто классового бюрократизма. И мы видим, как лишь теперь, через 12 лет после Октябрьской революции, развертывается революционная работа по вовлечению широчайших масс в управление пролетарским государством. Вспомните прошлогоднюю революционную борьбу с лозунгом вовлечения масс в советы и госаппарат. Своеобразное, небывалое в истории, «*принуждение*» к революции!

А когда мы выше говорили о «восстании» комбедов (1918) или наших северных и прочих отсталых народностей, то что мы имели в виду, действительно ли вооруженное восстание этих темных, «диких» масс против совласти? Нет, *напротив*, декреты, законы, постановления совласти о поднятии этих масс, об их пробуждении с тем, чтобы им дать не только формальные права, но чтобы дать им и экономическую возможность саморазвития, приобщения их к общей культурной революции. Это — *новый способ* их классовой борьбы против угнетателя, против бая, против кулака, но с *поддержкою* самого советского государства, посредством его власти, его законов и права. Как иначе поднять эти темнейшие массы,

или беспросветно эксплоатируемого сельского батрака-бедняка, или порабощенную женщину Востока? Когда-то Ф. Лассаль красноречиво пояснял германским рабочим, что им еще надо доказать, что они — рабочие. Пролетарская власть пробуждает сознание трудящихся, одновременно подтверждая истину их классового положения материальною поддержкою.

Еще сложнее обстоит вопрос о революции права. Мы, казалось, выступили чрезвычайно смело, отменяя одним декретом (о суде № 1) все законы старых правительств. Мы, говоря словами Вольтера, «сожгли все старые законы», заменяя их революционными декретами и социалистическим правосознанием. Но мы не сознавали тогда, что мы имеем дело с целым мировоззрением, юридическим, и, лишь три года спустя мы нашли открывающую нам глаза статью Энгельса о том, что это мировоззрение является классическим мировоззрением буржуазии. А теоретически? Поскольку мы тогда вообще думали теоретически о праве, мы считали последним словом науки права теорию функций австрийского с.-д. Реннера (Карнера) и других «юридических социалистов». И если у нас и попадались слова об юридическом воззрении, то также лишь в смысле слов того же Реннера о том, что в памяти, голове всякого из нас мирно рядом укладываются как новые декреты, так и без всяких писанных законов заповеди Моисеева закона и особенно всякие «правила поведения буржуазных кодексов». А называли мы всю эту «мешанину буржуазного права» своим, «социалистическим» правосознанием, в издании кадетского профессора Петражицкого и его последователей.

А государство и право? Как понимали мы это соотношение? Надо сказать, что кроме тех немногих слов, которые мы находим у Ленина о праве, мы такого вопроса себе и не задавали. Диктатура и закон? Это — вообще проблема, которую мы охотнее всего обходим молчанием и поныне. Мы знаем определение Ленина для диктатуры, как «власти, опирающейся непосредственно на насилие и не связанной никакими законами». Но каково должно быть отношение диктатуры пролетариата к своему закону и закону вообще, как средству управления? Мне кажется, что тут до сих пор существует известная неясность; по крайней мере, вопрос этот обходится как в программах, так и в исследованиях (я имею особенно в виду период до нэпа), что не особенно содействует научной ясности в этом вопросе. Когда меня как-то приперли к стенке и заставили написать для «Власти советов» заметку на эту тему, я ограничился пояснением, что это определение относится к законам не советским, не изданным самой пролетарской диктатурой. Другие пояснили, что тут имеется в виду отвержение понятия правового государства. Но Ленин сам очень высоко ценил советский закон и законность. Это видно из живого его участия в первых декретах, из его оценки этих законов и, напр., из такого акта, как внесенное им через т. Курского еще VII Съезду постановление о соблюдении законов.

Но в то же время большинство тт. коммунистов и к закону Советской власти относилось скептически, чтобы не сказать больше. Когда Ленин провел нэп и законы о нэпе, то открыто раздавались голоса: ну, это для них (нэпманов), а не для нас. А когда впоследствии возникла у нас действительно научная теория права, недостатком которой была, по моему мнению, известная односторонность, проявляющаяся в утверждении, что имеется только буржуазное право, то упомянутое нерасположение к советскому закону значительно посодействовало ее популярности. Закон и право это, мол, штуки буржуазные, нам не нужные, и только. Мы и в своей секции не мало слышали слов (в дискуссии об УК и УПК) о преимуществе «непосредственного действия» пред действием путем общего закона т.-е. юридическим. Совершенно правильно, что право и закон и увлечение ими вплоть до фетишизма особенно характерны для буржуазного общества. Но рядом с ними существуют понятия феодального и советского права,

ибо закон является просто организованным способом массового действия государства, который пока еще необходим и в той или иной форме останется необходимым до тех пор, пока будет существовать государство. Государственный характер власти в значительной степени характеризуется именно законодательством, законом.

Но какой закон и какое право? Каково отношение к этому закону и к этому праву? Тут начинается революционный подход и революционный метод. Как шла революционная практика в этом отношении? В отношении закона мы шли по старой, буржуазной дороге. Законы издавались советскими органами, но в весьма значительной мере по буржуазным образцам. Только в особенно ответственные моменты, по особенно ответственным вопросам разрешение восходило до компетентных сфер, и там вопросы ставились по-новому. Возьмем для примера избирательные вопросы, основы землепользования и т. д.

Но дальше все шло опять по-старому. Закон был издан, и его применение осуществлялось по буржуазным образцам. Гарантией этому служили тысячи спецов-юристов из буржуа или их подголосков. Но еще печальнее было то, что лучшие судебные работники из пролетариев попадали в лапы тех же законов, особенно по гражданским делам. В результате получились такие груды законов, как нигде и никогда, и архибюрократическое действие госаппарата по ним. Президиуму ВЦИК и Совнаркому пришлось в своем постановлении от 29 июля 1929 года выступить решительно и «предложить Наркомюсту и другим ведомствам РСФСР строго наблюдать за тем, чтобы на рассмотрение Совнаркома вносились проекты только в том случае, когда издание нового закона действительно вызывается требованиями жизни». Но каковы способы препятствовать внесению и принятию новых законом тем же Совнаркомом и Президиумом ВЦИК? И каковы методы для определения, действительно ли закон вызывается необходимостью? Постановление этого ответа не дает.

Тут необходима научная постановка вопроса, притом — революционно-научная. Такой научной постановки у нас, да и нигде еще не бывало. А цель ее — установить мерку рациональности в той или иной обстановке действия через общий закон, через непосредственное распоряжение или воздействие сверху, через автономное действие местного органа центра, или, наконец, через участие самих масс (напр., производственное совещание). Без гибкой диалектики, конечно, всякие такие научные постановки были бы бесцельны, если не хуже, ибо могли бы задержать жизнь, навязывая старый, отживший закон или иной способ воздействия. Таким образом, в будущем, возражая против необходимости того или иного законопроекта, недостаточно ограничиться голословным возражением, а необходимо и указать иной, более рациональный выход. А если этот метод свести в цельную систему, то в результате получится целая новая отрасль науки советского строительства.

Наша революция наступала очень энергично и грозно: она сломала старое буржуазное государство и сожгла старые законы. Но тем не менее мы до сих пор встречаемся с попытками перенесения на нашу советскую почву старых буржуазных теорий и взглядов. В отношении государства мы это обозначаем собирательным названием устряловщины (Устрялов); в правовом отношении у нас несколько типов такого заимствования — путем простой перепечатки буржуазных законов и теоретических рассуждений или путем так называемого «гойхбаргизма», т. е. сближения правильной или «почти» правильной для наших условий пролетарской диктатуры точки зрения с буржуазными вглядами. Мы должны твердо помнить, что пролетарская диктатура внесла нечто новое, что принципиально не дает возможности производить такие

сравнения или сближения. Про государство пролетариата мне говорить не приходится.

В правовой области мы не должны ни на минуту забывать, что и у буржуазии чувствуется тяга к плановости, но это — несбыточная тяга, ибо планы создавать или проводить анархическим способом невозможно, а единой всеобъемлющей власти в век империализма быть не может.

Все создаваемые буржуазными теоретиками плановые теории являются либо бесплодными иллюзиями, а чаще всего (даже почти всегда) лишь попыткам обмана масс, тем более, что вообще немногочисленные авторы, — поскольку они не простой пережиток войны, — спешат заблаговременно записаться в с.-д. профессора.

Так, в свое время Гойхбарг раздул ничтожную цифру «дюгистов» (я пользуюсь этой общей кличкой) во Франции, Германии (Гедеман и т. д.); а ныне снова ссылаются на подобные теории регулирования, таща из них в наши университеты всякие, никому ненужные у нас теории «главной собственности» и «зависимой собственности» и т. д. вместо того, чтобы освоиться с полярной противоположностью социалистической государственной собственности и частной собственности, плановости и рынка (хотя бы и с «полупланомерными» отношениями) и т. д., ибо эта полярная противоположность устраняет всякие сравнения, сближения и «увлечения хотя бы формальным их сходством». А между тем у нас работы лучших наших буржуазных спецов этой области (Мартынов, Аскназий и т. д.) переполнены этими ссылками, и среди наших «марксистов», я полагаю, мы найдем больше «Гедеманов», чем в самой Германии.

Когда я в рецензии на работу одного из «новых» юристов Германии (Дармштедтера) указал на юридизацию им политической экономии и ее понятий, я это приводил как курьез. Потом читаю заметки т. Бухарина «Теория организованной бесхозяйственности» и вижу, что эта тенденция гораздо глубже. А ведь и раньше т. Бухарин («Правда» № 118 за 1929 г.) говорил о еще большем сближении «социологически-правового (Пленге, Шпан, Брифе и др.) [1]) и организационно-технического направления».

«Не подлежит никакому сомнению — пишет т. Бухарин, — что рано или поздно наметится сближение между этими направлениями исследовательского интереса. Учение о «частном хозяйстве», о научном управлении предприятием должно перерастать в общественную дисциплину (разрядка моя — *П. С.)*, поскольку само это «предприятие» перерастает само себя вместе с ростом трестов и государственно-капиталистических тенденций и т. д.», а дальше идет перечень чисто советских вопросов (оптимальная организация, хозяйственная рационализация, проблема подбора людей и т. д.), которые он находит и у этих авторов. Правда, т. Бухарин оговаривается: «разумеется, буржуазная наука не может ставить этих вопросов так, как ставим мы, и т. д.», но он находит в этих рассуждениях много правильного и заслуживающего нашего внимания, и в дальнейшем (особенно в № 147 «Правды» за 1929 г.) его отношение к этим учениям прямо восторженное (о «глубоком повороте в сознании буржуазии» и т. д.). Но мы должны категорически заявить, если все это ограничивается только формальным сходством некоторых проблем, то совершенно недиалектически говорить в данный момент об этих вопросах при буржуазии и при пролетарской власти, как о вопросах, как бы стоящих в одной плоскости

---

[1]) Надо сказать, что эта юридическая группа в Германии пользуется вполне заслуженной неизвестностью, и Дармштедтер среди них играет довольно выдающуюся роль. Если для нас там может быть что-либо интересное, то разве в технической группе. Впрочем, так как ссылка на этих юристов у нас сделана, не мешало бы разобрать нам и их «труды».

без резкого противопоставления их друг другу. Все это сводится к тому же, если будет позволено такое сопоставление, греху Гойхбарга: вот, мол, у буржуазных теоретиков делается то же самое, что и у нас, но там перерастание происходит спокойно, более рациональным путем и т. д. [1]). Тем хуже, что т. Бухарин считается у нас в известной мере научным авторитетом и по праву (см. предисловие его к работе т. Подволоцкого о праве и упомянутое там руководство семинаров права, результатом которого была эта книжка; его работы о советском государстве и т. д.). Вытаскивание, очевидно, для подражания или как материала для наших молодых теоретиков малозначительных иностранных работ вместо того, чтобы на сон грядущий познакомиться с действительно революционно-диалектическими работами группы секции Коммунистической академии с целью их пропаганды или оценки, дает более определенную окраску восторженным рассуждениям о приведенных выше типичных буржуазных писателях, лишь несколько затуманенным осторожными оговорками.

Я на Дармштертере одновременно показал, до каких размеров эти молодые ученые умеют «депопуляризировать» (т. е. переводить с простого, всем понятного, на трудно или вовсе непонятный ученый язык); статьи Бухарина с пересказом этих теорий еще лучше показывают это. Для чего это все нам нужно?

Прошло 12 лет революции. Мы начали ее самым решительным образом: разрушили старое государство и старое право. Мы возвели новое государство и новое право. И все же через 12 лет нам приходится снова говорить о революции государства и права, даже о научной постановке ее. Что это означает? Это означает, что пред нами последняя крепость буржуазного мира. Но эта крепость совершенно своеобразная. Она невидима и сидит отчасти и в наших головах. Она мешает нам иногда найти правильный путь в дальнейшем строительстве советского государства и советского права. А это строительство — своеобразно. Мы строим государство, сильное и твердое, но одновременно гибкое; вовлекая все более широкие массы трудящихся в управление, оно все же должно быть достаточно сильным для того, чтобы противостоять оставшейся в целости буржуазии всего мира. А наше право должно быть правом твердым и все же настолько гибким, чтобы охватить все моменты данного этапа. Когда мы в 1918 г. издали первую советскую Конституцию, я ее назвал «конституцией гражданской войны». Я тогда немного пояснял это кажущееся внутреннее противоречие. Она кое в чем изменилась технически, но ее существо осталось и остается непоколебимым. Вот вам образец революционного права.

(«Революция права» № 6, 1929 г.).

[1]) Говоря словами Зомбарта, цитируемыми т. Бухариным: «без всяких ужасов, бунтов, революций и прочих классовых эксцессов».

VII. ВПЕРЕД, С ЛОЗУНГОМ „РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЗАКОН—РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ".

1. РЕВОЛЮЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.

20 февраля с. г. открывается VI съезд работников юстиции РСФСР. Истекло 5 лет с прошлого съезда. За этот период произошло много перемен, но как раз настоящий момент, 1929 год, богат новыми заданиями, обещающими коренной перелом во всей советско-правовой структуре Республики, на которой стоит остановиться.

Мы встречаем довольно часто споры о том, являются ли правовые нормы революционным или консервативным (сохранительным) элементом. В такой абсолютной форме неправы обе спорящие стороны. Обе стороны грешат в одинаковой мере отсутствием диалектического понимания права. Когда я писал свою книжку о «революционной роли права», я сопоставил право двух борющихся классов — революционного и контрреволюционного. После того у нас прошел этап «отступления», в котором и наше право сделалось в известной мере «сохранительным», ибо оно отстаивало революционные достижения от претензий бывших собственников (напр., знаменитое примечание к ст. 59 ГК), указывая им границу нашего отступления: до этого места, но не дальше. Но в то же время наше право в целом оставалось революционным; оно, с одной стороны, продолжало или даже только что начинало нашу разрушительную работу против так называемого юридического мировоззрения, проявляющегося не только в настоящем его свете, но и в разных искусственных освещениях, даже мнимо-марксистских. Но за этой разрушительною работою (отчасти — одновременно с нею) идет, с другой стороны, работа исследовательски-созидательная, впервые дающая нам научную постановку права, без которой невозможно сознательное использование и права, точнее особого советского права в целях революционных. Я уже неоднократно указывал на исключительное значение в этом отношении XIV и XV Съездов партии. Всем нам известна истина, что «количество переходит в качество». Это вполне объективный процесс, независимо от того, сознаем ли мы это или мы еще не заметили, не зарегистрировали, не осознали этого факта. Но для всякого ясно, что, только осознав факт перехода, мы верно можем направить свою дальнейшую работу. Наиболее трудно это во всех областях знания, в которых идеология играет более или менее значительную роль, и, конечно, — не на последнем месте в социологических и правовых вопросах. О замене буржуазной демократии пролетарской, Ленин писал еще в книге «Государство и революция»: «Здесь количество переходит в качество: такая степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства». Сознается ли этот переход всеми? Нет, напротив, буржуазия за границей и услужливые пред ней социал-демократы, не видя этого, даже издеваются над этой мыслью. Сомнения и колебания замещаются даже у нас, среди панически или оппортунистически настроенных коммунистов. Вся устряловщина к этому и сводится. И ее поддерживают известные факты, напр., сила остатков бюрократизма. Если к этому присоединить объективную или субъективную слепоту буржуазной науки, то мы

поймем, почему буржуазному ученому никогда не втолкуешь разницы между советом министров и советом народных комиссаров, между буржуазным и советским правом или судом, между буржуазно-демократическим и советским избирательным правом. Ему понять это не резрешают уже его классовый интерес и классовое сознание. Но раз осознавши этот объективный закон развития, мы, стоя на почве пролетарского интереса и миропонимания, сознательно можем его «использовать» для ускорения развития; мы одолеваем грань между необходимостью и свободою.

Еще в 1921 г. Ленин внес дополнение к старой, привычной концепции об отношении базиса и надстройки; с тех пор он все снова и снова возвращается к этой новой мысли о «подведении недостающего фундамента (базиса)» под начатую социалистическую надстройку, однако только при условии существования пролетарской диктатуры: «Последнее и самое важное, и самое трудное, и самое недоделанное наше дело: хозяйственное строительство, подведение экономического фундамента для нового, социалистического здания на место разрушенного феодального и полуразрушенного капиталистического» (см. ст. «К четырехлетней годовщине»). Или: «Либо гибель всех политических завоеваний Советской власти, либо подведение под них экономического фундамента. Этого нет сейчас. Именно за это надо взяться» (см. речь его 17 октября 1921 г.).

Эта простая по существу мысль является одним из самых ярких выводов из гениальной диалектики Ленина, которую мы вполне оцениваем лишь ныне, когда мы с невероятными трудностями, но все же наглядно для всякого пролетария, с каждым днем расширяем этот базис. Вот почему с таким отчаянным усердием все лакеи буржуазии, всякие Даны, Далины и т. д. и т. д., стараются в один голос уверять нас, что мы все же строим лишь капитализм-тюрьму, а не социализм-храм свободы. И надо сознаться, что у нас идеологически этот перелом еще далеко не доведен до конца, ибо новый строй нарождается пока еще в старых формах. Это мы видим еще и в области права и государственного строительства. Но все же мы видим и иное: сдвиг в вопросах государства и права из словесного превращается в реальный. Лед тронулся, потока уже не приостановить. В такие моменты не мешает иногда отвлечься от специального, особенного и с более повышенного пьедестала, окинув взором все движение в целом, набросать общими крупными чертами схему всего реального движения с тем, чтобы на этом общем фоне более ярко проявить и частности и особенности.

Кое-кому, неясно представляющему себе революционную роль права, обреченного на отмирание, покажутся праздными, даже «еретическими» разговоры о «перспективах» в развитии права. К чему развивать то, что неминуемо отмирает. Поэтому я начинаю с государства, судьба которого вполне аналогична судьбе права (или, скорее — наоборот). Ведь и пролетарское государство это — уже «почти не государство», мы должны развить до его совершенства, и только тогда оно может окончательно исчезнуть, до конца «отмереть».

Что мы сейчас видим у нас в жизни государства? Мы сейчас переживаем коренную ломку в области советского строительства, в смысле осуществления действительной пролетарской демократии. Я здесь для примера приведу лишь нашу прямо революционную борьбу за действительно советские выборы. Что же это, если не также подведение недостающего на местах фундамента под сильную в центре Советскую власть. Наши злейшие враги, буржуазия и особенно социал-демократы, злорадно отмечают, что количество выбранных в советы не-коммунистов увеличивается, а мы, наоборот, ликуем, что нам удалось провести в советы более значительное число беспартийных, но, конечно, не кулаков, а трудящихся.

Преодолеть старое государство, т. е. «бороться с бюрократизмом до конца, до полной победы можно лишь тогда, когда все население будет участвовать в управлении», — говорит Ленин (т. XVI, стр. 127). И продолжает: «Этих помех (законодательных, как у буржуазии) у нас не осталось, но до сих пор не достигли того, чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении. Кроме закона есть культурный уровень, который никакому закону не подчинишь. Благодаря этому низкому культурному уровню, советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся, через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы». То, что Ленин говорил в 1919 г., остается в силе в значительной степени доныне. Провозглашенная также Лениным культурная революция только что развертывается. И часть этой революционной борьбы составляет наша предвыборная кампания в целях действительного, не только словесного, вовлечения самих широких трудящихся масс в советы. Борьба очень трудна. Она в деревне принимает характер жестокой классовой борьбы, террора кулацких элементов и т. д. Но одновременно она имеет успех. Не только городские советы вырастают, но и сельские советы превращаются в действительность.

Рядом с борьбою идет расширение советской базы путем вовлечения трудящихся масс в секции советов, сначала городских, а ныне и сельских. Сейчас прошел смотр городских секций советов, констатирующий громадный рост работы секций. Конечно, отстают еще сельские советы, но надо оценить, что означает этот громадный сдвиг для развития советского государства, для введения в жизнь принципа «управления через трудящиеся массы», вплоть до поголовного вовлечения всех трудящихся в управление. Лишь тогда, достигши высшего развития, советское государство создаст условия, в которых оно делается ненужным, лишним и отмирает.

Но разве у кого-либо возникают сомнения в том, что наши успехи по восстановлению хозяйства, а дальше по реконструкции его на основе особо ускоренной индустриализации именно впервые создают благоприятные условия для советизации страны, ее низов и особенно ее национальных окраин. Ведь было бы смешно заявить, что восстановление «капиталистических», а не построение социалистических отношений у нас укрепляет советы рабочих и советский строй.

Еще одно обстоятельство имеет громадное значение; это — отказ от лишнего буржуазного централизма не только в области хозяйственного районирования, но вместе с тем в виде краевизации общего управления, в том числе и суда.

Правильны ли эти мысли? Безусловно, правильны. Но если так, то мы те же выводы должны сделать и для охраняемого классовым государством классового (советского) права. Тут — борьба еще значительно труднее, ибо если управление государством все же происходило для трудящихся через передовой слой пролетариата же, то правовая работа еще так или иначе в большинстве случаев проходит через слои, по той или иной причине находящиеся в плену у буржуазно-юридической «мысли». Но не это одно служило причиною замедления. Без материальной базы, без материального, точнее, индустриального фундамента лучшие законы, лучшие формулы права остаются, — даже если они могли бы возникнуть пустым звуком, «не гласят». Мы этому имели яркие примеры в прошлом, отмеченные еще Лениным. Но когда имеются надлежащие данные, право, закон превращаются либо в серьезную помеху, либо в серьезнейший революционный рычаг, смотря по их содержанию.

Я начинаю с централизма нашей правовой работы. Мы были централистами и большинство из нас, теоретических «революционеров права» (т. е. борющихся под знаменем «Революции права»), вероятно, и поныне придерживаются этой точки зрения. С одной стороны, этому способствует эко-

номическая теория Маркса; но, с другой — оно объясняется в значительной степени боязнью распыления наших сил. Мы боремся пока в центре за свою революцию; мы имеем безусловно успех, но пока только среди молодежи. Но мы еще далеки от победы и в центре. Потребовалось пять лет борьбы, чтобы провести в жизнь уже решенное создание правового отделения ИКП; еще два года прошло, чтобы сделать эту группу сколько-нибудь реальной. И тут уже предлагают нам развернуть нашу работу на всю Республику, на весь Союз. Ведь это распыление сил. Но все же и без этого мы останемся каплею в море. Та же тенденция в практике единого руководящего судебно-разъяснительного центра. Мы были против краевизации судебного надзора. Почему? У нас нет для этого достаточно сил, но ведь мы должны итти на упрощение наших правовых отношений, вместо буржуазной тенденции к их осложнению. Если мы в индустриализации пересаживаемся с деревенской коняги на стального коня, то здесь скорее наоборот: нам не нужен стальной «правовой конь», кроме лишь неизбежного обслуживания централизованных отраслей оборота. Лишь была бы правильная революционная точка зрения.

Начнем свой обзор с формального, т.-е. процессуального права. Мы по РСФСР имеем перед собою следующую картину. Почти полную краевизацию судебно-процессуального надзора с дальнейшим расширением подсудности нарсуда с окончанием для народных судов в таком узком местном центре, как округ, и лишь с сохранением преобразуемого по-новому центрального надзора, принимающего вместо прежнего стихийного характера жалоб-протестов систематический, я сказал бы, в известной мере научно-исследовательский способ относительно отдельных типичнейших явлений правовой жизни (обследование осуществления отдельных правовых отношений групп преступлений и т. д.) с надлежащими выводами из них. Такой работы пока ни один суд нигде не делал. Мы эту задачу себе поставили и ее начали. Какова тенденция всего этого сдвига? Оставление в силе сложных норм, поскольку они необходимы для внешних отношений, т.-е. не только с заграницею, но и с уцелевшими капиталистическими элементами вообще, с доведением до возможных пределов упрощения этих отношений для нашего специфически-нового строя. Мы тут должны итти в ногу со строительством советским.

Мы идем к действительному упрощению нашего судебного процесса, и не только упрощению УПК и ГПК в отдельности, но и к возможному их сближению. Я не будут говорить об УПК, о нем в нашем журнале говорилось достаточно много. Переработка ГПК, в частности, даже выработка общесоюзных начал, — еще впереди, но не в далеком будущем. Это, конечно, только начало. Пока еще все попытки перейти на еще большее упрощение суда (всякие товарищеские комиссии и т. д.) кристаллизуются в судебную форму, но все же путь намечен, как и тут, — вовлечь все трудящееся население поголовно в случаях, когда, говоря словами Ленина, надо просто «разнимать дерущихся или не допускать насилия над женщиною».

Решительный шаг мы делаем по уголовному праву. После, я сказал бы, исторического объединенного заседания Совнаркома РСФСР и Президиума ВЦИК, когда впервые вновь раздавались в высшем органе управления решительные голоса, напоминающие по отношению к преступным деяниям о том, что мы — марксисты, и когда была принята резолюция о коренном пересмотре нашей репрессивной политики по уголовным делам, с одной стороны в смысле беспощадности классовой борьбы, с другой — против бессмысленного продолжения буржуазного тюремного строительства, у нас выяснилось, как мы еще глубоко застряли в тенетах буржуазного мировоззрения с нашею верою в «домзак» (я чуть ли не сказал: тюрьму). Но я не буду говорить о группе обязательно изолируемых классовых врагов. Наконец-то, кажется, мы сделали — хотя бы практически — решитель-

ный шаг к новой постановке разумного социально-трудового воздействия на несознательную, общественно-недисциплинированную, неустойчивую или деклассированную часть нашего трудового общества, отбрасывая мнимо-гуманистические фразы и приемы. Период нашего неумения поставить трудовые занятия осужденных на основе оплатности как будто бы прошел. Если мы подучимся и доведем эту работу до конца, то мы сделаем не только революционно-необходимое дело, но и достигнем сбережений, чтобы их обратить на более действительную борьбу с еще невероятною темнотою и невежеством в темных углах нашего социалистического отечества. Результаты — впереди, но уже чувствуются новые веяния. До сих пор вели прекрасные разговоры о преступлениях и преступниках. Мне кажется, что мы впервые ныне сурово, но правильно подходим к решению этого вопроса. Если и «преступная» часть нашей страны будет включена в трудовые ряды нашего социалистического строительства, то мы не должны будем себя упрекать, что мы сурово боремся против явления, которое мы сами создаем, т.-е. преступлений, поскольку эта борьба не сводится просто к классовой борьбе. Вместе с ускорением процесса индустриализации и социализации страны идет и дифференциация, расслоение наеселения с усиленным выделением из него временно безработных, деклассированных и т. д. Это было везде в переходные периоды. Борьба тут необходима, но эта борьба не должна быть, как это было в значительной степени, до сих пор, бессмысленною.

Наиболее знаменательный шаг в правовой области прямо связан с сдвигом к социализму в деревне, провозглашенным XV Съездом партии. Я имею в виду опубликованные «Общие начала землепользования и землеустройства». Новые начала в ст. 1 провозглашают, что «основой земельного строя СССР, обеспечивающей возможность социалистического строительства в сельском хозяйстве... является национализация земли, т.-е. отмена навсегда частной собственности на землю и установление на нее исключительной государственной собственности». При этой предпосылке возможности социалистического строительства, однако, «сохраняется добровольность перехода к коллективным (и другим товарищеским) формам ведения хозяйства» (ст. 29), но оказывается всякое, конкретно указанное в «Началах», содействие этому переходу. Даются определенные льготы в пользу проведения прогресса в сельском хозяйстве (обязательные для всех членов земельного общества постановления большинства, право выхода меньшинства из земельного общества для ведения колхозяйства и т. д.). Но вместе с тем обеспечивается и возможный прогресс отдельных хозяйств бедняков-середняков. Наконец, узаконен сдвиг в сторону образования крупных и крупнейших «зерновых фабрик», совхозов-гигантов. Всем памятны слова Ленина, что у нас (в то время) еще не было объективных и субъективных условий для успеха совхозов. Эти условия наступили, и мы вновь создаем совхозы на расширенной базе.

Мы стоим и перед выработкою нового Гражданского кодекса и уже(!) вырабатываем общесоюзные начала его. О них я здесь не распространяюсь. В этом же номере помещены мои тезисы на эту тему. Тут борьба предстоит еще серьезная, ибо гражданское право — это в известной степени последнее убежище для буржуазной правовой мысли. Мы тут ныне ясно намечаем два пути: в сторону выделения из гражданского права регулирующих начал социалистического сектора хозяйства, земельных и трудовых отношений, с одной стороны; с другой — упрощение и сужение действий чисто-гражданских отношений.

Вот какова пред нами картина общей переорганизации области нашего советского строя. Она представляет большой шаг вперед, и притом шаг, возможный лишь ныне, после подведения недостававшего ма-

териального фундамента, но одновременно гарантирующего более реальное, революционирующее воздействие на самое фундаментальное строительство.

Одна область остается в стороне, хотя это и «самое необходимое, самое неотложное дело». Это — наше законодательство. Потоки новых законов, волны старых, пачки отдельных статей в дополнение к кодексам угрожают захлестнуть нас. Я читал интересный доклад, как у нас бумажный голод задержал этот поток (задержалось печатание законов) и я злорадно посмеялся. Но бумага нашлась, и дело продолжается. Вы читали в «Революции права», в заметке т. Прушицкого, жалобы бывшего германского министра юстиции о таких же волнах законов и его мысли о сжигании части этих законов. Но это происходит в буржуазной Германии. У нас я получил посылку в два тома в 1128 и 1144 стр., всего 2272 страницы (вес мне неизвестен), «посылка без цены», под названием «Систематическое собрание законов РСФСР, действующих на 1 января 1928 г. (7 ноября 1917 г.—31 декабря 1927 г.), всего 2078 номеров законов. Читаю (№ 812); переименовать выселок «Васильевская Артель» в починок «Исаевский»; (981); такой-то населенный пункт наименовать в «Село Юношеское»; (983): деревню Дураково переименовать в деревню Кольцово; а деревню Бардаково — в Сережино (984) и т. д., и т. п. Конечно, все эти законы действуют, если и на месте, может быть, не знают разрешенных новых названий, но если бы регистрировать все переименования улиц городов и сел, то количество это составляло бы миллионы. Я понимаю и необходимость переименований неприличных названий, вроде Царевококшайск. Но для чего $^1/_{100000}$ часть их вносить в систематический сборник действующих законов? Законы упростить, упростить и еще раз упростить. Таков наш лозунг. А на деле одно учреждение только за 1927 г. регистрировало более 7.000 законов, узаконений и распоряжений. У нас имеются красные Сперанские, пишущие законы; когда у нас появятся красные Вольтеры, их сжигающие![1]). Я не противник закона и законодательства вообще, но надо же знать меру. И прежде всего надо отделить законы-право от чисто-технических, ведомственных узаконений и распоряжений, устанавливая для них хотя бы особый способ, по крайней мере, публикации. Агрономы, инженеры, пчеловоды и т. д. также имеют свои технические правила, но они их не включают в число законодательных актов. Законы природы действуют даже без их опубликования. Почему исключение потребовалось для юристов?

(Журнал «Революция права», № 2, март-апрель 1929 г.).

---

2. ПРАВО — ЗАКОН — ТЕХНИКА.[2])

«Право отмирает». «Государство отмирает». А если пока еще не государство, то право — во всяком случае. На эти темы у нас в последнее время было много разговоров. Группа студентов на этом основании даже вынесла резолюцию о закрытии хозяйственно-правового отделения университета. А в газетах эти темы считаются модными. Я не буду особо останавливаться на тезисе об отмирании государства. Кто в настоящий момент самой оже-

[1]) Известно изречение Вольтера о том, что надо «сжечь старые законы». Мы его послушались, но, к сожалению, мы еще в большей мере послушались второй части его совета: писать новые.

[2]) Заметку я вынужден, по болезни, писать, лежа в постели. Это, конечно, не может не отразиться на самой заметке. Но содержание ее, по моему мнению, настолько важно как раз в настоящий момент, что я не считаю возможным заметку отложить. Основная мысль будет понятна, и вытекающая из нее кампания должна начаться чем скорее, тем лучше.

сточенной классовой борьбы утверждает, что государству пора отмереть, тот — либо невежда, либо выступает, как прямой подголосок контрреволюционных теорий. Только благодаря сильному пролетарскому государству возможен тот небывалый революционный поворот, который мы переживаем сейчас. Но ведь ни одно государство, в том числе и пролетарское, без своего права, в данном случае, советского права, немыслимо. Это тоже уж показалось в нашей среде фактом бесспорным. Бурное революционное движение в аграрных отношениях деревни произвело кое-у кого некоторое головокружение, в котором забыли азбучные истины. Хорошо, если только забыли, ибо это исправим. Нехорошо, если тут вмешиваются иные соображения. Если одновременно среди молодежи раздаются голоса, что в таких условиях не стоит вообще продолжать борьбу против старого права и старых юристов, ибо их победить трудно, а наступающее отмирание вообще освободит нас от них и без особой борьбы, то это в лучшем случае просто детски-наивные рассуждения, ибо тут идет борьба против целого мировоззрения, которое угрожает пережить величайшие революционные потрясения.

Но не только наши житейские явления затрудняют нашу борьбу, и в теоретической области существует известная неясность. Я уже указал по поводу работы т. Венедиктова, что у него противопоставление права и плана может привести к некоторым недоразумениям, особенно при недостаточно диалектическом понимании отношения между правом и техникой. Слишком поспешные заверения в том, что право уже вытесняется или уже вытеснено техникой, могут только лить лишнюю воду на мельницу вышеприведенных энтузиастов.

А между тем, у нас пока речь идет только о госплане, т. е. о государственном плане, наша Республика и в отношении плана действует правовым порядком: она оформляет, приводит утверждение плана путем закона. План этот пользуется, как закон (хотя и своеобразный, советский закон), находящийся в близком родстве с бюджетным законом, принуждением аппарата государства и т. д. Значит, мы пока можем говорить только о противопоставлении буржуазного права советскому госплану. А мы ведь требуем открытого, откровенного признания советского права, как особого классового права, которое просуществует, правда в корне меняясь, вплоть до отмирания советского государства.

Я опасаюсь, что мы при таких условиях в революционном вихре на время забудем одну из самых настоятельных наших задач: борьбу против наводнения законов, за новую кодификацию закона [1].

---

[1]) Я это чувствую лично по работе, взятой мною на себя, по Отделу законодательной кодификации РСФСР. Сочувствия — сколько угодно, но людей на помощь — это скучная практическая работа. Некоторым товарищам, впрочем, эта задача представляется уже разрешенной. Они предпочитают желаемое принимать за существующее. Так, один из этих энтузиастов пишет: «Множество законов, декретов и постановлений, издаваемых советским правительством и собранных в кодексы и сборники, кажутся сложными только при поверхностном взгляде. На самом же деле (!) в них может разобраться всякий грамотный рабочий, обладающий достаточной долей классового чутья. Кроме того, учитывая упорную работу комиссий над упрощением законодательства, мы должны решительно отвергать утверждения, будто все наши судьи, следователи и прокуроры должны быть «юристами» («Экономическая жизнь», изд. «За новую школу», № 282, от 7/XII 1929 г.).

Логика изумительная. Во-первых, законы и так каждому понятны, во-вторых, над их упрощением «упорно работают комиссии». Автор так увлекся в своей аргументации, что впал в явное противоречие, которого он даже не замечает. Это — характернейший образец легкомысленного отношения к задачам марксистов-ленинцев на правовом фронте.

У нас как будто нет средней линии, у нас — либо закон, либо беззаконие. Не такова ленинская линия. Ленин дал блестящий диалектический подход и к закону. Но мы этот его подход должны развить дальше, должны разработать научно, с помощью революционно-марксистского метода.

Одной из основных функций государственной власти, особенно буржуазного типа, является законодательство в самом широком смысле, если хотите «правотворчество» (хотя это выражение филологически очень неудачно). Но определение понятия закона в буржуазных теориях далеко не так ясно. Нет даже приблизительного единого определения сущности закона, даже там, где существует беспросветный фетишизм закона. Мы тоже пережили (даже еще переживаем) стадию фетишизма закона. В буржуазном государстве проведение нового закона не всегда легко; при условиях, напр., американского парламентаризма — даже весьма трудно. У нас это значительно легче, почему у нас волна новых законов не меньше, если не больше, чем в буржуазном мире. В то самое время, как энтузиасты пророчат, что завтра уже не будет права-закона, издаются трехтомные, двухтомные и т. д. своды законов, не считая двух текущих собраний законов.

Я не собираюсь писать историю закона, хотя она весьма поучительна. Нас интересует закон только в понимании буржуазного правоведения. Древний римский принцип, по которому «приказ князя (монарха) да будет закон» — просто перешел к буржуазии: что прикажет законодательная власть — это и есть закон. Но это пояснение не могло долго просуществовать. Стали искать отличительный признак в содержании. Одновременно, по мере того, как практика расшатывала парламентскую монополию на издание актов, имеющих силу закона, стали развивать теории о различии между законом и указом, ставя одновременно вопросы о законности самого закона и заменяющего закон акта и превращая так называемое административное право в один из основных элементов гарантии буржуазного демократизма. Мне не надо пояснять, что параллельно с этим идет полное банкротство парламентской законности и т. д.

Для нас понятно, что любое общественное отношение можно пытаться урегулировать путем закона (я здесь говорю о возможности, а не о целесообразности). В этом смысле мы широко понимаем закон (под разными названиями), не придерживаясь буржуазного взгляда на разделение властей. И только в последние годы мы начали деление законов на законы и (понятное дело) законные распоряжения правительства и т. д., производя это деление самым примитивным путем по источнику этого распоряжения. К этим категориям, как особо священная вещь, в последние годы прибавились все союзные законы, которые все приравниваются (в Верхсуде Союза) Конституции. Я уже сказал в № 5 «Революции права», что, повидимому, в этом направлении предложено НК РКИ выработать правила о делении законов. Если так, то мы шагаем громадными шагами назад, вместо того, чтобы отбросить эти приемы, даже буржуазией уже пережитые, и перейти к новой постановке самого вопроса о законе.

А между тем, жизнь категорически требует основательного, рационального подхода к вопросу о делении законов и о новом типе закона. Этот вопрос надо поставить научно, подобно тому, как мы поставили вопрос о советском строительстве. Вообще, к слову сказать, вопрос о советском законе тесно связан с проблемой советского строительства; закон занимает не менее ответственное место, чем само строительство, ибо он не только должен закрепить уже готовое оформление советского аппарата, но и дать направление иногда миллионному движению: колхозы, сельсоветы и т. д. А между тем, на законодательную работу смотрят, как на черную, неответственную работу; там, мол, умного не надо. Старые юристы где-нибудь что-нибудь спишут, созовут междуведомственную комиссию для согласования, а мы внесем еще кое-какие поправки и готово. Пора пре-

кратить это легкомысленное отношение к законам или правотворчеству. Надо научиться тому серьезному отношению к законопроектам, какое проявлял Ленин, даже когда он подписывал второстепенные или третьестепенные законопроекты.

Перед нами сейчас не стоит задача определить понятие закона вообще (такого определения, повидимому, не найти). Мы ограничимся разбором диалектического развития этого понятия. Если проследить развитие закона по этапам, то мы увидим, что закон не всегда содержит в себе право в узком смысле слова, что в него входит масса чисто-технических правил, что по ходу развития даже само право (в самом узком смысле) превращается или переходит в «простую» (хотя и весьма сложную) технику. Тут формула: «право и техника — просто техника», представляет собой довольно ярко-выраженные этапы. Государство даже чисто-буржуазное, действует не только правовым, или не только законодательным порядком. И буржуазная государственная власть вовсе не только издает законы, не только исполняет их (исполнительная власть) и не только их применяет, когда она по ним судит (судебная власть). Это все — старые, уже перезабытые вещи; буржуазная государственная власть управляет, т.е. в своей «политике» осуществляет всю власть в совокупности, и только согласно этой политике правительства издаются, отменяются или истолковываются законы. Но закон от этого не теряет значения. Закон, изданный в согласии с политикой реальной государственной власти, является (в принципе, по крайней мере) единой и реальной директивой, не в пример закону, существующему вопреки государственной власти, и поэтому либо отброшенному («не гласящего»), либо обойденному («закон что дышло, куда повернули, туда и вышло»). И нет ничего менее производительного, чем спорить о законности закона, которому пора в печку. Это мы видим у себя, но видим слишком мало, ибо об этом в печать проникает немного сведений.

Я еще раз повторяю неоднократно сказанное мною раньше, что в понимании права нельзя упускать из виду, что право помимо всех прочих признаков, есть организованное регулирование общественных отношений, которое осуществляет через принуждение государственной власти. При ином понимании права вообще разговоры о советском праве не обоснованы и не искренни.

Но советское право и советский закон пережили и переживают диалектические этапы развития. Этого мы не должны забывать, если мы хотим быть марксистами. Мы имеем законы-приказы, безусловно обязательные, мы издавали законы-директивы, законы-лозунги; мы форму закона переменяли в эпоху НЭП'а по-буржуазному; мы имеем и законы регулирующие чисто-технические вопросы. Это все легко понять. Но перед нашими глазами происходит не только деление законов на правовые и технические, но и превращение самого права в технику, и наоборот, техники — в право. Это тот вопрос, на котором мы должны с особенным вниманием остановиться в данный момент. Когда право отомрет, мы этого момента предсказать не можем, но мы можем предполагать, что если кое-что из установленных им правил и останется, то лишь как простая бухгалтерия, как распределение по норме: всякому по его потребностям; но тогда все это не будет нуждаться в принудительном порядке, и даже некому будет принуждать, ибо не будет государства и его власти. Тогда будет вместо права одна техника. Но дожили ли мы уже до этого момента? К сожалению, еще нет.

Не подлежит сомнению, что мы переживаем великий момент, который дает нам основание говорить о реальном перерастании нэповской России в социалистическую, но еще не в коммунистическую. Но все же надо ясно сознавать, что еще много не доделано, многое не изжито, что над советским правом придется еще поработать серьезно. То море беззакония, о котором говорил Ленин, еще остается, и проведение культур-

ной жизни потребует еще немало усилий. Компетентные наши учреждения и не думают еще закрыть правовые факультеты университетов, напротив, расширяют правовое отделение Института красной профессуры. Для чего? Для серьезнейшей работы в борьбе против юридического, т. е. классического типа буржуазного мировоззрения. Или оно уже побеждено? [1]).

Право и техника. Как известно, я предлагаю в революционной кодификации провести деление законов на правовые и технические. Но я при этом отнюдь не имею в виду сказать, что техника и правила, ее регулирующие, — менее важны, чем право. Я полагаю, что у нас уже трудно становится провести резкую грань между правом и техникой, что, как я уже сказал, одно переходит в другое. Это довольно резко проявлялось в том споре о новом УПК, в котором я указал, что такие-то вопросы являются чисто-техническими (например, о предварительном следствии). Ошибка товарищей заключалась в слишком юридическом подходе к вопросам так называемого буржуазного права. Количество переходит в качество и в буржуазном мире и в буржуазном праве. Правда, некоторые из этих технических правил превратились в известные культурные гарантии и, как таковые, действуют и у нас, но они в то же время в буржуазном обществе уже теряют значение общепризнанных гарантий. Такова сложная диалектика развития общественных, т. е. классовых противоречий.

Или я беру другую область: гражданское право. В своих тезисах я показал, и в III части своего курса подробнее изложу, как там меняют место право и техника. Самое выделение особого хозяйственно-административного права основано на этом. Основные принципы буржуазно-гражданского права у нас превращаются в простую технику или вообще стирается грань между правом и техникой.

Все это в общем и целом для нас простые истины. Но не для того, чтобы высказать эти истины, я сел за свою заметку. Нет. Я нахожу, что у нас неправильно оценивают борьбу за советское право, что у нас закон должен играть в будущем очень большую роль. У нас в начале НЭП'а думали, что гражданское право необходимо лишь для капиталистов и концессионеров. Значение ГК видели в том, что он создает гарантии для этих единичных крупнокапиталистических предприятий концессионного типа, но при этом забывали о миллионах мелких товаропроизводителей. А разве переход к колхозам уже составляет отмену денежных и вообще имущественных отношений? Даже к государству колхозы, в целом сами по себе хозяйства социалистического типа, сохраняют обязательственные отношения (за тракторы и т. д.). Но тут это более форма; зато крестьяне, вошедшие в колхозы, далеко еще не социалисты, а их имущественные, денежные средства увеличиваются [2]). Значит, будут вопросы и гражданского и уголовного права. Но разве мы можем терпеть и в будущем тот обывательский, чтобы не сказать головотяпский, подход к вопросам «революционной законности», какой раньше мы проявляли довольно часто. Наконец, разве допустимо, чтобы в будущем в нашем «истмате» или в наших «комазбуках» красовалось то же буржуазное понимание права, против которого мы в своем журнале подняли восстание и не во имя

---

[1]) Кстати, некоторые товарищи предлагают совершенно смехотворный план: закрыть факультеты советского права и оставить, с одной стороны, краткосрочные юридические курсы, а с другой — аспирантуру для подготовки научных работников в области права. Это все равно, как если бы кто-нибудь предложил построить здание, в котором между верхним и нижним этажами было бы пустое место.

[2]) Это вытекает и из текста устава и из проектов распределения дохода. П. Ст.

пустого звука, но во имя действительно-марксистского смысла всякого права, нами в основе уже вскрытого.

Если мы свою работу продолжим с тем же энтузиазмом, как до сих пор, то мы победим и старое правовое мировоззрение, и старого юриста. Тогда мы будем создавать нового типа закон и действительно советское право, гибкое и приспособленное даже к моментам самой острой классовой борьбы; право, в котором право и техника не будут противоположностями, а отчасти — просто изменениями количественно-качественными. Во всяком случае, в корне неправильно говорить уже об отмирании права. Ни один разумный человек не станет утверждать, что колхозы, сельсоветы и т. д. в каждом районе будут действовать по-иному, а не по общему закону. А гражданское право? Я в своем «Курсе гражданского права», мне кажется, доказал, что сущность гражданского права заключается в опосредствовании «общественного обмена веществ». Неужели кто-либо скажет, что мы в ближайшее время уже введем прямое, плановое снабжение всего, хотя бы трудового населения. Мы его введем — да, но когда. Но и тогда техника, выработанная нами, останется в силе. А тот, кто хочет оставить аппарат законодательного регулирования в руках старого юриста, хочет оставить выработку этой техники в руках вредителя, вместо того, чтобы ее сознательно взять в свои руки.

(«Советское государство и революция права», № 1, январь, 1930 г.).

---

3. РЕВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ.

> «Мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли. Между тем необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма».
>
> (Из речи т. Сталина, «Правда» № 309, 1929 г.).

Эти слова т. Сталина должны стать в известной мере лейтмотивом нашей работы. Особенно ценны они для нас, юристов-марксистов. Я неоднократно показывал, что теория права с трудом и с большим опаздыванием поспевала за правовой практикой, которая в свою очередь «закрепляла» лишь то, что завоевано (законодательство), одобряла или порицала то, что сделано или упущено (судебная работа). А что сказать, если через месяц после этих слов мы читаем: «Вместе с тем в настоящее время невозможно дать в законе четкое выражение тех основ, на коих должно быть построено правовое оформление отношений производства и распределения как в сфере сельского хозяйства и городской промышленности, так даже и в организации потребительского снабжения» [1]). Это образчик беспомощности «законодателя», несмотря на свою внешнюю «революционность», отказывающегося от

---

[1]) Интересно отметить факт, что на такой формуле сходятся ультралевые коммунисты и старые буржуазные спецы. Своеобразный союз, конечно, по разным мотивам. Левый радуется, что это поганое право околело, а спец видит подтверждение, что у нас в советской России нет и не было настоящего права.

своей основной роли: именно дать направление в настоящее время. Для него закон существует только как консервативный, а не как революционный элемент.

Но это только один случайно выхваченный факт. В № 1 журнала я полемизировал на эту тему с группой студентов и их единомышленников. Вслед за тем такой руководящий орган, как Московский облсуд, вынес разъяснение, просто отменяющее законы нэпа, и пленуму Верхсуда приходится отменить это разъяснение облсуда. Облсуд в своем разъяснении прибавил одно слово — буржуазия. «Партией и Советской властью решена ликвидация кулака и буржуазии как класса». И из этого «пополненного» текста сделаны выводы, в виде местного «законодательства», отменяющего законы нэпа.

В то же время и в других городах суды выносят резолюции отчасти в том же духе. А на совещании руководителей суда и прокуратуры автономных республик раздаются голоса, что большинство собравшихся по существу считает лозунг революционной законности пережитком, чуть ли не правым уклоном. Теперь это направление, получив известные указания центральных руководящих органов, несколько ослаблено, но далеко не изжито. А на местах небывалое море беззакония — не по отношению к кулаку, но по отношению к середняку и бедняку, чрезмерно часто попадающим под кличку кулака или подкулачника; а в городах и городских поселках — против нэпа и товарного оборота вообще. Чувствительная экономика больно реагировала на это последнее обстоятельство, что видно на базарах, а объявить оборот пережитком, когда местами (напр., на Дальнем Востоке) потребкооперация охватывает менее половины или немногим больше половины снабжения, в лучшем случае — утопия. Недостаточно декретировать местными или ведомственными постановлениями отмену гражданского оборота. По этому поводу и были сказаны слова т. Сталина о том, что, по его мнению, отмена нэпа еще преждевременна. Значит, и отмена законов — прав нэпа еще не стоит на очереди, не говоря уже о законах и законности вообще.

Я вспоминаю, что 9 лет тому назад в несколько иных условиях я писал свою книжку «Революционная роль права и государства». Я там защищал тезис о классовом характере всякого права и о революционной роли права восходящего класса, вместе с победою превращающего свою программу в «положительное» право, закон. Книжка имела успех. Вскоре всякий марксист-«правовед» уверял, что он, разумеется, тоже признает классовый характер права. А я сам получил «звание» «главы революционно-марксистской школы права в России» или, по иной версии, «вождя или одного из вождей одной школки права» у нас, противопоставляя ее другим каким-то «школкам». Но проблема классового характера права и ее «увязка» с остальными теориями настолько сложна, что многие свободно вздохнули, когда, по их мнению, появились «признаки» скорого отмирания права. Чего там еще ломать себе голову над характером права, коли завтра оно совсем «издохнет». Не меньше радости проявили по поводу исчезновения понятия или лозунга (не знаю сам, как вернее) «революционной законности», с которою вообще возились больше как с иконою, чем с толковым пониманием ее.

Я свою книжку, как во многом устарелую, решил не перепечатывать. Как видите, ход вещей невольно наводит на мысль — вытащить из пыльного архива старую книжку и сесть за коренную ее переработку, но с сохранением основной цели: вновь напомнить лозунг — революционной роли права. Правда, история не повторяется; теперь вопрос ставится в иной плоскости. «Революция или революционная законность» — такую форму на деле принял брошенный мною лозунг революционной роли права. Пред нами ныне более определенная формула: революция и революционная законность.

В чем заключается основная разница между этими формулами? В первом случае рассуждали приблизительно так: была революция, она победила, и вот вместо революции вступила революционная законность. Она появилась собственно с момента отступления революции. При таком понимании революционная законность как бы вытеснила революцию, заняла ее место. Прибавьте к этой формуле еще буржуазный взгляд на закон как на консервативный элемент, чтобы получить определенно ревизионистский взгляд, под которым охотно подписывался бы любой буржуазный спец-«сменовеховец». Но он одновременно сделался руководящим взглядом юридической, в первую голову прокурорской, а затем и судебной, практики. Конечно, не этому учила моя книжка 1921 года.

Мой лозунг гласил и гласит сейчас — «революция и революционная законность». Для всякого революционно-диалектически, а не юридически-логически мыслящего человека иного представления и быть не может. Сила пролетарской диктатуры в том и заключается, что она является одновременно и государством, и революцией. Буржуазная революция тем и отличается, что, образовав новое буржуазное государство, революцию объявляют распущенною. Государство является механизмом — своего рода тоже автоматом — в пределах или на основе законности обслуживающим буржуазию, нуждающуюся в защите святости частной собственности и свободы договора. Но этот автомат плохой автомат, его направляет «невидимая рука классового режиссера», и когда на его место вступает открытый режиссер — фашизм, то это только естественный ход развития.

Для буржуазного государства тут картина ясная: за букву закона, фетишизм законности. Законности вообще, ибо есть только буржуазный закон. Всякий новый закон берется под подозрение: подходит ли он для буржуазии? Поэтому логический вывод: обратная сила закона — это преступление. Вот это-то понятие законности перешло и к нам, а не революционная законность.

Совсем иное дело — революционная законность. Она отнюдь не противоположность революции, не задержка революции в целом. Задержкою она может показаться только страдающему излишнею, неуместною левизною. Суть пролетарской революции в том и заключается, что победа ее и учреждение пролетарской диктатуры в руки революции дает еще новое мощное орудие — государственную власть; а часть осуществления государственной власти именно заключается в законе, в возможности организованно, в правовом порядке воздействовать на ход развития, прежде всего в классовой борьбе. «Диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а продолжение ее в иной форме, новыми орудиями» (Ленин).

Так получается сочетание революции и революционной законности, как единого целого. Чтобы дать маленький поясняющий пример, мы могли бы сказать: буржуазную законность проявляет, напр., судья, сидящий спиною к будущему, копающийся в источниках закона, мыслях мистического «законодателя». Революционную законность мы можем изобразить как судью, сидящего лицом к будущему, понимающего закон не просто исторически, а диалектически, с точки зрения данного этапа. Я демонстрировал это в Верхсуде на 1-й ст. ГК. Она говорит о «социально-экономическом назначении» прав (это несколько неграмотное повторение фразы буржуазной теории). Тов. Ленин, как диалектик, одобрил эту фразу в целом с точки зрения будущего (он так и подчеркнул эту мысль: «Может пригодиться»). Какое же назначение имела в виду статья? Конечно, не назначение того дня, а будущего, времени применения закона. И если это в начале было время допущения конкуренции, распыления даже государственной собственности между отдельными искусственно созданными субъектами права (трестами, акционерными обществами, синдикатами и т. п.),

то с переходом к сплошной коллективизации «социально-хозяйственное назначение» средств производства изменилось, а вместе с тем и субъекты прав, идущие в противоположном направлении, потеряли свои права на эти средства производства, их права утратили основание для охраны и передавались в средства колхозов, конечно, только там, где эти колхозы образовались. Это было проведено революционными массами, а вслед за тем и подтверждено законом Советской власти (ЦИК'а и СНК).

Конечно, массовой коллективизации в деревне было не до ст. 1-й ГК, и не та или иная статья помешала бы тому стихийному подъему, который привел к скачку на десятки лет вперед. Но тут и никакого разрыва не было между революцией и революционной законностью, ибо движение проводилось на основе партийных директив и оформлялось в советском законе. Нарушения революционной законности вытекали из искривления основной политической линии. Раскулачивание не означало отмену нэпа вообще; местные органы, даже юстиции, постарались «пополнить» лозунг преждевременно, помимо центральных органов, как будто социализм можно было строить в одном районе, в одном округе, в одной АССР.

Тут-то началось отрицание нынешней революционной законности. Не центральный закон, а местный: местного суда, местного парткома! Но в результате происходили перегибы, выходящие за обычные пределы, притом бессмысленные нарушения революционной законности, приемы 1918 года, резко противоречащие нынешнему революционному лозунгу раскулачивания с переходом средств производства в неделимый инвентарь колхозов и т. д., вплоть до превращения раскулачивания в средство сбора утиль-товара в виде детских пеленок кулака, а то и середняка. Когда-то великий сатирик Щедрин характеризовал один момент своей эпохи словами: «Имеющие два шила доносили на имеющих одно шило (как на ненадежных, «пролетарский элемент»). У нас местами доходили до того, что имеющие одно шило видели кулака уже в имеющем два шила. В такой плоскости теперь практически выдвигается выступление против открытых и тайных противников революционной законности. Я со всею решительностью утверждаю, что этому лозунгу еще суждено играть роль в создании нового строя и нового общества.

Конечно, по-иному ставится и этот вопрос. Если мы до сих пор не на каждом шагу напоминали о связи революции и революционной законности, то в будущем мы об этом забывать не должны. Революционная законность является продолжением революции. Из этого вытекает, что она действительно должна быть революционна, не задерживать революции, но вести ее вперед. Но это не означает индивидуального произвола, а организованную работу по директивам центра или в согласии с ним. Но оно означает еще и другое: более интенсивное воздействие революции на самый закон или, как любят выражаться, на законодателя. Закон должен стать иным. Значит, — ставка не на очень быстрое отмирание закона и права, а не революционный закон.

Если бы меня спросили, куда отнести, с точки зрения работ нашего Института, вопрос о революционной законности, я бы ответил, что это является как бы связующим звеном, между правом и советским строительством. Я в одной из своих предыдущих статей показал, что закон может быть правом, но он может дать и одну лишь технику. Но характерное свойство государства, особенно или именно буржуазного типа, заключается в законодательстве. Владимир Ильич, который в известном споре отстаивал и провел мысль о государстве советов, революционному закону придавал громадное значение. Не раз он упрекал нас, не так верящих в декрет, что мы «не умеем мыслить государственно». И в то же время как он отстаивал понятие диктатуры, как он выдвигал революционные задачи ВЧК, он не с меньшим рвением отстаивал революционный декрет.

Я в № 1 сборника «Революция права» пытался показать, как Ленин на разных этапах различно понимал значение декрета и закона. Со вступлением во власть программа партии для него превращается в декрет-закон. Потом идут законы как «декларации, заявления, манифесты, декреты», вообще как «форма пропаганды», которые не всегда возможно было превратить в дело. Нехватало материального «фундамента». Отступление к нэпу вызвало к жизни и новый тип закона — кодекса, значение которого, как регулятора, должно было подойти к буржуазному закону и его пониманию. Конечно с оговорками. Владимир Ильич не дожил до полного развертывания революционного наступления, хотя он уже его и провозгласил. Каким должен быть тип закона нового революционного наступления? Он этого не сказал, не создал этого типа, хотя известное указание можно найти в его лозунге: «Лучше меньше, да лучше».

Одно ясно, что новый революционный закон будет иметь в значительной степени директивный характер, с одной стороны, с другой стороны, даст «стандарты» формы массовых отношений. Когда, напр., ЦИК издал постановление о раскулачивании, он указал, что действие его относится лишь к районам сплошной коллективизации. Это относится и к вытекающим из этого постановления отдельным законам и к отменам действовавшего закона (напр., ЗК, ГК). Но это не означает, чтобы этот закон не был действителен или был лишь формою пропаганды. Нет, это — суровая для противника действительность. Мы живем в других условиях, имея твердый материальный фундамент. А кроме того, тут исполняются слова Ленина: «Законов написано сколько угодно. Почему же нет успеха в этой борьбе? Потому что нельзя ее делать одной пропагандой, а можно завершить только, если сама народная масса помогает» (Ленин, 17/X—21 г.). Теперь эта «помощь народной массы» налицо, если только дело не ограничивается, как это местами бывало, одним администрированием. И тут-то особенно выступает роль советского строительства в тесной связи с установлением этой новой законности, как единого дела.

Приблизились ли мы уже к такой работе? К сожалению, ещё нет. Мы в начале статьи видели, как «высокая» и ответственная комиссия вместо того, чтобы дать директиву в области гражданского права, более необходимую, чем когда бы то ни было, легла спать до тех пор, пока, мол, все упорядочится и видно будет, что надо записать, как окончательно установившееся. Так, пожалуй, можно дотянуть до полной победы социализма, и тогда самого права уже не нужно будет. «Законодатель» революции, может быть, должен был бы подобно образцовым журналистам иметь в портфеле материал для статьи на случай наступления любого важнейшего события. Но во всяком случае революционный закон, преграждая отступление, должен открыть путь для движения вперед. Мы сделали шаг вперед и отучились от боязни пользоваться и в законе словами «социалистический» и т. д., но не в фразеологии тут дело, а в содержании. Ведь закон-право не есть просто приказ, он регулирует или охраняет систему общественных отношений. С этой стороны надо подойти и к революционному закону. Если в буржуазном обществе эти отношения осуществлялись анархически-индивидуалистически в рамках «норм» ГК, как известно дающих только голые формы для «свободнодоговорного» «общественного обмена веществ» (просто по формулам купли-продажи), то советский революционный закон, не стесняя трудящихся, в будущем должен дать определенные общие директивы для развития в сторону социализма. Экономику этого развития определит социалистический госплан производства и распределения. Но Советская власть обеспечит проведение этого плана как в борьбе против классовых противников, так и в борьбе за строгую общественную дисциплину, пока «люди привыкнут к соблюдению элементарных условий общественности, без насилия и без

принуждения» (Ленин). Эти две задачи: борьба против... и борьба за... по существу составляют две задачи всякой революции: разрушительной и созидательной. В УК, где до сих пор эти две стороны борьбы не сознавались и не были достаточно разъединены, в будущем это деление должно быть более ярко выражено. Конечно, обе эти задачи переплетаются, ибо под влиянием классового противника находилась и часть трудящихся («подкулачники», «буржуазные подголоски»). В деревне коллективизация вносит великий перелом, лишая вслед за помещиком и кулака его материального влияния и создавая базу для рождения и роста сознания у самого отсталого рабочего-батрака, под влияние которого в будущем должен подпасть и середняк, пока не произойдет превращение и его в сознательного работника. Этот перелом конечно будет длителен, он требует времени и усиленной агитации, но и верной оценки в будущем так наз. подкулачника.

Этот перелом в деревне должен повлечь за собою и еще одно, может быть, крупнейшее бытовое изменение: освобождение женщины и семьи вообще от позорного остатка времен рабства, семьи-двора. Когда мы во время раскулачивания должны высылать вместе с кулаком и его семью, мы делаем необходимое дело. Но это в известной степени трагедия, в которой виноваты и мы. Если мы заглянете в тезисы о браке и семье (изд. нашей секции 1926 г.), то вы найдете исчерпывающий теоретический разбор вопроса о дворе (т. XV—XXX). Наши власти тогда старались «консервировать» творчество сената царского правительства, выступая против разложения и даже дробления этого первого (по Марксу) и последнего очага рабства. Мы были вынуждены это сделать по экономическим соображениям, чтобы не дать снизиться уровню сельского хозяйства и не увеличивать слишком быстро количество пролетариев. Теперь трудовой элемент там, где дворы перешли к коллективному хозяйству, отпадает, и двор по существу сохранит только характер городской пролетарской семьи. Жизнь внесла классовую борьбу и в крестьянский двор-семью. В несколько уродливой и, вероятно, не всегда искренней форме это проявляется во все учащающихся газетных объявлениях о том, что такие-то порвали связь со своими отцами, семьями и т. д. Нам надо скорее притти на помощь этой борьбе правовым раскабалением семейства от векового рабовладельца, «отца-семьи» — «домохозяина». Поощрять двор нет более основания даже там, где нет коллективизации. Да скорее сгинет это последнее убежище рабства! И нам надо помочь этому революционным законом.

А что будет с ГК? Некий остряк высказался, что из ГК остались в силе разве лишь 1 и 4 ст.ст. Поскольку эти слова были сказаны серьезно, они только доказывают теоретическое невежество их автора. Скорее можно было бы сказать, что — по крайней мере для деревни — ст. 1, эта гарантия частной собственности на средства производства, сыграла свою роль и сделалась лишнею. Из ст. 4 можно вычеркнуть излюбленные для многих слова «в целях развития производительных сил». В развитии производительных сил мы не нуждаемся в помощи «субъекта права»; производство, пожалуй, освободилось из паутины гражданского права. Но мы крепче должны усвоить себе действительную цель всякого гражданского права, снабжение на почве товарообмена, пока еще нельзя провести сплошного организованного снабжения. Как показал Ленин, это право «равное за равное» (эквивалент) пока остается в силе. Но, должны мы прибавить, оно круто меняется по сравнению с буржуазным правом, где эквивалент был исключительно договорный. Революционная законность эквивалент понимает как преимущественно трудовой, основанный преимущественно на плановых началах, поменьше — на договоре.

Мне скажут, что я отклонился в сторону к мелочам. Но не напоминает ли это возражение слова о советском строительстве на местах как о мелочах после великого шага к диктатуре? И там и здесь возражения не-

основательны. Многим кажется, что революционная законность — это только «громкое» слово, что она не рассчитана на будничные отношения и занимает в государственной системе какое-то исключительное положение. Но ведь революционный закон призван охранять прежде всего общественные отношения миллионов на культурных основаниях, защищать их от наскоков, наездов и перегибов, конечно, не забывая и «правовых отношений» крупных размеров. «Красное» «моему нраву не препятствуй» — это тоже наследие, которое нам оставила полубуржуазная-полукрепостническая Россия. Оно слишком часто скрывается за пренебрежением к революционной законности.

Было бы, может быть, разумнее сдать все эти толстые фолианты законов в утильсырье, оставляя по нескольку экземпляров в архивах, но отнюдь не перепечатывая их в новых кодифицированных изданиях, да еще на 6—7 языках. К чему это приводит? Когда мы сделали ревизию Казакстана, в докладе приводилась как факт следующего содержания жалоба нарсудьи-национала. У них нет перевода нынешнего собрания кодексов (1160 стр.), и чтобы напечатать такой перевод, потребовалось бы приостановить на полгода политическую газету! А Казакстан сравнительно большая республика. Вот «положить бы в сторону» этот сборник кодексов и написать маленькие, простенькие, тоненькие революционные кодексы. Это пока мечта, но достойная, чтобы над ней призадуматься, вместо того, чтобы выступать против революционной законности. То был бы действительно революционный закон.

Сейчас, как мы видели, мы пережили кризис революционной законности. Она сохраняется и получает новое, но более реальное призвание. Остается борьба за революционный закон. Нет, может быть, большего несчастья для нашего государства, чем исторически установившиеся «ведомства» со своими ведомственными и междуведомственными отношениями. При каждом удобном и неудобном случае эти ведомства выпускают как бы в виде ракет свои проекты новых законов, ибо каждое из этих ведомств имеет свои «ручные станки», свои юридические или юрисконсультские отделы. Такой же отдел имеется еще и при СНК, куда стекаются эти проекты вместе с их авторами-юрисконсультами, и там-то, после борьбы этих борцов за право, принимаются или отвергаются. Это настоящее кустарное производство, стоящее в самом резком противоречии с нашими планами социалистической рационализации. Капиталистическая страна Англия при всей ее идеологической отсталости обслуживается небольшою группою клерков (при министерстве финансов), которая оформляет все проекты законов по инициативе существующих и там ведомств. Я законодательство Англии не ставлю в пример, но ее экономию законодательных сил — безусловно.

Я уже выше цитировал слова Ленина о том, что борьба за наш закон будет успешна только тогда, «если сама народная масса поможет». Как конкретно понимать эти слова? Я полагаю, что их надо сопоставить со словами Ленина же о поголовном участии всего населения в управлении. В настоящий момент участие масс в управлении государством принимает формы непосредственного влияния на государственный аппарат в процессе его повседневной работы. Развитие шефства предприятий, деятельность рабочих бригад, выделение рабочих исполнителей означает, что представители трудящихся, не порывая с производством, входят непосредственно в оперативную работу госаппарата не только в качестве контролеров, но и прямых участников. В этих условиях советский закон в особенности должен стать формой организации самодеятельности масс и руководством для массового участия трудящихся в управлении государством. Помощь в борьбе за революционную законность является одною лишь частью участия в управлении. Правда, это является одновременно одною из самых трудных и наименее понятных задач, требующей высокого культурного уровня, с одной стороны, и действительно революционного

закона, с другой. Но одновременно надо изжить предрассудок о консервативном характере всякого закона.

Но, скажут мне, революция идет моментами быстрее закона, не поспевающего за нею. Надо все сделать, чтобы он — закон — поспевал за революциею, но с фактом надо считаться. ГПК указывает выход из этого положения путем применения ст. 4: «Руководствоваться в этих случаях общей политикой Рабоче-крестьянского Правительства». Пора конкретно раскрыть реальное значение этих слов. Откуда узнать эту общую политику? Все чаще и чаще мы в последние годы получаем подробные чисто директивные постановления Советской власти. Но этого мало. Если Ленин, как я показал выше, диалектически понимал формулу: программа партии до победы — декрет ее правительства после победы, то эта диалектика не в меньшей степени должна относиться к Партии пролетариата, ставшей у власти. Доверие, которое питают к Партии широкие слои трудящихся, создает в них уверенность, что политическая директива Партии и закон как формальное выражение воли господствующего класса в целом не должны и не могут расходиться между собой. Сегодняшние директивные постановления Партии — это завтрашний, даже сегодняшний революционный закон. Конечно, полностью это относится только к центральным директивам, ибо у нас имеются только центральные общеобязательные законы. Только в этой плоскости понятен лозунг: революция и революционный закон. В пролетарской революции они, революционный закон и революция, друг друга дополняют, а отнюдь не исключают. Поскольку революция идет в форме диктатуры под гегемонией пролетарской Партии, постольку диктатура пролетариата действует через революционную законность. Чем более закон станет действительно революционным, тем более станет обязательною и сама собою разумеющаяся революционная законность. Сейчас миллионы крестьянства со стихийною быстротою переходят к новому способу производства, к новому распорядку труда. Мыслим ли этот переход без новой, вначале суровой дисциплины? Мы ответ на это находим в промышленности жизни, где законный принцип единоначалия чередуется с массовым добровольным, даже договорным социалистическим соревнованием. Не вспоминаются ли тут, по аналогии, для деревни «левые» увлечения упразднением сельсоветов с перенесением их власти на колхозы? Правая сущность этих увлечений теперь вскрыта и эта затея ныне устранена. Но самый факт надо правильно оценить.

Те мысли, которые я здесь набросал на скорую руку, придется развить дальше; но прежде всего надо ими заинтересоваться. Кому во время Днепростроя и других гигантов хочется посвятить себя таким мелочам, как революционному закону и революционной законности? Конечно, там создается «база», без которой мы висели в известной мере в воздухе. Но и это строительство происходит еще в рамках права. Нельзя забывать взаимодействия базиса и надстройки. Социалистическое строительство есть не только экономика, оно требует и соответствующей идеалогической надстройки.

(«Советское государство и революция права», № 3, 1930 г.).

---

4. РЕЧЬ НА ПЛЕНУМЕ ВЕРХСУДА РСФСР.

Движение к коллективизации в деревне за последнее время стало стихийно-массовым и перешло в настоящую революцию, от лозунга ограничения кулака она перешла к лозунгу ликвидации кулачества, как класса, приняла характер Октября для деревни. Это новый этап в нашей революции, а не повторение 1918 или 1919 г. Это отнюдь не возраст к военному коммунизму, как понимали это очень многие товарищи, и вовсе не

отмена нэпа для города. Движение стало настолько бурным, что оно не оставило в стороне и суд и юстицию вообще. Как совместить революцию с революционной законностью? Может ли вообще итти речь о революционной законности? Так, ходом событий был поставлен вопрос о существовании самого суда. Какая работа может быть отведена суду, когда батрачество и бедняцко-середняцкая масса «самовольно» т. е. революционно, забирают в колхозы средства производства кулака, окончательно расправляясь с кулаком, как классом? Суд не удержался и не мог удержаться в стороне от бурного движения. А ныне ему самому приходится ликвидировать отчасти свои же перегибы. Может быть, проще так и ставить вопрос о ненужности суда, об отжившем лозунге революционной законности и т. д.

Тов. Сталин на съезде аграрников-марксистов вполне заслуженно упрекал наших теоретиков в том, что они плетутся в хвосте движения, а не идут впереди его. Это в полной мере относится и к праву и юстиции. Ведь судебная работа является тоже в известной степени работой идеологической.

Нас так и упрекали в том, что мы из центра судам не давали никаких предупредительных указаний. Но это не оправдывает того, что на местах судебные учреждения растерялись в общей массе и не знали, что им делать. Конечно, было бы смешно говорить о применении строгой законности там, где волна Октябрьской революции докатилась до самых низов деревни, где раскулачивали кулака и т. д. Тут естественны и перегибы тут неизбежны и шатания. Тут вполне естественно чаще встречать перегиб, чем недогиб, особенно, если идет классовая борьба во-всю и в тех низах, где до сих пор Октябрьская революция осталась все еще только на поверхности.

Теперь, конечно, легко рассуждать о том, что мы в деревне не возвращаемся к старому, не возвращаемся к 1918—1919 гг. Действительно, мы не возвращаемся к так называемому военному коммунизму, мы идем вперед, мы перешли на новый этап, более высокий, более широкий, где положение совершенно иное. Ныне у нас под ногами базис индустриализации, которого не было в 1918—1919 гг. У нас уже сильная промышленность, сильный рабочий класс, и все это дает другие основания для проведения в жизнь революции на фронте сельского хозяйства. Кроме того, — и это основное для нас, судебных деятелей, — у нас вопрос ставится не об одном только раскулачиваний, в смысле отобрания от кулака имущества и распределения его между бедняками, как это было в 1918—19 г.г., теперь мы идем по совершенно другой линии. Теперь наша непосредственная цель — коллективизация, а раскулачивание не цель, а только средство. Конечно, не на одни средства кулаков будут существовать колхозы, но раскулачивание является способом классовой борьбы в целях преодоления противодействия кулачества. Притом все, что раскулачивается, должно поступать в колхоз или в госсобственность. Об этой точке зрения ныне уже говорить не приходится: она всюду, всеми, по крайней мере в принципе, принята. Правда, при этом остается еще чрезмерная вера в конфискации и т. д., в 1918 г. она была еще сильнее. Но, по существу, эти конфискации материально не так много дают, и один день социалистического производства ныне дает больше всей суммы конфискаций. Теперь для нас, особенно в раскулачивании, основная цель отобрания средств производства — разжигание классовой борьбы и уничтожение кулачества, как класса. Все это ясно. Для нас ныне остается основной спорный вопрос, вопрос о законе и законности. Я уже сказал, что если закон вообще не нужен, если он отжил свой век, тогда нужно упразднить суды, ибо не нужны те меры, которые принимает суд, а тогда более подходит другое учреждение, которое должно руководствоваться только конкретной революционной целесообразностью, тогда и было бы гораздо проще объединить суд и это учреждение в одном месте. От взгляда на закон зависит, в известной мере, взгляд и на суд. По поводу закона я сошлюсь на т. Сольца. Никто не назовет его «законником», но когда он выступил в печати в защиту закона, то

он указал, что он остается попрежнему верен своему взгляду на закон. То-есть он находит, что закон необходимо соблюдать, но его не нужно так истолковывать, как это пытались сделать и у нас: искать, что имел закон в виду, когда его издавали. Напротив, нужно посмотреть, что закон имеет в виду в настоящее время, имеет ли он в настоящее время какой-нибудь смысл, и если он не имеет смысла, то его просто заменить какой-нибудь более целесообразной мерой, либо отменить. Это вполне правильное понимание.

Я вернусь к сделанному нам упреку в том, что мы не предупреждали, ничего не предвидели. Это не совсем так. Если возьмете книжку № 1 1930 г. «Советское государство и революция права», то вы там найдете мою заметку, которую я писал в постели очень сокращенно, с оговоркой, что я пишу больной, но я считаю вопрос не терпящим отлагательства. Я писал ее в начале декабря. И с чего я начал. С вопроса, пора ли уже говорить об отмирании права. Мой ответ был отрицателен. Но виноваты условия нашей печати, когда вместо 1 января журнал выходит через полтора месяца. Конечно, в таких условиях нас винить в бездействии или халатности невозможно. Если дальше посмотреть книжку № 6 1929 г. «Революция права», то вы найдете там мою статью, которая начинается со слов Ленина о путешественнике, который поднимается на высокую гору с перспективами. Ведь это предупреждает о том, что случилось позже. Это было написано в сентябре месяце. Мы, конечно, не могли в подробностях предвидеть того, что случилось позже, но в известной мере мы все же предопределяли, в известной мере предчувствовали. Но сама революция и самый лозунг раскулачивания появились гораздо позже, и это был безусловно новый перелом и этап нашей жизни, времени наступления которого никто не предвидел. Но имеет ли смысл после этого закон? Я начал вышеуказанную статью в № 1 журнала словами: «Право отмирает, государство отмирает и если не государство, то право во всяком случае». Так я обращался специально к группе студентов, которые постановили, что в виду этого нужно упразднить факультет советского права, и ко всем тем, которые заявляли, что право уже отмирает. Московский областной суд практически пошел дальше и сказал, что весь нэп надо насмарку, и поэтому, не ожидая отмены старого закона, издал свой закон. Ленинградский областной суд в менее решительной мере высказал намек на ту же мысль, что закон нам не нужен. Я Ленинградскому суду ответил, указывая на слова Верхсуда, высказанные по другому поводу. Я указывал там на слова наказа Верхсуда и на слова разъяснения Верхсуда о диалектическом понимании закона. Товарищи, внимательно прочитавшие эти слова, не должны были бы выносить таких постановлений, которые приходится потом отменять.

В своей журнальной статье я в одном месте говорил, что у нас середины как бы не полагается: либо закон, либо полное беззаконие. Это совершенно неправильно. Надо сказать, что с этой стороны в нашей газетной и журнальной полемике была допущена грубая ошибка, когда товарищи говорили, что закон является лишь консерватором, ибо закрепляет лишь то, что было. Это неправильно. Это можно сказать относительно буржуазного закона, где каждая буква охраняет приобретенное право буржуа, или когда мы о нэпе говорили, что мы в законе определяли для прав буржуазии границы: до этого места и не дальше. Но революционный закон имеет другой смысл: он определяет или направляет то, что будет в дальнейшем. Неделю тому назад я хотел внести проект разъяснения, как нам надо смотреть на закон в связи с раскулачиванием. Это по поводу 1-й статьи Гражданского кодекса, которая в первый раз сейчас так выпукло выступает в своем полном значении. Я этого разъяснения не внес тогда только потому, что в этот момент вышло постановление ЦИК о раскулачивании, и были представлены дополнительные законы, которые Коллегия НКЮ утвердила, которые ждут утверждения свыше и которые практическую часть разъяснения сделали лишней. Поэтому я вопрос снял, но все же я нахожу, что эта первая статья ГК как нельзя

лучше подходит для того, чтобы понять, как и что мы понимаем под диалектическим толкованием закона, что означает эта диалектика. В своем проекте разъяснения я пытался эти мысли изложить словами:

«1. Ст. 1 ГК при ее издании вовсе не имела в виду укрепление прошлого состояния, но целиком относилась к регулированию отношений в будущем.

2. Мы должны диалектически понимать слова «социально-хозяйственное назначение» институтов гражданского права на новом этапе. После изменения этого назначения в силу общей политики совласти при переходе к социализации или коллективизации данной отрасли хозяйства, например сельского хозяйства, или всего хозяйства, гражданские права, осуществляемые в противоречие с социализацией, в целях капиталистической эксплоатации и вообще не в целях коллективизации, лишаются охраны, ибо не могут быть признаны служащими развитию производительных сил, а напротив, самым серьезным образом препятствуют их развитию.

3. Эти общие соображения относительно ст. 1 ГК, в одинаковой степени относящиеся и к прочим законам совласти, однако, должны пониматься не формально, а гибко, ибо пока мы социализацию или коллективизацию проводим еще не повсеместно, ст. 1 ГК должна считаться с фактом законного существования нэпа, с его частным оборотом, а в силу этого и частной собственности, без которой никакой товарооборот невозможен.

4. Поэтому, подтверждая прежние разъяснения Пленума Верхсуда о революционной законности, т.-е. о революционном толковании закона вообще, Пленум на первом месте подчеркивает революционно-организационную роль советского закона, требующего в его применении не буквоедства, а толкового, диалектического подхода».

Когда мы писали первую статью ГК, эти слова были неудачно взяты из буржуазной науки, но Владимир Ильич, очевидно, уже предвидел дальнейшие события и сказал, что статья должна остаться, потому что она может нам очень и очень пригодиться. Я думаю, что она нам очень и очень пригодилась сейчас, ибо она, как никогда, выпукло рисует роль революционного закона. На самом деле, когда мы в 1922 г. говорили о социально-хозяйственном назначении того или другого института права, например, купли-продажи и т. д., разве мы имели тогда в виду прошлое? Нет, в прошлом был военный коммунизм, который запрещал всякие сделки. Значит, имелось целиком в виду будущее. Какое будущее? Только то, которое будет завтра, послезавтра? Нет! 7—8 лет тому назад она нам не особенно или вовсе не нужна была для применения: тогда было некоторое возвращение к капитализму, а в 1930 г., когда поставлена была задача сплошной коллективизации деревни, этот закон нам пригодился. Эту диалектику нужно понять. Но пока в городе не прошел этап нэпа, пока здесь нет лозунга «разнепачивания», нельзя отбросить закон нэпа вообще и сказать, что он нам не нужен. В этом отношении значительная часть наших работников сделала большой промах, который надо теперь исправить и который в будущем надо иметь в виду.

Какие выводы из этого для судебной работы вообще? Можно ли сказать, что после этого суд уже не нужен? Я думаю, что нет, как раз наоборот. Но он сам себя отчасти упразднил в тех местах, где суд «слился с революцией». Это был, конечно, отказ от своей роли, ибо суд, как таковой, ничего общего с массовым раскулачиванием не имеет; если революция, так революция, суд, так суд. Революция не спрашивает закона, а суд без закона в широком смысле слова невозможен. Не будем же мы возвращаться к прежнему «революционному правосознанию»? Тем, что суд допустил в своей практике перегибы и ошибки, отступая от этой правильной линии, он нанес себе большой урон. Суд теперь, конечно, в этих местах не будет тем авторитетным и заслуживающим доверие органом, каким он должен быть, если имеет какие-нибудь права на существование. Потребуется не мало усилий, чтобы вернуть

свой престиж. Одно ясно: когда умрет государство, когда умрет право, только тогда умрет и суд. Но тогда и не будет классов и не будет классовой борьбы. Смешивать революционную работу, в смысле стихийного движения, с судебной работой было бы неправильно. Суд должен считаться с революцией, но он должен иметь смелость сказать: здесь идет классовый перегиб, и я поднимаю голос против перегиба. Я не думаю, что это было бы легко, когда идут волны революции, но это было бы правильно. Правда, тогда судебных работников обвиняли бы в «правом уклоне», но это уже вопрос другого порядка. Мы вообще слишком боимся, как бы нас ни причислили к правому уклону, и уж предпочитаем постараться перегнуть в другую сторону, чтобы лучше оказаться левым, чем правым уклоном. Но оба уклона одинаково вредны, если и не в одинаковой степени.

У нас сегодня стоит в повестке дня случай левого перегиба: вопрос относительно определения президиума Московского облсуда. Мы теперь должны исправить ошибку этого суда. Лучше было, если бы это решение не было бы вынесено. Московскому суду незачем было спешить забегать вперед, здесь, в центре, когда председатель суда является членом Коллегии НКЮ и в любой момент даже по телефону мог справиться: а как смотрят на эти вопросы в руководящем учреждении? Почему было принято такое решение общего характера, которое нужно отменить? Это потому, что у многих работников имеются опасения попасть под обвинение в правом уклоне, одновременно, на всякий случай, выступая против центра с таким обвинением. Эта несмелость в своих поступках есть в известной мере слабая сторона нашей судебной работы. Я сознаю всю трудность местной работы, но если свести судебную работу только к тому, чтобы согласовывать свои определения с кем нужно на местах и лишь подписывать готовые определения и решения, тогда зачем нам этот аппарат? Тогда нужно сократить лишних людей и средства на постановку суда. Если Советская власть и руководящие органы все-таки остановились на том, что суд нужно сохранить, то они имели в виду такие самостоятельные действия со стороны суда, где нет панического настроения.

Я уже сказал, что мы переходим к новому этапу, что закон будет существовать, но это должен быть новый, более гибкий закон. Мы должны быстрее отменять старые, отжившие законы. В этом отношении имеются известные препятствия, которых мы не можем еще одолеть, в лице наших старых юристов, которые сидят во многих местах юрисконсультами и имеют чрезмерно большое влияние на закон. Но одно я должен сказать, что мы попрежнему стоим спокойно на твердой почве, что революционный закон необходим и с ним нужно считаться. Если он даже имеет недостатки, то нельзя просто взять его и перечеркнуть и сказать, что я не считаюсь с законом, закон мне совершенно не нужен. Нужно каждый раз ставить вопрос, что этот закон разрешает; если он в данном случае не подходит и ничего не дает, надо ставить вопрос об отмене или изменении этого закона, даже о неприменении его к конкретному делу. Значит, революционная законность и революционный закон будут существовать; он обязателен для суда и суд должен им руководствоваться.

Теперь вопрос о том, какие вытекают из этого выводы для судебной работы вообще. Я не думаю, чтобы мы могли сегодня же ответить на вопрос, как будет в будущем меняться роль суда вообще. Но мы должны сделать пока один вывод: о прочности суда. Я уже указывал кое-какие пути, по которым мы, может быть, пойдем, хотя нам очень трудно будет по ним итти. Я указывал на то, что судебная работа должна служить в гораздо большей степени материалом для закона. Это проводится недостаточно. Практика Верхсуда имеет большое влияние, но местной инициативы почти нет. Места, если они хотят сказать, что надо отбросить революционную законность и законы, которые мы сами издаем, рассуждают в корне неправильно и нереволюционно. Нельзя иметь московскую законность одну, ленинград-

скую — другую, казакскую — третью. Законность по существу должна быть единой революционной законностью; она может меняться правда, по местности, где революция переходит на новый этап. Это — отнюдь не противоречие. Революция и революционная законность должны быть согласованы.

Я остановлюсь еще на том, что мы до сих пор не имели достаточного влияния на новые законы. Я указывал неоднократно, что наши судебные решения теперь в значительной степени никчемны; но они могли бы принести большую пользу, если бы решения суда по конкретному судебному делу или по целому ряду судебных дел послужили основанием для дальнейших выводов и исследований. Теперь я пошел бы дальше и сказал бы: нужно найти способ, чтобы судебный аппарат работал и был ближе связан с другими аппаратами не только в том смысле, чтобы судьи формально привлекались на те или другие засецания (это является часто только потерей времени), а чтобы он действительно работал совместно с другими органами, как частица общей цепи, как говорил Владимир Ильич.

Но этого способа мы еще не нашли.

Дальше я неоднократно говорил о том, что наш подход недостаточно гибок. Мы не учим наших судей уметь гибко подходить; недостаточно внимания уделяем этому подходу. Я еще раньше ставил вопрос, что сейчас нам надо перейти к типу производственных совещаний, и не только формально, для виду, а по существу. Вероятно, сегодня надо будет по этому вопросу образовать маленькую комиссию, которой поручить в короткий срок выработать те меры, коими можно провести, с одной стороны, поднятие уровня судебного аппарата, в смысле его гибкости, революционного подхода, правильного классового подхода, изжитая формального подхода, и, с другой стороны, найти способ, как этот опыт, который имеется у одного, второго, третьего судьи, перенести в более широкие массы. Я раньше часто председательствовал сам в гражданской коллегии и, отбрасывая лишнюю скромность, полагаю, что кое-какое влияние я оказывал на работу коллегии. Я особенно боролся за простое писание приговоров и т. д. Мы получили проклятое наследство от буржуазной законности вообще, что она превращает суд в нечто окаменелое, что она укрепляет то, что написано в законе и что к нему относятся, как к чему-то мертвому, вместо того, чтобы его сделать живым, чтобы каждый смотрел на наш закон не как на прошлое, а как на нечто живое, как на будущее.

Я указывал, что в нашей Конституции есть одна основная статья. Наша Конституция существует 12 лет и ни одной буквы в этой статье не меняли. Когда утвердили Конституцию, я написал заметку, где говорил, что это есть «Конституция гражданской войны». Всякому буржуа это название может показаться бессмыслицей. Для нас оно имеет глубокий смысл. Вот о какой гибкости закона я говорю. Так надо писать закон и так его нужно понимать, а не буквально, не азбучно.

Для того, чтобы это можно было делать, надо, конечно, иметь новые навыки; надо подходить ко всему более глубоко и для этого нужно искать способы.

Я думаю, что мы на пленуме постановим, чтобы те совещания, которые у нас были по отдельным коллегиям, сделать общими для всего суда, регулярно собирать их на пленум, может быть, дополнив их членами обл. и окр. суда и даже народного суда. Я бы назвал эти совещания, если хотите, производственными совещаниями. Мы могли бы обсуждать отдельные принципиальные вопросы, отдельные дела, выступая с критикой решения или части его, вырабатывая определенную единую точку зрения. Я постараюсь участвовать в них по мере возможности, хотя мне участвовать на совещаниях вообще трудно.

Сейчас возникает целый ряд задач, которые нужно выполнить для того, чтобы восполнить то, что мы, как я указал, потеряли, в этом надо дать себе определенный отчет.

Большевистскую партию упрекали в том, что она, как никакая другая партия во всем мире, любит ставить вопрос о текущем моменте. Но нас учил Маркс, а после него Ленин, что все общественное развитие надо рассматривать, как движение по этапам. Раз один этап отжит, надо посмотреть, каким будет следующий этап. Надо себе ставить ежедневно вопрос: где мы стоим? Разве мы уже дошли до того, чтобы отменить нэп? Что значит отменить нэп? Это значит — отменить весь гражданский оборот, все договоры. Разве мы можем сказать, что мы сейчас можем обойтись без покупок, без денег. Ленин со слов Маркса сказал: «Даже тогда, когда классов уже не будет», еще будет право. А у нас классы есть. Мы раскулачиваем деревню, еще раскулачивание не окончилось и даже, когда оно закончится, то различие между середняком-крестьянином и пролетарием еще не изжито. Пока существуют деньги, все появляются новые нэпманы и кулачки. Поэтому сейчас сказать, что мы могли бы обойтись без нэпа, Гражданского кодекса и других законов оборота, — нельзя. Мы, конечно, и думать не можем, чтобы завтра приступить к исключению всех алиментных дел. Эти дела мы упразднить не можем, так как мы еще не имеем средств, чтобы содержать всех детей за счет государства. Может быть, через вторую пятилетку эта возможность будет, но пока ее нет.

Каждый раз нужно перед собой ставить этот вопрос. Если мы в центре этого не понимаем, нам легче, потому что мы живем у самого источника этих указаний. Но и нам предоставлено самим решить самые трудные вопросы. Поэтому и для нас необходимо обсудить эти вопросы, как быть на этом этапе, что дальше делать. Мы пока от себя особых директив в этом деле диктовать не могли; наши объективные условия не таковы, чтобы мы могли диктовать широкие директивы, но все же нам не мешало бы больше предвидеть, чем мы предвидели. В этом наша самокритика имеет безусловно большую силу.

Вот что мы вынесли из этой школы последнего месяца: правильное диалектическое отношение к революции вообще и к данному моменту в особенности.

Что мы можем принять за тезис? Мое разъяснение по поводу первой статьи мне кажется ясным. Когда на месте возникает мнение о том, что тот или иной закон следует отменить, это ничего дурного не представляет и вреда не принесет, если пойдем по правильной линии. Вместе с тем комиссии придется поставить здесь в пленуме вопрос не только о том, как работать в будущем, но и о том, как уметь связаться ближе с местными судами, потому что местные органы юстиции получают более быструю сигнализацию о тех или других событиях, которые на местах назревают, чтобы не приходилось постановлять определения, как до сих пор обычно было, только о фактах, которые уже прошли.

Вот, в сущности, что я хотел сказать. Я не имел в виду делать доклад общего характера, мое скромное желание было сказать несколько слов по поводу моего отсутствия на работе, когда я был болен. Эти месяцы поставили чрезвычайно сложные вопросы. Вообще это очень сложная теоретическая тема, недостаточно разработанная практически, и невозможно было много о ней говорить. Поэтому я ограничился теми общими мыслями, совершенно случайными, которые возникли у меня по поводу последних событий. Основная мысль, как я уже сказал, сводится к вопросу о совместимости революции и революционной законности, а не о простом противопоставлении — революция или революционная законность.

События на местах выдвигают основной лозунг момента для нас: за революционную законность, за революционный закон. В этом отношении колебаний быть не должно.

(«Советская юстиция» 1930 г. № 7—8).

---

5. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ.

(Итоги и перспективы).

Перелом пережит. Новый этап революции, к которому мы со стихийной силою поднимались, в основном достигнут. Бурное движение введено в известной степени в рамки закона. Лозунг раскулачивания из «произвольных действий» превратился в законное постановление ЦИК'а Союза о ликвидации кулачества, как класса, в районах сплошной коллективизации. Этим законом диктатура пролетариата довела революцию до небывалой организованности, открывая свободный путь для постепенного дальнейшего расширения коллективизации деревни, но и не расширяя ее искусственно, напр., заменою революционных действий трудящихся — большинства батрацких, бедняцких и середняцких масс — против кулачества простым административным или «аппаратным» произволом, своеобразною бюрократическою левизною. Если не считать «детской болезни, левизны», и отчасти извинительной простой некультурности, аппаратные перегибы в значительной части являлись результатом лени карьериста (бессовестно сообщавшего лживые сведения о достигнутых бумажных результатах вместо кропотливой, нелегкой реальной агитационной работы), а то и последствием известного оттенка корыстной дележки экспроприированного имущества. Играло роль и узкомещанское понимание самой революции; вздумали, что раскулачивание является основным средством коллективизации, вместо того, чтобы учесть тот громадный поворот в революции, который в форме коллективизации должен в течение 1—2 лет дать больше продукции, чем составляет сумма чистой выручки отбираемых средств производства кулачества. Если же потребовалось вдобавок экономическое раскулачивание этого, в общем малокультурного остатка носителей капитализма, то в целях ликвидации злейшего врага революции в деревне и чтобы освободить из-под его экономического и идейного руководства середняков и бедняков, даже батраков. Кулак, лишенный его материальной базы, теряет качества кулака, как класса, и он остается еще кулаком лишь по своим взглядам или стремлениям стать снова кулаком и бешеным врагом из-за лишения его материальной базы; без этого он был бы даже совсем неопасным элементом. Самая жестокая борьба против него продолжается.

Мы можем ныне сказать, что волна перегибов влево приостановлена, но над результатами этих перегибов придется еще не мало поработать. Хотя мы в самокритике видим основные средства лечения всяких уклонов, но в данном случае остались существенные раны, требующие залечения, заглажения хотя бы вреда, поскольку неправильно нарушенное «прежнее состояние» восстановить далеко не всегда возможно. Нам, весьма серьезно ставящим вопрос об ответственности, одновременно приходится подумать и о предупреждениях от перегиба в обратную сторону, всегда, вспоминая о том, что правая опасность продолжает оставаться преобладающей, ибо направление и темпы движения в основном намечены правильно и ныне закреплены даже в законе (о пятилетнем промфинплане, о раскулачивании, не касаясь дальше нэп'а и т. д.). Мы можем уже в известной мере подвести итоги тому, что было. Но революция занимается меньше прошлым, чем будущим. Ее в первую очередь интересуют перспективы.

Тов. Сталин недавно напомнил о необходимости близкой связи теории и практики. Я уже указал в свою очередь в печати; что это специально должно относиться и к правовой практике. И в самом деле, в последнее время не только в судах и юстиции вообще пришлось заговорить особенно оживленно, но и по теории появились заметки, доклады, статьи по вопросам революционной законности. Мы знаем, что там и здесь открыто или скрыто

высказывались мысли о революционной законности, как о лишнем пережитке, но еще чаще так мыслилось. Действительно, надо ли еще доказывать, что это были уклоны и притом вредные уклоны, оправдывающие сознательные или бессознательные вредные перегибы. Об этих перегибах у нас уже говорилось и не о них я хочу сегодня беседовать.

Но как быть в будущем с самою революционною законностью? Куда мы идем? В сторону ли ее ослабления или ее усиления. Я определенно отвечаю: в сторону ее усиления. Я прошу не смешивать борьбу за законность просто с уголовною репрессией. Уголовная репрессия у нас скорее слишком сурова, чем ослаблена. Как у судебных практиков, так и у теоретиков вся уголовная репрессия часто сводится к политической борьбе против наших классовых врагов, при чем к классовым врагам подчас причисляются слишком широкие слои. Недаром бывали случаи, что, прежде чем зачислить в члены колхоза, поголовно и у середняков и бедняков производили обыски и выемки паев для колхоза. Это называлось школою для социализма. Набрасывались с особым интересом на сберегательные книжки, тайна которых гарантирована законом и гарантирована в интересах госкредита соввласти, т. е. социализма. Чему должно было служить такое нарушение законности? Укреплению ли революции? Тем, что приобрели несколько сот или даже тысяч рублей недоимок с риском терять миллионы на государственном кредите? Тем, что отпугнули, нарушением неприкосновенности личности или жилища, прямых классовых друзей (бедняков) или союзников (середняков)? Не говоря уже о том, что это, в лучшем случае, была глупость, но во всяком случае грубейшее, да притом бессмысленное нарушение революционной законности. Я иду в направлении к усилению борьбы за революционную законность в самом реальном смысле; не только за закон, как некоторый «символ» в лучшем случае «икону», но как настоящий, т. е. обязательный закон. Я даже не боюсь впасть в некоторое словесное противоречие с собственными прежними словами. Но эти изменения слов относятся к наступлению нового этапа.

Пред нами сейчас две задачи. Важнейшая из них — укрепить союз с бедняцко-середняцким крестьянством. Они, наши союзники, должны не только на словах, но и на деле чувствовать, что закон, написанный в их защиту, действительно «гласит», действительно будет соблюдаться. Не только в том смысле, как прежде говорилось: «зачем нам законы, коли у нас судьи знакомые?» Эту тягу к законности мы недавно наблюдали в деревне, когда там чуть ли не на вес золота покупались газеты с последними законами правительства и директивами партии, за которыми с небывалою у нас быстротою последовали и законы. Разве это лицемерие? Нет, мы лицемерить не умеем и требуем также от всех местных органов такое же искреннее отношение к этим революционным законам. Во-вторых, эти законы говорят и об известных гарантиях для спокойного осуществления нэп'а в дозволенных законом рамках, пока допущенная у нас буржуазия соблюдает возложенные на нее по нэп'у обязанности и границы. Партия и Правительство открыто заявили, что они в интересах населения еще нуждаются в рынке, и поэтому не могут допускать колебания его в интересах местного «рвачества» или скверно примененного комчванства. Надо положить в сторону «головокружительские» очки и читать закон так, как его читать надлежит всякому коммунисту и просто грамотному гражданину.

Что же изменилось? Изменился сам закон; он стал революционнее, он более приспособлен к революционному не только моменту, но и к движению. Ясно, что новейший революционный закон всегда изменяет или отменяет предыдущий. Потому и в будущем мы говорим не о слепом законнике, но зрячем революционере. В практике судов мы все еще слышим отголоски прошедшего с его, ныне осужденными, тенденциями.

Эти тенденции проявляются самым различным образом. С одной стороны, упрямые «перегибщики» надеются продолжением своей линии исправить или скрыть то, что было сделано, особенно обвиняя других «в правом уклоне». С другой стороны, замечается переход на противоположную крайность, вместо простого выполнения правильной линии. Там, где неправильное «революционное» раскулачивание отброшено, оно заменяется местами неправильным же судебным раскулачиванием намеченных ранее середняков и т. д. (классовое раскулачивание судом помимо или вопреки УК). Отмена судом законов о нэп'е, напр., судебное запрещение договоров, введение судебной муниципализации, судебной отмены закона о застройках, судебное законодательство по жилищным делам и т. д. и т. п. Или, как я уже сказал, перегиб в противоположную сторону. Для нас не так остро стоит вопрос о том, что было. Сованные ошибки всегда так или иначе исправимы и мы не столько должны думать о прошлом, сколько о будущем. А для ближайшего будущего мы требуем решительного поворота в сторону не старой формальной, а действительно революционной законности, предупреждая о серьезной ответственности за ее несоблюдение.

У нас в последнее время особенно часто слышны были разговоры о противопоставлении советскому закону партийной директивы. Нет ничего более неправильного, чем такое понимание. Если под партийною директивою членам Партии понимать центральные директивы, то это противопоставление закону совершенно неуместно. На местах же в подобном противопоставлении часто выражались основания местных «перегибов». Противопоставляют революционной законности еще «непосредственное воздействие», лишь бы оно не было по закону.

Это часто означает непонимание различия между буржуазной и революционной законностью; всякая законность в революционное время часто кажется правым уклоном, а отсюда происходят всякие уклоны в сторону анархических или просто экономических тенденций. Я в «Журнале сов. госуд. и рев. права» № 3 поместил краткую заметку, где я противопоставил лозунгу «революция или законность» лозунг «революция и революционная законность». В первом случае рассуждают так: там, где остановилась революция, вступает на ее место закрепляющая достижения революции революционная законность. Во втором случае такого противопоставления нет: революционная законность есть та же революция, только иными средствами. Как я уже показал в начале, это является доведением до небывалых размеров организованности революции. Не понимать этого, значит не понимать полностью самого значения диктатуры пролетариата. Пример — закон ЦИК Союза о раскулачивании и изданные в его развитие «органические» законы.

Закон у нас плохо написан, плохо редактируется, плохо проветривается. Верно! Откроем огонь по этой линии. Почему этого не делают ни наука, ни места? Голова закружилась от успехов, а там еще заниматься такими пустяками. Мы сейчас переживаем резкий поворот и в законодательной работе. Скорее на помощь! Но под лозунгами: Революционный закон, революционная законность.

(«Сов. юстиция», № 10—1930 г.).

К XVI ПАРТИЙНОМУ СЪЕЗДУ.

Мы пережили один из интереснейших и важнейших периодов нашей революции. С XIV конференции и Съезда через XV Съезд и XVI конференцию к XVI Съезду это — как бы правильно построенный ряд этапов, который в известной мере завершит именно XVI Съезд, оформляя этот ряд этапов и одновременно закрепляя еще более усиленное,

еще более напряженное движение революции вперед через все препятствия к окончательным, победоносным боям. В самом деле, бурное наступательное движение «по направлению к социализму» на базисе нэпа, которое началось и выразилось с XIV Съезда в небывалых и все усиливающихся размерах и темпах индустриализации, подводя «недостающий фундамент» под новое, социалистическое строительство, не могло не переброситься и в самые отсталые уголки деревни, создавая там нового типа крупное сельское хозяйство, в виде совхозов-гигантов, действительных зерновых и т. д. фабрик и равняющихся с ними коллективных крестьянских хозяйств. Оно дало ожесточенный классовый отпор кулацкому террору, перешло в решительное наступление на кулака и завершилось лозунгом «раскулачивания», т.-е. экономической, а вместе с тем и политической ликвидацией кулака как класса в районах сплошной коллективизации. Лозунг ликвидации кулачества, как руководящее начало для общественной самодеятельности бедняцко-середняцких масс, одновременно выступает в форме для всех обязательного закона, изданного ЦИК'ом Союза. Это — небывалая в истории степень организованности революции и классовой борьбы. «Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее — впредь до уничтожения классов — но, разумеется, в иной обстановке, в иной форме, иными средствами»[1]). «Диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а продолжение ее в иной форме, новыми орудиями»[2]). «Иными средствами», «новыми орудиями» — в том числе всесоюзным общеобязательным законом, поддержанным всей совокупностью государственной власти.

Гигантское движение вперед не было, однако, сплошным триумфальным шествием. Наряду с величайшими успехами приходится отмечать неудачи, вызванные искривлениями партийной линии. Шатания маловеров, правых оппортунистов, готовых на каждом шагу капитулировать перед кулаком, — вот основная опасность, которую наша партия преодолевала в упорной борьбе. Наряду с этим особенно угрожающие размеры приняли левые загибы, «головокружение от успехов». Этот уклон выражался в бесчисленном количестве перегибов, в погоне за высокими цифрами процента сплошной коллективизации, приводившей к голому административному нажиму на середняка, в попытках на основе местных директив и вопреки директивам центра незаметно одним декретом, или даже не декретом, а судебным разъяснением, за одно ликвидировать, «убить» нэп вообще. Но экономика — вещь очень упрямая: «забегала» расшибли себе голову. Это, конечно, для них наука полезная, если бы она не стоила так дорого делу социализма. Партии и Советской власти властною рукою пришлось исправить ошибки «забегал», отнюдь не провозглашая какого-либо отступления, а возвращаясь к действительным размерам директив.

Такова панорама развития внутренней жизни СССР и ее строительства, которая будет служить предметом обсуждения предстоящего Съезда. Каков будет в этих обсуждениях удельный вес вопросов, интересующих в особенности нас, т.-е. вопросов государства и права? После XIV и XV Съездов нашему журналу приходилось отмечать особое значение этих вопросов для нас, революционно борющихся за действительное, чуждое бюрократизма, советское строительство, за действительное революционно-марксистски построенное советское право. К предстоящему Съезду нам приходится снова подчеркнуть громадное значение советского государства и советского права в деле нашего социалистического строительства. В этом отношении еще нужна большая разъяснительная работа. Напомним,

---

[1]) Ленин, т. XV, с. 249.
[2]) Там же, т. XVIII, ч. I, с. 317.

что как раз указанное колхозное движение вызвало у многих сомнения в надобности советов в селе. Что же это означало, если не преждевременное провозглашение «отмирания» государства, а на деле ликвидаторское отношение к советскому государству? А революционная законность в глазах очень и очень широких кругов казалась уже не только пережитком, но определенно правым уклоном. Мы выходим из этого периода с сознанием роста задач как по советскому строительству, так и по советскому праву, а вместе с тем и по теории права и государства. Не знаю и сомневаюсь, будут ли все эти вопросы прямо поставлены на самом Съезде. На последних Съездах о них говорилось лишь вскользь и как о чисто практических вопросах без марксистского их углубления. Как бы то ни было, нам свои выводы придется сделать.

Диктатура пролетариата, конкретно — Советская власть, является необходимой предпосылкой социалистического строительства. «Посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса. .... Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма» (Ленин, т. XVIII, с. 144). Если у нас до сих пор сельсоветы часто были либо простыми «правлениями», либо находились на побегушках у земельных обществ, то мы ведь в последние годы делали неимоверные усилия, чтобы их оживить, превратить в действительные советы. Вместо того, чтобы продолжать эту работу, наши товарищи, по-«головотяпски», сразу строящие сельский коммунизм, объявили «отмирание» Советского государства пока на местах в лице сельсоветов. Уже ноябрьский пленум дал отпор этой тенденции. «Необходимо усилить руководящую роль советов по отношению к коллективам, повысить ответственность советов за колхозное строительство, ввести в систему отчетность колхозов перед советами, не допуская, однако, мелочной опеки и административного вмешательства в руководство коллективами». Значит, усиление, а не отмирание советов. Теперь мы как раз вплотную подошли к задаче «вовлечения всего населения в участие в управлении страной», ибо «социализм не может ввести партийное меньшинство. Его могут ввести только десятки миллионов, когда они научатся все делать сами» (Ленин). Мы как раз в последние годы провели целую революцию в этом направлении путем широчайшей выборной кампании.

Не менее значительна наша задача в центральном управлении. Если мы с самого начала революции отбросили буржуазную мысль о разделении государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную и вместо этого разделения стремились к единству «всей власти советам», то у нас впоследствии намечалось другое деление власти: на политическую и хозяйственную. Громадные успехи индустриализации выдвинули настолько хозяйственное управление, что хозяйственники как бы взяли верх над политиками. Наступает пора наибольшого сближения обеих этих властей в единую цепь взаимодействующих сил, что особенно видно было во время последних кампаний (хлебозаготовок, семенной, лесорубочной и т. д.). Эти опыты проходили иногда с явными признаками перегибов, но это уже ненормальности, подлежащие устранению. Но одновременно наметилось другое деление задач: государственной и общественной. Такие явления, как соцсоревнование, конечно, не имеют отношения к государственному принуждению и вообще к правовому, законодательному регулированию. Тут выступают новые задачи профсоюзов и т. д.

Далее сейчас происходит переустройство хозяйственных управлений, до сих пор бравших свои образцы из буржуазного опыта или из нашей советской бюрократической практики. Пора подумать о приравнении наших государственных аппаратов к новым хозяйственным управлениям, конечно, нисколько не колебля мощи сильной власти советов. Перед

нами, таким образом, необъятные задачи теоретической и практической разработки всех этих вопросов, разработки, которую мы должны вести, борясь против бюрократических традиций и тех, кто их защищает.

А право? Вместо ликвидации революционной законности мы из периода перегибов вышли с безусловным усилением лозунга революционной законности. Если эта тема была предметом партийных совещаний и прежде, то теперь она, как и все, ставится по-новому. Ленин и на этот случай дал свое указание для обеспечения ее успешности: «Ее можно завершить только, если сама народная масса помогает». Это то же «вовлечение миллионов поголовно в управление», но только в иной области, в иной форме.

Мы лозунг революционной законности только пополнили одною подробностью: требованием нового, революционного закона. В результате XV Съезда появился важный законодательный акт, выработанный по-новому: «Общесоюзные начала землеустройства и землепользования». Правда, события идут так быстро, что уже кое-что из этих «Начал» устарело, а выроботанный во исполнение их проект ЗК РСФСР уже успел устареть и переработан по-новому. Перед нами целый ряд проектов новых кодексов: УК, ГК, УПК. Предполагается разработка нового кодекса законов о труде, заново ставится трудово-исправительная проблема, необходима переработка кодекса о семье в части крестьянского двора. Ежедневно идет разработка спешных новых законов. Ведь это, действительно, целая революция права, — и объективно, поскольку эта работа вызвана революционными событиями, и субъективно, поскольку в ней призван участвовать и наш Институт. Но мы все же идем пока лишь в хвосте этого движения. Революционных сил еще слишком недостаточно, чтобы в этой борьбе «определить практику» (см. речь т. Сталина).

Скоро ли мы заставим партийных товарищей в целом прислушаться к мнению революционных марксистов в вопросах, в которых, поскольку дело идет о практической работе, у нас зачастую все еще прислушиваются к старым спецам. Я этого не берусь сказать. Но мы уверены, что это станет фактом в ближайшем будущем. В результате перегибов конкретно поставлена задача — поднять авторитет местных органов революционной законности. Поставим в связи с XVI Съездом лозунг: поднять авторитет революционной теории права, государства и советского строительства. Под этим знаком мы победим.

(«Сов. государство и рев. права» № 5—6, 1930 г.).

---

7. К XIII ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЯ.

С непоколебимой закономерностью продолжается Октябрьская революция. Но это движение уже неуместно сравнивать просто с волнами бушующего моря, проявляющими, конечно, несмотря на стихийность, также свою закономерность. Мы шагаем вперед по сознательно-целевому пятилетнему плану, основанному по познании реальных условий закономерностей социалистической революции, сознательно используя всю совокупность материальных и идейных средств, которые нам предоставляет Советская власть, и неизмеримые естественные богатства Советского Союза. Количественно мы догоняем и перегоняем все буржуазные государства на десятки лет, но количество превращается в новое качество, и мы делаем прыжок на сотни лет от самой отсталой страны к признанному пролетариатом всего мира социалистическому отечеству.

Этапы меняются с головокружительною быстротою. То, что происходит у нас, можно приравнять только к чудесам, какие раньше нам и не сни-

лись. Но наш рулевой, ленинский ЦК ВКП (б), верным глазом и твердой рукою ведет нас к нашей конечной цели—социализму. Темпы настолько ускорены, что мы можем сказать: один тринадцатый год стоит целого десятилетия нашей же революции. Что же дал нам XIII год революции?

Он дал гигантский рост индустриализации. Он дал реальный перелом всего уклада сельской жизни. Он внес новый момент в дисциплину рабочего класса: социалистическое соревнование. Он произвел решительный перелом в порядке управления советским государством выбросив промежуточный орган — округ — и вплотную придвинув власть к самой низшей сельской ячейке — в район.

Какие выводы из всего этого получаются для нас, теоретических и практических работников государства и права? Когда т. Сталин на конференции аграрников-марксистов упрекал теорию в том, что она не только не опережает практику, но и не поспевает за нею, он попал не в бровь, а прямо в глаз и нам, теоретикам государства и права. «Перегибы» от «головокружения» в начале XIII года были жестоким уроком для нас. Приказом о вступлении в колхозы заменить добровольный договор! Долой нэп и революционную законность! Долой сельский совет, всю власть новым колхозам или сельхозкоммунам. Вот каковы были модные лозунги первых месяцев XIII годы. Сама жизнь в противовес этим перегибам выдвинула на первое место лозунг революционной законности. На практике тут происходили перегибы в противоположную сторону, но лозунг революционной законности по существу продолжает стоять в порядке дня. Революционная законность, в широком смысле слова, обнимая и революционное законодательство и революционную кодификацию, представляет чрезвычайно важную работу, результаты которой пока совершенно недостаточны.

Известен интерес Ленина к вопросу о революционной законности. Он правда, считает необходимым сделать известную оговорку: «Повышение законности... научит бороться культурно за законность, ничуть не забывая границ законности в революции»[1]) (Тезисы т. XX ч. 2, с. 473). Так, исключительные действия ОГПУ против классовых врагов отнюдь не опровергают революционной законности. Кто этого не понимает, то не понимает диалектики революции. Но Ленин делает и другую оговорку: «Законов написано сколько угодно. Почему же нет успеха в этой борьбе. Потому, что нельзя ее делать одной пропагандой, а можно завершить только, если сама народная масса помогает» (Ленин, 17/X 1921 г.). Умели ли мы вовлечь массы в эту работу? Мы и попыток к этому не сделали, а ограничились двумя-тремя речами, докладами, статьями. Вся эта работа впереди.

Грандиозное колхозное движение ставит вопрос о новой правовой структуре для всей деревни. Давно ли были изданы «Основные начала землепользования и землеустройства»? Но не успел выработанный на их основе проект Земельного кодекса дойти до ВЦИК'а, как он оказался уже в корне устаревшим, и пришлось вырабатывать новый проект, также не получивший еще утверждения. Успели ли мы принять надлежащее участие в выработке этого важнейшего законопроекта? Нет, мы попали только к рассмотрению уже готового проекта кодекса. Но ведь это только часть отношений, подлежащих коренному пересмотру. Наступает время снять средневековые правовые оковы с крестьянской семьи-двора, не говоря уже о коренной ломке государственной жизни деревни, о которой будет речь ниже. Конечно, эти вопросы являются в первую очередь экономическими и социальными. Но где еще так тесно связаны экономика и право, как не в этих отношениях крестьянской семьи-двора, где наряду с новым еще сохранились пережитки докапиталистического уклада.

---

[1]) Разрядка всюду моя — П. С.

Неслыханные темпы индустриализации поставили по-новому вопрос о трудовой дисциплине. Как во все переходные эпохи, так и у нас, особенно когда миллионы новых трудящихся переходят на работу в город, на работу в промышленность, трудовая дисциплина несколько расшатывается. Дисциплина из-под палки или из-за голода отпала; новая же хотя и завоевывает все большее место, еще не стала общим явлением. Революционные трудящиеся массы — не готовый часовой механизм, а сложнейшее общественное явление. Самодеятельностью масс ленинский лозунг — социалистическое соревнование — претворился в действительность. Этот лозунг застает врасплох наше профсоюзное движение с его традициями борьбы в буржуазном мире. Он находит неподготовленным и трудовое право. Громаднейшие изменения в трудовых отношениях проходят без участия теоретиков трудового права. Допустимо ли это?

Но самым знаменательным для истекшего года фактом остается упразднение округов. Надо сознаться, что это событие произошло для многих несколько неожиданно. Давно ли проходило районирование с образованием округа, как решающего местного центра? Теоретически эта последняя мысль и тогда не встретила возражений. Так же, как теория не предвидела гигантского колхозного движения, которое одним шагом изменило всю революционную перспективу. Перенесение местного партийного и советского центра в район не только не было проработано, но и не намечено теорией. Вопрос первоначально был выдвинут скорее по практическим, а именно финансовым соображениям, но ускорили и в конечном счете определили этот шаг экономически-социальные события, широко развернувшаяся коллективизация сельского хозяйства.

А между тем это развитие нашей государственности прямо вытекает из учения Маркса и Ленина. В «Гражданской войне 1871 г.» Маркс, говоря о предполагаемом устройстве Франции, как об объединении местных коммун, указывал, что в действительности коммунальный строй привел бы сельских производителей (крестьян) под духовную гегемонию главных городов района и обеспечил бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов. К тому положению нас значительно приблизило сплошное районирование Союза. Но одновременно наша совхозная и колхозная система нас передвинула еще на шаг дальше а именно — ближе к вовлечению в управление всех трудящихся, к этому основному требованию Ленина по отношению к пролетарскому государству.

XIII год революции, как одновременно второй год пятилетки, ставит и перед нами вопрос о плановости. Мы знаем, что первоначальные «планы» к концу пятилетки чисто механически увеличили госаппарат, число советских служащих, число судов и осужденных, число законов и т. д., и т. п. Конечно, такие планы социалистического строительства были несерьезными, если не прямо вредительскими. В цифровом, количественном отношении все эти аттрибуты государства должны уменьшаться обратно-пропорционально успехам нашей пятилетки. Но ясный ответ на этот вопрос, если и не в цифрах, надо дать; перспективу отражения (если не больше) пятилетки в области государства и права необходимо наметить. Первые головокружительные успехи у нас вызвали усиленные мечты о немедленном отмирании не только права, но и государства (см. судебные «разъяснения» о гибели нэпа, планы ликвидации сельсоветов и т. д.). Если планы ликвидации государства были легко пресечены, то в вопросе об отмирании права мы еще далеки от полной ясности. Сплошное бегство от правовой работы, притом бегство в экономисты, этот своеобразный «экономизм», служит ярким показателем недостаточной проработки вопросов. XIII год выдвинул проблемы, но сами проблемы еще даже не поставлены.

Перед нами стоят громадные задачи, а количественно мы, революционно-марксистски мыслящие работники по теории государства и особенно права,

пока лишь — «капля в море». На нас еще заметны все отпечатки сектантского периода, и слияние двух институтов еще не привело к подлинной широкой массовой работе. Отсутствие широких перспектив с учетом значения пятилетнего, а затем и генерального плана и для нашей работы — нас еще приковывает к сравнительно мелкой, книжной работе.

Индустриализация идет гигантскими темпами; для нас нет сомнения, что эти темпы ее развития еще увеличатся, что рост ее все более будет принимать лавинообразную форму. Но и по поводу этого роста т. Сталин на XVI Съезде напомнил увлекающимся, что «нельзя смешивать темп развития с уровнем развития». Еще в гораздо большей степени это относится к идеологическому фронту, а мы находимся на этом фронте. И если в вопросах о государстве нам наш великий вождь Ленин оставил уже готовую работу, которую остается лишь освоить и к которой мы по существу ничего не прибавили, то в области права перед нами еще целое «юридическое мировоззрение», которое не только не преодолено, но в необходимости классовой борьбы против которого еще далеко не все уверены. Каково, в самом деле, будет государство к концу пятилетки? Будет ли это уже моментом, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их сами научатся управлять государством, сами возьмут это дело в свои руки? Нет, еще не будет. Правда, намечается громаднейший сдвиг в культурном отношении, когда, напр., десятки и сотни тысяч рабочих от станка, крестьян от сохи (или трактора!) в течение 2—3 лет должны стать учеными специалистами, но все же еще довольно долго управление государством будет продолжаться, говоря словами Ленина, «для народа“, а не «через народ». Вовлечение в управление всех трудящихся — дело медленное. В 1923 г. ведь Ленин буквально писал: «Мы теперь получили довольно редкий в истории случай устанавливать сроки, необходимые для производства коренных социальных изменений, и мы ясно видим теперь, что можно сделать в пять лет и для чего нужны гораздо большие сроки» [1]).

Во всяком случае, к концу пятилетки наше пролетарское государство отнюдь еще не будет отмирающим государством, а государством более сильным, чем когда-либо, и, надеемся, непобедимым, ибо социализм победил лишь в $^1/_6$ части мира, а с остальным миром нам предстоит «последний решающий бой». И если ленинская теория государства не оставляет сомнений относительно направления этого развития, то сама техника сознательного проведения этого развития еще представляет собою далеко не решенные проблемы. Мы вскоре идем на первые выборы в обновленной стране с ее гигантами промышленности и особенно сельского хозяйства, но одновременно с величайшими задачами, возлагаемыми на сельсоветы и вместе с тем на районные центры в их новой роли. А выборы ведь являются лишь одним из революционных средств вовлечения широких масс в управление государством.

Наступает время не только подражания сельсоветов работе горсоветов, но и соцсоревнования сельсоветов и горсоветов, а там настанет и новая задача: сближения и уравнения города и деревни. И если еще в XIII году нашей основной задачей было снабдить деревню руководящим элементом из городских рабочих (напр. 25 тыс. рабочих, шефство городских фабрик и горсоветов над колхозами), то далек ли момент обратного явления: делегации совхозов и колхозов на контроль городского производства, в качестве и количестве которого столь заинтересован именно сельский трудящийся потребитель? Ведь все это должно отразиться и на нашем государственном строе; учесть это заблаговре-

[1]) Разрядка моя — П. С.

менно и поставить сознательно это движение на правильные рельсы является важнейшей задачей наших теоретиков.

Значительно сложнее обстоит вопрос о праве. Основным мотивом для трактовки вопросов права у нас остается мотив похоронного марша. А между тем о революционной роли права мы говорим давно и совсем недавно имели блестящий пример революционного закона: декрет ВЦИК о раскулачивании. Но в то же время перед нами груды законов, отнюдь не революционных, особенно по форме. Оставить ли все это на произвол старых «юристов»? А это ведь только часть вопроса. Теория должно итти дальше и выработать новые формы, чтобы к концу пятилетки иметь перед собою нечто новое и в этой области.

Мне кажется, нет надобности повторять слова Ленина о длительности перерождения человека, о продолжительности существования права впредь до самого коммунизма. А у нас дело обстоит еще сложнее, у нас еще продолжается нэп, и даже когда нэп у нас уже будет объявлен ненужным (см. слова т. Сталина), то и тогда еще будет продолжаться существование права и даже гражданского права, ибо мы еще находимся в капиталистическом окружении. А если работники права бегут от этой работы, то они забывают, что мы делаем не только революцию «российскую», но и мировую. Наша работа по теории и практике права и государства означает прохождение этого этапа и для пролетариата всего мира.

Вот те мысли, на какие наводит нас приближающаяся XIII годовщина величайшей в истории человечества революции. Наша работа не менее, если не более, революционна, чем работа прочих работников на идеологическом фронте, но наша задача — произвести перелом в идеологии права — труднейшая из всех, ибо тут перед нами «последняя крепость» буржуазного мира. Мы еще не сумели убедить в этом не только массы своих товарищей, но отчасти и самих себя. XIII год — великий год перелома; он должен произвести перелом и у нас. Только расширив наши перспективы, шире поставив свои задачи в связи с победоносным шествием в основных областях пятилетки, мы достойно встретим XIII Годовщину Октября и на нашем фронте.

К РАЗДЕЛУ II [1]).

НИЗВЕРЖЕНИЕ ПРАВА.

„... Pereat justitia, fiat mundus“.
Да гибнет право, да возродится
мир (свет [2]). (Поэт Райнис).

Кадетская «Речь», описывая исторический момент закрытия Правительствующего сената, сообщила, что назначенный Петроградским советом комиссар в пустых залах сената вместо сенаторов застал только многочисленных курьеров и, сев сам в кресло первоприсутствующего, приглашение к курьерам занять прочие сенаторские кресла закончил словами: «Товарищи, до сих пор в этих креслах сидели г.г. сенаторы, а вы стояли около дверей, теперь вы будете сидеть в этих креслах, а пусть около или по ту сторону дверей топчутся г.г. сенаторы». Конечно, эти слова, цитируемые мною на память, являются выдумкою и едкою ирониею в устах репортера, но они замечательно метко изображают суть всей пролетарской революции. И то был кадетский присяжный поверенный, который опять-таки с целью зло насмехаться над нашим народным судом изобразил весь ноябрьский судебный переворот лаконическою фразою: место мирового судьи и двух заседателей заняли трое рабочих — это все. Да, за судейским столом рабочий класс заменил буржуазию и не только за судейским столом, но и во всех органах власти. И это все! Да, шуты и дети говорят горькую правду.

Два года пролетарской революции за нами, и нам ныне даже непонятна та робость, какую тогда вдруг смелые наши товарищи почувствовали пред бутафорным престолом буржуазной Фемиды. Декрет о национализации всемогущего банковского капитала прошел легче, чем декрет о суде № 1. А декрет о суде № 1 являлся только первым актом низвержения буржуазного права.

И когда за нами поднимается пролетариат прочего мира, то одно для него будет незыблемо, что от старого правового строя к диктатуре пролетариата ведет только одна дорога: чрез народный суд. Чрез народный суд, который судит не по писанному закону свергнутого буржуазного строя, но только по декретам революцинной власти и по социалистическому правосознанию самих судей — рабочих.

Нам говорят, что и ныне, через 2 года после Октябрьской революции, у нас еще нет своего писанного пролетарского права. Мы могли бы упокоительно ответить, что и Великая французская революция лишь чрез 15 лет, да, уже в момент победы контрреволюции, получила свой памятник нового, буржуазного права «Code civil». Но мы откровенны, как всегда, и прямо заявляем: у нас и не будет никогда такого писанного пролетарского кодекса. А если мы говорим о пролетарском праве, то только как о праве переходного момента.

---

[1]) Эту статью нашли, когда книга была уже набрана.

[2]) Революционный поэт переставил знаменитую фразу: «да будет право (по закону), хотя бы рухнул мир».

Наше бесспорное завоевание в революции права — это ясное представление о том, что такое право и что такое суд вообще. «Право это система или порядок общественных отношений, соответствующие интересам господствующего класса и охраняемые организованною силою». Значит, не будет классов и не будет классовой организации — государства, и не будет более права, не будет более суда.

За декретом о суде в правовой области последовали удар за ударом. Декрет о гражданском браке и о свободном разводе разрушил одним размахом пера и церковный брак и гражданскую проституцию. Так пала первая, священная глава гражданского кодекса старого строя. Кодекс труда, декреты о социализации земли и национализации промышленности и торговли, об отмене права наследования и т. д. и т. д. разорвали остальные страницы этого кодекса. А гражданское право, ведь, — та часть любого свода законов, которую буржуазия ставит выше евангелия. Не даром такие свободолюбивые профессора, как Менгер, надеялись из этого гражданского права выкроить своего рода «социалистический» строй. Буржуазный юрист им надеялся победить пролетарскую революцию. Случилось наоборот: с первого удара коммунистической революции пал буржуазный юрист и буржуазное право.

Но будем справедливы: не без помощи самого буржуазного юриста. Вы помните, что все судебное ведомство, от секретаря суда до сенатора, от пристава до адвоката нам объявили забастовку. Я неоднократно благодарил их за этот их шаг: они спасли нашу революцию права. Ныне мы свободны от этих деятелей и без зависти смотрим на те ведомства, в дебрях которых эти «жрецы правды и справедливости» подпольно продолжают свою борьбу за буржуазное право.

П. Стучка.

(Напечатана в конце 1919 г.).

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ДЕКРЕТ О СУДЕ.

Совет народных комиссаров постановляет:

1) Упразднить доныне существующие общие судебные установления, как-то: окружные суды, судебные палаты и правительствующий сенат со всеми департаментами, военные и морские суды всех наименований, а также коммерческие суды, заменяя все эти установления судами, образуемыми на основании демократических выборов.

О порядке дальнейшего направления и движения неоконченных дел будет издан особый декрет.

Течение всех сроков приостанавливается, считая с 25 октября с. г. впредь до особого декрета.

2) Приостановить действие существующего доныне института мировых судей, заменяя мировых судей, избираемых доныне непрямыми выборами, местными судами в лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам очередных судей. Местные судьи избираются впредь на основании прямых демократических выборов, а до назначения таковых выборов временно — районными и волостными, а где таковых нет — уездными, городскими и губернскими советами раб., солд. и кр. депутатов.

Этими же советами составляются списки очередных заседателей и определяется очередь их явки на сессию.

Прежние мировые судьи не лишаются права, при изъявлении ими на то согласия, быть избранными в местные судьи как временно советами, так и окончательно на демократических выборах.

Местные суды решают все гражданские дела ценою до 3.000 рублей и уголовные дела, если обвиняемому угрожает наказание не свыше 2 лет лишения свободы и если гражданский иск не превышает 3.000 рублей. Приговоры и решения местных судов окончательны и обжалованию в апелляционном порядке не подлежат. По делам, по коим присуждено денежное взыскание свыше 100 рублей или лишение свободы свыше 7 дней, допускается просьба о кассации. Кассационной инстанцией является уездный, а в столицах — столичный съезд местных судей.

Для разрешения уголовных дел на фронтах местные суды тем же порядком избираются полковыми советами, а где их нет—полковыми комитетами.

О судопроизводстве по прочим судебным делам будет издан особый декрет.

3) Упразднить доныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры.

Впредь до преобразования всего порядка судопроизводства предварительное следствие по уголовным делам возлагается на местных судей единолично, при чем постановления их о личном задержании и о предании суду должны быть подтверждены постановлением всего местного суда.

В роли же обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам — поверенными допу-

скаются все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами.

4) Для принятия и дальнейшего направления дел и производств как судебных установлений, так и членов предварительного следствия и прокурорского надзора, а равно и советов присяжных поверенных, соответствующие местные советы Р. С. и Кр. Депутатов избирают особых комиссаров, которые принимают в свое ведение архив и имущества этих учреждений.

Всем низшим и канцелярским чинам упраздняемых учреждений предписывается оставаться на своих местах и под общим руководством комиссаров исполнять все необходимые работы по направлению неоконченных дел, а равно и давать в назначенные дни заинтересованным лицам справки о положении их дел.

5) Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию.

Примечание. Отмененными признаются все законы, противоречащие декретам ЦИК советов р., с. и кр. депутатов и Рабочего и Крестьянского Правительства, а также программам-минумум Р. С.-Д. Р. партии и партии С.-Р.

6) По всем спорным гражданским, а также и частно-уголовным делам стороны могут обращаться к третейскому суду. Порядок третейского суда будет определен особым декретом.

7) Право помилования и восстановления в правах лиц, осужденных по уголовным делам, впредь принадлежит судебной власти.

8) Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограничения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и пр. лиц, учреждаются рабочие и крестьянские революционные трибуналы, в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими советами р., с. и кр. депутатов.

Для производства же по этим делам предварительного следствия при тех же советах образуются особые следственные комиссии.

Все следственные комиссии, доныне существовавшие, отменяются с передачей их дел и производств во вновь организуемые при советах следственные комиссии.

Предс. Сов. нар. ком. В. Ульянов (Ленин).

Комиссары: А. Шлихтер, Л. Троцкий, А. Шляпников, I. Джугашвили (Сталин), Н. Авилов (Н. Глебов) и П. Стучка.

Распубликован в № 17 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 24 ноября 1917 г.

(Собр. узаконений и распоряж. Раб.-крест. пр-ва № 4—1917 г.).

Циркулярно.

Мая 24 дня 1918 г. № 3770.

ОТ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЮСТИЦИИ.

Отдел карательный (тюремный).

Местным комиссарам юстиции.

Главное управление местами заключения переименовано в Карательный отдел Народного комиссариата юстиции. Одновременно и на местах упраздняется прежняя тюремная инспекция, и ее функции переходят к особым органам местных комиссаров юстиции.

Конечно, мы не имели в виду одного только изменения названий. Наша цель — перелом не только во всей сстеме управления местами заключения, но и в самой постановке отбывания наказания. И ясно, что такой перелом возможен только при теснейшем сотрудничестве центральных и местных органов.

Мы, прежде всего, должны создать вместо старого, безжизненного аппарата на местах, новый, жизнеспособный. И в этом отношении мы предлагаем, как нормальную местную организацию, пока губернскую, и в этих целях предлагаем включить в губернский комиссариат юстиции особого заведующего карательным отделом на месте. Но, давая средства на это учреждение из центра, мы желаем осуществлять и свои права центрального управления, оставляя за собой право отвода выдвинутых на местах заведующих этим отделом, или же право их утверждения. В этом отношении мы приглашаем т.т. губернских комиссаров юстиции сообщить нам немедленно фамилии выдвинутых ими на этот пост ответственных лиц [1]).

Важной задачей является в нашем ведомстве организация общественных работ заключенных, всех без исключения, кроме неспособных к труду. Трудовая жизнь обязательна для тюрьмы, но не по прежней системе.

Необходимо иметь в виду, что труд лишенных свободы не должен конкурировать с трудом свободных, почему план их работ должен быть одобрен рабочими организациями или советом народного хозяйства. Сейчас в России об абсолютной безработице речи быть не может, но только о профессиональной безработице, почему с этой стороны препятствий для превращения лишения свободы в обязательные работы нет. Мы одновременно объявляем, что Рабоче-крестьянское Правительство признает законоположения и распоряжения прежних властей, ставящие в этом отношении препятствия, отмененными революцией и необязательными. Лишение свободы, соединенное с общественной работой, может осуществляться как в сельскохозяйственных поселках или колониях, так и в закрытых местах заключения, или при добывании разного сырья (топлива, металлов и т. д.), в огородах и т. д. [2]).

Все доходы поступают в государственную кассу и участие в прибыли с этих работ, в какой бы то ни было форме, администрации или стражи — отменяется.

А так как и лишенные свободы должны существовать на свой труд и получать на руки только то, что остается сверх расходов по содержанию, то заключенных, где только возможно, необходимо привлечь к самоконтролю и самонаблюдению в целях сокращения расходов на стражу и конвой, применяя при явке в судебные заседания и при передвижениях систему свободного передвижения, если заключенным будут даны залог, поручительство или другие гарантии явки к сроку.

Ожидая немедленно сообщений об осуществлении наших предложений в ближайшем будущем, мы к созываемому на 1-е июля с. г. Всероссийскому съезду губернских комиссаров юстиции ждем подробных письменных докладов с мест.

Немедленно мы предлагаем сообщит по-губернские точные счетные предположения на период с 1 июля 1918 г. по 1 июля 1919 г., так как до

---

[1]) Дальше идут потерявшие интерес указания технико-организационного характера.

[2]) Я обращаю внимание, что к серьезному выполнению этого задания мы серьезно приступаем лишь ныне. **П. Ст.**

1 июля с. г. уже должна быть утверждена новая смета, а 10 июня истекает срок ее представления в Совет народных комиссаров.

Народный комиссар юстиции и заведующий Карательным отделом Комиссариата П. Стучка.

(«Пролетарская революция и право» № 1 — 1 августа 1918 г.).

---

3. ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЮСТИЦИИ.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР.

Введение.

Пролетариат, завоевавший в Октябрьскую революцию власть, сломал буржуазный государственный аппарат, служивший целям угнетения рабочих масс, со всеми его органами, армией, полицией, судом и церковью. Само собою разумеется, что та же участь постигла и все кодексы буржуазных законов, все буржуазное право, как систему норм (правил формул), организованной силой поддерживавших равновесие интересов общественных классов в угоду господствующим классам (буржуазии и помещиков). Как пролетариат не мог просто приспособить готовую буржуазную государственную машину для своих целей, а должен был, превратив ее в обломки, создать свой государственный аппарат, так не мог он приспособить для своих целей и буржуазные кодексы пережитой эпохи и должен был сдать их в архив истории. Без особых правил, без кодексов, вооруженный народ справлялся и справляется со своими угнетателями. В процессе борьбы со своими классовыми врагами пролетариат применяет те или другие меры насилия, но применяет их на первых порах без особой системы, от случая к случаю, неорганизованно. Опыт борьбы, однако, приучает его к мерам общим, приводит к системе, рождает новое право. Почти два года этой борьбы дают уже возможность подвести итоги конкретному проявлению пролетарского права, сделать из него выводы и необходимые обобщения. В интересах экономии сил, согласования и централизации разрозненных действий, пролетариат должен выработать правила обуздания своих классовых врагов, создать метод борьбы со своими врагами и научиться им владеть. И прежде всего это должно относиться к уголовному праву, которое имеет своей задачей борьбу с нарушителями складывающихся новых условий общежития в переходный период диктатуры пролетариата. Только окончательно сломив сопротивление повергнутых буржуазных и промежуточных классов и осуществив коммунистический строй, пролетариат уничтожит и государство, как организацию насилия, и право, как функцию государства. Этой задаче, задаче помочь органам советской юстиции выполнить свою историческую миссию в области борьбы с классовыми противниками пролетариата, идет навстречу Народный комиссариат юстиции, издавая настоящие руководящие начала по уголовному праву РСФСР.

1. Об уголовном праве.

1) Право — это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой.

2) Уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессий (наказания).

3) Советское уголовное право имеет задачей — посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую

интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата.

II. Об уголовном правосудии.

4) Советское уголовное право в РСФСР осуществляется органами советского правосудия (народным судом и революционным трибуналом).

5) *Преступление* — есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом.

6) Преступление, как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками).

7) Наказание — это те меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников).

8) Задача наказания — охрана общественного порядка от совершившего преступление или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других лиц.

9) Обезопасить общественный порядок от будущих преступных действий лица, уже совершившего преступление, можно или приспособлением его к данному общественному порядку или, если он не поддается приспособлению, изоляцией его, и, в исключительных случаях, физическим уничтожением его.

10) При выборе наказания следует иметь в виду, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник. Поэтому наказание не есть возмездие за «вину», не есть искупление вины. Являясь *мерой оборонительной*, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий.

11) При определении *меры воздействия* на совершившего преступление, суд оценивает *степень и характер* (свойство) *опасности для общежития* как самого *преступника*, так и совершенного им *деяния*. В этих целях суд, во-первых, не ограничиваясь изучением всей обстановки совершенного преступления, выясняет личность преступника, поскольку таковая выявилась в учиненном им деянии и его мотивах и поскольку возможно уяснить ее на основании образа его жизни и прошлого, во-вторых, устанавливает, насколько само деяние в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности.

12) При определении *меры наказания* в каждом отдельном случае следует различать: а) совершено ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу, — с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности, или неимущим, в состоянии голода или нужды; б) совершено ли деяние в интересах восстановления власти угнетающего класса, или в интересах личных совершающего деяние; в) совершено ли деяние в сознании причиненного вреда, или по невежеству и несознательности, г) совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом), или первичным, д) совершено ли деяние группой, шайкой, бандой или одним лицом, е) совершено ли против личности, или против имущества, з) обнаружены ли совершающим деяние заранее обдуманное намерение, жестокость, злоба, коварство, хитрость или деяние совершено в состоянии запальчивости, по легкомыслию и небрежности.

13) Несовершеннолетние до 14 лет не подлежат суду и наказанию. К ним применяются лишь воспитательные меры (приспособления). Такие же меры применяются в отношении лиц переходного возраста 14—18 лет, действующих без разумения.

14) Суду и наказанию не подлежат лица, совершившие деяние в состоянии душевной болезни или вообще в таком состоянии, когда совершившие его не отдавали себе отчета в своих действиях, а равно и те, кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия, но к моменту приведения приговора в исполнение страдает душевной болезнью. К таковым лицам применяются лишь лечебные меры и меры предосторожности.

15) Не применяется наказание к совершившему насилие над личностью нападающего, если это насилие в данных условиях необходимым средством отражения нападения, или средством защиты от насилия над его или других личностью, и если совершенное насилие не превышает меры необходимой обороны.

16) С исчезновением условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасными для данного строя, совершивший его не подвергается наказанию.

VI. Виды наказания.

25) В соответствии с задачей ограждения порядка общественного строя от нарушения, с одной стороны, и с необходимостью наибольшего сокращения личных страданий преступника, — с другой, наказание должно разнообразиться в зависимости от особенностей каждого отдельного случая и от личности преступника.

Примерные виды наказания:

а) внушение,

б) выражение общественного порицания,

в) принуждение к действию, не представляющему физического лишения (напр., пройти известный курс обучения),

г) объявление под бойкотом,

д) исключение из объединения на время или навсегда,

е) восстановление, а при невозможности его, возмещение причиненного ущерба,

ж) отрешение от должности,

з) воспрещение занимать ту или другую должность, или исполнять ту или другую работу,

и) конфискация всего или части имущества,

к) лишение политических прав,

л) объявление врагом революции или народа,

м) принудительные работы без помещения в места лишения свободы,

н) лишение свободы на определенный срок или на неопределенный срок до наступления известного события,

о) объявление вне закона,

п) расстрел,

р) сочетание вышеназванных видов наказания.

Примечание. Народные суды не применяют смертной казни.

VII. Об условном осуждении.

26) Когда преступление, по которому судом определено наказание, в виде заключения под стражу, совершенно осужденным: 1) впервые и притом, 2) при исключительно тяжелом стечении обстоятельств его жизни, 3) когда опасность осужденного для общежития не требует немедленной изоляции его, — суд может применять к нему условное осуждение, т. е. постановить о неприведении обвинительного приговора в исполнение до совершения осужденным тождественного или однородного с совершенным деяния. При повторении такого деяния, условное осуждение теряет характер условного и первоначальный приговор немедленно приводится в исполнение.

Заместитель Народного комиссара юстиции — **П. Стучка.**

(«Собр. узак. и распоряжен. Раб. и Кр. Правительства» 1919 г. № 66).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

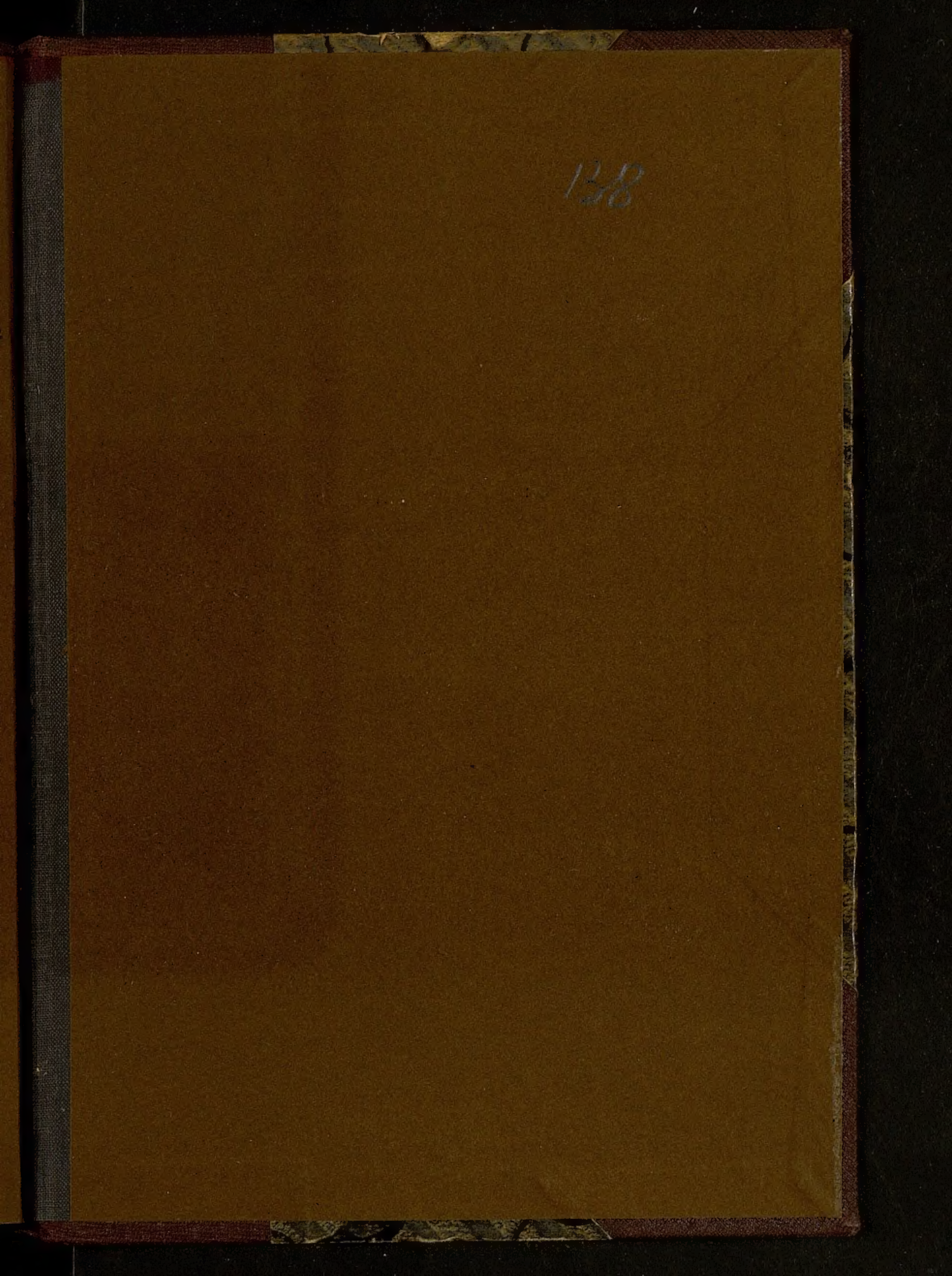
VII.

ВПЕРЕД С ЛОЗУНГОМ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЗАКОН — РЕВОЛЮЦ. ЗАКОННОСТЬ.

К РАЗДЕЛУ II.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Цена 1 р. 50 к.

138

